

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Передовая — Программа великих работ	1
Кольман Э. — «Массовое порождение коммунистического сознания» и естественные науки	10
✓ Бобровников Н. — В. И. Ленин о перевоспитании масс в ходе соцстроительства	19
На философском фронте Украины	46
Перельман Ф. — Философия германского фашизма	65
Егоршин В. — Об идеализме и формализме в современной механике	86
✓ Карлик Л. — О некоторых идеалистических течениях в современной патологии.	108
Путинцев Ф. — Сектанты и колхозное строительство	147

БИБЛИОГРАФИЯ

✓ Бригада ИКП Ф — Рецензия на учебник «Диалектический и исторический материализм»	177
Климовицкий, Сазыкин, Канашенок — Рецензия на хрестоматию «Маркс, Энгельс, Ленин и биология».	189
И. Белинский — Рецензия на кн. Брауна «Коммунизм и христианство»	200

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

✓ Рожицин В. «Без самокритики»	204
--	-----

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1934 г.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая. — Программа великих работ (1). Кольман Э. — «Массовое порождение коммунистического сознания» и естественные науки (10). Бобровников Н. — В. И. Ленин о перевоспитании масс в ходе социализма (19). На философском фронте Украины (46). Перельман Ф. — Философия германского фашизма (65). Ефремов В. — Об идеализме и формализме в современной механике (86). Карл Л. — О некоторых идеалистических течениях в современной патологии (106). Лутищев Ф. — Сектанты и колхозное строительство (147). БИБЛИОГРАФИЯ. Бригада ИКПФ. — Рецензия на учебник «Диалектический и исторический материализм» (177). Климовицкий, Сазыкин, Канашенок. — Рецензия на хрестоматию «Маркс, Энгельс, Ленин о биологии» (189). И. Белинский. — Рецензия на книгу Бруна «Коммунизм и христианство» (200). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. Рождин В. — «Без самокритики» (204).

Программа великих работ

Каждый съезд в истории нашей партии представляет важную историческую вежу. Так, XIV партийный съезд был съездом социалистической индустриализации нашей страны. XV съезд партии был съездом коллективизации сельского хозяйства и превращения нашей страны из страны с мелким и мельчайшим индивидуальным крестьянским хозяйством в страну передового механизированного и машинизированного крупного коллективного сельского хозяйства. XVI съезд нашей партии был съездом развернутого наступления социализма по всему фронту, съездом построения фундамента социалистической экономики.

XVII съезд нашей партии, как уже справедливо отмечалось и в выступлениях на съезде и в нашей печати, войдет в историю мировой борьбы пролетариата как съезд победителей. XVII съезд партии имеет исключительное значение в истории нашей партии, он представляет собой крупнейшую историческую вежу. Он подвел итоги нашей борьбы, нашего строительства, нашей работы не только за время с XVI съезда партии, но и за весь отрезок времени со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Еще в 1924 г. в своем приветствии рабочим завода «Динамо» т. Сталин с гениальной прозорливостью определил перспективы и конкретные пути дальнейшего развития нашей революции, конкретные пути победы. Тов. Сталин писал рабочим завода «Динамо»: «Желаю рабочим «Динамо», как и рабочим всей России, чтобы порывы промышленности пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20—30 млн., чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне спалили окончательно пролетариев фабрики и тружеников земли в одну социалистическую армию» (запись в Красной книге завода «Динамо» от 7 ноября 1924 г.).

10 лет назад этими словами т. Сталин сформулировал основы ленинской генеральной линии партии, основы наших блестящих побед, перспективы социалистического строительства. И сейчас, в результате выполнения первой пятилетки и успешного выполнения первого года второй пятилетки, эти сформулированные еще 10 лет назад гениальные положения получили

свое конкретное, жизненное воплощение. На гигантском историческом опыте огромной страны, охватывающей $\frac{1}{6}$ часть земного шара, доказана правда ленинского учения о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, доказаны не только разрушительная по отношению к капиталистическому строю сила рабочего класса, но и его огромная творческая мощь, его огромные творческие силы.

В своей статье, напечатанной в «Правде» 7 ноября 1927 г., т. Сталин писал: «Несомненные успехи социализма в СССР на фронте строительства наглядно показали, что пролетариат может с успехом управлять страной без буржуазии и против буржуазии, что он может с успехом строить промышленность без буржуазии и против буржуазии, что он может с успехом руководить всем народным хозяйством без и против буржуазии, что он может с успехом строить социализм несмотря на капиталистическое окружение. Старая «теория» о том, что эксплуатируемые не могут обойтись без эксплуатирующих так же, как голова и прочие части тела не могут обойтись без желудка, не есть достояние только лишь известного сенатора древней римской истории Менения Агриппы. Эта «теория» является теперь краеугольным камнем политической «философии» социал-демократии вообще, с.-д. политики коалиции с империалистической буржуазией—в особенности. Эта «теория», приобретшая характер предрассудка, представляет теперь одну из самых серьезных преград на пути к революционизированию пролетариата капиталистических стран. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой лживой «теории» смертельный удар».

Величайшее значение XVII съезда партии как съезда победителей состоит в том, что он демонстрирует перед трудящимися массами всего мира огромные производительные и творческие возможности рабочего класса. Он демонстрирует перед рабочим классом и крестьянскими массами империалистических государств, метрополий и колоний, что без буржуазии и против буржуазии могут быть созданы основы для невиданного в истории развития производительных сил, для развития техники, основы для всемерного улучшения положения трудящихся масс.

XVII съезд партии иллюстрирует перед всем миром превосходство социалистической системы хозяйства, социалистических способов и методов работы перед «прославленными» методами капиталистического ведения хозяйства. XVII съезд партии иллюстрирует перед всем миром огромные преимущества советской системы хозяйства, при которой значительная часть или почти весь народный доход идет на пользу самих трудящихся масс. Он иллюстрирует огромное преимущество планового ведения хозяйства. Он указывает, что в соревновании двух систем хозяйства: одной—капиталистической, где господствуют анархия производства, жажда прибыли, эксплуатация, выжимание из трудящихся всех соков, и другой—социалистической, где рабочий является хозяином страны, где уже почти весь народный доход идет на дальнейшее развитие индустрии, на дальнейшее улучшение материального положения и культурного уровня самих миллионов трудящихся,—победила социалистическая система хозяйства.

XVII съезд партии является съездом большевистских победителей, которым неприсуще и не должно быть присуще никакое головокружение от успехов и никакое зазнайство, съездом развенчанной большевистской самокритики невзрачной на лица. Доклады тт. Сталина и Кагановича, в которых они подвергли всеобъемлющей критике наши недостатки, вскрыли с остротой болезненные явления и неумение работать на различных участках социалистического строительства, наметили программу всей работы партийного съезда. На этом съезде как никогда были подвергнуты решительному просмотру и решительной самокритике крупнейшие звенья нашей

работы. Особенно резкой критике невзирая на лица, была подвергнута работа Наркомзема и работа железнодорожного транспорта.

В своей работе «К итогам XIV партконференции» т. Сталин писал: «Самокритика есть признак силы, а не слабости нашей партии. Только сильная партия, имеющая корни в жизни и идущая к победе, может позволить себе беспощадную критику своих собственных недостатков, которую она допустила и будет всегда допускать на глазах перед всем народом». Тов. Сталин тогда же отмечал, что только партии, представляющие прошлое, обреченные историей на гибель, боятся самокритики и что принципиальное отличие нашей партии заключается в том, что она самокритики не боится. Тов. Сталин указывал, что только партия, представляющая будущее, опирающаяся на миллионные массы, может и должна перед всем народом беспощадно вскрывать свои недостатки и мобилизовывать все новые и новые силы на их преодоление. Работа XVIII с'езда партии является подтверждением этих установок т. Сталина.

Вопросы животноводства, бюрократическая организация наркоматов, в первую очередь наркоматов земледелия и ж.-д. транспорта, отставание организационной работы от уровня политического руководства, отставание идеологической работы, недостатки в организации работы на заводах тяжелой промышленности и т. д. и т. п.,—по всем этим вопросам как в докладах с'езду, так и в выступлениях проводилась развернутая самокритика. И именно это обстоятельство обеспечивает мобилизацию всех наших сил на преодоление трудностей, на преодоление недостатков, существующих в нашей работе.

XVII с'езд партии является с'ездом построения бесклассового общества. Фундамент социалистической экономики мы уже построили. Программа второй пятилетки есть программа возведения социалистического здания. Пролетариат и трудящиеся массы нашей страны под руководством Ленина и Сталина воплотили в жизнь то, что в работах Маркса и Энгельса являлось гениальным прогнозом,—в этом величие и мировое историческое значение одержанных нами побед. Социализм, по словам Ленина, мы уже протаскивали в самую повседневную жизнь.

«К концу второй пятилетки,—говорил т. Молотов в своем докладе,—социалистические формы займут монопольное положение во всех отраслях хозяйства. Из пяти общественно-экономических укладов в нашей стране, о которых Ленин говорил в начале нэпа, и из двух общественно-экономических укладов, которые еще существуют в настоящий момент, к концу второй пятилетки у нас останется один общественно-экономический уклад—социалистический уклад, и народный доход СССР целиком и полностью будет в распоряжении трудящихся. Наша страна, осуществив задачи второй пятилетки, становится монолитной социалистической республикой» (разрядка наша).

Тут же т. Молотов привел исключительную по своему значению таблицу:

Удельный вес социалистических форм в хозяйстве СССР (в процентах)	1928 г.	1932 г.	1937 г.
В валовой продукции крупной промышленности	99,0	99,93	100,0
В валовой продукции сельского хозяйства (включая индивидуальные хозяйства колхозников)	3,0	74,7	100,0
Во всех посевных площадях (включая индивидуальные хозяйства колхозников)	2,8	79,7	100,0
Процент коллективизации крестьянских хозяйств	1,7	61,5	100,0
В розничном товарообороте	75,2	99,0	100,0
В народном доходе СССР	44,0	93,0	100,0

В небольших колонках цифр этой таблицы иллюстрируются рост и удельный вес социалистических элементов нашего хозяйства, а также блестящие перспективы развития монолитного социалистического хозяйства. Значение этих цифр должно быть доведено до сознания самых широких масс трудящихся нашей страны и всего мира. В этой таблице находит свое выражение конкретно воплощенное в жизнь великое учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о создании социалистического общества, общества без эксплуатации, без классов. То, за что боролись целые поколения революционных борцов, то, что являлось на протяжении многих столетий предметом надежды миллионов угнетенных и эксплуатируемых, то в сухой логике цифр этой таблицы получает свое замечательное выражение.

Вторая пятилетка ставит перед собой три основных задачи. Во-первых, окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, уничтожение причин, порождающих классы и эксплуатацию, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Во-вторых, завершение технической реконструкции в с е г о народного хозяйства, т. е. и промышленности, и транспорта, и сельского хозяйства. И, в-третьих, под'ем благосостояния трудящихся масс в 2—3 раза.

Социализм означает всемерное увеличение реальной заработной платы трудящихся, зажиточную и культурную жизнь миллионов. Он означает обилие продуктов потребления. Не случайным является то обстоятельство, что именно во вторую пятилетку, согласно решению XVII партс'езда, мы должны добиться увеличения потребления трудящихся нашего Союза в 2—3 раза.

Решение этих крупнейших задач требует огромного напряжения сил, величайшей мобилизованности и величайшей организации. Успехи, с которыми партия пришла к своему XVII с'езду, руководство, которым обладает наша партия, являются достоянием залогом того, что эти крупнейшие, невиданные еще в истории человечества задачи будут выполнены.

XVII партийный с'езд является с'ездом стального единства наших большевистских рядов. Это первый с'езд в истории нашей партии, на котором не было никаких оппозиций. Это первый с'езд в истории нашей партии, который демонстрирует полную железную монолитность ее рядов. То исключительное единство партии, которое показывает XVII с'езд, является результатом всей предшествующей истории, результатом беззаветной борьбы за генеральную линию партии, беспощадной борьбы с классовыми врагами, результатом наших успехов. Единство партии, которое демонстрировал XVII с'езд, говорит об огромных достижениях, которых добилась наша партия в деле укрепления союза рабочего класса с крестьянством, о котором так много писал В. И. Ленин. В своих статьях в 1923 г. Ленин говорил о возможностях раскола внутри партии, если возникнут серьезные классовые разногласия между рабочим классом и крестьянством. Ленин указывал, что опасность этого раскола отнюдь не необходима: она может возникнуть в результате неправильной политики по отношению к основным массам крестьянства со стороны партии. Если бы партия пошла по пути, на который ее толкали капитуланты и пораженцы-троцкисты, по пути «колониальной эксплуатации крестьянства» (Преображенский), то раскол между рабочим классом и крестьянством к настоящему времени был бы фактом, а это не могло привести ни к чему иному, как к реставрации капитализма в нашей стране. Если бы партия пошла по антиленинскому пути, на который тянули правые оппортунисты во главе с Бухариным, по пути уступок кулачеству, по пути «гражданского мира» с ним, по пути «врастания кулака и нэпмана в социализм», мы не имели бы не чего иного, как опромное усиление позиций капиталистических элементов в нашей стране и, в конечном счете, реставрацию капитализма и свержение диктатуры пролетариата. Только потому, что партия под руководством т. Сталина повела единственно правиль-

ную, единственно ленинскую, единственно последовательную линию борьбы со всякого рода оппортунизмом, со всякого рода уклонами, отражавшими классовые чаяния врагов пролетарской диктатуры, отражавшими буржуазное и кулацкое влияние на рабочий класс, — только поэтому партия смогла прийти к своему XVII съезду такой монолитной, такой сплоченной, такой единой. Единство, которого достигла партия под руководством Центрального комитета, под руководством великого Сталина, есть результат беспощадной и последовательной борьбы за чистоту марксистско-ленинского учения в теории, в политике, на практике.

На съезде выступали вчерашние руководители оппозиций, которые на протяжении этих 10 лет после смерти Ленина боролись против партии, против ее руководства. Они вынуждены были прийти на съезд партии с повинной, с критикой своих вчерашних антиленинских, буржуазных установок. Только впервые на этом съезде т. Бухарин выступил, наконец, с критикой своей механистической теории равновесия. А ведь она является одним из важнейших теоретических истоков всех его антипартийных, антиленинских позиций.

Несмотря на то, что тт. Бухарин, Рыков, Томский, Зиновьев, Каменев, Радек, Преображенский выступали с развернутой критикой своих ошибочных концепций и своей антипартийной борьбы, требуется усиление партийной бдительности. Как раз к XVII съезду вышла книга т. Радека «Портреты и памфлеты». В этой книге он собрал свои статьи с 1923 г., посвященные крупным политическим деятелям. Тов. Радек в 1933 г. перепечатывает свою статью, написанную им в 1925 г., о Парвусе, в которой повторяет ряд ошибок в оценке Парвуса. Он повторяет как раз те ошибки, которые разоблачались в известной работе т. Сталина, в его письме в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Недавно вышла работа т. Зиновьева, посвященная Карлу Либкнехту. И эта работа показывает, что т. Зиновьев недостаточно усвоил и понял весь глубокий смысл и все значение письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» «О некоторых вопросах истории большевизма». Эти факты говорят о том, что со стороны всей нашей партии и каждого из ее членов в отдельности несмотря на признания и повинные вожди бывших оппозиций требуются большевистская бдительность и мобилизованность в борьбе со всякого рода антиленинскими теориями и различными формами их проявления. Глубоко прав был т. Киров, когда он говорил на съезде партии о бывших лидерах троцкистской и правой оппозиции, т. е. о тех людях, которые в «решающие годы напряженной борьбы партии и рабочего класса сидели в обозе». «Они, — говорил т. Киров, — выходят, пытаются тоже вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш под'ем. Но как они ни стараются, не выходит и не получается. Вот, возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто бы по нотам, а голос не тот. Я уже не говорю о т. Рыкове, о т. Томском. Тут даже и мелодия другая. И в тон не попадают и в шаг не поспевают». На самом деле, отказ от антипартийных позиций еще не означает, что с антипартийными «теориями» и всеми их «корешками» покончено, что антиленинские концепции по существу пересмотрены и выкинуты. Все эти пресловутые «теории», как «закон первоначального социалистического накопления», «закон трудовых затрат», «теория равновесия» — эти так называемые «социологические концепции» должны и впредь подвергаться серьезной, систематической критике. Надо давать самый решительный отпор всякого рода настроениям, противопоставляющим «положительную» работу на теоретическом фронте «критической» или даже выражающимся в утверждении, что критическая работа по разоблачению всякого рода антимарксистских «теорий» паразитирует за счет положительного содержания этих «ученых тру-

дов». Классовая борьба в нашей стране не закончена. Перед нами стоит задача окончательного преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Тов. Сталин в своем докладе на XVII съезде говорил о наличии пережитков капитализма в сознании отдельных членов нашей партии. Он говорил о той огромной идеологической работе, которая выдвигается перед нами в настоящий момент. Тов. Сталин говорил: «Понятно, что эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов нашей партии. Добавьте к этому не очень высокий теоретический уровень большинства членов нашей партии, слабую идеологическую работу партийных органов, запущенность наших партийных работников чисто практической работой, отнимающей у них возможность пополнить свой теоретический багаж, и вы поймете, откуда берется та путаница в ряде вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп. Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена, и нет больше необходимости в политике наступления социализма».

Задача преодоления пережитков капитализма в сознании людей предполагает в период второй пятилетки огромную идеологическую борьбу нашей партии против всякого рода антимарксистских теорий на всех участках теоретического фронта. Годы первой пятилетки, годы развернутого наступления социализма по всему фронту были годами разгрома антиленинских, антимарксистских теорий на различного рода участках теоретической работы. Были разгромлены вредительские теории в аграрном вопросе, рубинщина в политической экономии, деборинщина и механицизм в области философии, переверзевщина и литфронтонщина в литературоведении и т. д. Но разгром этих теорий вовсе не означает, что борьба на теоретическом фронте закончилась. Наоборот. Именно теперь, когда перед нами стоит задача окончательно добить капиталистические элементы в нашей стране, именно теперь, когда перед нами стоит задача дальнейшего развертывания классовой борьбы против отчаянно сопротивляющегося, придумывающего всякого рода прикрытия, маскировки и ухищрения классового врага, особенно необходимо окончательное разоблачение всякого рода антимарксистских «теорий» и «идей» на идеологическом фронте. Задача преодоления пережитков капитализма в сознании людей означает огромную работу по перестройке науки с точки зрения марксизма. Она означает развернутую борьбу на фронте науки и теории против разрыва теории и практики, характерного для буржуазной науки и являющегося отражением разрыва и противоречия между умственным и физическим трудом в капиталистическом обществе. Преодоление пережитков капитализма в сознании людей в применении к научному фронту означает задачу развертывания борьбы против всякого рода идеалистических и механистических концепций в различных конкретных областях научного исследования. Различного рода идеалистические теории и вульгарные материалистические концепции, проникающие к нам извне и возникающие у нас на тех или других участках теоретической борьбы, должны получать систематический отпор. Поэтому именно в течение второй пятилетки должна быть усилена наша бдительность, должна быть усилена наша борьба за чистоту марксистской теории против всех ее врагов, в какой бы форме они ни выступали.

XVII съезд нашей партии является съездом огромной организационной перестройки снизу доверху всех наших партийных и советских организаций, органов всей системы диктатуры пролетариата. На протяжении всей своей истории большевизм придавал огромное значение организационному вопросу. Стоит только вспомнить статьи Ленина в начале XX столетия в «Искре», посвященные организационным вопросам, для того чтобы понять, какое значение придавали большевики организационным вопросам в противовес экономистам, меньшевикам и всяко-

го рода оппортунистам. Единая стройная и последовательная линия идет от первых ленинских статей, посвященных организационному вопросу в «Искре» и «Что делать», к обсуждению этого вопроса на XVII съезде, к докладам тт. Сталина и Кагановича и к решениям съезда. Организационный вопрос был поднят в докладе т. Сталина, в докладе т. Кагановича на огромную принципиальную высоту соответственно той новой ступени развития материальных производительных сил нашей страны, какую мы имеем в настоящее время, соответственно тем огромным политическим и хозяйственным задачам, которые стоят перед нами во второй пятилетке. Большевиком всегда отличался (и в этом его сила) тем, что он на протяжении всей своей истории давал не только лозунги, не только правильный анализ соотношения классовых сил, но и тем, что он умел и умеет организовать самые широкие массы вокруг этих лозунгов, вокруг стоящих перед рабочим классом задач, мобилизовать массы на практическое осуществление этих задач. Обсуждение организационных вопросов на XVII съезде является дополнительным доказательством этого своеобразия большевистской партии, партии, штурмующей капитализм, партия, которая ставит перед собой задачу свергнуть капитализм во всем мире и построить коммунистическое общество.

Социализм — это плановое хозяйство. Социализм — это «учет и контроль». Именно поэтому, когда перед нами стоит вопрос о построении всего здания социалистического общества, организационные вопросы встали с такой остротой и глубиной.

В связи с огромным увеличением удельного веса и роли социалистического сектора нашего хозяйства в огромной степени увеличилась наша ответственность, увеличились наши организационные задачи. Еще на январском 1933 г. пленуме ЦК в своей исторической речи «О задачах работы в деревне» т. Сталин указывал, говоря о колхозном движении, что ответственность коммунистов в огромной степени выросла. Тов. Сталин говорил о том, что если раньше, при господстве мелкого индивидуального, разрозненного хозяйства в деревне, перед нами стояли организационные задачи одного порядка, то теперь, когда в деревне победил колхозный строй, когда страна стала страной крупного сельского хозяйства, перед нами организационные задачи во стократ увеличились. Теперь мы, говорил т. Сталин, отвечаем за организацию труда в колхозах, за правильное налаживание работы во всем сельском хозяйстве. В своих докладах тт. Сталин и Каганович подчеркнули, что организационная наша работа отстает от степени и уровня политического руководства и что важнейшая задача, которая сейчас перед нами стоит, заключается в том, чтобы подтянуть организационное руководство до уровня политического руководства. Мы насыщенный огромным фактическим и практическим материалом, исключительно яркий доклад т. Кагановича на XVII съезде с достаточной полнотой иллюстрировал это положение и наши задачи.

XVII съезд нашей партии является также съездом усиления обороноспособности нашей страны. На базе огромного развития наших материальных производительных сил и техники в огромной степени увеличилась и обороноспособность нашей страны, боеспособность нашей Красной армии. С марксистской точки зрения успех вооруженной борьбы в конечном счете решает техника. Техническое оснащение Красной армии, которое мы провели на базе успехов первой пятилетки и начала второй, говорит явче многих слов об укреплении обороноспособности нашей страны.

Отчетный доклад т. Сталина на XVII партийном съезде войдет в историю борьбы мирового рабочего движения как величайшего значения документ. Этот доклад является образцом творческого марксизма, образцом марксистско-ленинской диалектики. Этот доклад дает замечательное сочетание глубочайших теоретических обобщений и огромного опыта и практики рабочего движения. Подводя итоги наших достижений, он является развернутой программой великих работ второй пятилетки, он намечает перспективы наших дальнейших

побед. В своем докладе т. Сталин развил целый ряд крупнейших вопросов марксистско-ленинской теории: вопрос о кризисе капитализма, о законе его неравномерного развития, вопрос об артелях и коммунах, вопрос о социализме и целый ряд других проблем, имеющих актуальнейшее практическое, политическое значение.

Особое значение т. Сталин придал вопросам идеологической борьбы и идеологической работе. В разделе, посвященном партии, т. Сталин говорил: «Вот вам несколько серьезных и актуальных вопросов нашей идейно-политической работы, по которым имеется в отдельных прослойках партии неясность взглядов, путаница, а то и прямое отклонение от ленинизма. А ведь это не единственные вопросы, на которых можно было бы демонстрировать путаницу во взглядах среди отдельных членов партии. Можно ли после этого говорить, что у нас все обстоит благополучно. Ясно, что нельзя».

Оценивая таким образом положение с идеологической работой, т. Сталин дальше переходит к характеристике задач, которые перед нами стоят в этой области. Он говорит: «Наша задача в области идейно-политической работы: первое—поднять теоретический уровень партии на должную высоту; второе—усилить идеологическую работу во всех звеньях партии; третье—вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии; четвертое—воспитывать партийные организации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма; пятое—не замазывать и критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма; шестое—систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

В связи с намеченными т. Сталиным задачами в области идейно-политической работы перед работниками теоретического фронта встает целый ряд крупнейших задач. Мы должны как никогда усилить нашу работу по линии и д е й н о г о в о о р у ж е н и я членов партии. Совершенно справедливо т. Каганович в своем докладе указывал, что речь идет не просто о «школярском» воспитании членов партии, а именно об их идейном вооружении. Тов. Каганович подчеркнул этим боевой, действенный характер марксистского учения, ибо марксистская теория, когда она овладевает широкими массами, становится действенной материальной силой. Именно поэтому идейное оснащение, идейное вооружение являются решающим моментом, помогающим нам решать огромные практические задачи.

Перед работниками теоретического фронта, в особенности фронта философского, встает целый ряд новых задач, поставленных решениями XVII съезда партии.

Никогда так остро как теперь не стояла задача систематической связи философии и политики, теории и практики. Мы должны учесть чрезвычайно важное замечание т. Кагановича по этому вопросу. Тов. Каганович в своем докладе говорил: «Ленин всегда связывал теоретические вопросы с повседневной практикой. Сталин показывает нам образцы, как сочетать сложнейшие теоретические вопросы с повседневной борьбой. А вот многие из наших «икапистов» в одну клеточку кладут теорию, а в другую практику, а связать эти две клеточки воедино не могут. К сожалению, часть наших профессоров вместо соединения теории с практикой сочиняет глубокомысленные трактаты на тему «веревка — вервие простое». А так как у Маркса и Энгельса на этот счет ничего нет, то они этим самым обогащают и углубляют сокровищницу марксизма».

Эти слова т. Кагановича не в бровь, а в глаз бьют по целому ряду «научных» работ и статей, которые встречаются на различных участках теоретического фронта. Очень часто можно встретить в том или другом журнале или в отдельно вышедших книгах или брошюрах работы «икапистов» или профессоров, которые считают, что они «углубляют» теорию Маркса и Ленина, а между тем занимаются или сплошной схоластикой или же по-

верхностными перебегами давно известного материала. Вопрос о качестве научной продукции, вопрос об организации работы научных учреждений со всей остротой встают в настоящее время, после XVII съезда нашей партии.

Особое внимание мы должны теперь посвятить разработке целого ряда истматовских проблем. Роль и значение диктатуры пролетариата как орудия уничтожения классов, как орудия построения бесклассового общества; вопросы специфического соотношения политики и экономики, которое имеет место в переходный период; проблема соотношения экономики, политики, техники, культуры, быта — вот что ныне должно получить свое теоретическое освещение на страницах нашего журнала, во всей работе на философском фронте. Проблема базиса и надстроек, вопросы коммунистической этики, ликвидация противоречия между умственным и физическим трудом, социализм и коммунизм, анализ общественных отношений социализма — вот вопросы, которые встают теперь с особой остротой. Речь идет о серьезном повороте нашей работы, о переходе от общих, всеобъемлющих проблем к проблемам конкретным с обязательным анализом фактического и исторического материала. Речь идет о серьезном теоретическом обобщении и освещении важнейших сторон нашей социалистической жизни на основе действительно глубокого и действительно конкретного изучения и знания ее.

Важнейшей задачей работников теоретического фронта, важнейшей задачей нашего журнала является пропаганда марксизма-ленинизма и освещение роли т. Сталина как величайшего теоретика марксизма, развивающего после Ленина все составные части марксизма, в том числе марксистско-ленинскую диалектику.

Очень часто поверхностная публицистическая трескотня заменяет на многих участках теоретической работы действительную и серьезную научную работу в этих областях. Например на фронте художественного творчества публицистика часто заменяет серьезные художественные произведения. На философском фронте нередко вместо серьезных работ по философии марксизма также преобладает общая публицистическая «литература». За годы, прошедшие после известного исторического решения ЦК о «П. З. М.», выросли на философском фронте молодые квалифицированные, партийно выдержанные кадры. Задача сейчас состоит в том, чтобы организовать их силы, мобилизовать их внимание на выполнение серьезных, фундаментальных философских работ. Речь идет о глубоких философских исследованиях, проникнутых большевистской партийностью, разрешающих актуальные проблемы марксистской философии.

Наша научная работа также должна быть теперь совершенно по-новому организована. Вопросы организации научной работы находятся в заgone. Одним из наиболее отсталых участков в смысле организации является организация научной работы наших научно-исследовательских учреждений по общественным наукам (например Комакадемия и т. д.). Здесь предстоит очень большая перестройка. Необходимо немедленно энергично взяться за перестройку наших научно-исследовательских институтов и учреждений на основе решений съезда.

Мы становимся самой передовой страной в культурном отношении. Наше мировоззрение является самым передовым мировоззрением человечества. Наша культура является самой передовой культурой, которую только знала человеческая история. На базе огромных задач и огромной творческой работы по выполнению решений XVII съезда мы должны дать фундаментальные научные труды, посвященные философскому обобщению практики социалистического строительства, по различным вопросам естествознания и техники, которые стояли бы на уровне нашей эпохи, которые соответствовали бы уровню нашей культуры и уровню нашего мировоззрения.

„Массовое порождение коммунистического сознания“ и естественные науки*)

Э. Кольман

У самых истоков формирования материалистического понимания истории, в 1845 г., Маркс и Энгельс предвидели «массовое порождение коммунистического сознания», тот грандиозный процесс, первая стадия которого — искоренение остатков капитализма в сознании людей — у нас теперь происходит.

В стране строящегося социализма 21 млн. рабочих и работниц коренным образом изменяют свое отношение к производству, к труду. Около 17 млн. участвуют в социалистическом соревновании и ударничестве, охвачены пафосом строительства и освоения. На огромную высоту поднялась их идейность и классовая сознательность. Полнокровно и властно они чувствуют себя хозяевами страны. Все больше ширится и крепнет в них чувство ответственности за дело мировой революции.

73 млн. колхозников и колхозниц переживают всемирно-исторический перелом сознания, когда рушится воспитанное сотнями поколений отношение к собственности, когда «моя» пашня, «моя» лошадь, «моя» борона, «мой» урожай потеряли старый смысл и приобрели новое содержание, когда проклятый «идиотизм деревенской жизни» навсегда уходит в область предания, когда все больше стирается грань между городом и деревней, между трудящимся заводам и трактористом-комбайнером полей.

Свыше 2 млн. коммунистов, свыше 4 млн. комсомольцев, 6 млн. пионеров, 17 млн. членов профсоюзов, десятки миллионов трудящихся, организованных в добровольные общества, свыше 3 млн. рабкоров и селькоров, 73 млн. цивилизованных кооператоров, сотни тысяч женщин, руководящих государственным аппаратом, хозяйством, производством, культурным строительством, десятки национальностей, пробившихся к передовой культуре из варварства и полуварварства, от северной тундры до горных ущелий Сванетии — вот потенциал гигантского напряжения общественной активности, вот показатели процесса переделки социального сознания.

26 млн. учатся в наших начальных, средних и высших школах, все быстрее приближается день, когда мы станем страной сплошной грамотности, все больше наша пролетарская, социалистическая культура, являющаяся самой передовой культурой в мире, становится достоянием всей массы трудящихся, исчезает привилегированная обособленная каста духовной интеллигенции, все выше вздымаются волны культурного подъема миллионов, все

*) Стенограмма выступления на сессии Комакадемии, посвященной десятилетию со дня смерти Ленина, 23 января 1934 г.

упорнее и успешнее идет их борьба за овладение всеми сокровищами знаний, техники, науки, искусства.

В процессе ликвидации пережитков капитализма в сознании людей выковывается масса активных и сознательных строителей социалистического общества. В революционном вихре сметается прочь с дороги все мертвое, отжившее, уничтожаются старые привычки, косность, тупость, лень, обломовщина, алчность собственника, остатки сухаревки. Этот процесс имеет непосредственное отношение и к естественным наукам. Во-первых, наряду с идеологией мелкого собственника, крестьянина вкорме изменяются также— хотя и другими путями, проходя другие ступени— идеология седовласого ученого академика и все направление науки, в частности такой важной ее области, как естествознание. Во-вторых, и сами естественные науки должны сыграть решающую роль в формировании коммунистического сознания миллионных масс сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества.

Рассмотрим сначала первую сторону этой взаимной связи— включение работников науки и техники— специалистов— в процесс социалистического преобразования страны, а вместе с тем и своего собственного мировоззрения, задачу, поставленную нашей революцией и разрешенную ею несмотря на величайшие трудности.

На I съезде советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. Ленин говорил:

«Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,— превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это— задача величайшего труда»¹⁾.

В дальнейшем развитии нашей пролетарской диктатуры всецело подтвердилось все, что предвидел Ленин относительно громадной сложности задачи— осуществлять социалистические преобразования, опираясь на буржуазных ученых, инженеров и т. д., подтвердилось, что «в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его».

В процессе пролетарской революции рабочий класс развернул всю свою творческую мощь, крепко и нерушимо создал новую, вкорме отличную от буржуазной общественную обстановку, которую буржуазные специалисты особенно явственно ощутили на фоне капиталистического кризиса и всех пагубных последствий его для науки в капиталистических странах. Бурный рост социалистического строительства раскрыл для каждого искреннего и преданного своему делу ученого, инженера, специалиста невиданные творческие горизонты; постепенно порывались одна за другой тысячи нитей, связывающих их с разложившимся буржуазным обществом. Тогда среди громадного большинства специалистов старой формации, а в первую очередь среди производственно-технической интеллигенции начался тот поворот, которому

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 41.

подвел итоги и дал всестороннюю политическую и теоретическую оценку т. Сталин в своей речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

В настоящий момент не только значительная часть старой технической интеллигенции повернула в сторону советской власти, но в великий процесс массовой переделки сознания включились и ученые-теоретики самых различных областей знания, в том числе и наиболее квалифицированная их часть. Вслед за политическим перевооружением, начиная с 1932 г. особенно усилился процесс философского перевооружения научных кадров старой школы, переходящих от идеализма и агностицизма к материализму и от материализма механистического к диалектическому материализму.

Крайне характерны не только заявления отдельных крупных ученых, например статья С. И. Вавилова к 15-й годовщине Октября, его же статья к 50-летию смерти Маркса, выступления академиков А. Ф. Иоффе, В. Ф. Миткевича, Н. Н. Семенова, Н. С. Курнакова, В. Л. Комарова, А. А. Борисяка, А. А. Чернышева, выдающаяся работа проф. И. С. Беритова и многие другие. Характерно прежде всего систематическое изучение диалектического материализма в ряде специальных научно-исследовательских институтов, как-то: в Институте технической физики в Ленинграде, в институтах Академии наук в Москве, Харькове, Киеве, Минске, Тифлисе и т. д. Теперь преобладающее большинство этих высококвалифицированных математиков, физиков, химиков, биологов, геологов, врачей сознают: во-первых, что наши старые естественно-научные кадры до последнего времени все еще в значительной мере опирались на теоретическую базу, некритически заимствованную у буржуазной науки; во-вторых, что эта теоретическая база, тесно связанная с идеалистической и антидиалектической философией, неизбежно приводит к кризису естествознания, а в наших условиях к противоречию между научной надстройкой и бурно прогрессирующим социалистическим строительством; и в-третьих, что необходимо критически пересмотреть эту теоретическую базу, научно поставить самую историю науки, сознательно избрав диалектический материализм как единственно научную теорию познания.

После того как партия дала отпор скороспелым вульгаризаторским упражнениям, рядом ученых старой школы делаются попытки конкретного применения диалектического материализма в своей собственной науке. И хотя они и содержат иногда еще те или иные ошибочные положения, но общее движение идет в направлении утверждения марксизма-ленинизма в естественных науках, получая все более мощное подкрепление в кадрах советских ученых новой формации, давших уже ряд выдающихся оригинальных исследований и открытий, как Гельфонд, Шпирельман, первые работы по математике, физике, химии, биологии, например Сегала, Орлова, Кедрова, группы товарищей из Института экспериментальной медицины и т. д. В этих работах материалистическая диалектика не является ни шаблоном для выкройки, ни украшающим орнаментом, а основой метода исследования.

Вместе с тем нужно уметь рассматривать и внутренне противоречивый характер этого процесса переделки сознания естествовников и, не упиваясь восторгом побед, не ослаблять классовой бдительности. Во-первых, у нас все еще существуют хотя и все более тающие группки или группочки ученых, не только «нейтрально», но и враждебно относящихся к диалектическому материализму, упорно цепляющихся за старый, махистский, феноменалистический, кантианский хлам. Во-вторых, как известно, антимарксистские идеологии умеют ловко маскироваться, превосходя в искусной мимикрии самую природу. И это не только в политической области, но еще в

большей степени в области философской. В-третьих, механицизм и меньшевистствующий идеализм, а также всякие упростиельские эксперименты над марксизмом хотя и разгромлены партией, но не добыты до конца. К идеологической борьбе, к борьбе за марксистско-ленинскую теорию, в частности в естествознании, целиком относится указание т. Сталина. Как и борьба с вредительством, эта борьба в области естественных наук будет продолжаться до тех пор, пока не будут искоренены последние остатки капитализма в нашей стране, пока будет существовать ее капиталистическое окружение.

Из всех антимарксистских взглядов наибольшей живучестью обладает механицизм, особенно в области естествознания. Тов. Сталин вскрыл общие экономические и классовые корни механицизма, разоблачил его как теоретическую базу правого уклона, отражение в партии кулацкой и реставраторской идеологии. Здесь, в науках о природе и в тех философских обобщениях, которые делаются из них, питательную среду для механицизма составляет также старый идеологический багаж некоторых ярых сторонников дореволюционных сторонников механицизма, примкнувших к нашей революции, но ничего не забывших и ничему не научившихся в ней.

Характерно, что несмотря на то что партия давно осудила механицизм как антипартийное течение, члены партии Тимирязев, Варьяш, Перов не только не отказались от него, но упрямо пропагандируют его, снова и снова нападая на партийные взгляды. В самое последнее время механисты опять оживились. Недавно Перов выступил в Институте пушнины на партийном собрании с откровенной защитой механицизма. На-днях Варьяш в двух публичных лекциях в клубе МГУ дал образец сумбурнейшей путаницы меньшевистско-идеалистических и механистических вывертов. А сам Тимирязев не только выступил в 5-м номере «Под знаменем марксизма» со статьей «Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас», физически антинаучная и философски антимарксистская сущность которой тут же была разоблачена редакцией и статьей т. Максимова, но даровал также механистам целое евангелие—учебник «Введение в теоретическую физику».

Если верить автору, задача этой книги с таким невинным названием состоит в том, чтобы, «начиная с простых примеров, научить пользоваться математикой для решения вполне определенных и конкретных задач физики». Это—если верить! Но после прочтения книги этому поверит разве только дурак. Вся книга представляет собой, пожалуй, не имеющую прецедента в наших советских условиях обскурантскую вылазку, в которой под видом упражнений на отдельных примерах теоретической физики протаскивается отказ от достижений современной науки и борьба против партийной критики механицизма.

Конечно, никто не намерен утверждать, что все, что содержится на этих 440 страницах, неверно и ошибочно от начала до конца. Наоборот, 70 или 80% текста не содержат ошибок. Почему? Потому что эти 70—80%—математический текст, который в том же виде, может быть в немного другом сочетании, содержится в любом из многочисленных курсов и учебников физики. С точки зрения отвлеченной математики, которая, как известно, может упражняться и на умножении королей на капусту, в этом тексте ошибок нет. В результате получается, что человек, далеко отстоящий от естествознания, нет-нет да и подумает: «Раз эта смоковница столь плодovита, то, хотя она и дика, не окажутся ли ее плоды все же с'едобными? Раз этот ученый физик напечатал так много математического текста, то нельзя ли извлечь из этой книги, допуская ее философскую ошибочность, все же какую-нибудь пользу для физики?» Именно на тех, кто рассуждает так наивно, построил свой расчет автор, и на удочку этого рас-

чета попало издательство, соблазненное мнимой «солидностью» и «научностью» книги.

Между тем весь смысл книги заключается в том, что в ней излагается определенная реакционная теория и под видом защиты материализма от идеализма проповедуется механицизм. Отметим здесь лишь наиболее чудовищные высказывания автора, полагая, что детальный разбор этой книги, вредность которой усиливается тем, что автор вкрадчиво и гладко излагает мысль, дадут товарищи из Московского физического института в одном из специальных журналов.

Вот как выглядит физическая и философская концепция «Введения в теоретическую физику».

Сначала идут оговорки, что хотя старый механический материализм XIX в. потерпел крушение, потому что рассматривал любое тело как совокупность «материальных точек», но «во-первых, между механикой и теорией электромагнитного поля очень много общего. Специфическое отличие в динамике электронов от классической механики выражается в том, что кинетическая и потенциальная энергия иначе выражаются чем в классической механике». Таким образом, по Тимирязеву, разница не в качественно-отличных формах движения, а в разном математическом выражении!

«Во-вторых,— заявляет он,— необходимо помнить, что основные законы электромагнитного поля были выведены Максвеллом на конкретной модели с помощью уравнений механики». Наконец, между движением жидкости и газа и законами электродинамики имеются аналогии. Значит, почему бы, следуя за Тимирязевым, не строить физику на этих моделях, аналогиях? И действительно, вместо «старого механицизма», где единственной моделью всех физических тел служили «абсолютно жесткие тела», законы рычага и толчка, Тимирязев дополнительно вводит «новый механицизм», механицизм упругих тел, где механической моделью для электрических и химических процессов служат замкнутые фарадеевы трубки, и тацит нас таким образом назад, на уровень физики конца прошлого века.

Отсюда понятно, почему Тимирязев, вместо того, чтобы как этому учил Ленин, по-марксистски читать выводы, которые физики-идеалисты делают из своей науки, попросту отрицает всю новейшую квантовую физику и всю теорию относительности. Последний и единственный авторитет для Тимирязева—Дж. Дж. Томсон с его давно преодоленной теорией эфирных вихрей, а из русских физиков он не признает буквально никого, кроме Кастирина, у которого он зато списывает целыми страницами.

Понятно поэтому, что теория Шредингера и теория относительности даются в книге лишь как курьезы и в крайне искаженном, фальсифицированном виде, в сопровождении заведомо ложных утверждений, вроде утверждения о том, что теория относительности «оторвана от текущих задач физики»; эти теории, конечно, «опровергаются» Тимирязевым. Понятно, что физический принцип неточности Гейзенберга подменяется философским принципом индетерминированности, математическое «сведение» подменяется философским и т. д. и т. п.

Достаточно раскрыть книгу наугад, чтобы натолкнуться на положения, которые можно объяснить лишь одним из двух: или это продукт крайнего невежества или заведомая фальсификация. Так например на стр. 22 в примечании Тимирязев пишет о химических процессах: «В последнее время есть попытки объяснить ряд фактов и на основе волновой механики». Это в то время, как создана полная теория химической валентности и построены основы новой науки — квантовой химии! Тут же, на стр. 23, Тимирязев

обвиняет современную квантовую физику в «отказе от модели Бора вместо ее усовершенствования», что неверно, ибо, как известно, модель Бора остается для квантовой механики первым приближением к действительности. Или на стр. 312 Тимирязев утверждает по поводу найденной Бальмером в 1885 г. эмпирически формулы

$$\lambda = C \frac{n^2}{n^2 - 4},$$

выражающей длины волны серийного спектра водорода, что «она почти за 30 лет не дала никакого толчка к дальнейшему развитию физики в данной области». Это утверждение, игнорирующее работы Ридберга, Ритца, Пашена, Лаймана, игнорирующее то обстоятельство, что на основе теории серийных спектров было установлено, что значение постоянной $C = \frac{2 ch^2}{\pi^2 m Z^2 E^4}$,

игнорирующее, что именно отсюда возникла теория атома Бора, нужно Тимирязеву для того, чтобы подкрепить его пренебрежительное отношение к теории, чтобы поддержать его пристрастие к механическому эмпиризму.

Нечего и говорить, что философские категории, как причинность, случайность, необходимость и т. д., трактуются Тимирязевым диаметрально противоположно Энгельсу и Ленину. В частности Тимирязев прямо заявляет, что Плеханов был прав в своем понимании случайности, тем самым защищая Плеханова против Ленина. Механицизм Тимирязев все же признает, но только у Бухарина и только в его «Теории исторического материализма» и только в том, что у Бухарина нет превращения познанной необходимости в свободу.

Тимирязев спрашивает: «Существуют ли, однако, сейчас сторонники механистического материализма?» И отвечает: «Отстаивать позиции старой механики из современных физиков едва ли кто решится». Элементы механицизма Тимирязев находит лишь у покойника—у физиолога Самойлова и еще у махистов Эйнштейна и Френкеля.

В довершение всего Тимирязев ревизует решение партии, в котором говорится о том, что механицизм является теоретической базой правого уклона, заявляя, что механистические ошибки лишь «могут перерасти в методологию правого уклона». Всю направленную против механицистов партийную критику Тимирязев считает исходящей от деборинской школы, а также «от младодеборинцев».

Таким образом выходит, что в то время как партия 10 лет под руководством т. Сталина неуклонно продолжала ленинское дело, сокрушала все антипартийные и антимарксистские течения, закладывала фундамент социализма и строила культуру и науку социалистической эпохи, в то время как партия дралась за то, чтобы догнать и перегнать естествознание передовых капиталистических стран, Тимирязев, как он сам говорит, «вырабатывал в течение более чем 10 лет», это руководство, приглашающее всю советскую науку повернуть назад, вспять, к физике Гельмгольца, Максвелла и Томсона, когда-то сыгравших прогрессивную роль, но теперь в значительной степени преодоленных величайшими открытиями науки, приглашающее советскую науку вернуться к восхваляемым Тимирязевым «викторианским» временам благочестивой, самодовольной, ханжеской, либеральной английской буржуазии, куда эта книга уходит всеми своими корнями.

Пора, наконец, заставить Тимирязева и его сподвижников сделать все выводы из того, что решения партии по теоретическим вопросам они не признают для себя обязательными. Пора, чтобы они дали ответ за свои прозрачные намеки на то, что наш ЦО стоит на позиции «одной из обеих

фракций деборинцев»; пора заставить их открыто сознаться в том, что марксистами-ленинцами они считают лишь группу Тимирязева, Варьяша и Перова, а всю партию—«деборинцами старой и новой формации».

Необходимо отметить также отношение издательства к книге Тимирязева. Небезызвестные Илья Ильф и Евгений Петров в одном из своих фельетонов «Идеологическая пень» дали полезные указания некоторым издательствам (а также и авторам), желающим страховать себя от будущих, возможных последствий критики. Они рекомендуют, во-первых, включить в будущий издательский типовой договор следующий параграф:

«Издательство со своей стороны признает свою ошибку, выразившуюся в издании пятитысячным тиражом книжонки некоего Имярека под зазывно-кинематографическим названием «Введение» (название условное), в то время как бумажные ресурсы и т. д.»

Во-вторых, печатать под заголовком «От издательства» решительный отказ от книги в самой книге.

В-третьих, поместить за плату по нормальному тарифу отмежевку в три строки нонпарели в отделе объявлений газеты.

И вот берешь «Введение» Тимирязева в руки—и сердце радуется! До чего ретиво Государственное технико-теоретическое издательство (ГТТИ) выполняет директивы Ильфа и Петрова. На стр. 4, под заголовком «От издательства», заявляется, что «автор» не дал того, чего должна ожидать от него советская общественность, что «методологическая сторона его работы не может удовлетворить читателя, потому что автор не дал политической оценки позиций, которые он защищал в течение многих лет в философских дискуссиях», что он «молчаливо (только ли молчаливо?—Э. К.) настаивает на своих ошибках, считает все защищавшиеся (почему глагол в прошлом времени?—Э. К.) им положения правильными несмотря на ту оценку, которую они получили со стороны марксистской критики, несмотря на партийные решения». Думается, что вузовец, купивший учебник за 8 р. 25 к., будет крайне удовлетворен, узнавши «от издательства», что все эти перечисленные обстоятельства «в значительной мере уменьшают ценность этой в других отношениях полезной книги», особенно если он догадается, что под «полезностью в других отношениях» придется считать возможность использования книги в качестве оберточной бумаги.

Имеются основания полагать, что издательство не замедлит теперь выполнить и третье наставление советских фельетонистов, так что наднях со страниц вечерней газеты улыбнется нам отмежевание ГТТИ.

* * *

Мы вынуждены были так подробно остановиться на этой новой вылазке механицизма потому, что она еще раз напоминает нам о необходимости продолжать борьбу как против механистического, так и против меньшевиствующе-идеалистического извращения марксизма.

Нужно сказать, что после вскрытия этих антимарксистских течений крайне мало было сделано, чтобы дать положительную разработку возникших проблем. Совершенно прав академ. С. И. Вавилов, жалуясь на то, что история естественных наук не разрабатывается у нас на марксистской основе, прав, когда он в качестве основной причины указывает на распыленность соответствующих кадров. Ведь что же дает Институт истории науки и техники Всесоюзной академии наук, как правильно отмечено в журнале «Книга и пролетарская революция» за 1933 г., в рецензии т. Дитякина на первый выпуск редактируемого Дебориным «Архива истории науки и тех-

ники» и в журнале «П. З. М.» за 1933 г. в рецензии гг. Волкова и Ильинского на ту же книгу, кроме жалкой эклектики и вообще чего угодно, только не марксизма? А в нашем Институте философии Комакадемии нет работников, нет трудов по теоретическому естествознанию, не организуется творческая работа разбросанных кадров естественников-марксистов, зачастую превратившихся в кустарей-одиночек.

Между тем вопросы естествознания имеют громадное значение. Нельзя ведь упускать из виду эту вторую сторону взаимосвязи между порождением коммунистического сознания и естественными науками.

Знание естественных наук является необходимой предпосылкой овладения техникой и выбивает почву из-под ног векового пугала человечества — религии. Пропаганда диалектико-материалистических выводов из естественных наук включает разоблачение суеверий геоцентризма, сказок о сотворении и конце мира, обоснование понимания материального единства вселенной с неисчерпаемым качественным многообразием форм и движений в ней, разъяснение единства и развития живой и неживой природы, внедрение идеи эволюции, естественного отбора, опровержение «жизненных сил» и «целесообразности», якобы господствующих в природе, выяснение происхождения человека из мира животных, роли техники в его развитии, развенчание мифов как о божественной природе человека, так и о его навеки рабской доле, обоснование положения о том, что сознание определяется бытием, отказ вздорности представления о духовной природе человека, популяризацию для широких масс всех этих вопросов, входящих незыблемой составной частью в самое передовое мировоззрение человечества, в мировоззрение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Отсюда следует, что основы астрономии, физики, химии, геологии, биологии, медицины, изложенные в действительно доступном для понимания любого грамотного человека виде, должны стать достоянием широчайших масс рабочих и колхозников. К этому делу нужно привлечь крупнейших ученых и создать образцы популяризации, не уступающие Тиндалло, Фарадею, Фламариону, К. А. Тимирязеву, издав их в наилучшем виде в миллионных тиражах. Отсюда следует, что для естественников, окончивших старую школу или наш рабфак, техникум, вуз, нужно доступно, понятно и вместе с тем систематически рассказать о достижениях современной науки, о строении атома, о превращении элементов, о космических лучах, о стратосфере, об искусственных мутациях и т. п., не давая им застрять на старом уровне. Нельзя предоставлять их любознательности кормиться дешевой халтурой, которой пичкают доверчивого читателя иные наши журналы.

Этот круг вопросов не так давно поставил Горький в связи с проблемами детской и юношеской художественной литературы. Действительно, популяризация естественных наук имеет непосредственное отношение к художественной литературе и вовсе не потому лишь, что из приемов художественной литературы популяризаторы заимствуют образность, живость, убедительность, выразительность, но и потому, что естественно-научные и технические сюжеты на определенных этапах общественного развития составляют стержень целых литературных эпох.

Не вдаваясь в анализ различий между трактовкой проблем естествознания и техники в дореволюционной, в нашей советской и в современной буржуазной художественной литературе, мы все же должны отметить, что наши советские роман, рассказ, повесть, наша поэзия, которые должны бы как будто отражать уклад и все настроения эпохи невиданного технического прогресса и развития науки, свободной от буржуазных пут, недопустимо мало воспевают борьбу человеческого коллектива, сбросившего цепи

наемного рабства, со стихиями природы. А если и случается, что герои наших беллетристов—ученые, инженеры, то они даны с такими из'янами, как Скутаревский Леонида Леонова, проф. Коробкин в «Масках» Андрея Белого, инженер Кельберг во «Вступлении» Германа или тем более как Пао-Пао у Сельвинского, и способны больше оттолкнуть советского читателя от науки чем привлечь его.

Нашим писателям не мешало бы на тургеневском Базарове, на Рахметове, Лопухове, Кирсанове Чернышевского поучиться рисовать энтузиастов научного прогресса. Наша художественная литература не должна, конечно, представлять ученых магами и чародеями, не должна уводить нас в научные космические утопии, чтобы отвлечь нас от современной борьбы, а должна мобилизовать энтузиазм вокруг задач завоевания всех сил природы наукой. Тем самым литература будет выполнять важную социальную функцию, воздействуя на тех, кто неспособен наслаждаться гармонией сухого расчета и строго-научного изложения.

Таким образом по разным руслам естественные науки будут все больше проникать в сознание трудящихся, все больше будет расти их удельный вес в нашей культуре. И когда в более отдаленное время, после того как окончательно исчезнут последние следы классового деления, а с ними исчезнет политика и останется одна лишь история ее, тогда естественные науки вместе с науками общественными, с наукой о плановом обществе будут беззастенчиво господствовать в умах людей. Тогда, когда вся мразь эксплуататорского строя уйдет в пучину забвения, наша героическая эпоха будет служить сияющим рубежом естественной истории человечества и науки. Воспоминание о ней, воспоминание об эпохе Ленина—Сталина, никогда не будет забыто.

В. И. Ленин о перевоспитании масс в ходе соцстроительства

Н. Бобровников

Колоссальных, поразительных успехов достигла наша страна во всех областях строительства социализма. В итоге первой пятилетки окончательно подорваны корни капитализма в стране, построен фундамент социалистической экономики. Исторический XVII съезд партии, подытоживший величайшие достижения социализма за 10-летие с момента смерти В. И. Ленина, поставил во втором пятилетнем плане развития народного хозяйства задачу ликвидации последних капиталистических элементов и классов вообще, задачу полной победы социалистического способа производства как единственного способа производства в стране.

На основе всемирно-исторических достижений социализма еще больше окреп союз рабочего класса с многомиллионными массами крестьянства—эта несокрушимая основа диктатуры пролетариата.

Величайших успехов достигло строительство социализма в деле создания новой культуры, в деле перевоспитания трудящихся масс. В результате упорной борьбы за искоренение той безграмотности, дикости, бескультурия, которые явились плодом царской политики, насаждавшей «православие, самодержавие, народность», трудящиеся массы пришли к XVII съезду партии почти с поголовной, 90%, грамотностью, с прочными победами в деле осуществления всеобщего начального образования, с успешными итогами в развертывании в промышленных центрах всеобщего 7-летнего политехнического образования, с великими достижениями во всех областях науки, искусства, техники.

Коренные изменения произошли в сознании рабочего класса, в сознании колхозного крестьянства, в сознании трудящихся вообще. Трудящиеся, рабочие в первую очередь, чувствуют и сознают себя «хозяевами» страны, создателями социалистической промышленности, колхозов, науки, искусства. Яркое воплощение это новое сознание получило в широчайшем распространении новых форм труда—в соцсоревновании и ударничестве, являющихся выражением величайшего энтузиазма рабочих и колхозников в деле строительства социализма.

То, о чем только мечтали социалисты-утописты несколько веков тому назад, становится действительностью.

Теория научного коммунизма Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина претворяется сегодня в жизнь.

Этих побед рабочий класс и трудящиеся нашей страны достигли благодаря верному, испытанному руководству партии, неуклонно шедшей по пути, указанному гениальнейшим человеком нашей эпохи—Лениным. Этих побед рабочий класс нашей страны достиг благодаря тому, что во главе

партии стоит соратник и продолжатель учения и дела Ленина, величайший мудрый страж строительства социализма т. Сталин.

Ленин о революционном перевоспитании трудящихся масс

Пролетарская революция, уничтожая частную собственность на средства производства и вытекающие из нее эксплуатацию человека человеком, анархию производства и стихийность общественных процессов, в корне меняет общественные связи людей, характер их деятельности, формы их сознания. В этом смысле пролетарская революция является скачком из царства необходимости (из царства конкурентной борьбы, стихийности капиталистического общества) в царство свободы (в царство обобществленного и планомерно-регулируемого производства и основанных на нем коммунистических общественных отношений). Пролетарская революция открывает новую эпоху в истории общества, эпоху, в которой человек впервые выступает как сознательный строитель своей жизни.

Коренное изменение общественных форм деятельности и сознания людей предполагает более или менее долгие годы борьбы революционного пролетариата, объединяющего вокруг себя широчайшие массы трудящихся, руководящего их борьбой против капиталистического строя.

Пролетариат может начать перестройку общественных форм труда, может приступить к организации социалистических производственных отношений и к созданию на их основе социалистической культуры, лишь уничтожая капиталистическую форму производства. Все это невозможно без захвата и упрочения пролетариатом политической власти, без насильственной экспроприации экспроприаторов. Вопрос о завоевании диктатуры пролетариата В. И. Ленин всегда выделял как основной принципиальный вопрос в теории построения социализма и социалистической культуры: «Надо прежде всего хорошенько уяснить себе, что этот вопрос (о социалистическом труде) мог быть поставлен практически только после завоевания политической власти пролетариатом, только после экспроприации помещика и капиталистов, только после решающих побед завоевавшего государственную власть пролетариата над организовавшими отчаянное сопротивление, контрреволюционные восстания и гражданскую войну эксплуататорами»¹).

Свержение и подавление буржуазии не означают ее полного уничтожения, элементы ее еще долго продолжают существовать в городе и особенно в деревне (кулачество), находя все новые и новые формы борьбы за старую экономику и культуру.

Проводником буржуазной идеологии выступает также буржуазная интеллигенция. Пока буржуазия не подавлена, не разгромлена, буржуазная интеллигенция в основной своей массе выступает активным и сознательным агентом борющейся буржуазии, организуя контрреволюционные выступления против диктатуры пролетариата и социалистического строительства.

Даже та часть интеллигенции, которая готова с первых же дней революции служить делу пролетариата, бессознательно является иногда проводником буржуазного влияния на трудящиеся массы. Указывая на это, В. И. говорит, что выходцы из буржуазной интеллигенции «сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих... рассматривали как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривлянье выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и «пролетарской культуры» преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное»²).

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 148.

²) Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 276.

Больших и долгих усилий требует искоренение капиталистических пережитков в сознании трудящегося крестьянства. Здесь буржуазные пережитки находят прочную почву в раздробленной, мелкой частной собственности. Преодоление буржуазных пережитков в среде трудящегося крестьянства предполагает переделку этой мелкой собственности в крупную социалистическую собственность.

«Повторяю,—говорил В. И. Ленин на X съезде РКП(б),—что... дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе»¹⁾.

Только промышленный пролетариат, лишенный всякой собственности на средства производства, вышколенный капитализмом, осознавший свои классовые интересы и являющийся в силу своего экономического положения, классовой сознательности и дисциплинированности последовательно революционным классом,—только пролетариат в ходе практического строительства социализма способен под руководством своей партии самостоятельно бороться против пережитков капитализма и вести за собой полупролетарские и непролетарские трудящиеся массы.

«Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарксовского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает в начале пути от капитализма к социализму только пролетариат»²⁾.

Но и рабочий класс не представляет однородной массы. Не все слои рабочего класса одинаково способны с самого начала вести упорно непоколебимую борьбу за социализм и не в одинаковой мере обладают коммунистическим сознанием, организованностью и дисциплинированностью. И в переходный период отдельные прослойки рабочего класса не в одинаковой мере и не одинаково быстро освобождаются от буржуазных пережитков: буржуазное общество, погибая, заражает отдельные звенья рабочего класса.

«Да, рабочий класс китайской стеной не отделен от старого, буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносятся вон. А когда гибнет старое общество, труп буржуазного общества нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих»³⁾.

Преодоление буржуазных пережитков в сознании есть особая форма классовой борьбы пролетариата против капиталистических элементов, против их идеологического влияния на трудящиеся массы, против собственной психологии мелкого производителя, против буржуазных пережитков в рабочем классе.

Развивая учение Маркса о том, что социализм возникает из революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое и что он на первых ступенях своего развития покрыт «родимыми пятнами» капитализма, В. И. Ленин многократно говорит о том, что нам приходится строить социализм руками тех людей, которые сформировались при капи-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 239.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 337.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 57, см. также стр. 31 и др.

тализме и испытывают на себе влияние капиталистических пережитков. Строить социализм приходится, не дожидаясь, когда наконец появится совершенно новое поколение, не знающее капитализма, не зараженное его пороками,—поколение «чистых» коммунистов. Если мы хотим иметь такое поколение, способное окончательно установить коммунизм, то должны создать для этого материальные и культурные предпосылки, т. е. строить социализм из того материала, какой имеется сейчас, преодолевая пережитки капитализма в экономике и сознании людей. Поэтому В. И. Ленин, борясь против «левацких» элементов в коммунистических партиях III интернационала, не умеющих понять реального условия борьбы за социализм, указывает: «При советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию полезет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, перевоспитать, перевоспитать ее,—как перевоспитать надо в длительной борьбе на почве диктатуры пролетариата и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по повелению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»¹⁾.

В. И. Ленин обобщает в этих словах практический опыт по использованию буржуазной интеллигенции, по перевариванию ее, а вместе с тем по перевоспитанию самих пролетариев и трудящейся массы вообще. Опыт Октябрьской революции, теоретически обобщенный Лениным и Сталиным, целиком подтверждает то, что Маркс и Энгельс писали еще в 1845 г. о практических и революционных формах изменения сознания людей²⁾. Лишь старые утописты, говорит Ленин, воображали, что социализм строится только «головой», и притом головой людей чистеньких, незагрязненных буржуазным мировоззрением. В. И. Ленин не находит другого выражения для характеристики таких мечтаний, как «кукольная игра», «забава кисейных барышень от социализма»³⁾.

Трудности преодоления капиталистических пережитков в психологии людей увеличиваются и усложняются потому, что буржуазные пережитки находят себе материальную почву в той мелкобуржуазной экономике, которая остается на более или менее длительный период (в зависимости от степени индустриального развития той или иной страны) после захвата политической власти пролетариатом. Мелкобуржуазная экономика,—а в нашей стране она преобладала в первый период переходного этапа—рождая капитализм, питает и укрепляет буржуазное сознание. Переделка мелкобуржуазной экономики в крупносоциалистическую экономику на основе диктатуры пролетариата является, следовательно, важнейшим рычагом в деле массового социалистического перевоспитания трудящихся. Этим подчеркивается лишний раз практический и материальный характер революционного изменения сознания масс. Лишь в процессе классовой борьбы, переделывая формы своего материального существования—формы хозяйства и общественных связей, массы способны преодолеть и буржуазные формы сознания.

После разгрома и подавления крупного капитала мелкобуржуазная стихия становится главным врагом социализма, главной трудностью преодоления буржуазных пережитков. Все работы В. И. Ленина, посвященные вопросу строительства социализма, борьбе за новую культуру и нового чело-

¹⁾ Ленин «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. стч. Т. XXV, стр. 247; см. также т. XXIII, стр. 456—459, т. XXIV, стр. 64—68.

²⁾ Маркс и Энгельс «Немецкая идеология». Собр. соч. Т. IV, стр. 28 и сл.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 64.

века, говорят об этом. С мелкобуржуазной стихией труднее бороться чем с капитализмом благодаря ее распыленности, анархии. Мелкобуржуазная стихия, не подчиненная пролетарскому руководству и контролю, тянет назад к средневековью. По сравнению с ней даже госкапитализм, указывал Ленин, был шагом вперед, так как он позволял государству контролировать деятельность отдельных капиталистов. «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству»¹⁾.

Мелкобуржуазная стихия опасна тем, что она возрождает на новой основе все пороки буржуазного общества. Она воспитывает вражду к советскому государству, воспитывает вековые буржуазные принципы: «Всяк за себя, а бог за всех», «Мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти» (Ленин) и т. д. Мелкобуржуазная стихия порождает анархию, противодействие государственному контролю и объединению всех сил на достижение социалистических целей, она является питательной почвой для рвачества, воровства, бюрократизма. В. И. Ленин дает блестящий анализ того, как мелкоотоварное производство, захваченное стихией, не подчиненное пролетарскому государственному плановому руководству, порождает на новой основе все «прелести» капитализма: «Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый, бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла. Проходит еще год. На VIII съезде РКП... мы говорим о «частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»... У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними»²⁾.

Мелкобуржуазная стихия возрождает бюрократизм внутри советского аппарата, она возрождает частнособственническую психологию мелких производителей, интеллигенции, отсталых рабочих, поскольку последние не отделены китайской стеной ни от тех, ни от других. «Сухаревка» закрыта, но страшна не та «сухаревка», которая закрыта. Закрыта бывшая «сухаревка» на Сухаревской площади, ее закрыть нетрудно. Страшна «сухаревка», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту «сухаревку» надо закрыть. Эта «сухаревка» есть основа капитализма»³⁾.

Мелкособственническая анархистская индивидуалистическая привычка действовать разобщенно, «каждый за себя», наплевательски относясь к общественным задачам и интересам, не изжита и сейчас, после многих лет упорной борьбы диктатуры пролетариата. Сейчас ленинские слова являются своевременными и актуальными. Уже много сделано, чтобы уничтожить «сухаревку». Однако было бы большой ошибкой думать, что в этой области сделано все. Когда читаешь, что то или иное предприятие, колхоз, совхоз срывает общегосударственные планы своими самостоятельными действиями или плохой работой, то невольно вспоминаешь яркие ленинские слова о буржуазном правиле «каждый за себя». Что у нас есть люди, которые руководствуются еще этим анархистским правилом, доказывать не приходится.

Каков, например, социальный смысл преступных деяний Одесского треста зерносовхозов, скрывшего (1933 г.) от государства размер посевов и урожая? Чем бы ни руководились отдельные персонажи этого «дела» и каков бы ни был состав преступления каждого из них в отдельности, все «дело»

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 339.

²⁾ Там же, стр. 339—340.

³⁾ Там же, стр. 46.

в целом является выражением буржуазных принципов, буржуазных форм деятельности, в корне враждебных пролетарскому государству. Вот почему телеграмма т. Сталина и т. Молотова (20 V 1933 г.) требовала отдачи виновников под суд как врагов государства.

То, что сказано здесь об Одесском тресте зерносовхозов, относится, разумеется, ко всем другим организациям, привлекавшимся государством к ответственности за подобные дела. Мы знаем об этих организациях из печати.

Буржуазные тенденции проявляются не только в крупных делах, влекущих за собой уголовную ответственность. Таких дел становится, к счастью, все меньше, что доказывает укрепление принципов социализма. Чаше буржуазные тенденции проявляются в более мелких фактах, не меняющих, однако, принципиального существа их.

Недавно сообщалось¹⁾, что Коломенский завод, имеющий прекрасные сушилки, отказался просушить лес для украинского завода им. Коваля, хотя сушилки не были загружены, а частично были употреблены для сушки лука. С точки зрения буржуазных понятий, в поведении Коломенского завода нет ничего предосудительного. У завода есть свой промфинплан, а до всего остального ему нет дела! Но с точки зрения социализма, Коломенский завод, срывающий без нужды работу завода им. Коваля и обслуживаемого им. ж.-д. транспорта, поступил по правилу «сухаревки» «Каждый за себя».

Однако внедрение плановой дисциплины в работу социалистической промышленности, совхозов и колхозов и, с другой стороны, развитие массового ударничества, т. е. работы на основе социалистического соревнования, являются свидетельством победы социалистических принципов над частнособственническими.

Ярким образчиком победы социалистического строя в деревне является факт досрочного (к 15/XII) выполнения в 1933 г. всеми краями и областями годового плана хлебозаготовок. Впервые за годы революции хлебозаготовки были проведены в такой короткий срок (5½ мес.). Досрочное выполнение хлебозаготовок явилось результатом той организованности, которой добилась наша партия в деле уборки урожая и хлебопоставках колхозов и совхозов, оно явилось результатом победы социалистических принципов. Этот факт как и многие другие говорит о том, что на основе колхозного и совхозного строительства идет успешное преодоление психологии, привычек, интересов мелкого хозяйчика.

Подчеркивая экономическую и классовую основу в преодолении буржуазных пережитков в сознании людей, Ленин не упускает великого значения субъективного идеологического фактора. В. И. Ленин поэтому уделял исключительное внимание руководящей роли передового пролетариата и пролетарской партии, значению политической агитации и пропаганды, педагогической, политико-просветительной и вообще культурной деятельности. Его речи на различных совещаниях деятелей по народному просвещению²⁾ всегда были посвящены выяснению связи просветительской деятельности с общими задачами переживаемого момента и той роли, которую должны выполнить эти просветительские организации в деле борьбы за новую экономику, новую культуру и нового человека. «Мы живем,—говорил он на совещании политпросвета в ноябре 1920 г.,—в исторический момент борьбы с мировой буржуазией, которая во много и много раз сильнее нас. В такой момент борьбы мы должны отстаивать революционное строительство, бороться

¹⁾ «Правда» от 28/XI 1933 г.

²⁾ См. Речь на Всероссийском совещании политпросветов (Собр. соч. Т. XXV); Речь на II Всероссийском съезде политпросветов (Собр. соч. Т. XXVI); Речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (Собр. соч. Т. XXIV); Письмо пролетарским культур.-просвет. организациям (Собр. соч. Т. XXIII) и т. д.

против буржуазии и военным путем и еще более путем и действенным, путем воспитания, чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал себе в продолжение многих десятилетий в борьбе за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей послужила орудием воспитания всех трудящихся, а задача решения вопроса, как именно воспитывать, ложится на пролетариат»¹). В. И. Ленин не забывает сказать об этом на партийных и советских съездах и заседаниях, в работах о продналоге, кооперации, о советском государственном аппарате и т. д.²). Отсюда понятно и то большое значение, какое В. И. Ленин придавал школе, определяя роль школы в эпоху диктатуры пролетариата как «орудие коммунистического, перерождения общества» (программа ВКП(б)).

Но как бы высоко ни ценил В. И. Ленин идейные методы перевоспитания, он знал и учил нас тому, что идейные методы перевоспитания трудящихся масс все свое значение приобретают лишь в связи с политической, практической борьбой трудящихся против капитализма и на основе преодоления буржуазной экономики и уничтожения эксплуататорских классов, в связи и на основе построения фундамента социалистической экономики. Ленин не признавал формального просвещения, т. е. просвещения, якобы самодовлеющего, независимого от политических задач и содержания. Указывая на внешний аполитизм буржуазного просвещения, В. И. Ленин вскрывал за ним определенное политическое содержание. Буржуазия, желая располагать послушными рабами в производстве, в государственном аппарате и в других областях общественной жизни, искусственно отрывает просвещение от политического содержания, от практики борющихся классов, ибо просвещение, направленное на понимание практики классовой борьбы, является революционной силой.

С другой стороны, буржуазия не может обойтись без просвещения. Она нуждается в большом штате «просвещенных» чиновников и в определенных кадрах обученных рабочих, могущих работать у сложных машин. Будучи не в силах отказаться от просвещения, буржуазия проводит в отношении просвещения определенную классовую линию: делая доступным среднее и высшее образование экономически состоятельным классам и обрекая пролетарские и крестьянские трудящиеся массы довольствоваться, поистине, крохами просвещения, буржуазия одновременно превращает просвещение в затмение классового сознания масс, всеми силами стремится обратить его в простую умственную дрессировку. Очень ярко сказано об этом В. И. Лениным на III съезде комсомола. Неопровержимые доказательства этому дает нам просвещение в любой капиталистической стране. Возьмем ли мы Францию, наиболее упорно сохраняющую свои старые традиции (во Франции и поныне в массовом начальном просвещении сохраняются почти в неприкосновенном виде установки 1887 г.), или фашистскую Италию, откровенно проводящую линию на воспитание покорности и рабской преданности «луче» (Муссолини), или, наконец, САСШ, известные своей либеральной политикой в области просвещения,— всюду бросается в глаза стремление превратить просвещение в умственную дрессировку, в воспитание преданных рабов и чиновников. Именно к этому и сводится классовое содержание и таких «передовых» педагогических теорий, как теории американских педагогических вождей Д. Дьюи, Кильпатрик и др. Провозглашая лозунг такого образования, которое способствовало бы ориентировке якобы в любых социальных усло-

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 450.

² См. Доклад на Всероссийской конференции ВКП(б). (Собр. соч. Т. XXIV); Речь на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета (Собр. соч. Т. XXIII); Доклад на VIII съезде РКП(б) (Собр. соч. Т. XXIV); Речь на III съезде РКСМ (Собр. соч. Т. XXV); Речь на митинге в Алексеевском манеже (Собр. соч. Т. XXII); Доклад на VII съезде советов (Собр. соч. Т. XXVI); «О кооперации» (Собр. соч. Т. XXVII); «Лучше меньше, да лучше» (Собр. соч. Т. XXVII) и др.

виях, Дьюи и Кильпатрик, по существу, говорят не о чем ином, как о дрессировке, о формальном просвещении.

В. И. Ленин беспощадно боролся против формального просвещения, оценивая такое просвещение и культурничество как на деле буржуазное просвещение. На этом вопросе раскрывается вся принципиальная классовая разница во взглядах Ленина, с одной стороны, и меньшевиков, например Троцкого, с другой стороны, на характер культурной деятельности в эпоху диктатуры пролетариата. Тогда как Троцкий проповедывал именно формальное просвещение, культурничество вообще, не скрывая того, что это есть простое усвоение буржуазной культуры, В. И. Ленин учил, что просвещение без политического пролетарского содержания ничего не стоит. Даже такие элементы просвещения, как грамотность, должны служить делу строительства социализма¹⁾.

В проекте резолюции о пролетарской культуре В. И. Ленин борется против другой формы искажения понимания пролетарской культуры, против богдановско-пролеткультовской «левой» фразы о пролетарской культуре. На словах пролеткультовцы ратовали за пролетарскую классовую культуру. Но все их понимание пролетарской культуры было проникнуто антиисторизмом, отсутствием конкретного понимания содержания пролетарской культуры. Борясь против этого пролеткультовского формализма, абстрактности, Ленин писал: «В Советской рабоче-кр. республике вся постановка дела просвещения... должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры». Разъясняя, что нужно понимать под целями диктатуры пролетариата, Ленин продолжает: «т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком»²⁾. Как бы желая еще крепче подчеркнуть конкретно политическое содержание пролетарского просвещения, связь его с практическими задачами строительства социализма, Ленин добавляет: «Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практическим опытом) диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»³⁾.

В статье «Очередные задачи советской власти», «Как организовать социалистическое соревнование», «Великий почин», в выступлениях на съездах и совещаниях политпросветчиков и в других работах В. И. Ленин указывает, что для построения социализма, для социалистического перевоспитания масс необходима диктатура пролетариата — твердая власть рабочего класса, направленная на подавление и уничтожение эксплуататорских элементов, на объединение, организацию и руководство трудящимися массами, на построение социализма и переделку в ходе этого строительства своей собственной природы и социальной природы полупролетарских и непролетарских трудящихся масс.

Руководящую, воспитательную роль диктатуры пролетариата по отношению ко всему рабочему классу в целом, к деревенской бедноте и трудящимся вообще В. И. Ленин выясняет много раз и всегда на конкретном материале. Вот он пишет, например, письмо к питерским рабочим о голоде и мерах борьбы с ним (Собр. соч. Т. XXIII, 22 мая 1918 г.). Здесь на ультрапрактическом, «шкурном» вопросе он выясняет большие принципиальные вопросы: о социалистической организованности, о руководстве массами, о борьбе за социалистическое перевоспитание масс. «Одно из величайших неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочей, как руководителем бедноты, как

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 49.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 409.

³⁾ Там же, стр. 410; см. также т. XXV, стр. 450, 454, 455 и др.

вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, пошел в «народ»¹⁾.

Однако, напоминает В. И. Ленин, было бы преступлением забывать об особенностях переходного периода: о борьбе капиталистических элементов за старую экономику и культуру, забывать о враждебности социализму мелкобуржуазной анархичности, о глубоких корнях собственнических привычек у мелких производителей, о неоднородности рабочего класса. Все это требует, чтобы руководство со стороны пролетариата трудящимися массами в форме убеждения и воспитания сочеталось с принуждением по отношению к отдельным слоям—в том случае, когда они оказывают сопротивление, хотя бы и пассивное, но упорное и длительное,—и подавление и по отношению к классово враждебным элементам. «Диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть—непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо... Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением»²⁾.

В. И. Ленин указывает, что диктатура пролетариата означает руководство — в форме принуждения и убеждения — и к отдельным группам рабочего класса. Рабочий класс не отделен китайской стеной от буржуазии и мелких производителей, он не свободен от влияния и пережитков капитализма. Наряду с передовыми пролетариями, которые и осуществляют руководство, существуют группы и горсточки рабочих, над природой которых нужно много трудиться, чтобы превратить их в сознательных и активных строителей социализма³⁾. Таким образом, «направляющей силой» (Сталин) диктатуры пролетариата, силой, руководящей рабочим классом в целом и трудящимися массами, является самая передовая, сознательная, дисциплинированная и преданная социализму часть пролетариата, организованная в коммунистическую партию.

Продолжая развитие марксизма-ленинизма, т. Сталин обобщает опыт революции на каждом новом этапе переходного периода. В период перехода от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, в период, который был одновременно переходом к общему развернутому наступлению социализма против капитализма, т. Сталин выдвинул вопрос о партийной бдительности в идеологических вопросах, о непримиримой борьбе против буржуазных предрассудков в теории, о ликвидации отставания теории от практики социалистического строительства. В 1929 г. (XII, 27) на конференции аграрников-марксистов т. Сталин говорил: «...без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами. Новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. По-новому ставится теперь вопрос о напе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике пар-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 31.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 459—460.

³⁾ В статье «О характере наших газет» В. И. Ленин писал: «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы хранить интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше» (Собр. соч. Т. XXIII, стр. 213).

тии. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих голову наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, приобретших прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма»¹⁾.

В этот же период, обобщая первые итоги массового вступления середняка-крестьянина в колхозы, т. Сталин поставил задачу переделки колхозника, вчерашнего единоличника, в труженика социалистического общества. Тов. Сталин развивает марксистско-ленинское учение о перевоспитании трудящихся масс применительно к конкретному историческому этапу строительства социализма. Он говорит, что массовый поворот трудящихся масс крестьянства к коллективизации обусловлен победами социалистической экономики в стране над экономикой капиталистической. Но поворот «миллионов и миллионов основных масс крестьянства» в сторону колхозов требует и массовой переделки психологии вчерашнего мелкого собственника на основе новой экономики. «Было бы ошибочно думать, — говорит т. Сталин, — что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы механизированы, чем скорее будут колхозы тракторизированы»²⁾.

Когда развернутое наступление по всему фронту привело к окончательной победе социализма в промышленности и обеспечило победу социализма в сельском хозяйстве, когда благодаря этим победам СССР вступил в период социализма, в эти годы великого подъема т. Сталин с мастерством вождя и великого диалектика со всей остротой поставил вопрос о воспитании новой сознательной дисциплины, о развитии соцсоревнования и ударничества.

Так, на XVI съезде партии в 1930 г. т. Сталин говорит о великом значении социалистических форм труда, коренным образом преобразующих психологию человека. «Самое замечательное в социалистическом соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заторного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, дело славы, в дело доблести и героизма».

В этот же период (в 1931 г.) т. Сталин произносит две исторические речи: об овладении техникой и о новых методах работы («шесть условий»). Обе эти речи дают богатый материал по вопросу о преодолении традиций капитализма в стиле и методах работы. Тов. Сталин учит о воспитании трудящихся на таких образцах работы, которые свидетельствуют о знании дела, о сознательном овладении техникой, финансами, экономикой (речь о задачах хозяйственников 4 февраля 1931 г.); он учит о новых, социалистических методах поощрения труда, о ликвидации мелкобуржуазной уравниловки и обезлички, о воспитании новой, производственно-технической интеллигенции из рядов рабочего класса (речь 23 июля 1931 г.).

Наконец, на новом этапе, характеризующемся завершением построения фундамента социалистической экономики и окончательной победой социализма в городе и деревне, т. Сталин на XVII съезде партии говорит как

¹⁾ Сталин. «Вопросы ленинизма». Изд. 1933 г., стр. 433. Разрядка автора.

²⁾ Сталин. «Вопросы ленинизма». Изд. 1933 г., стр. 455—456.

о главной задаче на ближайший период о задаче превращения всех трудящихся в активных и сознательных строителей социализма.

Исторический доклад т. Сталина на XVII съезде партии дает по существу всестороннее обоснование и дальнейшее развитие ленинской теории о социалистическом перевоспитании трудящихся масс в ходе революционной борьбы за построение социализма. Указывая, что изменения в экономике и культуре знаменуют победу социализма, подчеркивая правильность и своевременность поставленной XVII партконференцией задачи преодоления во второй пятилетке пережитков капитализма в экономике и сознании людей, т. Сталин одновременно указывает на ту почву, которая еще питает пережитки капитализма: мелкую частную собственность, капиталистические элементы, капиталистическое окружение.

Мастерски применяя материалистическую диалектику к явлениям общественного сознания, т. Сталин отмечает специфические особенности преодоления пережитков капитализма в сознании людей, заключающиеся в отставании развития новых форм сознания от экономического развития. Наконец, т. Сталин указывает, что «эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах членов нашей партии». Остановившись на конкретных вопросах, по которым у некоторых членов партии существует искажение партийной теории о построении бесклассового общества и классовой борьбе во второй пятилетке, о сельскохозяйственных артелях и коммунах, о понимании социалистического равенства и т. д., т. Сталин со всей остротой и ясностью показывает необходимость непримиримой большевистской борьбы за выдержанную партийную марксистско-ленинскую идеологию, против уклонов от генеральной линии партии, за всемерное укрепление диктатуры пролетариата и ее роли в строительстве социализма, против всяких попыток представить классовую борьбу затухающей и против всяких попыток предоставить строительство социализма стихийному самотеку.

Таким образом, учение Ленина и Сталина о формах и методах преодоления пережитков капитализма в сознании людей приводит нас к пониманию роли диктатуры пролетариата и партии в социалистическом перевоспитании масс. Социалистическое перевоспитание трудящихся масс есть продолжение классовой борьбы пролетариата, одна из форм борьбы за социализм.

Роль социалистического соревнования в переделке трудящихся

Особое место в ленинском учении о социалистическом перевоспитании трудящихся масс занимает учение о социалистическом соревновании и воспитании организаторов из рабочего класса.

С уничтожением частной собственности на средства производства отпадают капиталистические и мелкобуржуазные интересы, стимулы предпринимательства: конкуренция, накопление собственности, работа из-за страха перед голодом. Каковы же стимулы для совершенствования, для проявления инициативы при общественном способе производства? Существуют ли такие стимулы? Не погашает ли социализм волю, к деятельности, интересы творчества? Буржуазные апологеты, считающие буржуазные формы деятельности «естественными», вытекающими из «натуры» людей, проповедают, что социализм уничтожает всякое соревнование, всякую борьбу и ведет к застою и деградации общественной жизни.

В. И. Ленин блестяще вскрывает лживость этой буржуазной «теории»¹⁾. В развитом коммунистическом обществе труд будет привычкой, потреб-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 158, 455 и др.

ностью здорового организма¹⁾. Стимулом к совершенствованию, к проявлению инициативы будут общественные нужды, потребности, задачи и то удовлетворение, которое доставляет самый процесс творческой свободной деятельности. Но такая ступень общественного развития требует длительного развития как производительных сил и производительности труда, так и нового, коммунистического сознания и дисциплины. На первых порах построения социалистического общества стимул к развитию деятельности лежит в том, сочетании общественного интереса с частным, которое конкретно выражается в социалистическом требовании: работа по способностям, вознаграждение по количеству и качеству работы за вычетом определенной доли, идущей на общественные нужды. Осуществление этого социалистического требования предполагает большой путь развития в преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Соревнование на социалистической основе (в противоположность конкуренции на буржуазной основе) является конкретным путем, ведущим к осуществлению социалистических форм труда. Социалистическое соревнование означает новое отношение к труду, когда труд из подневольного превращается в труд свободный, в «дело славы, дело чести, дело доблести и геройства» (Сталин). Таким образом, социалистическое соревнование, являясь выражением новых форм труда и нового отношения трудящихся к труду, знаменует борьбу за искоренение пережитков капитализма в экономике и сознании людей, ведет к объединению и организованности трудящихся, к устранению мелкобуржуазной анархичности и раздробленности. Создание нового человека, социалистические формы труда и основанная на них новая форма соревнования ведут к колоссальному росту производительности труда. «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами».

Массовый опыт социалистического соревнования рабочих социалистических заводов и фабрик, соревнование колхозников миллионами фактов подтверждают ленинское учение о социалистическом соревновании как форме перевоспитания трудящихся, повышения производительности труда, обобществления производства «на деле». Социалистическое соревнование вырастило нам новую породу людей — ударников социалистического производства, для которых общественное, государственное дороже своего, частного. Тысячи и миллионы рабочих живут, болеют интересами заводов, производства, проводя на заводе, у машины, на общественной работе, на учебе, целые дни. Тысячи и миллионы колхозников болеют душой за имущество, урожай колхоза: перевоспитываются старики, растет по-новому молодая поросль.

Всем памятно соревнование, развернувшееся в годы первой пятилетки на строительствах социалистических заводов-гигантов: Сталинградского тракторного, Харьковского тракторного, Магнитогорского металлургического, Днепрогэса, Кузнецкого и т. д. Тысячи рабочих получали тогда закладку в великом пафосе социалистического строительства, росли и воспитывались в соцсоревновании. Бетонщики, соревнуясь, поставили в июле 1931 г. мировой рекорд—1196 замесов бетона в смену. Теперь бригадир, поставивший со своей бригадой мировой рекорд по кладке бетона, Хабибулла Галлилулин, как и многие другие герои социалистическихстроек, осваивает технику производства на построенных ими заводах. Они принесли сюда

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 148 и сл.

любовь и навыки социалистической организации труда, волю к строительству новой жизни, к перевоспитанию самих себя.

Почему Яша Авдеев задержал вора колхозного хлеба и, избитый им, доставил его в правление колхоза? Им двигал «частный» интерес? Нет, его частный интерес, в том числе такой могучий интерес, как самосохранение, умолк перед сознанием ответственности за колхозное имущество. «Яша бежал с ребятами к пруду. На горюшке сидел человек, мешок пучился рядом... Яша бросился к человеку на грудь, схватил его за рубашку и рванул к себе: «Пойдем в коммуну! Вор! Пойдем в коммуну!» Человек отрывал его от себя, сбивал мешком на землю, но Яша вскакивал снова, зажмурясь бросался на кудака, крича: «Идем в коммуну», и вис на его груди...» А что двигало Фросю Сербину, лучшую ударницу по сбору колосков? «Ей восемь лет, а ее бригада собрала 25 центнеров ячменя и пионерским красным обозом привезла на элеватор». Фросей, как и тысячей колхозных детишек, собиравших этим летом колоски на сжатых полях, двигало сознание, что она приносит большую пользу колхозу и государству.

Теми же интересами руководился Ленья Селезнев. «Он хотел проверить тачанку бригадира, не везут ли зерно. Конюх исхлестал его кнутом до крови, но пока не швырнул его наземь, держал Ленья коня под уздцы»¹⁾.

Такие случаи не единичны. Мы знаем колхозных пастухов, которые рискуя жизнью, не покидали колхозных или совхозных стад в непогоду, в снежную бурю. Мы знаем сторожей, которые, охраняя колхозные амбары или ж.-д. грузы, не покидали своего поста, несмотря на то что их дома и имущество подвергались огню и грабежу, несмотря на отчаянный зов своих домашних. Откуда появились такие люди? Их воспитало социалистическое строительство; они выросли в социалистическом соревновании.

К XVI съезду ВКП(б) число ударников доходило до 1 млн. Через 1½ года, к XVII партконференции, число ударников выросло до 3½ млн. Сейчас соревнованием охвачены все заводы, фабрики, совхозы, МТС, колхозы. Каждое предприятие, колхоз, МТС выделяет десятки, сотни, тысячи ударников. Тысячи складываются во многие миллионы.

В. И. Ленин ценил социалистическое соревнование как форму обмена опытом и как воспитание примером. Важнейшим средством соревнования является гласность. Буржуазия боится гласности; под видом коммерческой тайны буржуазия скрывает то, что «происходит в мастерских, торговых сделках и/пр.» Называя каждую фабрику, каждую деревню производительно-потребительной коммуной, В. И. Ленин говорит, что каждая такая «коммуна» должна осуществлять планы социалистического государства с максимальным приложением своей инициативы, своего творчества в рамках государственных заданий. Хорошие и плохие образцы такой деятельности необходимо сделать достоянием гласности. «Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун. Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны, которые упорно хранят «традиции капитализма», т. е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции»²⁾.

Это указание Ленина наша партия под твердым ленинским руководством т. Сталина выполняет. Фабрики, заводы, совхозы, МТС, колхозы, охваченные соревнованием, не скрывают своих достижений и недостатков, учась друг у друга и воспитывая друг друга. Да если бы и пробовали скрыть, то это не вышло бы, ибо, соревнуясь друг с другом, они бдительно прове-

¹⁾ «Правда» от 4/XI 1933 г. Фельетон С. Третьякова.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 455—456.

ряют друг друга. Вот посмотрите, как шло соревнование на звание лучших бригад в колхозах Северного Кавказа. Бригады бригад, получивших в результате годового соревнования звание лучших бригад, пишут т. Сталину про организацию своего соревнования:

«Наши 250 бригад выделены были по краю как ведущие еще в начале 1932 г... Наше соревнование организовано так: внутри колхозов района деятельности каждой МТС все бригады оспаривают почетное место ведущей. Каждая из наших бригад свое звание ведущей получила по конкурсу всех бригад, организованному политотделом внутри колхозов массива МТС. А ведущие бригады — по одной от МТС — соревновались между собой в краевом масштабе. Их работу каждый день всему краю видать. И с каждым месяцем все большую силу приобретают наш пример, наше влияние, и сами мы становимся другими людьми». В самом деле, соревнуются лучшие бригады от каждой МТС, но за ними следят все колхозники края, ибо лучшие бригады получили право на соревнование в масштабе края с бою — в соревновании бригад каждой МТС. Вполне понятно, что на достижениях этих лучших бригад учатся и воспитываются. А учиться и воспитываться есть на чем. «Каждую пятидневку — взаимная проверка договоров, — пишут бригады т. Сталину. — Таборы ведущих бригад стали штабами межбригадных производственных совещаний». Результаты соревнования налицо: это образцовая работа, хороший урожай, воспитание новых людей, выявление талантов организаторов из среды трудящихся. «Был, скажем, Долбенко, как подсолнух над овсом, — на две головы выше всех бригад Тихорецкого района. Заключил он договор с бригадой Толстокорова». И оказалось, что обогнал Толстокорова Долбенко в работе, проявив большой организационный талант. На работе Толстокорова стали учиться другие бригады района.

Капитализм душил и давил таланты, которые имелись в рабочей и крестьянской толще. Социалистически организованный труд выявляет эти таланты, развивает их. В соревновании лучших бригад Северного Кавказа отличилась бригадирша Мария Ивановна Сафонова. У нее в бригаде хозяйство в 860 га. Это нешуточное хозяйство. В Московской, Ленинградской и в ряде других областей редкие колхозы имеют столько пахотной земли. В прежние времена, когда на нашей земле «хозяйничали» помещики, такое хозяйство «управлялось» целым штатом управляющих и приказчиков. А теперь таким хозяйством руководит Мария Сафонова. Да еще как руководит! Когда Сафонова приняла бригаду, бригада была самой отсталой. Вывела ее Сафонова в самые передовые и взяла первенство по своему Тацинскому району. Но кто эта Сафонова? «Своей земли Сафонова до революции не имела, годами батрачила у людей — больше всего на Макеевском хуторе, у кулаков Свинаревых». Так рассказывают лучшие бригады в письме к т. Сталину о социалистическом соревновании, своем росте и переделке своей классовой природы в ходе строительства социализма¹⁾.

Претворяя в жизнь ленинское учение, соревнуются заводы, совхозы, колхозы, целые края и республики Союза. Соревнуется Нижняя Волга с Татарской республикой на лучшую уборку урожая и досрочную поставку зерна государству (1933 г.); Урал соревнуется с Горьковским краем на лучшее проведение всего цикла сельскохозяйственных работ 1934 г., на лучшие показатели по урожайности льна, конопли, картофеля; ЦЧО соревнуется с Киевской областью за своевременное и образцовое проведение в 1934 г. ремонтной кампании тракторов по МТС и совхозам; Ивановский край и Северный край соревнуются на лучшую работу животноводческих совхозов, соревнуются домны, сталеплавильные цехи и шахты на лучшую домну, лучший ста-

¹⁾ «Правда» от 29/XI 1933 г.

леплавильный цех, лучшую каменноугольную шахту. Мыловаренные фабрики ТЭЖЭ вызывают на соревнование другие мыловаренные фабрики и т. д.

Социалистическое соревнование, уничтожая капиталистическую конкуренцию, заменяя буржуазный лозунг «Каждый за себя» социалистическим лозунгом «Каждый за всех и все за одного», уничтожает капиталистическую анархичность и порождаемые ею авантюризм, хвастовство, чванство, взаимное подсиживание и т. д. и вносит организованность и плановость в работу, инициативу и страсть в работе, переделывает психологию трудящихся в духе новых, социалистических трудовых отношений. В 1918 г. В. И. Ленин писал: «Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»¹).

Школу труда трудящиеся Союза проходят не на «капиталистической каторге», а в соревновании на социалистической основе. И это дает поразительные результаты.

Если подневольный эксплуататорский труд воспитывал у трудящихся ненависть и отвращение к труду, то социалистическая революция, уничтожая частную собственность на средства производства и эксплуататорские формы труда, создает новую культуру труда. Создание повседневной трудовой дисциплины — вот в чем В. И. Ленин видит одну из труднейших и в то же время одну из важнейших задач пролетарской революции. Он говорил о необходимости научиться «соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя во время труда» (XXII, 464).

Прекрасную конкретизацию ленинским положениям об умении работать дает т. Сталин в своей разработке проблемы ленинского стиля работы. Тов. Сталин говорит о сочетании русского революционного размаха и американской деловитости. «Русский революционный размах является противоядием против косности, рутинности, консерватизма, застоя мысли, русского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах — это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед. Но он имеет все шансы выродиться на практике в пустую «революционную» мановщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе»²).

Ленинский большевистский стиль работы находит сейчас свое практическое осуществление в широчайшем движении ударничества. Ударничество есть образец, сочетание революционного энтузиазма, деловитости и спорности в труде, сознательной дисциплины и революционной бдительности, образец овладения техникой, знания дела, поднятия своей квалификации и помощи, подтягивания отстающих в работе товарищей. Ярким примером ударной работы является движение Изотовых. Никита Изотов образцово применил учение Ленина — Сталина об умении работать, о подтягивании отстающих. Имя Изотова стало нарицательным, массовым.

Воспитание новых кадров

В ленинском учении о строительстве социализма и социалистическом перевоспитании в ходе этого строительства одно из первых мест занимает

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 454. Разрядка моя — Н. Б.

²) Сталин. «Вопросы ленинизма». Изд. 1933 г., стр. 74.

вопрос о выявлении и воспитании новых кадров. Ни один господствующий класс не обходился без преданных ему кадров организаторов, ученых, военных. Социалистическая революция, призвавшая массы к непосредственному строительству пролетарского государства, социалистической промышленности, социалистического сельского хозяйства, науки, искусства и т. д., нуждается неизмеримо больше в своих руководящих кадрах, способных планомерно руководить и направлять энергию и творчество масс. В капиталистическом обществе развитие шло стихийно, регулировалось рыночными отношениями. Строительство же социалистического общества нуждается прежде всего в сознательной организации масс и их деятельности, в учете и контроле.

В. И. Ленин, настаивая на поголовном участии трудящихся масс в управлении государством и хозяйством, указывал, что трудящиеся массы до Октябрьской революции, по вполне понятным причинам, никакого опыта в управлении государством не имели. И В. И. Ленин требовал, чтобы массы учились: «Недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда учение будет мягче. Теперь же, я говорю, что ученье не может не быть суровым—под страхом гибели»¹). В. И. Ленин верил, что в «народе» найдутся тысячи и миллионы организаторов, руководителей. В. И. Ленин знал, что соревнование на социалистической основе выявит эти таланты. Дело оставалось за учебой, за накоплением опыта.

Однако В. И. Ленин прекрасно видел, что создание своих руководящих кадров из толщи рабочего класса и беднейшего крестьянства, как бы оно в ходе социалистического строительства ни протекало широко и быстро, требует для своего осуществления годы и годы. А кадры нужны были сейчас же, немедленно. Выход состоял в том, чтобы, готовя свои кадры, широко привлекая к строительству социализма массы, использовать под строжайшим контролем опыт и знания буржуазных специалистов.

Учение Ленина и Сталина о создании кадров организаторов, специалистов техники, науки и искусства из среды рабочего класса и беднейшего крестьянства претворяется в жизнь. Наши успехи в области партийного и советского строительства, наши победы в строительстве заводов и в овладении техникой свидетельствуют на деле о создании таких кадров. Мы имеем проверенные закаленные пролетарские кадры партийных и советских руководителей; мы имеем свои кадры ученых, инженеров, писателей, педагогов-учителей; мы научились строить заводы, которых у нас никогда не было; мы овладели техникой, которая была для нас «знатной иностранкой».

Как и откуда растут наши партийные массовики-организаторы? Они растут из пролетарской массы, растут, усваивая знания, проверяя эти знания на опыте массовой работы, растут в боях за социализм. «Коля Масин—один из питомцев завода «Электросила». Помнят на заводе веселого Кольку-футболиста». Коля Масин поступил на рабфак; не порывая с производством, кончил рабфак; Коля был блестящим звеноорганизатором и хорошим производственнымником. На заводе «шла борьба за мощные турбогенераторы для Днепрогэса. Рабочие-катушечники по собственной инициативе по две—три смены не уходили с завода. Кто организовал энтузиазм людей в отделении катушечников? Коля Масин. Где лучше всего организована борьба с браком? В звене Масина». Коля Масин по предложению комиссии по чистке выдвинут секретарем партячейки.

Коля Масин—это тысячи. Партчистка выявила, что завод «Электросила» кроме Масина воспитал целый ряд прекрасных партийных организаторов-производственников: Алексеев, Данилов, Великанов, Языков, Пегов, Фокин... — 125 человек²). Сколько же организаторов воспитали за годы

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 46.

²) «Правда» от 15/XI 1933 г.

революции наша партия, советы, Красная армия, все наши заводы, фабрики, совхозы, колхозы, МТС и, наконец, хотя по значению в деле воспитания не последняя в этом ряду, советская школа!

Вот перед нами одна из сотен и тысяч таких биографий — биография Н. А. Соколова, начальника Летной испытательной станции Военно-воздушной академии, старшего руководителя кафедры воздушной техники. Сын безземельного крестьянина, семнадцати лет, — активный участник и герой гражданской войны, имеет два ордена Красного знамени. Уже тогда, во время гражданской войны, когда ему было 17—18 лет, проявил себя как организатор и руководитель масс. После гражданской войны — учеба. Теперь — высококвалифицированный специалист летного дела, закаленный большевик-организатор. В. И. Ленин говорил о таких талантах, организаторах из «народа».

Мы овладеваем техникой. Мы научились и продолжаем учиться производству того, что мы никогда не производили: сложнейшие станки, машины, электрическое оборудование, химическое производство. Каракумский автопробег — свидетельство на аттестат зрелости в деле усвоения техники, в деле создания кадров новых специалистов и организаторов советской промышленности.

Блестящий полет в стратосферу на 19 тыс м. Прокофьева, Бирнбаума и Годунова; побивший все рекорды полет в стратосферу на 22 тыс. м погибших храбрецов Федосеенко, Васенко и Усыскина — яркие страницы научных, технических, культурных достижений социализма. Американские летчики, сделавшие попытку подняться в стратосферу, достигли только 17 400 м высоты! Неплохая победа советских ученых, советской техники, советской власти!

Завоевание Арктики и победы в недрах морской пучины: поднятие эпроновцами в Финском заливе с рекордной глубины подводной лодки № 9, «Мальгина» у берегов Шпицбергена, «Потемкина» в Черном море, «Стеньки Разина» в Каспийском море и, наконец, поднятие за полярным кругом со дна Кандалакшского залива мощного «Садко», пролежавшего 17 лет на дне глубокого моря, — эти победы еще раз подтверждают блестящее развитие советской индустрии и науки, меньше по-большевистски, как учил Ленин, работать и воспитывать кадры организаторов и специалистов социалистической техники.

Мы добились этого правильным использованием наших старых и зарубежных специалистов и подготовкой новых специалистов из рабочего класса. В самом деле, кто, например, сконструировал фондолу стратостата «СССР», поднявшую отважных летчиков на 19 тыс. метров? В. И. Чижевский, 34 лет, сын пожарника, с 1919 г. член коммунистической партии, росший в революцию и вместе с революцией. Посмотрите руководящие кадры наших заводов. Не редкость встретить здесь на ответственных местах молодые советские кадры: начальник доменного цеха Магнитогорского завода Н. В. Клишевич кончил Горный институт в 1922 г.; его помощник, коммунист Сустановский, стал инженером к началу первой пятилетки; начальнику первой домны в Сталиноке всего 23 года; лучший сталевар «Дзержинки» В. Прусон, «столбовой пролетарий», весь свой производственный путь проделал на советской «Дзержинке»: сюда впервые поступил на работу, здесь же был принят в партию и т. д.; начальник вагонного цеха «Красного путиловца», партиец Курушин, кончил Политехнический институт в 1929 г. и т. д. и т. п.

Далеко шагнула вперед советская наука. Здесь также выросли новые кадры. Не говоря уже об общественных науках, где кадры ученых в большинстве своем не только советизированы, но и почти полностью коммунизированы, создание новых кадров идет быстрыми темпами (поскольку мож-

но говорить о быстрых темпах в создании ученых) и в области естественных наук.

Мы можем указать здесь (далеко не исчерпывающе) на ряд старых специалистов науки, которые создают советскую науку и воспитывают новые молодые кадры ученых,—академиков: Баха, Зернова, Вавилова, Зеленского, Хвольсова, Каблукова, Комарова, Мичурина и т. д.

Наряду с лучшими старыми специалистами и под их руководством выросли молодые советские ученые, как, например, профессора МГУ Шнирельман и Гельфонд, известные своими математическими работами (они родились в 1905 г.). Камай — профессор Казанского университета, татарин, бывший грузчик, известный работами в области органической химии; Айрапетьянц, кончивший аспирантуру в 1931 г., теперь заместитель директора Физиологического института ЛГУ; Дьячковский — профессор Горьковского университета, бывший шахтер, кончивший аспирантуру в 1920 г. и имеющий теперь 16 научных работ в области коллоидной химии; Быховская — директор института зоологии МГУ, окончившая университет в 1928 г., и др. Одно из замечательных явлений представляет Физико-технический институт в Харькове. Этот институт заслуженно пользуется мировой известностью своими работами по расстрелу атомного ядра. Между тем кадры ученых этого института: Лейпунский, Вальтер, Синельников, Гей и другие — сплошь молодежь. Самому старшему из них, профессору Шубникову, 38 лет.

Можно долго еще говорить о советской науке, о новом советском и большевистском ученом, писателе, инженере, технике. Много замечательных ученых, писателей, специалистов техники, организаторов социалистического производства вырастила из рабочего класса наша партия за годы революции. Суммарные данные о подготовке специалистов говорят сами за себя. В 1914 г. в России было 91 высшее учебное заведение. В начале первой пятилетки учебных заведений было 129, а в первом году второй пятилетки — 600. В 1914 г. в вузах обучалось 110 тыс. чел., в начале второй пятилетки — 200 тыс. чел., в первом году второй пятилетки — 490 тыс. чел. Неся на себе наследие царского времени, советская промышленность в восстановительный период была бедна инженерными кадрами. К началу первой пятилетки процент инженерно-технических кадров составлял у нас к общему количеству рабочих 0,92, а инженеры — 0,52%, тогда как в Германии инженеры составляли 1,38%, к общему количеству рабочих. Но к началу второй пятилетки картина инженерно-технической вооруженности нашей промышленности резко изменилась: сейчас инженеры и техники составляют в нашей промышленности 2,5%.

За последние пять лет наша страна получила из наших учебных заведений 60 тыс. новых инженеров, новых командиров промышленности. Сейчас в вузах и втузах учится около полумиллиона студентов. 70% из них — рабочие и дети рабочих. Таким образом осуществляется ленинское учение, выраженное в следующих словах т. Сталина: «Нам нужны не всякие командные и инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть»¹).

Путь создания командных и инженерно-технических кадров — путь упорной борьбы партии за классово выдержанную ленинскую линию, против правооппортунистического неверия в силы рабочего класса и не критического отношения к буржуазной науке и технике и против «левацкого» огульного отрицания буржуазной науки и техники и вытекавшего отсюда «левацкого» наплевательского отношения к старым и иностранным спе-

¹) Сталин «Вопросы ленинизма». Изд. 1933 г., стр. 595.

циалистам. Кадры из среды рабочего класса создавались в упорной учебе у старых и иностранных специалистов, в учебе не слепой, а критической, революционно-бдительной. Лучшие советские молодые ученые и инженеры, участвуя у наших старых и иностранных специалистов, перерастают их. Для иллюстрации мы воспользуемся здесь небольшим отрывком из рассказа З. Руммера «Учителя и ученики»¹⁾. З. Руммер рассказывает про период усвоения производства на заводе-уникуме Шарикоподшипник. Для налаживания сложного и чрезвычайно точного производства шариковых подшипников, никогда ранее у нас не производившихся, были выписаны иностранные знаменитости, высококвалифицированные специалисты. У этих специалистов учились наши молодые инженеры.

«Завод пошел. Но на второй же день этот большой, отлично оснащенный корабль наскочил на мель... Он не выпускал продукции. Со всех цехов массовым потоком двинулись в сборку кольца, сепараторы, шарики, но дальше сборки они не шли. Точность непревзойденная, неуловимая точность частей подшипника не была правильно рассчитана. Ни одного правильного размера! Головки распорок были велики, и подшипники не собирались. Распорки не входили в отверстия сепараторов. При клепке распорка не выдерживала давления и гнулась. Ошибка заключалась в диаметре головки. А менять распорку — значит менять сепаратор, штамп, инструмент, менять весь процесс. Мы бросились к нашим учителям. Конструкция и чертежи были рассчитаны ими. Мы благоговели перед их расчетами и конструкциями.

— Хорошо,—сказали они,—мы придумаем, мы сделаем.

Они предложили сверлить диаметр распорки. 25 тысяч распорок изготовили по их новому методу. Красивые были подшипники! Но при испытании на вращение и удар два подшипника выдержали испытание, а третий разлетелся. Подшипник не шел. На нем не могли вращаться колеса. Тогда мы начали сами экспериментировать, искать, изобретать.

Наши учителя в своем кругу тоже продолжали поиски правильных размеров. Но шли мы разными путями. Они настаивали на сверловке диаметра. Мы же искали новых размеров диаметра. Весь месяц завод метался в поисках. К концу месяца правильные размеры были найдены нами, учениками. Подшипник пошел. Это было для нас даже немного неожиданно.

Памятен эпизод с подшипником 0206. Никак не могли запрессовать шайбу, все время получалась овальность. Представители фирмы предложили одну за другой четыре конструкции штампов. Тщетно. Тогда мы начали искать. Чтобы не обидеть учителей, тайком от них, мы изготовили свою конструкцию штампа, на свой страх и риск. И когда иностранец предложил шестой, оказавшийся неудачным вариант, ему показали готовый штамп нашей конструкции.

Инженер был удивлен. Закусив губу, он осмотрел штамп и процедил:

— Ах, вы тоже ищите...

— Да, мы тоже ищем...

Вместе пошли в цех и попробовали штамп. Испытание показало: точность найдена.

Мы учились и дерзали.

Штампы, присланные фирмой «Вейнгартен», давали подшипники с торжением. Мы разработали свой штамп. В памяти моей встает картина. На одном прессе сидит представитель фирмы «Вейнгартен» и работает на своем штампе. На другом — наш. «Вейнгартен» выпустил три тысячи сепараторов, и штамп сломался. Наш штамп перевалил за десять тысяч. Инженер сам прощупал подшипник. Но что скажешь, когда он хорош?

... Первую очередь завода мы начали с благоговейного преклонения

¹⁾ «Правда» от 30/X 1933 г.

перед иностранным чертежом. Вторую очередь мы начинаем тем, что наши чертежи уже эскизируются иностранными специалистами и посылаются на передовые европейские заводы.

Мы еще учимся у наших иностранных учителей. Но мы уже не только ученики, но и учителя».

Значение экономических и культурных достижений для дальнейшего хода переделки людей

В. И. Ленин разработал свое учение о перевоспитании трудящихся масс в то время, когда мы только что приступили к социалистическому строительству (1918—1923 гг.), когда экономика нашей страны представляла пеструю картину различных укладов, начиная от патриархального и кончая социалистическим. Численно преобладающим было мелкотоварное крестьянское хозяйство, которое при возобновлении рыночных отношений явилось основой для развития капиталистических элементов, а вместе с тем буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. В. И. Ленин многократно подчеркивал, что нельзя успешно бороться против капитализма и мелкобуржуазной стихии без коммунистического воспитания масс, без борьбы против старого отношения к труду, против воровства, рвачества, взяточничества, вредительства, анархизма, обломовщины, бюрократизма. Задача состояла в том, чтобы воспитывать в трудящихся массах новое отношение к пролетарскому государству, к труду на социалистических предприятиях, к социалистическому имуществу. Со всей остротой стоял вопрос о ликвидации безграмотности и бескультурья. Указывая, что с безграмотным населением не победишь ни бюрократизма, ни собственнических, капиталистических традиций, В. И. Ленин учит, что без создания материальной базы борьба против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии не может дать широких и прочных результатов.

Теперь такая материальная база создана. Уже к концу первой пятилетки было завершено построение фундамента социалистической экономики и создана собственная база — база социалистической индустрии для завершения технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства. Первые годы второй пятилетки принесли новые победы социализма.

Подводя итоги достижениям социализма, т. Сталин на XVII съезде партии указал, что удельный вес социалистической промышленности составляет в настоящее время 99%, а удельный вес крупной обобществленной промышленности—99,93%; в сельском хозяйстве коллективизировано 65,4% всех трудовых крестьянских хозяйств, а об удельном весе в сельском хозяйстве социалистического сектора можно судить по тому, что в 1933 г. посевная площадь колхозов и совхозов составляла 85,5%. «Выходит, что капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единоличное-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции» (Сталин).

Все это создает новую материальную основу для преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Когда Ленин разрабатывал вопрос о социалистическом перевоспитании трудящихся масс, борьба шла за уничтожение капиталистического и за переделку мелкотоварного уклада. Теперь борьба за социализм перешла в новую высшую фазу. Фундамент социалистической экономики построен, и борьба в своем основном направлении развертывается по линии «окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, полного уничтожения причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей» (из резолюции XVII партконференции. Разрядка моя.—Н. Б.).

При Ленине борьба против пережитков капитализма в экономике и сознании людей имела свою материальную основу в виде одного социалистического уклада, который был «островом» среди мелкобуржуазной стихии. Последняя составляла широкую основу для буржуазной идеологии и развращающе влияла на менее устойчивые пролетарские элементы.

Теперь советский строй характеризуется безраздельным господством социалистических производственных отношений. Частно-капиталистический, госкапиталистический и патриархальный уклады уничтожены, мелкотоварный уклад не играет решающей роли. Это и определяет новую фазу в социалистическом перевоспитании, которое идет теперь по линии преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей на основе борьбы за полное уничтожение классов. Таким образом процесс социалистического перевоспитания получает невиданные до сего времени размах и глубину.

В. И. Ленин предвидел наступление такого этапа в строительстве социализма и социалистического перевоспитания трудящихся и дал ему теоретическое обоснование.

Было бы ошибкой думать, что социалистическое перевоспитание трудящихся теперь утрачивает характер классовой борьбы. Все ленинское учение вкорме противоречит такому взгляду. Классовый характер борьбы за социалистическое сознание масс сохраняется не только в силу того, что еще остаются разгромленные, но не уничтоженные совсем капиталистические элементы, но и потому, что пережитки капитализма в экономике и в сознании рабочих, колхозников и особенно крестьян-единоличников представляют громадную силу косности и привычки. Нельзя думать также, что хотя борьба за преодоление пережитков капитализма сохраняет свое классовое содержание, но формы ее будут менее остры. Наоборот, ликвидация капиталистических элементов и классов вообще может вызвать обострение классовой борьбы, которое неизбежно получит свое отражение и в борьбе за преодоление пережитков капитализма.

* * *

Другой немаловажной предпосылкой, кроме новой материальной базы, для дальнейшего развития борьбы за преодоление пережитков капитализма в экономике и в сознании людей является достигнутый уровень культуры трудящихся масс нашей страны. Этот достигнутый уровень культуры, как показано выше, явился сам результатом развития производительных сил и воспитания масс на социалистической основе. Но теперь достигнутый уровень культуры в свою очередь становится могучим фактором дальнейшего развития как производительных сил, так и преодоления пережитков в экономике и сознании людей. Это понятно. Культура, которую диктатура пролетариата, выполняя учение Ленина, взращивала и накапливала в ходе социалистического строительства, неразрывно связана с политическим просвещением, является в известной мере показателем роста политического сознания масс. Ликвидация же пережитков капитализма идет тем успешнее, чем яснее интересы и задачи пролетариата в социалистическом строительстве.

Каков же достигнутый уровень общей культуры масс? Отчасти об этом уже говорилось выше. Мы сделали гигантский прыжок в отношении грамотности. Почти ликвидировали ту поголовную безграмотность, которой прославилась царская Россия. Сейчас мы имеем 90% грамотных вместо 30% грамотных в 1913 г., при царизме.

В 1933 г. мы полностью закончили осуществление начального 4-летнего обучения по всем союзным республикам. Процент охвата семилетним обучением равняется по РСФСР 70, по Украине—96, по БССР—92.

Общее количество учащихся в 1933 г. достигает 26 419 тыс., тогда как в последние годы царского режима оно равнялось 7 млн. По ступеням образования учащиеся распределяются так: по начальному образованию—19 163 177; по среднему образованию—6 674 тыс. и по высшему образованию—491 тыс. учащихся. Кроме того дошкольным воспитанием охвачено около 6 млн. детей.

Количество высших учебных заведений выросло с 91 в 1914 г. до 600 в 1933 г.

Число научно-исследовательских учреждений выросло в 1933 г. до 840 единиц.

Большое развитие получили учреждения клубного типа — 54 тыс. в 1933 г.

Колоссально выросло количество кинотеатров — до 29 200 единиц в 1933 г.

Колоссально возрос тираж газет, а именно: до 36 800 тыс. в 1933 г.

Но эти сухие цифровые данные мало говорят воображению о качестве в данной стороне культурного роста масс. Обратимся к самим живым людям, послушаем, что они говорят о своем культурном развитии.

На совещании в «Правде»¹⁾ рабочие московских заводов дали яркую незабываемую картину своего культурного роста. Вот о себе рассказывает наладчик токарных станков на заводе им. Сталина Старшинов. Всего четыре года назад он был малограмотным. Но политическая жизнь завода его захватывает. Он поступает в комсомол, учится в политических кружках, потом в воскресном комвузе, упорно работает над классиками марксизма. Стимул к самообразовательной работе, упорство, с каким он работает над самообразованием, он черпает в окружающем коллективе: все его товарищи учатся, весь коллектив живет активной политической жизнью. Вскоре он избирается секретарем комсомольской ячейки, а потом коллектива. Появляется новый стимул к дальнейшей работе над собой. Коллектив большой, свыше тысячи человек, а секретарю надо быть выше всех «на голову». Кроме общественных наук Старшинов начинает изучать технику. Потом те же общественные мотивы заставляют взяться за свое художественное образование—Старшинов изучает художественную литературу, театр и т. д. В общем перед нами яркий тип высококультурного советского рабочего, которого воспитала, культурно вырастила социалистическая революция.

Такая же в основном история культурного роста повторялась в биографии каждого участника этого совещания. Работница завода им. Лепсе Коналова рассказывает, что в детстве (при царизме) мать не отдавала ее в школу, говоря, что качать детей («бабье дело») можно и не зная грамоты. Свою неграмотность она ликвидировала в 1918 г., потом училась последовательно в совпартшколе, горкомвузе, а теперь учится в «Свердловке».

Сорокин, работая на Электрозаводе, кончил рабфак, учится сейчас по вечерам—готовится стать инженером; института еще не кончил, но ему уже доверили руководство модельным цехом.

Вот типичная картина культурного развития рабочих-передовиков социалистической промышленности.

Большие сдвиги произошли в воззрениях и культурных требованиях колхозных масс. Колхозные массы участвуют—через советы—в управлении страной; выделяют из своей среды организаторов и руководителей колхозов: председателей, бригадиров, заведующих хозяйствами и т. д. Массы колхозников непосредственно участвуют в организации огромных сложных колхозных хозяйств. Все это создало невиданный культурный подъем. Сломлены

¹⁾ «Правда» от 29/XI 1933 г.

консервативность старой деревни, приверженность к «дедовским» методам обработки полей, ведение животноводства и пр. Наблюдается огромное стремление к агротехнике, к культурным методам ведения сельского хозяйства. Уже изжито враждебное отношение к трактору. Трактор, комбайн и другие с.-х. машины стали гордостью, желанным помощником колхозника. Овладение техникой трактора, овладение водительством трактора — заветное желание колхозников и колхозниц.

Культурные методы ведения сельского хозяйства, овладение техникой сельскохозяйственных машин, широкие перспективы руководящей советской работы и колхозного труда пред'являют настоячивые требования к грамоте, к широкому образованию. Чрезвычайно показательный для характеристики культурного роста колхозов документ представляет письмо колхозниц Георгиевского района Северного Кавказа к т. Сталину. Мы берем его только в части характеристики культурных запросов. Колхозницы пишут т. Сталину:

«...нам надо много учиться, чтобы уметь хорошо управлять большим хозяйством. И мы хотим всю эту зиму посвятить учению. Будем учиться общей грамоте и политической грамоте и агротехнике. Давайте нам больше книг, больше тетрадок, потому что жажда учения среди женщин очень большая. Вот например Головенченко Фекля, наша активистка, ей уже скоро 50 лет, но и она с охотой взялась за учение. «Без хорошей грамотности,—говорит она,—не смогу управиться с бригадой». Так говорят все, и молодые, и старые. «Как подошли мы к управлению общественной жизнью и хозяйством, то образование стало для нас не как роскошь, а как необходимая потребность, все равно что вода жаждущему человеку».

Ярким штрихом в этом великом переломе в сознании колхозных масс являются возросшие культурные потребности в быту колхозников. В этом году мы являемся свидетелями поразительных явлений в истории нашей деревни. Ведется большая общественная работа по рациональному, культурному расходованию доходов колхозников. В этом году колхозники благодаря социалистической организации труда и применению тракторов и других сельскохозяйственных машин получили в массе своей такое количество хлеба на трудодни, какое они никогда не имели раньше. Как же будут израсходованы богатые доходы колхозников? Пойдут ли они на пьяные престольные и двенадцатые праздники? Не утекут ли они в кулацкие карманы? Ответы на эти вопросы мы находим в появившихся в нашей печати сообщениях о том, как колхозники планируют реализацию своих доходов. При этом поражает, что наряду с хозяйственными затратами большая часть расходов предназначается на покрытие культурных потребностей: на покупку книг, радио, граммофонов, белья, кроватей с сетками, хорошей и красивой одежды, обуви, хорошего мыла и т. д.

В ряду других пережитков капитализма большим темным пятном стояло рабское положение женщины. Капитализм низвел женщину, по образному выражению Энгельса, на положение рабыни страстей своего мужа, на положение простого орудия деторождения. Социализм несет освобождение женщины, делает ее равноправной труженицей. Но путь освобождения женщины труден. Недостаточно дать женщине право, уравнивающее ее в общественном положении с мужчиной. Женщина остается неравноправной до тех пор, пока она экономически не стала в равное положение с мужчиной, а этому мешает мелкое домашнее хозяйство, которое приковывает ее к кухне, к корыту, к печке. «Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнуряющею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобод

бождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство»¹⁾.

Советский социалистический строй освободил женщину не только в правовом отношении, сделав ее полноправной гражданкой пролетарского государства, но, развертывая общественное питание, общественное воспитание детей (ясли, детсады, школы), общественное обслуживание (прачечные, бани), освобождает женщину и экономически, создавая возможность работы на социалистических предприятиях, в колхозах, совхозах, МТС. Работница, имеющая свой заработок, колхозница, имеющая свои трудовни, становятся независимыми, занимают в семье равное, самостоятельное положение. Работница и колхозница доказали, что они способны так же как и мужчины руководить государством, предприятиями, колхозом, овладевать техникой, давать образцы ударной большевистской работы.

На XVII съезде партии т. Сталин, отмечая этот факт, говорил: «Женщин колхозниц состоит в настоящее время председателями колхозов около 6 тыс., членами правлений колхозов—свыше 60 тыс., бригадирами—28 тыс., звеновыми организаторами—100 тыс., заведывающими колхозными товарными фермами—9 тыс., трактористами—7 тыс. Нечего и говорить, что эти данные не являются полными. Но и то малое, что имеется в этих данных, достаточно ярко говорит о большом росте культуры в деревне. Это обстоятельство, товарищи, имеет громадное значение... потому что женщины составляют половину населения нашей страны, они составляют громадную армию труда и они призваны воспитывать наших детей, наше будущее поколение, т. е. нашу будущность».

И в этом отношении письмо колхозниц Георгиевского района является замечательным документом. Оно ярко освещает сдвиги, происшедшие в положении женщины, в частности женщины-крестьянки, всегда наиболее забитой и приниженной. Колхозницы Георгиевского района, почуввав в себе силу, требуют больше внимания к женщине в вопросе выдвижения на широкую и ответственную государственную работу. Они последовательно требуют дальше, чтобы были устранены всякие тормозы в их политическом просвещении: они требуют газет и аккуратной доставки этих газет, они борются, наконец, как учил Ленин, за переделку мелкого домашнего хозяйства в крупное социалистическое хозяйство, они пишут т. Сталину:

«Читали вот мы в газетах и на собраниях слышали, что в Германии фашисты, стоящие теперь у власти, стремятся вернуть трудящуюся женщину на кухню, к горшкам и пеленкам, чтобы она дальше ничем не интересовалась. Чудно это нам показалось. Как будто бы культурная нация, а хотят держать женщин в темноте и рабстве. Мы думаем, что это у них не выйдет, вроде как у наших кулаков. Свернет фашистам голову трудящийся народ.

А мы теперь, т. Сталин, планируем, как больше освободить женщину-колхозницу от тяжелого быта, как бы облегчить свою тяжелую жизнь, чтобы еще больше вникать в общественное дело да в производство.

Есть у нас уже детские ясли, есть и детские площадки. Всю весну и лето наши дети от грудных до 14-летнего возраста содержались и воспитывались в яслях и на площадках. Ясли для грудных детей были организованы в поле, где работали матери. Думаем теперь, как бы это дело закрепить и улучшить. Надо сделать детские учреждения образцовыми, чтобы там детям было лучше чем дома. Колхозы не должны жалеть на это средств. Любые

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 343.

затраты окупятся, потому что женщины, имея свободные от детей руки, будут больше и лучше работать в общественном хозяйстве.

В нынешнем году мы, конечно, еще не в силах построить новые здания для детских учреждений, но как только разживемся, построим и оборудуем все, как надо. Думаем, что удастся это сделать уже в будущем году.

Планируем мы сейчас и другое: общественные прачечные. Это дело совсем еще новое в деревне. Но новизна нас не пугает. Обязательно надо организовать в каждом колхозе, а вернее в каждой бригаде, общественные прачечные. И вовсе нетрудно это сделать. Говорят, есть такие стиральные машины, что электричеством сами белье стирают, выжимают и сушат. Ну, мы пока и без стиральных машин обойдемся. В будущем доберемся, конечно, и до машин, а пока требуется только пара небольших котлов, несколько корыт, утюгов—вот и готова колхозная прачечная. Разве это так трудно устроить?

Почувствовали мы в себе теперь большую силу. Мы не одни, с нами рабочий народ, за нас стоит коммунистическая партия, за нас—государство. Вся страна—наша. Разве есть на свете такое дело, которое мы, трудящиеся, не «могли бы сделать?»

Октябрьская революция открыла широкий путь для развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. Октябрьская революция уравнила бывшие «малые» и «большие» нации нашего Союза. В национальных республиках началось быстрое развитие социалистической экономики и культуры. Известны быстрые успехи культурного развития Украины, Белоруссии, народов Средней Азии, Кавказа, Сибири, Поволжья, Урала. Так, в Узбекистане в 1913 г. грамотных было 2%, а в 1932 г.—72%; в Таджикистане в 1913 г. грамотных было 1,5%, а в 1932 г.—52%, в Туркменистане в 1913 г. грамотных было 2%, а в 1932 г.—61%.

Возьмем одну из задавленных и отсталых в прежнее время народностей—Чувашию. В Чувашии при царизме не было ни одного крупного промышленного предприятия, в сельском хозяйстве царили соха, деревянная борона, трехполка; грамотных насчитывалось всего 18%, и те были почти исключительно из богачей и духовенства; не было ни одного высшего учебного заведения; единственным средним учебным заведением была духовная семинария. Народ Чувашии вымирал от социальных болезней—трахомы и др.

Теперь Чувашия имеет крепкую материальную базу социалистического строительства. За годы первой пятилетки выросли огромные предприятия: Козловский и Шумерлинский комбинаты, дубильно-экстрактный и фосфоритный, лесохимические заводы и стройматериалов. Сельское хозяйство на 46% коллективизировано; создано 9 МТС; 210 тракторов работают на колхозных и совхозных полях Чувашии.

Чувашия стала страной на 97% грамотной. Имеет 24 различных техникума, 2 вуза, курсы марксизма-ленинизма, 3 научно-исследовательских института. 93% подрастающего поколения Чувашии обучается в средних школах. Чувашия, не имевшая раньше ни одной газеты, имеет сейчас 15 республиканских газет и журналов и 18 районных газет. Возникли национальная литература и искусство.

Чувашия—это только один из тех многих угнетенных ранее народов, которые теперь получили свободное развитие и, строя социализм, борются за национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

* * *

Разительным контрастом культурному развитию нашей страны является упадок культуры в капиталистических странах. Когда-то триумфально шествовавшие буржуазные философия, наука и искусство все больше и больше

ше деградируют, впадая в мистицизм, в открытую поповщину. Возвращение к средневековью—вот линия развития буржуазной культуры.

Капитализм «отказывается» от развития техники и вызывает о возвращении к «золотому веку» простых орудий. Капитализм отказывается от обязательного обучения. Зачем оно, когда образование не приносит ни заработка, ни удовлетворения? Количество учащихся в Германии сократилось с 1931 г. по 1932 г. на 45 тыс. чел. Сокращение учащихся имеется во Франции, САСШ, Японии, Италии. В Японии в марте 1934 г., как сообщает газета «Отару Симбун» от 5/V 1934 г., предстоит сокращение 9 тыс. учителей низших и средних школ.

В САСШ, по данным Федеративного управления народным образованием («School and Society» № 948, 1933), число учителей сокращено на 14 тыс.; зарплата учителей снижена на 20%; текущие школьные расходы сокращены на 112 800 тыс. долл.; школьное строительство—на 118 млн. долл. Сильные сокращения произведены по высшей школе. По данным анкеты, проведенной студенческим фондом ссуд («Education Record». Октябрь, 1933), в 153 вузах САСШ с 1930—1931 г. сокращено 942 профессора. Всего высших школ в САСШ свыше 700. Таким образом общее количество сокращений по высшей школе достигает громадной цифры.

В Италии сокращение школьного бюджета маскируется переводом на государственную плату учителей городских школ, которые раньше находились на бюджете городских самоуправлений. Кроме того фашистское правительство «дальновидно» перестало публиковать с 1925 г. статистические данные о начальной школе, которые выходили раньше ежегодно. Не публикуются до сих пор и итоги переписи 1931 г. о количестве неграмотных в Италии. О состоянии школы можно судить по уплотненности классов. Эта уплотненность достигает 70 чел. Разумеется, что это не может служить доказательством «блестящего» состояния школы. На высшее образование в 1933—1934 г. ассигнования сокращены на 2 011 470 лир; на академии и библиотеки—29 400 лир; на музеи и искусства — 350 тыс. лир.

В Германии свыше 35% инженеров безработных (по статистике 1932 г.). В Польше число безработных работников умственного труда, людей с университетским образованием, достигает свыше 60 тыс. В САСШ почти половина общего количества инженеров, как сообщает газета «Нейшен», не имеет работы. Японская газета «Ници-ници» сообщает (1/VIII 1933 г.): «Число окончивших высшие учебные заведения в 1933 г. составляет 12 163 чел., из них принято на работу 4 881 чел., или 40%. Число окончивших специальные учебные заведения — 19 496 чел., из них принято на работу 8 632, или 44,3%. Число окончивших среднепромышленные учебные заведения — 20 991 чел., из них принято на работу 9 195 чел., или 43,8%».

Как ни жутки эти цифры, они далеко не говорят всего. Они не говорят о положении рабочих и крестьян, которые лишены всякой культуры и массами гибнут в тюрьмах, на виселицах, от безработицы и голода. Эти цифры не говорят о безработице и голоде крупнейших деятелей буржуазной науки, техники, искусства. Они не говорят о том «идеологическом» контроле, которому подвергает сейчас науку, искусство и т. д. фашистское правительство в Германии, Италии, фашизирующей Японии. Профессор Ю. Ю. Шаксель, бывший директор Института экспериментальной биологии при Иенском университете, сообщает в письме¹⁾, что в Германии за недолгое время фашистской диктатуры более 800 ученых вынуждены были оставить свою работу. За что же фашистское правительство увольняет буржуазных ученых? За все: за подозрение в марксизме, за несколько капель семитской крови, за

¹⁾ «Правда» от 6/XI 1933 г.

недостаточную агитацию и пропаганду фашизма с профессорских кафедр, за подозрение пацифизма в «седьмом колене» и т. д. Профессор Ганс Блунчи, с большим научным именем, должен был расстаться со своей кафедрой во Франкфуртском университете, так как был заподозрен в прежней связи с какой-то пацифистской организацией. Сообщая об этом, профессор Шаксель замечает, что «Блунчи не еврей и не марксист».

Два мира, две системы, две культуры. Культура социализма, развивающаяся в ходе социалистического строительства, заимствующая из буржуазной культуры все положительное и непримиримо преодолевающая то, что классово враждебно социализму. Это культура, чуждая всему аристократическому, эксплуататорскому, собственническому, индивидуалистическому, повскому. Это культура, создаваемая в свободном соревновании на социалистической основе. Она стремительна в своем развитии. Ее сила—в массах.

Культура гибнущего капитализма—чудовище, убивающее свой собственный плод, убивающее все положительное, все ценное, что было ею же создано раньше; культура, деградирующая к средневековью. Эта культура враждебна пролетариату, массам, социализму. Она разлагается, гниет вместе с ее экономической и социальной основой—умирающим, гниющим капитализмом. Она обращена лицом к уходящему, прошлому, одряхлевшему миру. Будущее принадлежит революционной социалистической культуре нового общества, освобожденного от пут эксплуатации, угнетения и насилия паразитических классов.

На философском фронте Украины*)

За последнее время мы имеем на Украине определенные успехи в деле преодоления того огромного прорыва, который был допущен парторганизациями Украины на протяжении двух последних лет в области хлебозаготовок, в области подъема сельского хозяйства.

Этих сдвигов парторганизации Украины добились прежде всего благодаря помощи со стороны ЦК ВКП(б) — предоставлению Украине семенной ссуды и, главное, посылке целого ряда крупных партийных работников, в первую очередь тт. Постышева, Попова, Балицкого и др. Укрепленное руководство ЦК КП(б)У сумело действительно мобилизовать, «вздыбить» не только все партийные организации, но и беспартийные рабочие и колхозные массы на преодоление отставания сельского хозяйства и прорывов прошлого года.

Совершенно ясно, что успокоиться на этих успехах ни в какой мере нельзя. Ибо задачи, стоящие на данном этапе перед парторганизациями, рабочим классом, колхозниками и трудящимися Украины в целом, огромны.

Но разрешить эти задачи возможно лишь при том условии, когда, учитывая ошибки прошлого года, мы полностью осознаем, что главные трудности этого года на Украине заключаются в том, что «вредительская работа еще не раскрыта и не выкорчевана полностью. Вредитель ушел вглубь, проводит свою подрывную работу замаскированнее, тоньше, искуснее»¹⁾.

Таким образом, остатки классового врага еще не добиты, и потому усиление революционной бдительности, качества, «которое особенно необходимо теперь большевикам» (Сталин), есть то первоочередное условие, которое необходимо для выполнения величайших задач современного этапа.

Это требование тем более актуально для парторганизаций Украины, что «притупление большевистской бдительности в отношении классового врага — вот в чем самая тяжелая по своим последствиям вина партийных организаций Украины. В этом основная, коренная их ошибка»²⁾.

Прорыв 1931 и 1932 годов в области сельского хозяйства и хлебозаготовок на Украине был теснейшим образом связан и в то же время углублялся ошибками, допущенными в национальной политике, притуплением бдительности в отношении контрреволюционных, националистических, петлюровских элементов. Благодаря этому контрреволюционные, петлюровские элементы получили возможность пролезть в колхозы, совхозы, а иногда даже в советские и партийные учреждения и, прикрываясь лживонациональным флагом, «тихой сапой» делать свое контрреволюционное дело.

*) Перевод с украинского передовой из журнала «Прапор марксизму-ленинизму», № 2—3 за 1933 г.

Редакция считает целесообразным ознакомить читателей журнала «П. З. М.» с положением на философском фронте Украины и задачами, которые перед ним стоят.—Ред.

¹⁾ П. Постышев. Речь на июньском пленуме.

²⁾ Там же.

Эта националистическая, контрреволюционная работа подкреплялась активной помощью со стороны украинской буржуазно-националистической эмигрантской контрреволюции, которая создала на территории Западной Украины значительные разветвленные контрреволюционно-националистические организации (например УВО—Украинская военная организация), подготавливавшие отрыв Украины от Советского союза, восстановление буржуазной «независимой» Украины, одновременно ориентируясь на помощь буржуазной Германии и буржуазной Польши.

Соответственно этому они расставили свои силы, связали свою агентуру с фашистской буржуазией и Германии и Польши, чтобы быть готовыми и на тот и на другой случай.

Вот как формулировала эту тактику одна из контрреволюционных газет украинской эмиграции:

«Угнетенная нация имеет в основном только две возможности политической тактики, которые в известной мере обеспечивают успех ее политики освобождения.

Первую из них назовем тактикой подготовки нации...

Но что значит такая подготовка, если перевести ее на язык политической практики? Это значит, что нация должна сохранить за собой в своей политической тактике такую величайшую подвижность и эластичность и на тот и на другой случай, такую свободу решений и действий, которые позволили бы ей дорасти до высоты каждой задачи и победно справиться с ней перед лицом даже наибольшей неожиданности или комбинации в этой подготовке, которую должна иметь ударная часть угнетенной нации, чтобы в любое время и при любой ситуации она была способна ликвидироваться в том или ином месте или быть перекинутой на тот или другой участок. Ибо могут создаться такие политические ситуации и такие объединения, которые сейчас людям даже не снятся, точно так же как они уже создавались во время великой войны и еще более во время нашей освободительной революции...»

Такой тактики придерживалась украинская контрреволюция, надеясь на различные возможности восстановления буржуазной «независимой» Украины.

Одновременно, надеясь на буржуазное перерождение советской власти, которая ввела в 1921 г. новую экономическую политику, эта националистическая контрреволюция в 1923—1924 г. переходит к глубокому маневру, известному под названием «сменовеховства» и заключающемуся фактически в замене открытой борьбы, рассчитанной на свержение советской власти, борьбой скрытой, которая, имея ту же цель, ориентировалась на внутреннее буржуазное перерождение советской власти.

В это время украинская контрреволюционная эмиграция выкидывает лозунг возвращения на Украину. Об этом, как показал чрезвычайно ярко в своем докладе на активе харьковской парторганизации секретарь ЦК КП(б)У Н. Н. Попов, пишет ряд выдающихся украинских националистических, контрреволюционных деятелей: известный Винниченко, украинские эсеры Григорьев, Шаповал и др. Причем например Винниченко, этот трубадур двурушничества, наиболее полно отражая тактику лжи и обмана, выпускает лойальную в отношении советской власти брошюру «Возвращение на Украину», а в письме к своим друзьям, таким же двурушникам как он, одновременно пишет следующее:

«Теперь, приняв во внимание политическое отношение Западной Европы к советской власти и одновременно политическую группировку, созданную под руководством Англии с целью не только политического

ослабления, но и ликвидации советской власти, я полагаю, что Украина и Россия могут очутиться в таком положении, что большевики будут вынуждены уйти от власти. Чтобы выяснить суть намерений заинтересованных в ликвидации советской власти государств, я вошел в контакт с компетентными кругами, а ознакомившись с этим, решил воспользоваться разговорами, которые ни к чему не обязывают, с Приходько (бывший советник пражского полпредства.— *Ред.*) и начал переписку по вопросу о моем возвращении на Украину. Цель моего возвращения та, чтобы быть в решительный момент на месте».

То же самое не менее открыто высказывает украинский эсер Григорьев. «Вопрос о возвращении на Украину,— говорит он,— не нужно понимать как признание большевистской власти на Украине. Борьба с большевиками на Украине целесообразнее всего изнутри чем извне, и поэтому возвращение нашей эмиграции необходимо, чтобы усилить наше влияние новыми способами».

В то же самое время наряду с легальным возвращением на Украину ряда выдающихся членов ЦК УПСР (Украинской партии соц.-революционеров) — Грушевского, Христюка, Шрега, Никовского — другими путями на Украину посылаются для контрреволюционной, националистической работы, иногда под видом членов коммунистической партии, целый ряд агентов упоминавшейся уже контрреволюционной организации (УВО).

Эти националистические, контрреволюционные элементы (Эрстенюки, Баданы, Яворские и др.), используя притупление партийной бдительности в парторганизации Украины, сумели пролезть на ответственные посты в целом ряде советских, культурных и научных учреждений, расставить в них своих людей и влиять на линию Наркомпроса и других, в особенности научных, организаций как в теории национального вопроса, так и в проведении национальной политики в области школы, культуры, литературы и науки. Благоприятную почву для контрреволюционной работы националистических элементов, усиленное проникновение которых на Украину проглядела КП(б)У, создавало наличие в самой КП(б)У возглавлявшегося Скрыпником националистического уклона, оформление которого также не было своевременно замечено и вскрыто КП(б)У и ее руководством.

Главной, характернейшей чертой этого нового националистического уклона было чрезмерное преувеличение значения национального вопроса, игнорирование основных положений Ленина и Сталина о подчинении национального вопроса вопросам классовой борьбы. Отсюда происходит целый ряд крупнейших ошибок Скрыпника, которые в последнее время переросли в целую, законченную систему взглядов, в националистический уклон от линии партии. Отсюда происходят националистические теории Скрыпника, его требования превратить Советский союз из федерации в конфедерацию. Эти требования, направленные к ослаблению мощи Советского союзного государства и превращению его в союз государств, получили в свое время решительный отпор со стороны т. Сталина. Отсюда происходят возражения Скрыпника против пунктов Союзной конституции, устанавливающей, что вся земля является собственностью Союзного государства, и против требования установить права собственности на землю для каждой республики, входящей в союз, и т. д. и т. д. Отсюда, из-за ослабления, а порой утраты большевистской бдительности, происходит не только непосредственное примиренчество, а прямое смыкание с националистическими, контрреволюционными элементами, которые толкали Скрыпника на путь дальнейшего углубления своих ошибок, дальнейшего отрыва и противопоставления себя партии. Эти националистические, контрреволюционные элементы в последнее

время буквально «водили его пером», за его широкой спиной члена Политбюро ЦК КП(б)У расставляли свои контрреволюционные силы, используя и развивая его линию на противопоставление Украины Советскому союзу, подбивая его встречать в штыки все то, что шло от Союза, от ЦК ВКП(б).

Все это послужило причиной того, что, «запутавшись в своих связях с этими (украинскими буржуазно-националистическими.— Ред.) элементами, Скрыпник допустил ряд политических ошибок и, осознав эти ошибки, он не нашел в себе мужества по-большевистски преодолеть их на деле, а прибегнул к акту самоубийства» (ЦК ВКП(б)).

Насколько значительное распространение получили проникавшие на Украину контрреволюционные, националистические элементы, насколько широкую работу они проводили, видно из наличия националистических извращений в школьном строительстве, на культурном фронте вообще, из распространения националистических теорий и теориек на историческом фронте Украины. Сюда относятся так называемая теория «безбуржуазности» украинской нации и прикрашивание украинских национал-социалистических партий, в частности теория «национал-большевизма» и теория «дукулачности», «дополнительной схемы» и т. д. и т. п.

Эти же националистические теории имели распространение и на аграрном, и на литературном, и на философском участках теоретического фронта Украины.

Вот почему Н. Н. Попов, начиная свой доклад на харьковском активе 9/VII, вполне основательно говорил:

«Задачу под'ема нашего сельского хозяйства нельзя решить, не выправив ошибок, допущенных в национальном вопросе, не очистив нашу партию, наши советские, культурные, земельные, колхозные и другие органы от буржуазных националистов, не мобилизовав всю партийную массу на борьбу с национализмом, не усилив работу по интернациональному воспитанию масс» (разрядка Н. Н. Попова).

Из этого следует сделать тот вывод, что задача работников каждой области социалистического строительства, особенно на Украине, состоит в усилении большевистской бдительности, в повседневной проверке своих кадров, своей продукции через еще большее развертывание широкой партийной самокритики, через привлечение и выдвижение на руководящую работу молодых украинских подлинно большевистских кадров.

Эта задача со всей остротой стоит перед теоретическим фронтом Украины, ибо обострение и усложнение классовой борьбы неизбежно находят свое отражение и на теоретическом фронте, причем соответственно новым, замаскированным, усложнившимся формам классового сопротивления социалистическому строительству мы имеем и будем иметь особенно замаскированные, утонченные, облаченные часто в ризы аллилуйских клятв, утонченнейшего двурушничества выступления врагов марксизма-ленинизма.

«Оппортунизм,—говорил когда-то Ленин,—можно выразить в терминах какой угодно доктрины, в том числе и марксизма»¹⁾. Это положение Ленина получает особенное значение в настоящее время, когда остатки враждебных пролетариату классов прибегают к сложнейшим маневрам, прикидываясь друзьями колхозов, а их «полпреды» на теоретическом и национально-культурном фронте, прикрываясь аллилуйскими клятвами в верности марксизму-ленинизму, пытаются контрабандным путем протасовать враждебные пролетариату теориейки и взгляды.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 169. Разрядка Ленина.

Яркие примеры этого утонченнейшего двурушнического протаскивания враждебных марксизму-ленинизму «идеек» и фальсификации марксо-ленинской революционной теории, протаскивания и обоснования контрреволюционных, националистических теоретик мы имели и в прошлом, имеем и в настоящее время также и на философском фронте Украины. Эти факты ставят теперь, как никогда, перед философским фронтом Украины требование усилить партийную бдительность и борьбу за качество научной продукции, за ее идеологическую выдержанность, за ее высокий теоретический уровень. Ибо только при помощи острейшего оружия—марксистско-ленинского учения, которое отображает, обобщает весь опыт эпохи империализма, пролетарской революции и строительства социализма в нашей стране, можно вскрыть любые замаскированные выступления против марксизма-ленинизма и двинуть развитие теории дальше, соответственно величайшим задачам современности.

Усиление партийной бдительности и повышение качества научной продукции—это главные, органически связанные между собой задачи, встающие теперь с особенной остротой перед философским фронтом Украины.

Переходя под этим углом зрения к оценке прошлого этапа развития философской работы на Украине, нужно сказать, что осуществление этих задач далеко отставало от требования современного момента.

В частности нужно отметить, что не были разоблачены и заклеены открытые и замаскированные ярко националистические, фашистские выступления на философском фронте Демчука, Билика, Бона—активных сообщников националистической контрреволюции.

Также не были вскрыты и в достаточной степени раскритикованы буржуазно-идеалистические и националистические взгляды Юринца, в которых он по существу смыкался с контрреволюционным национализмом Яворского и Демчука,—его философское обоснование контрреволюционной яворщины и в отношении ее схемы истории Украины, и в отношении ее утверждений о безбуржуазности украинской нации, и в отношении ориентации на западную буржуазную культуру.

Не были раскритикованы также механистическая ревизия философии марксизма-ленинизма со стороны т. Семковского и антиленинские выступления его по национальному вопросу, которые делались им еще в 1923 г. и до сих пор еще нигде не подвергались критике.

Причины такого положения на философском фронте лежат в притуплении большевистской бдительности.

Постановление ЦК КП(б)У о сборнике киевского отделения ВУАМЛИН (Всеукраинская ассоциация марксо-ленинских институций) «За ленинскую философию» под редакцией Нырчука наряду с надлежащей большевистской оценкой сборника и в особенности статей и метода работы Нырчука отмечает, что Институт философии ВУАМЛИН «не проявил достаточной, надлежащей бдительности, не разоблачил своевременно плагиата из классиков марксизма в статье Нырчука и ряда грубых ошибок в работах авторов сборника» (из постановления ЦК КП(б)У от 8/V 1933 г.).

Таким образом как это постановление, так и постановление ЦК КП(б)У об исключении из партии Юринца, в котором вторично обращается «внимание философского руководства ВУАМЛИН на притупление большевистской бдительности в отношении В. Юринца», выдвигают перед теоретическим фронтом, в особенности его философским участком, требование повышения партийной бдительности и выпуска только высококачественной, идеологически выдержанной продукции, ибо факт выхода антиленинского сборника, к сожалению, не был единичным случаем, а отражал состояние философского фронта вообще—гнилой либерализм и элементы примиренчества, имевшие место у руководителей Научно-исследовательского института философии

(Левик, Степовой) и не встречавшие также надлежащего отпора со стороны руководства партийной ячейки. Это и было главной причиной ряда враждебных марксизму-ленинизму выступлений и отсутствия решительной борьбы с националистическими вылазками на философском фронте.

Уже через некоторое время после философской дискуссии (1930—1931 гг.), которая проводилась с партийных позиций против старого руководства (Юринец, Семковский) силами аспирантской молодежи и молодых научных работников, на философском фронте начали гулять теориейки о том, что борьба за чистоту марксо-ленинской теории уже завершена, что задачу этой борьбы нужно считать снятой, что начинается эра «положительной» работы для Научно-исследовательского института, эра учебы для ИКП философии.

Этим теорийкам, по существу отрывавшим задачу положительной работы от задач борьбы за чистоту марксо-ленинской теории, не было своевременно дано надлежащего отпора. Они продолжали распространяться, что привело к ослаблению партийной бдительности, снижению качества работы, притуплению самокритики и критики меньшевистствующе-идеалистической и механистической ревизии философии марксизма-ленинизма, отсутствию решительного разоблачения националистических вылазок Демчука и его пособника Юринца. Фактически отсюда происходят корни того прорыва, который обнаружился в последнее время в связи с наличием позорного плагиата Юринца, с протаскиванием им в учебнике своей буржуазно-идеалистической, в основном неогегельянской, фашистского типа философии, в связи с выходом фальсификаторского антипартийного сборника под редакцией Нырчука, со стремлением Семковского смазать в некоторых работах и в выступлении на президиуме ВУАМЛИН значение механистического материализма как главной опасности современного этапа на философском фронте.

Все это тем более усиливает вину руководства философского фронта, что указанные работники на прошлом этапе уже были частично разоблачены и в резолюции философского партийного коллектива во время дискуссии как и Юринцу, так и Семковскому даны отрицательные характеристики (хотя и безусловно недостаточные), что несомненно требовало с особым вниманием и бдительностью следить за их дальнейшей научной работой.

Во время так называемой философской дискуссии в начале 1931 г. ячейка коллектива философско-социологического отдела Института марксизма характеризовала Юринца следующим образом: «Для т. Юринца была характерна позиция ярко выраженной идеалистической ревизии марксизма-ленинизма»; далее: «философские взгляды Юринца есть по существу взгляды меньшевистствующего идеализма с непосредственным влиянием буржуазного идеализма»; еще дальше: «следует отметить также неправильное отношение т. Юринца к методологическим вопросам украинского теоретического фронта, что проявилось в допущенной им квалификации схемы истории Украины Яворского как марксистской».

Несомненно — и теперь это становится особенно ясным — эти оценки Юринца недостаточны. Они не вскрывают буржуазно-идеалистической и националистической сущности контрабанды Юринца как безусловного представителя буржуазно-идеалистической, в основном неогегельянского, фашистского типа философии и философского обоснователя контрреволюционной националистической яворщины.

Ведь именно Юринец, восторженно отмечая «создание марксистской схемы общей истории Украины» Яворским как «отрадное явление», приветствовал «стремление украинского идеологического фронта к синтезу», что по существу было выдвижением лозунга оформления системы взглядов украинского воинствующего национализма, лозунга, подхваченного и раз-

витого дальше Демчуком в его книге «Разложение современной буржуазной философии».

Ведь именно Юриец вместе с Демчуком мечтал о ренессансе национализма под знаменем «Великой соборной Украины», обвиняя Донцова в том, что он недостаточно удачно связывает «наш ренессанс национализма» с западноевропейским национализмом («Философско-социологические очерки», стр. 206).

Таким образом Юриец целиком присоединяется к задаче возрождения украинского национализма, а в других высказываниях подчеркивает даже, что для него национальная принадлежность выше классовой и партийной.

«Для каждого украинца,— пишет Юриец в той самой статье, название которой («В трясине украинского фашизма») целиком определяет его позицию,—фигура Драгоманова занимает видное место, и каждый украинец (а в том числе и украинец-коммунист) должен произвести расчет в ту или другую сторону с драгомановством» (стр. 213).

В той же самой статье Юриец обосновывает контрреволюционное, националистическое положение о «безбуржуазности» украинской нации и, затушевывая опасность украинского фашизма, говорит, что «весь этот фашизм сразу превратится в чисто интеллигентский надуманный «пшик». Выразители донцовского фашизма, с которыми встречается крестьянин, это украинский адвокат и поп, те самые фигуры, которые стали уже символами эксплуатации галицийского крестьянина».

Таким образом Юриец сводит социальную базу, социальную опору фашизма к мелкой буржуазии и интеллигенции, замазывая его связи и зависимость от крупной промышленной и финансовой буржуазии, а в дальнейших своих работах вплоть до 1933 г. продолжает и развивает это положение до замаскированных высказываний, в которых договаривается до того, что фашизм—это враг капитализма.

Ярким примером притупления партийной бдительности на философском фронте служит также то, что не были до конца разоблачены контрреволюционные взгляды Демчука, систематически изложенные им в книге «Разложение современной буржуазной философии».

Особенно показательно, что Демчука, этого яркого представителя украинской националистической контрреволюции, развернувшего в своих работах законченную буржуазно-националистическую и идеалистическую систему взглядов, защищал от ударов парторганизации Скрыпник, очевидно соответствующим образом информированный Баданами и Эрстенюками.

Вот что говорил Скрыпник в своем выступлении на философской дискуссии 1930 г. про Демчука, анализируя борьбу на философском фронте Украины:

«Расхождения были, существовали, но теоретически-философски они никогда не обосновывались, и поэтому борьба происходила всегда в теоретическом полумраке. Были попытки со стороны молодежи пробить эту стену, эту теоретическую замкнутость, отчужденность и невыявленность принципиальных вопросов. И тут нужно отметить такие попытки со стороны т. Демчука».

Как видим, Скрыпник выставляет Демчука как единственного человека на украинском философском фронте, который делал попытки поднять борьбу на принципиальную партийную высоту. Это, несомненно, ни в какой мере не отвечало действительности и просто дезориентировало парторганизацию, ослабляя ее борьбу против вреднейших контрреволюционно-националистических позиций Демчука.

Какой же смысл имела книжка воинствующего фашиста Демчука, из-

данная под таким якобы выдержанным заголовком, как «Разложение современной буржуазной философии?»

Прежде всего Демчук в этой работе выполняет задачу идеологической расчистки пути для прихода фашизма, фашистской действенной философии, философии волюнтаризма и интеллектуализма.

Стремясь ускорить этот процесс оформления философии фашизма, Демчук беспощадно критикует представителей тогдашней официальной немецкой буржуазной философии за их дряблость, бессилие, безволие, за то, что они недостаточно решительно и последовательно становятся на позиции неогегельянства, на позиции фашизма.

Демчук восторгается минувшей силой мышления буржуазии, целиком по-буржуазному, по-контрреволюционному провозглашая не эксплуатацию рабочих, а силу мышления буржуазии основой ее господства.

«В молодости,— говорит Демчук,— буржуазия напряженно работает над развитием мускулатуры своего мышления. Мозолями этого мышления она достигает своего колоссального благополучия и господства» (стр. 136).

А теперь, мол, буржуазная философия пришла в упадок, неспособна к подъему, не имеет воли для борьбы за господство, и единственное спасение, единственный выход из этого положения Демчук видит в фашизме с его философией волюнтаризма, интеллектуализма.

Отсюда Демчук в полном согласии с Донцовым, углубляя его мысли, с одной стороны, и заимствуя, с другой стороны, от белоэмигранта Чижевского его националистическую схему истории философии, провозглашает, что «истинный ренессанс великого мыслителя Гегеля... еще впереди».

Демчуку от Гегеля нужно, конечно, совсем не то, что Маркс, Энгельс и Ленин уже взяли у него,—его диалектику, соответствующим образом критически переработанную и поставленную с головы на ноги. Было бы бессмыслицей мечтать о каком-то новом ренессансе Гегеля в этом отношении. Нет, совсем не в этом смысле видит Демчук потребность в ренессансе Гегеля, не в этом заключается для него «истинный ренессанс». Собственно говоря, даже не Гегель как таковой нужен Демчуку.

Демчук в полном согласии с Донцовым пытается дополнить философию Гегеля еще более действенной, волюнтаристической, националистической философией Фихте. Донцов выдвигает фихтевскую «волю как закон жизни» первым условием своего «действенного», «волевого национализма». И Демчук также повторяет за ним, что «действительно, без своеобразного возрождения Фихтеанства не может быть и речи о современном гегелевском ренессансе».

Как видим, активная сторона идеалистической философии Фихте, его волюнтаризм, больше всего импонирует украинскому воинствующему фашизму и Донцова и Демчука. С этой лишь точки зрения, с точки зрения соответствия этим требованиям, используя мимикрию, Демчук якобы «критикует», а по существу дружески поправляет некоторых представителей украинской эмигрантской философии, призывая к борьбе за украинскую националистическую ортодоксальность.

Во-вторых, Демчук в этой книге, подхватывая лозунг Юринца, пытается «синтезировать», дать теоретическое обоснование контрреволюционным, националистическим теориям, выдвинутым на различных участках теоретического фронта (история, экономика, литература, язык и т. д.). В этом оформлении системы взглядов украинского воинствующего национализма Демчуку оказал огромную помощь Юринец. За это Демчук с благодарностью ссылается на Юринца, заявляя, что «в этом отношении определенного внимания заслуживает работа Юринца» («Философско-социологические очерки»).

Итак, как видим, Юринец идеологически целиком смыкается с Яворским, Демчуком, Донцовым и притом таким образом, что иногда не различить, где

кончаются высказывания Юринца и где начинаются высказывания Демчука и Донцова.

Совершенно ясно, что если в борьбе с Яворским и яворщиной, которую провела харьковская партийная организация во главе с т. Постышевым, руководство УИМЛ (Украинский институт марксизма-ленинизма, реорганизованный впоследствии в ВУАМЛИН) (в то время в лице Скрыпника) не проявило никакой инициативы, больше того, тормозило эту борьбу, то и в отношении Демчука также не было проявлено достаточной бдительности, что дало ему возможность еще известное время после критики его со стороны аспирантуры и парторганизации Института преподавать в разных вузах и выступать с докладами на периферии.

Недостаточная бдительность была проявлена также в отношении Юринца, якобы признавшего свои «ошибки», совсем затушевывая при этом их националистический, неогегельянский, фашистский характер, хотя главные националистические его работы (о Донцове и Тычине) были напечатаны еще до так называемой философской дискуссии.

Парторганизация Института философии ограничилась в то время приведенной нами выше недостаточной характеристикой Юринца, которая безусловно нуждалась в углублении и заострении в первую очередь в отношении оценки его националистических позиций, а также квалификации его философских взглядов.

Мы охарактеризовали здесь положение на философском фронте в период философской дискуссии. Встает вопрос, насколько философское руководство Украины после дискуссии проявило себя вооруженным партийной бдительностью в отношении Юринца, других националистов и всяких вообще враждебных теорий.

Факты выразительно говорят о том, что такая вооруженность безусловно не была проявлена. За два с половиной года не появилось ни одной статьи с критикой вредных, буржуазно-идеалистических и националистических взглядов Юринца. Юринец и после поворота на философском фронте все время остается одним из главных действующих лиц. Юринцу поручаются для разработки ответственной темы. Покажем на нескольких примерах, что представляла собой эта работа Юринца со стороны ее качества.

Теперь выяснено, что в статье Юринца «Кризис современной буржуазной физики в свете марксизма-ленинизма» («За марксистско-ленинское естествознание» №№ 1, 2, 3) и в разделе «Диалектический материализм и физика» в учебнике «Диалектический материализм», изданном под маркой Института философии ВУАМЛИН, есть много мест, а иногда и целые страницы, списанные у зарубежных буржуазных (Иордан, Гааз, Шредингер) и наших советских (Максимов, Егоршин) авторов. Это документально доказано в отношении двух упомянутых работ, но известно, что вообще работы Юринца — по существу лишь некритическое пережевывание буржуазных философов и ученых, причем очень часто Юринец, якобы проводя так называемую «имманентную критику», просто переписывает последних, протаскивая буржуазно-идеалистическую и националистическую контрабанду.

Отдел учебника «Диалектический материализм» — «Материалистическая диалектика», автором которой является Юринец, — заключает в себе чудовищные идеалистические извращения философии марксизма-ленинизма. Эти извращения, которые отражают всю систему буржуазно-идеалистической, неогегельянской в основном философии Юринца (уже не говоря про талмудистско-вычурно-схоластический стиль изложения), делают учебник в этой его части вредным и целиком непригодным для употребления.

Приведем несколько иллюстраций этого. Вот например раздел учебника, который содержит в себе изложение исторических ступеней развития диалек-

тики. Юринец подает его так, что идеалистическая философия Гегеля, его идеалистическая диалектика, является центром и сущностью этого раздела. «Положительное» ее изложение, рассмотрение под ее углом зрения всего развития философии составляют истинную цель Юринца, правда, скрытую за запутанным, витиеватым, избыточным «образами», стилем изложения, необходимым Юринцу лишь для того, чтобы, усыпив бдительность читателя, напустив густой «философский» туман, протащить свои, враждебные марксизму идеалистические взгляды.

На многих страницах размазывает Юринец историческое подготавливание идеалистической диалектики Гегеля. Под конец, отдавши дань французским материалистам (что-то около 10 строк), он добирается до центра всех своих усилий, до идеалистической философии Гегеля. И тут Юринец размахивается во всю ширь. До сотни страниц он посвящает не критическому, а «положительному» изложению гегелевской идеалистической системы, всем отделам и категориям гегелевской логики, натурфилософии, феноменологии духа, философии истории, философии права и т. д. Это изложение не может не рассматриваться как самая настоящая пропаганда буржуазной идеалистической философии, которая в некоторых местах имеет определенную политическую заостренность, служит непосредственным образом интересам современного, в частности украинского фашизма.

Излагая гегелевскую философию истории, Юринец пишет:

«Абсолютный дух вселяется по очереди в отдельные нации, и тогда они становятся «историческими нациями», субъектами истории. Все другие нации, в которые не вселился абсолютный дух или которые он уже покинул, есть объекты истории, историческое удобрение, исторический прах. Они чисто механически, безо всякого творческого содержания доживают свой век, не представляя истинной мысли. Это не нации, а племена, народности, историческое тесто, феллахи истории».

И при этом ни одного критического замечания, ни одного слова о том, что эти самые положения Гегеля использует современный национализм, фашизм. Если поставить этот пример в связь с выступлениями Юринца как философского обоснователя контрреволюционной, националистической схемы истории Украины Яворского, то удивляться не приходится. В задачу Юринца вовсе не входит критика этих националистических положений.

Юринец заинтересован только в том, чтобы замаскировать свое отношение к этим высказываниям. С этой целью он с самого начала приводит цитату из Ленина, который совсем в другой связи, с точки зрения использования в марксистской теории, говорит, что Гегель именно в этой области философии истории «больше всего устарел и антиквизировался». Юринец использует это высказывание Ленина, чтобы усыпить бдительность читателя, чтобы прикрыть свои настоящие намерения, ибо совершенно ясно, что изложенные Юринцом положения Гегеля для современного фашизма имеют особенно актуальное значение, целиком входят в его националистический инвентарь.

Переходя к изложению сущности материалистической диалектики, Юринец идеалистически извращает исходные принципиальные положения диалектического материализма.

Возводя наглый поклеп на Энгельса, он пишет: «Энгельс ясно подчеркивает, что когда дана матери, то дано и сознание как необходимый конечный результат ее развития».

Откуда же, из какого арсенала тащит в учебник Юринец этот старый идеалистический хлам, уже очень давно так блестяще раскритикованный Лениным в соответствующих главах его «Материализма и эмпириокритицизма»? Неужели Юринец этого не знает? Знает. Но он подделяет Энгельса, чтобы протащить в учебник (а через него и в головы нашей молодежи)

вредную, идеалистическую контрабанду. На самом деле Энгельс никогда этого не говорил и не мог говорить. Это идеалистический фатализм, а не диалектический материализм. Наоборот, он подчеркивает, что сознание как свойство высокоорганизованной материи возникает только в том случае, «когда налично имеются соответствующие условия (поэтому необязательно всегда и везде)». И это, вот эти самые слова, смеет цитировать Юринец для подтверждения своих идеалистических извращений (стр. 311).

Таким же идеалистическим извращением является изложение Юринцом и вопроса о ленинском понимании кажимости (видимости) как действительного проявления сущности. Причем здесь несмотря на густой философский туман особенно ярко проглядывает вредная политическая направленность со стороны Юринца.

«Кажимость, — говорит Юринец, — есть об'ективная сила, кажимость несмотря на ее кажимость.. создает себе определенную сущность в самой кажимости, что совершенно понятно (?), ибо все ее разнообразие выражает один момент, ее небытие, а с другой стороны, эта кажимость, чтобы утвердить себя в своей об'ективности, пускает в ход целый арсенал эклектики и софистики (например Троцкий, Бухарин) как иллюзий диалектики, которые создают иллюзии реальности может быть потому, что они действительно выражают несуществующее, хотят закрепить то, что разрушается, уничтожается, в вечных, застывших формах».

Что это? Просто талмудические упражнения модернизированного средневекового схоластика или своеобразный эзоповский язык с определенной политической направленностью? По нашему мнению, конечно, последнее. И политическая сущность этих «мудрствований» Юринца заключается в том, чтобы свести то, что «разрушается, уничтожается», т. е. капиталистические элементы и остатки враждебных нам классов, и правую опасность, агентуру этих капиталистических элементов и троцкизм, который в настоящее время является передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, лишь к кажимости, иллюзии, к несуществующему, к тому, чего в действительности нет.

Это особенно яркий образец того, насколько замаскированно, двурушнически, используя методы философской схоластики, выполняют свое задание представители враждебной нам идеологии, чтобы разлагать изнутри, чтобы демобилизовывать партийную вооруженность.

Недаром большевик-историк М. Н. Покровский когда-то говорил, что нужно бояться людей, которые говорят непонятно, туманно, ибо за этим очень часто скрывается намерение прикрыть свои враждебные, вредные взгляды.

И далее Юринец, достигая неслыханной утонченности в протаскивании буржуазно-идеалистической контрабанды и враждебных нам идей, чтобы замаскировать свои предыдущие вредительские высказывания, выдвигает в качестве нашей задачи необходимость «изучать об'ективное значение этого иллюзорного мира софистики (разрядка Юринца), анализировать силы, которые создают эти иллюзии, одним словом, тщательно исследовать это существование несуществующего для беспощадной политической борьбы с ним» (стр. 267, разрядка наша.—Ред.).

Не ясно ли, что такое «вооружение» на «борьбу» звучит как насмешка над всей действительно великой борьбой, которую победоносно вела и ведет наша партия против классовых врагов, против контрреволюционного троцкизма, против правого и «левого» оппортунизма.

Нужно отметить, что Юринец борьбу против партии и контрреволюционного троцкизма и правого и «левого» оппортунизма сводит к непониманию с их стороны методологии диалектического материализма. Юринец

даже и контрреволюционную, националистическую яворщину сводит лишь к «механистическому извращению» ленинизма, сознательно затушевывая ее контрреволюционное, националистическое значение как прямой агентуры немецкого фашизма, «забывая» упомянуть даже о том, какие дифирамбы воспевал он яворщине, обосновывая «марксистский характер» схемы истории Украины Яворского, его теорию «безбуржуазности» украинской нации, его линию на отрыв Украины от Советского союза и ориентацию на буржуазную Германию.

Таким образом мы видим, что Юринец использовал учебник, его огромный тираж для пропаганды идеалистической, в основном неогегельянского, национал-фашистского типа философии, для извращения основных положений диалектического материализма, для протаскивания контрреволюционно-националистической контрабанды.

Враждебные вылазки Юринца и в других работах, даже в сборнике «К 10-летию смерти К. Маркса», пропускались бесконтрольно в печать под маркой Института философии ВУАМЛИН. В этом сборнике, в статье Юринца «Философское развитие Маркса», мы встречаем следующие высказывания:

«Вообще интересно было проследить некоторые линии мировоззрения «критической критики» в историософии гитлеровщины, вскрыв имеющиеся здесь филиации мыслей на соответствующем общественном фоне.

Сторонники Бауэра, особенно Фаухер, в своих работах об английских государственных и экономических отношениях выявили беспросветное незнание дела, свою ненависть к творческим силам капитализма, к его прогрессивному значению, наряду с этим выявили восхищение немецким «органическим» ретроградством (которое, кстати говоря, ныне снова возрождается в фашизме, в его боязни техники и пропаганде «органического» ремесла, оно же было излюбленной темой русских народников, что дало Ленину повод провести аналогию между буэровцами и народниками)» (стр. 77. Разрядка Юринца).

Здесь в замаскированной форме протаскивается положение, что фашизм есть враг капитализма, и проводится аналогия между гитлеровской бандой и народниками. Эти положения целиком смыкаются с приведенными уже раньше (см. стр. 10) высказываниями Юринца о социальной базе фашизма.

В номере 5—6 органа Института философии «Прапор марксизму-ленинизму» за 1932 г. помещена статья «Украинский философский фронт». Статья имеет чрезвычайно ответственную задачу: подвести итоги классовой борьбы на философском фронте Украины к 15-летию Октябрьской революции. И эту задачу редакция журнала поручает не кому иному, как тому же Юринцу.

Статья его чрезвычайно богата именами и фамилиями тех, кто имел хотя бы самое отдаленное отношение к философскому фронту Украины. Но в силу удивительной случайности, чтобы не сказать больше, им просто «забыты» имена лидеров как меньшевистствующего идеализма, так и механистического материализма на Украине. Такая «рассеянность» со стороны самого Юринца вполне понятна, среди этих имен должен был быть он сам. Но что сказать по редакции «Прапор марксизму-ленинизму»?

Нужны ли еще факты, чтобы убедиться, что тут мы имеем ярко выраженный гнилой либерализм в отношении к Юринцу со стороны философского руководства Украины, элементы примиренчества в отношении враждебных марксизму-ленинизму ревизионистских и фальсификаторских теорий. В свете этих фактов становятся еще более обоснованными и понятными своевременность и абсолютная правильность упомянутого решения ЦК КП(б)У об исключении Юринца из рядов партии как сторонника буржуазной философии, философского обоснователя яворщины, лжеученого, плагиатора, верность и своевременность постановки

вопроса «об исключении В. Юринца из числа академиков ВУАН».

ЦК КП(б)У в то же время считал необходимым «обратить внимание философского руководства ВУАМЛИН на притупление большевистской бдительности в отношении Юринца».

Это вторичное большевистское напоминание должно стать стимулом для ускорения решительной перестройки всей работы философского фронта на основе повышения партийной бдительности, ибо, уже обсуждая вопрос о киевском сборнике, ЦК КП(б)У отметил, что Институт философии ВУАМЛИН «не проявил должной бдительности» в этом деле, тем более, что и Нырчук — также небезызвестный для украинского философского фронта работник. В этой самой резолюции ячейки философско-социологического отделения Института марксизма про т. Нырчука сказано, что он стоял на деборинских позициях, «смазывал противоположность между идеалистической и материалистической диалектикой» («Прапор марксизму-ленинизму» № 1—2 за 1931 г.).

А еще через год после этой оценки сам т. Нырчук так характеризовал себя на расширенном пленуме ТВМД в апреле 1931 г.: «Благодаря письму т. Сталина выявилось, что и у нас также не было недостатка в представителях гнилого либерализма... Имею в виду себя, когда я проявил такой гнилой либерализм как редактор сборников, изданных кафедрой марксизма-ленинизма в Киеве».

Не давало ли все это оснований для того, чтобы с особенной бдительностью отнестись к новому сборнику киевского филиала ВУАМЛИН, во главе которого стоял и главным автором которого был опять-таки Нырчук, который на предыдущих этапах, до поворота на философском фронте и после него, проявил меньшевистствующий идеализм и гнилой либерализм?

Только отсутствием вооруженности партийной бдительностью можно объяснить либеральное отношение к выпуску этого сборника со стороны философского руководства Украины. Только это отсутствие большевистской бдительности дало возможность Нырчуку и другим авторам киевского сборника бесстыдно списывать у классиков марксизма, в то же время фальсифицируя их высказывания, поддельвая Маркса, Энгельса, Ленина, и протаскивать опять-таки старый идеалистический хлам. Это целиком отразилось в статье Нырчука в сборнике, где он, помимо ряда политических ошибок делает связанные с ними ошибки идеалистического порядка.

Нырчук до сих пор не избавился от установок меньшевистствующего идеализма. Уже в новой статье он повторяет старые свои ошибки, отрывая форму от содержания, утверждая, что форма имеет примат над содержанием (см. стр. 225 и 228). Нырчук и до сих пор занимается на протяжении целых страниц деборинским талмудизированием категорий внутреннего и внешнего, формы и содержания, общего и особенного, к тому же еще пытается навязать их революционной действительности.

Те же самые элементы гнилого либерализма можно найти и в отношении к представителям механистической ревизии философии марксизма-ленинизма на Украине, например к Семковскому, который и до сих пор не дал серьезной теоретической критики своих ошибочных, механистических взглядов в философии и до сих пор не удосужился раскритиковать свои прошлые антиленинские выступления по национальному вопросу.

Тов. Семковский еще в 1923 г., находясь на позициях австро-марксизма, критиковал работы Ленина по нацвопросу, работу же Бауэра по этому вопросу охарактеризовал «как классическую работу в области научной разработки национального вопроса», как «единственную систематическую работу в марксистской литературе — западноевропейской и русской». «Можно сказать, — говорит Семковский, — что в марксистской литературе — старой и

новой, западноевропейской и русской—есть много работ по национальному вопросу, ценных в том или ином отношении, но попытку систематической научной разработки национальной проблемы мы имеем только одну, а именно—в работе Отто Бауэра («К философии национальной проблемы»).

В практике своей работы Семковский неоднократно проявлял эклектизм и беспринципность в своих взглядах. Так, в 1927—1928 г., возглавляя комиссию по изучению истории философии на Украине, в которую входили такие представители украинской буржуазной контрреволюции, как Яворский, Витек, Демчук, Сияк и др., он положил в основу программы работы комиссии схему истории философии на Украине белоэмигранта Чижевского, которая была предложена комиссии в виде плана научных тем (см. «Планы научно-исследовательской работы кафедр Украинского института марксизма-ленинизма на 1927—1928 acad. год», стр. 10, 13, 14).

Тов. Семковский за последние годы исполнял обязанности руководителя ассоциации естествознания, являлся руководителем сектора диалектики природы при Научно-исследовательском институте ВУАМЛИН, т. е. фактически руководил ответственным участком методологического вооружения и перевооружения работников естественно-научного фронта.

Известная распространенность механистической методологии среди представителей разных участков естественно-научного фронта, как и прошлые ошибки т. Семковского, требовала от него (если бы т. Семковский по-настоящему разоружился и стал на позиции диалектического материализма) подчеркивания в своей работе и научной продукции необходимости вооружиться бдительностью в отношении механистической методологии как главной опасности, вскрывать проявления этой опасности на естественно-научном фронте, перевооружать естествовников методологией диалектического материализма.

На деле как раз этого и недоставало в работе т. Семковского. После дискуссии, на протяжении последних лет, т. Семковский занимается только декларативными писаниями «по поводу» материалистической диалектики и естествознания, по существу замазывая значение механистического материализма как главной опасности и необходимость борьбы с ним. В очередной декларативной статье, которая помещена на первом месте в сборнике «К 50-летию смерти К. Маркса», в статье, которая претендует быть руководящей для естественно-научного фронта, Семковский, декларируя о чем угодно, забывает лишь одно—критику механицизма.

В этой статье он очень много говорит о развитии современной науки, о том, что она свободна от пут реакционного мировоззрения, о том, что она имеет все условия для дальнейшего развития в отличие от буржуазной науки, которая чем дальше, тем больше заходит в тупик кризиса. Все это верно, но одновременно т. Семковский совершенно игнорирует то, что развитие советской науки и техники, опираясь в целом на марксистско-ленинскую методологию, осуществляется в борьбе против враждебной марксизму-ленинизму реакционной методологии. При упрощенном, механистическом методе Семковского действительно нельзя понять, что развитие науки в СССР, опираясь целиком на марксистско-ленинскую методологию, ни в коем случае не исключает борьбы против реакционного мировоззрения и методологии и что, наоборот, именно это преимущество советской науки достигается не самоотъемом, а путем упорной борьбы против реакционной методологии, механицизма как главной опасности на теоретическом фронте и меньшевистствующего идеализма.

Дальше т. Семковский говорит несколько слов об этой борьбе, но целиком смазывает ее значение на данном этапе. Вот что он говорит:

«Именно борьба, успешно проведенная под руководством партии на философском и естественно-научном фронте против механистического уклона (разрядка наша.—Ред.) как главной в настоящее время опасности, против меньшевистствующего идеализма и всяческого к ним примиренчества дала возможность подойти к задаче коренной перестройки естествознания на основе марксистско-ленинской методологии» (стр. 26, разрядка Семковского).

Во-первых, в постановлении ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» дано совершенно четкое определение механицизма как ревизии марксизма, и напрасно т. Семковский дает собственное определение механицизма как уклона, тем самым стараясь смазать значение механицизма как вполне законченной антиленинской ревизии. Во-вторых, т. Семковский ограничивается одной констатацией успешно проведенной борьбы за диалектический материализм, умалчивая, игнорируя то, что эта борьба на современном этапе обостряется и в соответствии с новыми формами классовой борьбы в стране приобретает все более замаскированный характер. Но для т. Семковского эти вопросы остаются и до настоящего времени книгой за семью печатями.

* * *

О том, насколько сильны были элементы примиренчества у философского руководства и в какой мере были размагничены философские работники, свидетельствует тот факт, что и сигнал «Коммуниста» о киевском философском сборнике и даже постановление ЦК КП(б)У по этому поводу были по сути смазаны в философских институтах ВУАМЛИН.

Правда, были приняты формальные резолюции о «расследовании», но не было и попытки развернуть самокритику на философском фронте. Больше того, второй сигнал «Коммуниста» о смазывании постановления ЦК КП(б)У был сначала также взят «в штыки» некоторыми работниками философского института и партиячейки. И только на специальном философском совещании, созванном культпропом ЦК КП(б)У с участием руководителя Института философии Комкадемии СССР т. Митина, был сделан решительный поворот к развертыванию самокритики на этом участке.

Лишь в результате этого совещания парторганизация философского ИКП и Научно-исследовательского института смогла действительно мобилизоваться на борьбу за ликвидацию корней прорыва. Были сделаны необходимые организационные выводы: усилен состав редакции «Прапор марксизму-ленинизму» и руководство ИКП философии, снят секретарь партиячейки Института философии, было принято постановление об исключении Юринца из партии и снятии его с работы. Решительный отпор дан был также попытке т. Семковского заработать капитал на этом прорыве. Тов. Семковский, который не ликвидировал своего механистического багажа, который не дал за все годы после философской дискуссии ни одной работы с развернутой критикой своих антиленинских выступлений по национальному вопросу, своих механистических позиций и который фактически смазывал борьбу с механицизмом на естественно-научном фронте, пытался при этом «взять реванш» за прошлую критику, претендуя на роль чуть ли не единственного «борца» против представителей меньшевистствующего идеализма, оказывая бешеный отпор критике, направленной против него как механиста. Это выступление Семковского еще раз ярко показало необходимость усилить большевистскую бдительность в борьбе на два фронта на философском участке, и особенно против механицизма как главной опасности.

Одновременно было решительно осуждено клеветническое утверждение т. Семковского о якобы «топтании на месте» на философском участке теоретического фронта Украины и отсутствии положительной работы. В дей-

ствительности философская работа на Украине имела ряд достижений, но суть заключалась в том, что методы, темпы и качество этой работы, имевшие значительные недостатки в прошлом, особенно не отвечают задачам нынешнего этапа.

Для того чтобы ликвидировать это отставание, поднять качество нашей продукции, прежде всего нужно сделать самокритику постоянным методом работы. Лишь наличие такой повседневной развернутой самокритики и борьбы за чистоту марксо-ленинской теории на основе разработки новых положительных проблем может обеспечить подъем всей философской работы на качественно высший уровень, которого требует практика социалистического строительства.

Помощь, оказанная ЦК КП(б)У и «Коммунистом» философскому участку теоретического фронта, создает большие возможности для развертывания такой высококачественной теоретической творческой работы и в то же время ставит максимально повышенные требования перед всеми работниками на этом участке.

Нужно окончательно ликвидировать отставание, которое мы имели до настоящего времени, и пойти уверенно в ногу с героической практикой нашего социалистического строительства, поставив этот участок теоретического фронта целиком на службу генеральной линии партии и задачам, которые она перед нами ставит.

А задачи эти действительно огромны.

Прежде всего настоящий, победный этап нашего развития, новые классовые сдвиги, происшедшие за последнее время в нашей стране, огромные успехи в области индустриализации, разгром кулака и неслыханное усиление мощи пролетарской диктатуры, коренной перелом в отношении крестьянства к колхозам, колхозников к работе в колхозе, наконец, приближение социалистической революции на Западе—все это с особой силой требует именно теперь популяризации и развития тех теоретических обобщений громадного опыта нашей революции, которые даны в работах Ленина и Сталина и которые имеют величайшее значение для победного завершения построения социалистического общества и развертывания мировой пролетарской революции, для революционного преобразования капитализма в социализм.

Это невозможно без глубокой разработки и усвоения теоретического наследия Ленина вообще и в частности его философского наследства, разработки и усвоения работ т. Сталина и в частности его последних исторических выступлений, которые полностью отражают сложность и величие современного этапа нашего развития.

Особое значение для философского фронта приобретает на данном этапе разработка вопросов о государстве и диктатуре пролетариата, в частности вопроса об усилении пролетарского государства как предпосылке его отмирания, вопросов, связанных с изучением проблемы рождения нового человека и ряда других тем, вытекающих из доклада т. Сталина и тезисов к XVII партс'езду. Работники теоретического, в частности философского, фронта, должны в первую очередь вплотную заняться этими вопросами.

Усиление отпора остатков разбитых, но еще окончательно недобитых капиталистических элементов идет, особенно на Украине, под националистическим флагом. Эта активизация националистических украинских контрреволюционных элементов питается ослаблением большевистской бдительности на отдельных участках национально-культурного строительства, наличием националистического уклона, который возглавлялся Скрыпником и непосредственно смыкался с националистической украинской контрреволюцией.

Задача усиления интернационального воспитания трудящихся масс, задача борьбы с национализмом становятся особенно актуальными в связи с

тем, что наряду с великодержавным русским национализмом, остающимся главной опасностью в масштабе СССР и всей ВКП(б) в национальных республиках и особенно на Украине, главной опасностью в настоящее время является местный национализм, смыкающийся с империалистическими ин-тервентами.

Украинский национализм, получив уже уничтожающие удары от КП(б)У, ее укрепленного руководства, еще не добит окончательно на всех участках. Это требует и от философских работников перейти со всей силой в наступление на всяческие проявления национализма, разоблачать националистическую контрабанду на теоретическом фронте, беспощадно громить уклоны от большевистской национальной политики.

В особенности необходимо усилить борьбу против буржуазно-националистических философских идеологов украинского фашизма (Чижевский, Донцов и др.). Нужно разворошить и до конца разоблачить буржуазно-идеалистические и националистические, в основном неогегельянского характера работы Юринца, в особенности посвященные «критике» столпов украинского национализма, в которых, переключаясь с Никовским и Донцовым, он обнаруживает, что сам стоит на националистических позициях.

Нужно усилить борьбу с механистическим материализмом — главной опасностью на философском фронте — и с меньшевистствующим идеализмом. О выступлениях механиста Семковского мы уже говорили. Они свидетельствуют о том, что задача борьбы с механистическим материализмом продолжает оставаться одной из основных. Наряду с этим в последнее время мы имели выступления некоторых товарищей со старыми установками меньшевистствующего идеализма.

В последние месяцы на Украине работал в качестве вице-президента ВУАМЛИН т. Агол. За время своей весьма непродолжительной работы т. Агол допустил ряд серьезных ошибок, которые нельзя не поставить в связь с его прошлой позицией. Как известно, т. Агол в прошлом был активным деборинцем. Тов. Агол выступил в свое время в журнале «Под знаменем марксизма» с признанием своих ошибок. Однако на Украине у т. Агола имели место по крайней мере рецидивы его прошлых ошибок. Это нашло свое выражение: 1) в выступлении против постановления для научной разработки таких проблем, как ленинская теория отражения; т. Агол аргументировал это тем, что нужно, мол, ставить более конкретные темы; 2) в выступлении против выдвигания и привлечения к научной работе в журнале молодых кадров (слушателей ИКП); 3) в утверждении, что философская дискуссия была проведена на низком теоретическом уровне и что на философском фронте до последнего времени продолжается топтание на одном месте; 4) в утверждении, что публикуемый в «П. З. М.» материал на три четверти никуда негоден; и, наконец, на партийном собрании в ВУАМЛИН, посвященном обсуждению тезисов ЦК к XVII с'езду партии, т. Агол договорился до того, что причины прорыва, распространенность враждебных националистических теорий в ВУАМЛИН заключаются не в притуплении, а иногда и утрате партийной бдительности, но в низкой квалификации, незнании, неумении, отсутствии положения о работе ВУАМЛИН и т. п. «Коммунист», центральный орган ЦК КП(б)У, квалифицировал это выступление как непартийное. Редакция «Коммуниста» была, безусловно, целиком права.

Необходимо покончить с замкнутостью философского участка теоретического фронта в узком кругу исключительно философской работы, которая иногда приобретает характер вредного талмудизирования, что особенно замечалось за последнее время у нас, на Украине. Избегая упрощенства, необходимо тесно связать работу философского фронта с работой естественнонаучного и других участков теоретического фронта, обогатив ее разра-

боткой конкретных, практических вопросов истории, экономики, нацкульт-строительства, антирелигиозной работы, литературы, искусства и т. д.

Наступающее двадцатипятилетие философской работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» должно быть отмечено подлинно большевистской продукцией в области разработки ленинского философского наследства, обогащенного работами т. Сталина, который продолжает развитие ленинского этапа материалистической диалектики. Необходимо также дать анализ дальнейшего углубления кризиса современного буржуазного естествознания, который еще 25 лет тому назад, был подвергнут гениальному ленинскому анализу в «Материализме и эмпириокритицизме». В частности необходимо добиваться, наконец, марксистско-ленинской работы о теории относительности.

Подготовить и провести в 1934 г. на высоком идеологическом уровне ленинскую сессию, посвященную 10-летию смерти В. И. Ленина и 25-летию его «Материализма и эмпириокритицизма»,—чрезвычайно важная и сложная задача, которая стоит как перед философским участком, так и перед всем теоретическим фронтом в целом.

Нужно отметить, что именно перестройка работы философского фронта, которая началась после совещания в ЦК, решительно сдвинула эти вопросы с места, выправив недочеты предыдущей слабой подготовки. Но успокаиваться на этом ни в коем случае нельзя, необходимо достигнуть полного проведения в жизнь плана сессии, обеспечить качество подготовки к ней и активное участие молодых партийно выдержанных сил Харькова и всей Украины.

Необходимо было бы особенно обстоятельно остановиться на ошибках в работе редакции журнала «Прапор марксизму-ленинизму», органа Института философии ВУАМЛИН, и его задачах на этом этапе. Но редакция предполагает посвятить задачам журнала особую статью.

Поэтому сейчас мы отметим только, что состояние журнала и работа редколлегии полностью отображают состояние философского фронта в целом: отсутствовала самокритика как органический метод работы, имели место элементы примиренчества в отношении носителей ревизии философии марксизма-ленинизма, в особенности тех, которые работают на Украине (Юринец, Семковский), что свидетельствует также о приглушении партийной бдительности.

Укрепленному составу редакции необходимо решительно перестроить всю свою работу.

Журнал «Прапор марксизму-ленинизму», который до последнего времени не имел значения всеукраинского органа, не объединял вокруг себя научного актива Украины, необходимо с помощью работников периферии и аспирантуры ИКП превратить в боевой партийный орган философского фронта всей Украины. Он должен стать центром научной мысли, который в борьбе против ревизии и уклонов, в борьбе против упрощенства подымает и освещает актуальнейшие вопросы развития марксо-ленинской теории. Вокруг журнала должен воспитываться молодой партийный философский актив. В ближайшее же время в журнале необходимо разоблачить целиком и полностью враждебные идеалистические и националистические теории Демчука, Бона, Билика, Юринца и других. Нужно усилить борьбу против механистического материализма как главной опасности и меньшевистствующего идеализма, ликвидировать окончательно всевозможные элементы примиренчества в отношении носителей ревизии марксизма-ленинизма, имевшие место в старой редакции журнала. Нужно наладить постоянную связь и обмен статьями с основными философскими журналами Союза («Под знаменем марксизма» и «Проблемы марксизма»).

Перед философским коллективом Украины также стоит серьезная задача создания стабильного учебника по диалектическому материализму. Учебник «Диалектический материализм», изданный в начале этого года под маркой Научно-исследовательского института философии ВУАМЛИН, в том виде, какой он сейчас имеет, совершенно не отвечает этой задаче.

Разделы, написанные Юринцом, содержат в себе наряду с образцами позорного плагиата у буржуазных ученых прямую националистическую контрабанду и (уже не говоря о талмудическом стиле изложения) вредные идеалистические извращения Энгельса и Ленина, отражающие целую систему буржуазно-идеалистической, неогегельянской, националистической философии Юринца. Это делает учебник, изданный ВУАМЛИН, вредным и совершенно непригодным для использования.

Что касается других разделов, то они, хотя и не имеют таких вредных недостатков, но все же благодаря ряду существенных ошибок, недостаточному, нечеткому изложению без соответствующих исправлений не могут быть использованы в стабильном учебнике. Таким образом дело создания нового, выдержанного и высококачественного стабильного учебника, как и дело общего улучшения преподавания диалектического и исторического материализма, является важнейшей и неотложной задачей.

Необходимо решительно усилить работу ОВМД, давая отпор ликвидаторским настроениям в отношении ОВМД. Необходимо срочно мобилизовать все организации ОВМД Украины на развертывание массовой пропаганды марксизма-ленинизма, решительной борьбы с новыми формами ревизии и фальсификации марксизма-ленинизма, освещая жизнь ОВМД в журнале «Прапор марксизму-ленинизму».

Вся работа философского фронта Украины должна быть тесно увязана с работой философского фронта всего Союза, не допуская отрыва и противоположения украинского философского фронта всесоюзному.

Необходимо решительно пересмотреть практику подготовки, пополнения и закрепления молодых кадров. С этим делом до сих пор было совсем неблагоприятно.

Тов. Сталин на XVII съезде ВКП(б) поставил перед всеми партийными организациями следующие задачи в области идейно-политической работы:

- «1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;
- 2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;
- 3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;
- 4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;
- 5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;
- 6) Систематически разоблачить идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

Философские силы Украины должны немедленно включиться в общую работу парторганизаций Украины по осуществлению этой программы.

Философия германского фашизма

Ф. Перельман

Фашизм представляет собой «открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹⁾. Фашистская диктатура реакционной империалистической буржуазии, пуская в ход, с одной стороны, белый террор, а с другой — национальную и социальную демагогию, пытается найти спасение от длительного, тяжелого экономического кризиса и угрозы пролетарской революции в новой империалистической войне и организации интервенции против Советского союза. Но фашизм представляет собой обоюдострое оружие, ибо «революционное развитие одновременно и затрудняется и ускоряется фашистскими неистовствами буржуазии»²⁾. Фашистские насилия и террор вызывают убыстренный рост классового сознания пролетариата, освобождают его от социал-демократических иллюзий и возбуждают классовую ненависть такой силы, которая неизбежно должна привести и приведет к революционному восстанию. Буржуазия хватается за фашизм как за крайнее средство. Поэтому победа фашизма в Германии, как указал т. Сталин, является не только признаком слабости германского пролетариата, расколотого предательской тактикой социал-фашистов, но также признаком слабости германской буржуазии.

Потеряв в результате империалистической войны 1914—1918 гг. большую часть железной руды — с отторжением Эльзас-Лотарингии — и лучшие угли — с отходом к Польше части Верхней Силезии, потеряв все свои колонии, германская буржуазия лишилась одновременно и важнейшего сырья и рынков сбыта для своей промышленности. Правда, в результате войны мощь последней значительно ослабла, к тому же процесс восстановления разрушенных войною областей создал достаточно емкий рынок сбыта на континенте Европы. Германская буржуазия сумела использовать ситуацию для развития своей промышленности. Требуемые для этого средства она выкачала с помощью инфляции из рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии, переложив на них одновременно бремя репараций. Но когда инфляция завела народное хозяйство Германии в тупик и поставила буржуазию непосредственно перед угрозой пролетарской революции, международный капитализм, прежде всего американский, помог ей выйти на время из кризиса и даже обеспечил ей возможность дальнейшего развития. Разумеется, эта помощь международного капитализма отнюдь не была бескорыстной! План Дауэса был рассчитан так, чтобы львиная доля прибыли при этом очутилась в кармане стран-кредиторов и чтобы германская промышленность попала в полную финансовую зависимость от них. При всем этом план Дауэса был рассчитан на развитие германской промышленности, которое должно было

¹⁾ Тезисы XIII пленума ИККИ по докладу т. Куусинена.

²⁾ Из доклада т. Куусинена на XIII пленуме ИККИ.

идти за счет интенсификации труда германского рабочего класса и за счет внешних займов. Так, за время действия плана Дауэса Германией было получено займов на 10 млрд. марок, а репараций за это же время выплачено 5 млрд. марок¹⁾). Благоприятная внешняя конъюнктура в связи с периодом относительной стабилизации во всех капиталистических странах позволила Германии сильно повысить мощь и техническую оснащенность своей промышленности. Она восстановила и реконструировала свой железнодорожный и водный транспорт и свою тяжелую промышленность. Ее угольная, автомобильная и электротехническая промышленность, ее машиностроение, наконец, химическая промышленность опять заняли одно из первых мест в мире. Значительную часть своей продукции германская промышленность сбывает на внешний рынок.

Но она зависит от внешнего мира также и в другом отношении. Если обратиться к сырью, на котором работает германская индустрия, то можно видеть, что, пожалуй, одна только угольная промышленность имеет сырьевую базу внутри страны. Для всех остальных отраслей в большей или меньшей мере требуется ввоз сырья из-за границы.

Наиболее зависимыми в этом отношении являются цвет и гордость германской промышленности — ее металлургия и машиностроение. Ввиду малочисленности и бедности германских железных руд, германская металлургия работает в основном на шведской и норвежской руде, ввозя до 75% своей потребности. Для автомобильной промышленности она вынуждена импортировать нефть, которой у нее крайне мало, каучук и резину. Ее текстильная промышленность работает полностью на ввозном сырье: на египетском и американском хлопке, южноамериканской и южноафриканской шерсти, русском льне, итальянском и азиатском шолке. Ее электротехническая промышленность ввозит медь, и даже химическая промышленность Германии нуждается в некоторых видах сырья (нефть, древесина, некоторые соли, сера и др.).

Мировой экономический кризис поэтому ударил по хозяйству Германии с большей силой, чем по хозяйству других капиталистических стран. Объем промышленной продукции упал в ней к 1932 г. до 59,8% по отношению к 1929 г. и до 67,6% по отношению к 1913 г.²⁾

Еще более характерным для суждения о диспропорции между возможностями германской промышленности и ее фактическим состоянием является уровень ее нагрузки. Уже в 1928 г. германская промышленность работала с нагрузкой в 61,1%, а в 1932 г. этот процент упал до 35!³⁾

Таким образом даже в годы своего расцвета германская промышленность не работала с полной производственной мощностью. Германская буржуазия ищет выхода в войне, в завоевании новых рынков сырья и сбыта. Но война представляется наилучшим выходом для буржуазии также и в другом отношении. Мировой экономический кризис крайне обострил классовые противоречия внутри страны. Одним из наиболее серьезных его последствий явилось образование огромной армии безработных, достигшей к 1932 г. неслыханной для Германии цифры в 5 580 000 чел., что составляет 438% к общему числу работающих. Одновременно имело место резкое снижение зарплаты у занятой части рабочих, достигшее в среднем 40% по отношению к 1929 г. Если учесть, что со времени мировой войны уровень зарплаты германского рабочего стоит в общем ниже довоенного, что в то же время капиталистическая рационализация сопровождалась значительным повышением интенсификации труда — то становится совершенно очевидным, что эксплуатация германского рабочего достигла небывалых размеров. За годы мирового кризиса

¹⁾ Варга «Проблема мирового хозяйства и мировой политики».

²⁾ Сталин «Доклад на XVII съезде ВКП(б)».

³⁾ «Три года экономического кризиса». Изд. Комакадемии.

также резко ухудшилось положение крестьянства и городской мелкой буржуазии. Отсюда рост всеобщего недовольства существующим порядком вещей, накопление революционной энергии в рядах рабочего класса. Это недовольство необходимо было буржуазии обуздать, эту энергию погасить и развеять. Но методы парламентаризма и буржуазной демократии уже оказались бессильными выполнить подобную задачу.

Буржуазия оказалась бессильной управлять старыми методами парламентаризма, методами буржуазной демократии. При помощи этих методов в условиях затяжного кризиса капитализма, в условиях небывалой безработицы и революционного возмущения масс буржуазия дальше уже оказалась не в состоянии удерживать массы в повиновении и, более того, она боялась, что остатки буржуазного демократизма могут быть использованы пролетариатом в его борьбе против империалистического рабства. Банкротство буржуазного демократизма явилось вместе с тем банкротством немецкой социал-демократии. Она покорно и безропотно уступила место в буржуазном аппарате власти партии воинствующего германского фашизма, оправдываясь перед последней за «слабость» и «несостоятельность» своего руководства разваливающимся германским хозяйством, за свою неспособность к решительному обузданию «чрезмерных» притязаний рабочего класса. Наиболее ярко это обстоятельство подчеркнул в свое время Вельс, который обвинил рабочий класс Германии в нежелании умерить свои требования и удовлетвориться благодеяниями генерала Шлейхера, что и заставило социал-демократию добровольно уступить место Гитлеру.

Именно слабость буржуазии, ее боязнь перед пролетарской революцией являются основной причиной, заставившей империалистическую реакционную буржуазию перейти от методов парламентаризма, от остатков буржуазного демократизма к методу открытой террористической диктатуры фашизма.

С помощью фашистской диктатуры германская империалистическая буржуазия пытается организовать войну и террором подавить сопротивление рабочего класса. Обе эти задачи пытается осуществить германский фашизм.

В своей программе фашисты совершенно недвусмысленно формулируют свои конечные цели и методы их осуществления. «Марксизм—смертельный враг национал-социализма,—говорит, например, Розенберг¹⁾.—Наша важнейшая задача—преодолеть это миросозерцание и уничтожить его, обезвредив его главных представителей во всех отношениях. Только когда это будет достигнуто, освободится путь для подлинно немецкого отечества», в котором, согласно девятому пункту фашистской программы, «не должно быть классово-борьбы». Но это «подлинно немецкое отечество» для своего осуществления нуждается еще в одном мероприятии, и фашисты говорят о нем не менее откровенно. Первый и третий пункты фашистской программы гласят: «Мы требуем объединения всех немцев... в великую Германию», «Мы требуем землю и почву (колонии) для пропитания нашего населения и расселения его избытка». А в пояснении к этому пункту Розенберг пишет, что современное положение в Германии «противоречит всякому естественному миропорядку» и что это положение может быть разрешено «либо гибелью немцев, либо народной войной». «Сейчас нет возможности определить точнее те европейские или внеевропейские территории,—говорит он далее,—которые подлежат немецкой колонизации. Можно лишь сказать, что во всяком случае все немцы Европы, в том числе польско-чешского Востока, должны объединиться... «Но если... при этом возникнут споры с соседними народами, то, по крайней мере, каждая страна будет знать, что она борется за свои национальные нужды».

Таким образом фашисты с самого начала своим знаменем выставили

¹⁾ Розенберг «Сущность, основные положения и цель нац.-соц. партии».

идею захватнической войны в сочетании с расправой с коммунистической партией — авангардом рабочего класса, как необходимой ее предпосылкой.

Отличительной особенностью германского фашизма являются:

во-первых, самая свирепая физическая расправа с наиболее передовыми, наиболее революционными элементами рабочего класса, в первую очередь с его авангардом — коммунистической партией, и разрушение всех массовых организаций рабочего класса, лишение его всех форм организованной защиты своих интересов;

во-вторых, германский фашизм представляет собой полную ликвидацию парламентаризма и буржуазной демократии и переход от этих скрытых форм буржуазной диктатуры к открытой ее форме; переход этот, однако, сопровождается особыми приемами, сводящимися к стремлению скрыть от масс классовый характер фашистской диктатуры;

наконец, третьей отличительной особенностью германского фашизма является его стремление обеспечить за собой массовую базу, которую он находит прежде всего в рядах мелкой буржуазии. А это в свою очередь заставляет его прибегнуть к национальной и социальной демагогии и к всемерной маскировке как конечной цели своего господства, так и сущности проводимых им мероприятий.

Осуществляя открыто диктатуру финансовой буржуазии, фашисты поэтому стремятся затушевать классовый характер своей политики и изобразить ее идущей вовсе не по линии интересов буржуазии, а по линии интересов всего населения Германии в целом. При этом одним из излюбленных средств прикрепления этих масс к буржуазной колеснице являются разжигаемые фашистами национализм и шовинизм, достигшие своего апогея в так называемой расовой теории. Фашисты приписывают сомнительную «заслугу» ее открытия Гитлеру. Сущность ее состоит в следующем.

Природа не хочет единообразия. Она многообразна. Она поэтому хочет, чтобы человек представлял собрание различных рас, из которых сильнейшие всегда стоят над слабейшими. Не существует, следовательно, деления людей на классы, но люди делятся на различные расы и нации, борьба которых и наполняет все содержание человеческой истории. Одна раса отличается от другой своими физическими и моральными особенностями. При этом моральные отличия даже важнее физических, хотя и последние играют определенную роль. Каждая раса имеет свой определенный характер, свой образ мышления, свой моральный и физический идеал, создающие в своей совокупности ее облик. Этот облик зависит как от природы, так и от всей предшествующей истории развития данной расы. Но вместе с тем в нашей власти содействовать или препятствовать накоплению ценных качеств, специфических для данной расовой разновидности. По мнению фашистов, северо-германская раса и немецкая нация обладают определенным превосходством над всеми прочими расами и нациями земного шара. Немецкая нация является наилучшей из наций, в то же время иудейская нация является наихудшей. Наилучшей германская нация является потому, что она будто бы обладает гармоническим сочетанием таких признаков, которые наилучшим образом приспособляют ее к окружающей «среде», т. е. к определенному кругу людей и к определенным моральным качествам. Но увы! Чистота рас в современной Европе — недостижимая мечта! В результате бесчисленных войн и переселения народов на европейском континенте не осталось ни одной чистой расы. Также и современная Германия населена людьми смешанных рас.

Вот тут-то и выступает на сцену так называемая «расовая гигиена», т. е. якобы научная теория о том, как сохранить расу, отобрать и культивировать ее полезные признаки.

У представителя смешанной расы мы имеем естественную смесь различных расовых признаков, но эти признаки могут находиться в самых разно-

разных сочетаниях и пропорциях. В результате в данной стране живут бок о бок люди с самыми различными расовыми признаками, а это обстоятельство составляет слабость нации. Между тем для немецкого народа крайне важно, чтобы развивались и размножались те индивидуумы, которые являются наследниками лучших расовых признаков. Но для того чтобы такой отбор произвести, необходимо их уточнить.

Некоторые «уточнения» общими усилиями фашистских «теоретиков» уже произведены. Так, к числу непеременных свойств немецкой нации принадлежит, по словам фашистов, национальная честь. С другой стороны, марксизм, по их мнению, представляет собой мирозерцание наихудшей расы — иудейской. Что касается отдельных, менее существенных, впрочем, признаков, то они еще подлежат разработке.

Таков этот убогий и ничего общего с наукой не имеющий круг идей, заключающий в себе, однако, тот практический смысл для фашистской диктатуры, что позволяет ей всякого инакомыслящего причислить к «низшей расе» и исключить из состава немецких граждан со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта «теория» содействует воспитанию населения в духе шовинистической воинственности. Она же дает лишний аргумент для расправы со всяким коммунистом и революционным рабочим.

Мы видим, таким образом, что фашизм использует в своих интересах ряд положений и идей, которые нуждаются в каком-то словесном обосновании, в каком-то определенном мирозерцании, положенном в их основу. Фашизм, следовательно, нуждается в своей собственной философии, противостоящей философии пролетариата и подводящей теоретический фундамент под его политику и практику.

Но находящийся на нисходящей кривой своего развития класс, представителем которого является фашизм, уже неспособен выдвигать перед своими мыслителями и теоретиками творческие, прогрессивные задачи! Мы действительно наблюдаем попятное движение буржуазной философской мысли. Идеологи современной буржуазии заняты бесконечным пережевыванием старых философских систем, с единственной заботой: как бы получше вытравить из них все прогрессивное да как бы поудачнее реставрировать все реакционное! Имея своей целью оправдание и обоснование строя, направленного против закономерностей общественного развития, эти философы, по сути дела, стоят перед неразрешимой задачей, и в этом вторая причина той убогости буржуазной философской мысли, свидетелями которой мы являемся.

В результате несмотря на настоятельный социальный заказ фашизм до сих пор не может подыскать себе философии, полностью удовлетворяющей его нужды, и вынужден довольствоваться эклектической похлебкой из различных философских систем. Германские фашисты, которые играют сейчас ведущую роль в оформлении идеологии фашизма, признали для себя наиболее пригодными в данном отношении три разновидности современной идеалистической философии: ницшеанство, неогегельянство и шпенглеризм, которые являются последним продуктом развития буржуазной философии. От ницшеанства они заимствовали «имморалистическую» этику; от неогегельянства — идеалистические философские основы; наконец, от шпенглеризма — основы своих социально-политических идей.

Необходимо, однако, отметить наличие ряда особенностей в мирозерцании фашистов различных стран несмотря на общность исходных пунктов.

Следует также иметь в виду, что сами фашисты — в соответствии со своими политическими взглядами — не придают своей философии, как и теории вообще, решающего значения, считая, что они выбирают их для себя в порядке абсолютной свободы воли и что, следовательно, в том же порядке они могут от них отказаться. Поэтому они легко отмежевываются от своих философов, если этого требует политическая обстановка.

Философия

Исходным пунктом всех трех систем: ницшеанства, неогегельянства и шпенглеризма — является субъективный идеализм.

Менее всего общие философские основы разработаны у Ницше. О своем мировоззрении он говорит крайне скупое, хотя и с достаточной определенностью. «Я — мера всех вещей... Для меня — как могло бы существовать что-либо вне меня? Не существует ничего вне!» — говорит Ницше¹). «Но мы забываем об этом при всяком звуке. Как хорошо, что мы забываем!» — заканчивает он, легким флером скептицизма отдавая дань своим былым увлечениям дарвинизмом и естественно-научным материализмом.

Впрочем эта гейневская концовка фразы не меняет ее основного субъективно-идеалистического смысла, так как ведь наша забывчивость также есть фактор субъективный! Но в дальнейших произведениях Ницше появляются явные колебания в сторону мистически-идеалистического мирозерцания. Его сарказм и парадоксальность перерастают в алогизм, поэтическая образность речи получает совершенно мистический оборот, а в его афоризмы и притчи врывается сверхъестественный, «потусторонний» элемент.

У Шпенглера общефилософские вопросы развиты значительно полнее, чем у Ницше, хотя и для него философия играет подчиненную роль, не являясь самостоятельным предметом исследования.

Отправным пунктом для Шпенглера так же как и для Ницше является субъективный идеализм. На вопрос о том, что является первичным: природа или дух, он отвечает следующим образом: «Следует иметь в виду, что как история, так и природа — и то и другое есть комплекс явлений, предполагает дух, через который и в котором они становятся действительностью. Без субъекта невозможен и объект»²). Таким образом для Шпенглера первична не материальная природа, а первичен «дух» субъекта, субъективное сознание, которое одно только сообщает действительное значение всему объективному миру.

Что это не случайная обмолвка, но подлинная сущность мировоззрения следует из целого ряда других высказываний Шпенглера по этому же вопросу, еще более категоричных и определенных. «Твердо установлено, — говорит он, — что земля и солнце, природа, пространство, вселенная — все это личные переживания, причем их существование в определенном виде зависит от человеческого сознания»³). Или еще: «Природа есть образ, в котором человек высокой культуры дает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств, а история есть образ, при помощи которого воображение человека стремится почерпнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким образом придать ей углубленную действительность»⁴). Следовательно, человек строит внешний мир из комплекса явлений, который представляет собой не что иное, как его личное переживание, а природа и история — созданные им и существующие только для него и вместе с ним образы. Сомнений нет, мы имеем дело с таким «чувствующим фортепяно, которое вообразило, что оно единственное в мире фортепяно и что вся гармония мира сосредоточена в нем» (Дидро).

В своем развитии философия Шпенглера приобрела достаточно резкие мистические черты. Уже в только что приведенном определении природы и истории как субъективных образов меж ними устанавливается известное различие. Определение природы ровно ничем не отличается от типично махистского и выражает не только ту мысль, что единство привносится в природу субъектом, но и то, что впечатления, лежащие в основе понятия

¹) Ницше «Так говорил Заратустра». Ч. 3-я.

²) Шпенглер «Закат Европы». Введение.

³) Там же.

⁴) Там же.

природы, поддаются подобной обработке со стороны рассудка. Напротив, определение истории не содержит никаких указаний на возможность создания в этой области единства при помощи человеческого сознания. Здесь человек лишь следит за ходом явлений, познавая связь между своей личностью и историческим процессом. Следовательно, в этом определении истории уже содержится предположение о независимости и объективной значимости комплекса впечатлений, образующих историю. Впоследствии это различие между природой и историей стало краеугольным камнем шпенглеризма. К тому же Шпенглер вкладывает в эти понятия своеобразное содержание. Под природой обычно подразумевается физический мир, а под историей — явления общественной жизни. Сам Шпенглер, однако, понимает это иначе. Он полагает, что мир в целом можно воспринимать либо как природу либо как историю. Воспринимать мир как природу означает воспринимать его как совокупность мертвых, застывших форм, как результат уже свершившихся процессов. Воспринимать мир как историю значит воспринимать его в динамике его развития, в процессе свершения событий, в процессе его жизнедеятельности. В первом случае мы устанавливаем причинные связи и закономерности, которым этот «мертвый мир», эта «природа» подчинены. Во втором случае мы создаем лишь образы явлений и следим за судьбой процессов, ибо «живая жизнь»; «история», неподвластны механическим законам, но регулируются могущественной внешней силой — судьбой. По его мнению, «кроме необходимости причины и действия существует еще необходимость судьбы, являющаяся фактом глубочайшей внутренней достоверности... который составляет ядро и суть всей истории в противоположность природе, но в то же время не поддается формам познания, исследованным в «Критике чистого разума»¹⁾.

Расширительным толкованием понятия «история», охватывающим по сути дела весь мир, и принятием идеи непознаваемой, трансцендентной «судьбы», управляющей в сфере «истории», Шпенглер вносит в свою философию порядочную дозу мистицизма, непосредственно смыкающегося с фашизмом и поповщиной. Его идея «судьбы» не то что похожа, но в полном смысле слова совпадает с божественным велением, а его «внутренняя достоверность» — родная сестра религиозной веры.

Пожалуй, в этой откровенности Шпенглера заключается даже известный недостаток с точки зрения интересов буржуазии. Ведь буржуазная философия призвана дополнять религию и содействовать ее господству над умами. Она должна явиться более тонким средством одурманивания сознания широких масс в тех случаях, когда религия уже оказывается недействительной либо мало действительной. Но если философия воспроизводит тот же идейный багаж, которым располагает сама религия, то ее самостоятельное существование теряет в значительной мере свой смысл.

Неогегельянцы сумели найти более замаскированную формулу перехода от субъективного идеализма к мистицизму и поповщине, облаченную в более или менее приличный философский костюм. Философия неогегельянства лучше всего разработана итальянской школой, главным образом Кроче и Джентиле (см. Джентиле «Der aktuelle Idealismus»).

Свою философию Джентиле именует «современным идеализмом», или «актуализмом», и считает, что она — единственная философия в мире, разрешающая коренное противоречие между объектом и субъектом. По его словам, все материалистические философские системы обладают двумя коренными недостатками. Во-первых, они якобы берут духовную жизнь не в процессе ее проявлений, а в форме уже свершившейся и потому ставшей безжизненной, мертвой. Во-вторых, они не дают человеку свободы, так как человек несвободен, пока он считает себя частью природы; бытием, зани-

¹⁾ Шпенглер «Закат Европы». Введение.

мающим определенное место в пространстве и во времени, во всех смыслах ограниченное и находящееся в окружении других элементов, действующих на него, но не находящихся в его власти. Поэтому взамен подобного мирозерцания Джентиле предлагает объявить истинной реальностью самое мышление в процессе его свершения. Этим простым способом он обещает добиться одновременно двоякой цели: духовная жизнь в этом случае будет восприниматься уже не как нечто свершившееся, а в своем становлении, в самом акте мышления; с другой стороны, человек вновь обретет свою свободу, так как весь мир отныне заключен в его собственном мышлении и находится в полной зависимости от него.

Правда, это не блещущее новизной решение оставляет множество недоуменных вопросов! Так, всякое мышление ведь есть мышление о чем-нибудь, о каком-то определенном объекте, следовательно, выражаясь языком Джентиле, о чем-то ставшем. Что значит мыслить о духовной жизни в ее проявлениях, о мышлении в самом акте мышления? Это бессмысленное требование, так как наше сознание о процессе нашей умственной деятельности следует за этим процессом, после него, но не может иметь места одновременно с ним! Что же касается будто бы достигаемой при этом свободы, то, конечно, поскольку ничего, кроме и помимо моего акта мышления, не существует, я абсолютно свободен, но в этом случае сама свобода теряет всякий смысл и значение. Не потому ли фашистский философ так печется о «свободе в духе», что ему требуется затушевать факт отсутствия свободы для подавляющего большинства населения в современном капиталистическом государстве? Только в свете политической расшифровки философских спекуляций Джентиле они приобретают известный если не философский, то социальный смысл!

Вернемся, однако, к Джентиле и его «актуализму». Как уже упоминалось, «актуализм» противопоставляется старым идеалистическим философским системам. Все прежние идеалистические системы—от Сократа и Платона до наших дней—имеют, по Джентиле, крупные «изъяны», которые он берется устранить.

По его мнению, коренным недостатком старых идеалистических систем является то, что они ставили духовный мир по ту сторону сознания, вне зависимости от него, и только Кант впервые открыл ту истину, что нет ничего мыслимого вне нашего мышления, а Гегель оживил мир, внес в него понятие движения. Но в философии Канта фашистский философ находит тот «изъян», что она сохранила независимую от мышления «вещь в себе» и предшествующие мышлению априорные формы сознания. Что же касается Гегеля, то у него, в сущности, получилось «сумасшедшее движение», так как Гегель провозгласил постоянную изменчивость и подвижность категорий, определенных идей, заключенных в круг своих понятий, следовательно, уже «ставших» и потому приведенных в покой, безжизненных. У Гегеля получается, следовательно, движение покоящегося, что представляет собою бессмыслицу.

Выход из этих противоречий, по утверждению Джентиле, в «актуализме». Объединив мышление и мыслимое в едином акте мышления, он вообразил, что устранил разрыв между мышлением и бытием. С другой стороны, поскольку один акт мышления беспрестанно сменяется другим актом мышления, в постоянном движении обретается не застывшая идея, а сам живой процесс в своем «становлении».

Таким образом единства мышления и бытия Джентиле достиг чересчур дорогой ценой: фактическим отказом от действительного бытия, не говоря уже о том, что у него подобное сбрасывание со счетов целого универсума ничем, кроме соображений об удобствах представляемой актуализмом философской системы, не обосновано. Но не обязан же в самом деле универсум ставить вопрос о своем бытии или небытии в зависимость от потребности в сообразности философских систем! Крайне нелепый характер носит также

«диалектическое движение», по Джентиле. Бесмысленная, бесцельная, лишённая каких бы то ни было оснований вечная смена процессов мышления — поистине сумасшедшее движение!

Так что ж такое «актуализм»?

«Актуализм», таким образом, состоит в идентификации духа и мышления и в провозглашении мыслимого в данный момент единственно существующей реальностью. С другой стороны, актуализм берет акт мышления в его постоянной изменчивости, в его движении и тем вносит момент динамичности, активности в свою философию. Вот как, например, Джентиле определяет сущность актуализма: «Актуальное мышление — это и есть все... Все существующее существует лишь постольку и в тот момент, когда мыслится... А весь абстрактный логос приводится в реальность актуальным мышлением. Он существует, поскольку он не существует; он никогда не останавливается неподвижно, но двигается постоянно; он определен и отражается в определенном объекте, чтобы тотчас определить нечто другое»¹⁾.

«Актуализм», следовательно, представляет собою своеобразное сочетание субъективного идеализма и мистицизма. Взяв от субъективного идеализма представление о том, что действительность существует лишь в меру наличия субъективного мышления, актуализм затем объявляет это мышление в его процессе подлинным объективным бытием, всем миром, логосом. Отказавшись, однако, от кантовской «вещи в себе», дававшей возможность перехода к материализму, и выбросив душу гегелевской диалектики — развития путем раздвоения единого, борьбы и взаимного проникновения противоположностей, актуалистическая философия оставила шелуху и выбросила зерно немецкого классического идеализма, преемницей которого она себя объявляет.

Абстрактность неогегельянства и запутанность всего построения делает его непонятным для широких масс. Поэтому фашистская диктатура не может извлечь из этой крайне реакционной философии той же пользы для себя, какую она извлекает, например, из философии Шпенглера. Наконец, момент историзма, который присущ неогегельянству, совершенно неприемлем для фашизма. Фашизм чужд исторического рассмотрения действительности. В своей агитации фашизм демагогически отрицает свою преемственность и связь с капитализмом. Он объявляет себя отличным от капитализма, чем-то новым, началом какого-то иного социального бытия. Но отказ от историзма происходит у фашистов не только в целях лучшего обмана широких масс, он вызван более глубокими причинами. Представляя обреченный обществены строй, являясь последней ступенькой, на которой этот строй задерживается перед своей окончательной гибелью и крушением, фашизм, естественно, не имеет большой склонности заглядывать в будущее.

Тем не менее неогегельянство сыграло известную роль в выработке фашистской идеологии.

Помимо уже упомянутого, более замаскированного чем у Шпенглера поворота к мистике, неогегельянство обладает еще одной характерной особенностью. Оно представляет собой попытку использования действительности гегелевской диалектики, отбросив ее революционную сущность. Тем самым действительность становится реакционной, но именно такая действительность фашистам и нужна! Достигается это тем, что диалектика Гегеля берется во внешних, искусственных переходах, с максимальным прикрытием и затуманиванием ее рационального зерна.

Контрреволюционная действительность и активность — высоко ценимые фашизмом качества. Стремясь отсрочить свою гибель, удержать хотя бы еще на миг свое господство, империалистическая буржуазия противопоста-

¹⁾ Джентиле «Основы актуального идеализма».

вляет революционной борьбе пролетариата и законам общественного развития свою террористическую «действенность».

Одним из излюбленных приемов современной буржуазной философии является утверждение, будто марксизм давно опровергнут, а идеализм подтвержден наукой и философией. В действительности дело обстоит как раз наоборот! Давным-давно неопровержимо доказана ненаучность всех видов идеализма, в том числе и идеализма субъективного. А развитие науки, как и вся человеческая практика, подвело прочный фундамент под философию пролетариата — диалектический материализм. Единственное, что остается в этих условиях предоставителям буржуазной философии, — это придерживаться своего излюбленного метода: фальсификации научных фактов, приспособления их к миросозерцанию буржуазии и замалчивания критики.

Действительно, субъективный идеализм опровергается на каждом шагу человеческой практикой и элементарным размышлением. В самом деле! Если верно, что существуют лишь мои впечатления, что никакого внешнего, объективного мира, их вызывающего, никакой «вещи в себе» нет, то необходимо придти к выводу, что и других людей также нет, так как ведь и их существование принадлежит к комплексу моих впечатлений. Следовательно, с точки зрения этой философии, существуют только «я». Но это явная нелепость! Уже Фейербах указал, что солипсизм опровергается хотя бы наличием различных полов! Обычно субъективные идеалисты всячески открещиваются от этого неизбежного вывода из их миросозерцания, предпочитая остаться непоследовательными, нежели признать столь вздорную идею.

Далее. Если бы верно было, что «без субъекта невозможен объект, то отсюда следовало бы, что без человека не могли бы существовать ни земля, ни населяющий ее животный и растительный мир. Между тем геология и палеонтология доказывают, что человек явился сравнительно поздним обитателем земли и что гораздо раньше его она заселилась более низко организованными животными, а также растениями. Пусть геологические и палеонтологические истины — лишь «явления» с точки зрения субъективного идеалиста. Но как возможны столь противоречащие всей этой философской концепции «впечатления» у соответствующих ученых, многие из которых сами раздвигают философию субъективного идеализма? Одно из двух: либо надо отказаться от геологии и палеонтологии как от ложных наук, либо от субъективного идеализма как от ложной философии. Мы, разумеется, избираем последний путь. Ну, а субъективные идеалисты предпочитают и на сей раз избрать непоследовательность как «меньшее из зол».

Как вообще может решить субъективный идеалист, что истинно, что ложно, раз у него нет никакого критерия для подобного решения? С марксистской точки зрения вопрос об истинности или ложности данного представления разрешается с помощью объективной действительности. Практическая проверка, опыт человечества выявляют, в какой мере представление соответствует либо не соответствует действительности. Но для субъективного идеалиста никакого объективного мира нет, следовательно, никакая объективная проверка невозможна. Для него «человек есть мера всех вещей», и поэтому субъект — единственный критерий истины. Но как могу я судить о моих истинных и моих ложных впечатлениях, когда даже неизвестно, что в данном случае означает истинное и что означает ложное? Отсюда беспомощные попытки «наших» эмпириомонистов дать какую-то точку опоры суждениям, их апелляции к «общеобязательности» и «общезначимости» или к «большей яркости и силе выражения» как критериям истины. Но ведь для субъективного идеалиста существование других людей, а также их мнения — не более как мое впечатление! А яркость и сила выражения моих впечатлений с его точки зрения также не имеют никакого иного источника кроме меня самого!

Наконец, субъективный идеализм делает невозможной какую бы то ни было деятельность, так как она всегда предполагает наличие обоих: субъекта

и объекта. Без внешнего мира невозможен ни один продукт труда, а с одними представлениями и впечатлениями нельзя произвести даже детской игрушки. «Но,—говорит субъективный идеалист,—и субъект и объект не что иное, как мои представления». На это можно возразить, что если б это действительно было так, то совершенно непонятно, как могло бы возникнуть нечто новое. Но фабрики и заводы созданы отнюдь не из ничего в процессе творческого акта божественной философии — они созданы трудом рабочего класса в процессе переделки объективной природы.

В своей критике субъективного идеализма Ленин говорит, что камнем преткновения для всех представителей этого направления является непонимание соотношения между абсолютной и относительной истиной: «В теории познания,—говорит он,—как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹).

Но субъективный идеалист, имея дело исключительно с представлениями, не в состоянии уловить их развития в сторону все более полного отражения действительности, тем более, что развитие это совершается не плавно и постепенно, но идет скачкообразно и противоречиво. Он поэтому воспринимает понятия метафизически: как застывшие и неизменные. Но вместе с тем он наблюдает их противоречивость и их антагонизм. Не понимая положительного значения этой борьбы, он скатывается к голому скептицизму, к абсолютному релятивизму.

Это положение полностью подтверждается на примере Шпенглера. Он внес скептицизм и релятивизм в общественные науки, доведя их до крайних, абсурдных пределов. С его точки зрения, каждый народ создает себе свои культурные ценности, свои истины, свою религию, свою историю — и все это существует лишь для него, не представляя собой никакой объективной значимости, т. е. носит временный и местный, сугубо относительный характер. «Человечество,—говорит он,—пустое слово, фантом. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, боги, истины, страны. Нам не хватает сознания исторической относительности характера достигнутых нами результатов»²).

Шпенглер не видит, не желает видеть классового характера культуры капиталистических стран. Выполняя социальный заказ буржуазии, он изображает дело так, будто это не культура господствующих классов, а культура народа в целом, и будто с ее падением погибнет культура вообще! Относительный характер буржуазной культуры возводится им, таким образом, в абсолют! А за относительным характером буржуазных истин он не замечает объективной истины, которая пробивает себе дорогу именно сквозь строй относительных истин и которую несет трудящемуся человечеству пролетариат. Ибо человечество — вовсе не фантом, ибо как раз там, где релятивист Шпенглер проводит вечные, непроходимые грани между людьми, разделяя их на враждебные и чуждые расы и народы,—эти грани оказываются на практике относительными.

«Природа — дух, язычество — христианство, античность — современность — в качестве антитез разवे имеют значение для индийца или русского? — говорит Шпенглер в том же «Введении». — Что общего имеет Толстой с Данте и Лютером? Японец с Персифалем и Заратустрой? Индус с Софоклом? Идеи Шопенгауэра, Канта, Фейербаха имеют чисто западноевропейское значение. Как вопросы, так и ответы исторически обусловлены». Здесь помимо той же линии на абсолютизирование исторических различий как оборотной медали релятивизма заслуживает внимания еще один момент.

¹) Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Глава «Вещь в себе».

²) Шпенглер «Закат Европы». Ч. 1-я. Введение.

Здесь мы встречаемся с образцом той «диалектики», которая часто фигурирует и у Шпенглера и у неогегельянцев в виде многочисленных рассуждений насчет «динамичности» общественных явлений, их «противоречивости», необходимости брать их «в процессе становления» и т. п. На самом деле формальное принятие гегелевской диалектики приводит к тому роду мышления, который Гегель именовал «внешней» или «суб'ективной» диалектикой и который он подвергал жесточайшей критике.

Гегель характеризовал суб'ективную диалектику в отличие от об'ективной следующим образом: «Внешняя диалектика — это движение, отличное от полного охвата данного движения... Это — манера рассматривать предметы, показывая в них основания и стороны, благодаря чему делается шатким все, что обыкновенно считается прочно установленным. Эти основания могут быть совершенно внешними»¹⁾... Об'ективная диалектика, напротив, есть «имманентное рассмотрение предмета... Всецело переносят себя в самую суть дела, рассматривают предмет в себе самом и берут его по тем определениям, которыми он обладает. В этом рассмотрении обнаруживает он затем сам, что содержит в себе взаимопротивоположные определения и, следовательно, снимает себя» (разрядка моя.—Ф. П.).

В приведенном примере противоречия выхватываются именно чисто внешним образом, без вскрытия процесса их возникновения, из самой сути предмета. Отсюда их произвольный и большей частью случайный характер. Почему, действительно, язычество и христианство являются такими противоречиями, а не, например, католицизм и лютеранство, христианство и атеизм и т. д.? Или почему именно античность противоречит современности, а не средневековье?

В результате эти противоречия остаются неразрешенными «антиномиями» и не служат двигательной силой развития общества, но, наоборот, ведут его к остановке, к смерти. Вместо диалектики мы, следовательно, получаем софистику, софистические упражнения с противоречиями и пессимистическое отношение к действительности («раздираемой» противоречиями). Особенно ярко эти черты выявлены у Шпенглера. «Всякое развитие, — говорит он, — имеет завершение, и это — конец. А мы слишком слабы, чтобы выносить мысль о преходящем значении жизни, хотя все существующее имеет начало и конец, жизнь человека, — как и народов, и культур»²⁾. Шпенглер не замечает того, что конец одного существующего вызывает начало другого. Противоречия у него не «снимаются» в своем развитии, но ведут к гибели и крушению целого, гибели вообще, безотносительно к тому новому, что зарождается в процессе уничтожения, строю. На примере философских построений Шпенглера можно отчетливо видеть, что и самые общие и абстрактные философские положения так же партийны, как были партийны все философии мира. Монополистическая буржуазия, сознавая неизбежность классовых битв, предпочитает гибель современной цивилизации победе пролетариата. Она хотела бы повторить историю классовой борьбы между восставшими рабами и римскими патрициями, закончившейся поражением рабов, приведшей к гибели Римскую империю и отбросившей человечество назад на тысячелетия.

Но пусть фашисты и их философы не забывают, что современный пролетариат — уже не римские рабы, еще не имевшие опыта в борьбе и потому разбитые в неравном бою с угнетателями. Современный пролетариат вооружен огромным историческим опытом борьбы угнетенных классов против их угнетателей и более чем столетним опытом своей революционной борьбы против господства помещичьих и буржуазных классов, опытом буржуазно-

¹⁾ Цитирую по ленинскому конспекту «Истории философии Гегеля». Лен. сб. XII, стр. 185.

²⁾ Шпенглер «Der Mensch und die Technik». Предисловие.

демократических и пролетарских революций XIX и XX веков. Он вооружен единственно научной философией, что он спаян и скреплен коммунистическими партиями и Коммунистическим интернационалом. Наконец, он уже победил на одной шестой земного шара, а этот пример воодушевляет на борьбу, дает уверенность в успехе пролетариату всех стран. Шпенглер прав поэтому только в одном: гибель представляемого им класса, ликвидация эксплуататоров предreshены всем ходом исторических событий¹⁾. Но если Шпенглер и буржуазия хотят осуществить ее на путях реакции, на путях попятного исторического движения, видя в этом единственную возможность отсрочки, то пролетариат не дремлет: он мобилизует свои ряды и повернет исторические процессы по революционному пути, построив на развалинах прошлого коммунистическое общество.

Этика и социальная политика

В эпоху империализма общественные противоречия достигают величайшей напряженности. В связи с этим идеологические надстройки предшествующего «мирного» периода развития капитализма становятся тесными, непригодными в новых условиях. Буржуазная мораль не представляет собой исключения в этом отношении. Никогда еще ее лицемерие и узость не выступали с такой очевидностью как именно на теперешнем этапе развития капитализма! Эта мораль поэтому начинает терять свою убедительность и силу влияния на трудящиеся массы, а вместе с тем и всякую ценность в глазах империалистической буржуазии. Отсюда для буржуазии вырастает необходимость создания новой морали, определяющей взаимоотношения между людьми в соответствии с ее интересами. Ее идеологи почувствовали эту необходимость еще с конца прошлого столетия. Они выступили с целым рядом этических учений, противопоставленных этике пролетариата, его морали.

В числе их одно из первых мест, несомненно, принадлежит этике Ницше. Исходным пунктом ее является крайний индивидуализм как логическое следствие субъективно-идеалистического мировоззрения, сторонником которого является Ницше. Основной смысл всего его построения состоит в том, что он ищет и, по его мнению, находит те правила поведения и те принципы взаимоотношений между людьми, которые должны обеспечить победу и господство сильного над слабым, ничтожного меньшинства человечества над большинством, сохранение неравенства между людьми и подчинение эксплуатируемых эксплуататорам. Тем самым Ницше выполняет социальный заказ буржуазии.

По его мнению, человек в своей массе — это «грязный поток»²⁾, отвратительное существо, склонное к мелким порокам и добродетелям, слишком трусливое в своей злобе, слишком безвольное в своем бессилии. Но над этой массой, над этой «чернью» возвышаются отдельные индивидуумы — личности, призванные к господству, хозяева жизни. Их отличительной чер-

¹⁾ Кстати, именно этот вывод Шпенглера несколько неудобен своим пессимистическим характером для фашистской демагогии. За последнее время это обстоятельство даже послужило объектом дискуссии в фашистском лагере в связи с последней книжкой Шпенглера «Решающие годы» (см. статью отставного контр-адмирала Гепфнера в «Бергверксцайтунг» от 4/II 1934 г. и ответ редакции). Необходимо, однако, отметить, что книжка Шпенглера является отнюдь не причиной, а лишь поводом для выражения тех разногласий и противоречий, которые имеются сейчас в рядах фашистской правящей клики. Вместе с тем эта дискуссия не колеблет ни в какой мере изложенного в данной статье взгляда на роль Шпенглера в разработке основ фашистской идеологии. Этой его роли не отрицает, впрочем, и критика! Так, упомянутый выше Гепфнер, выступая против пессимистических выводов Шпенглера, одновременно указывает на то, что идеи, изложенные в книге последнего «Пруссачество и социализм», сейчас претворяются в жизнь Гитлером.

²⁾ Как здесь, так и в дальнейшем при изложении взглядов Ницше я пользуюсь его произведением «Так говорил Заратустра».

той является сильная воля, не останавливающаяся перед преступлением, отрицающая признанную мораль: добро, справедливость, сострадание. Идеалом этих сильных одиночек является «сверхчеловек», т. е. человек, поборовший в себе все человеческие чувства, переживший все пороки и преступления, равный по своим моральным качествам хищному зверю.

Под эту несложную концепцию подводится, однако, своя «идейная» база. Она состоит в том, что имморалистический «сверхчеловек» окружается ореолом величия и импонирующей красоты; в то же время моральный облик «черни» изображается презрительными красками, неспособными возбудить какие бы то ни было симпатии.

Так, о «сверхчеловеке» Ницше говорит: «Он свободен духом и сердцем и стремится к своей гибели и падению», «он презирает добро и зло», «его счастье превратилось для него в омерзение», «он постоянно готов и стремится к борьбе», «он божественно стремится против других людей». Для него, по словам Ницше, «не существует добра и зла», так как зло — необходимая составная часть его духа. Вместе с тем то, что обычно принято считать злом, является таковым лишь для «черни», но отнюдь не для «сверхчеловека». Самые крупные пороки: сладострастие, властолюбие, самолюбие — превращаются, по мнению Ницше, в свою противоположность, как только соприкасаются с «сверхчеловеком». «Сладострастие, — говорит он, — для черни — медленный огонь, на котором ее сжигают», но «для львиного сердца — земной рай, подкрепление и лучшее вино». Или о властолюбии: это «пытка, землетрясение, разламывающее все пустое и гнилое». Но это «бич для твердых сердец». Наконец, самолюбие, в сущности, «плюет на рабское чувство». Поэтому нам следует разгрузиться от навьюченных на нас с детства понятий о добре и зле. По мнению Ницше, нет никакого смысла садить своего ближнего и предаваться любви к людям. Напротив, «людям следует протягивать не руку, а лапу, — и лапа эта должна быть снабжена когтями», потому что всякая любовь к ближнему таит в себе допущение, будто «я» ниже чем «ты», а подобное допущение, само собой разумеется, идет вразрез с чувством собственного достоинства «сверхчеловека».

Мы видим, таким образом, что имморализм действительно возведен здесь на некий пьедестал, представлен как значительное, достойное уважения и подражания душевное состояние. А чудовищный, беспредельный эгоизм трактуется как самое мудрое правило поведения.

С другой стороны, такая бесчувственность и бесчеловечность по отношению к массе, «черни» получают у Ницше известное оправдание путем наделения большинства человечества — «черни» — самыми неприглядными качествами. Она, оказывается, просто труслива и боится всякой заботы, всякого нарушения существующего состояния. Она боится бедности, по словам Ницше, в силу того, что это затруднительно. Она не хочет повиноваться тоже потому, что это затруднительно. Она боится любой опасности и добродетельна исключительно из-за своей лени. Поэтому «ее доброта внушает отвращение». Любовь к ближнему проистекает у нее из презрения к себе. Поэтому ницшеанский «сверхчеловек» полон ненависти и презрения к «черни». Свои чувства он выражает следующим образом: «Жизнь — это кладь радости; но там, где пьют также и чернь, — все колодцы отравлены. Я не люблю жажды нечистых и рыла их с оскаленными зубами. Они называют грязные мечты наслаждением. Но иной не хочет разделить с черню ни колодца, ни пламени, ни плода — и отвергается от жизни».

Уместно спросить, в чем же состоят эти «грязные мечты», вызвавшие столь сильное возмущение Ницше? Оказывается, это мечта о мире, «в котором все равны... мало ссор и много смеха». Оказывается, это мечты о «государстве черни, в котором все перепуталось: дворянин и иудей... в котором нет настоящего почитания». Этот идеал не по душе Ницше. Он уверяет нас, что «справедливость (кстати, откуда взялось это понятие у нашего проповедника имморализма? — Ф. П.) ему подсказывает, что люди неравны

и не должны стать таковыми» (разрядка моя.—Ф. П.). Напротив, «пусть будет больше между людьми войны и неравенства», провозглашает он. Со свойственной ему «справедливостью» Ницше обрушивает всю свою ярость на революционеров. «Вы — проповедники равенства,— говорит он,— в вас сидит месть. Вы сами хотите тиранства и маскируете это добродетельными словами. В вас зависть и сомнение, поэтому вы поднимаетесь против всего имеющего».

Приведенные примеры достаточно ярко рисуют классовый облик Ницше и его социальные симпатии. Пусть образы и сравнения взяты у Ницше метафорически! Но самый выбор таких образов, как например «дворянин» в качестве символа благородства или «иудей» как синоним низменного и подлого, вполне выявляет чуждую и враждебную пролетариату идеологию. Отрицательное отношение Ницше к социалистическому идеалу также не подлежит никакому сомнению. Наконец, война и насилие, фигурирующие в его произведениях как абстрактные образы, из которых выхолощено конкретное классовое содержание, именно в таком виде более всего пригодны для осуществления классового насилия буржуазии. Поэтому, переводя символы Ницше с метафорического языка на политический, необходимо констатировать их реакционную сущность, их враждебность классовым интересам и задачам пролетариата. Эта сторона ницшеанства по заслугам оценена фашизмом. Так, в статье «Гегель и Ницше», посвященной сотой годовщине со дня смерти Гегеля, дается следующая оценка роли Ницше в выработке фашистского мирозерцания: «Он далек от лишенного традиций большевизма — на тысячи миль. Пророческая и социально-политическая часть его труда совпадают с фашизмом. Это — господство мужских добродетелей: дисциплинированности, мужества, твердости, трезвости и рассудительности, активности... Нация, воспитанная на этих чувствах, может быть только воинствующей нацией, неспособной вести иной политики кроме национальной жажды власти»¹⁾.

Ницше не может быть причислен к числу тех мыслителей, для которых последовательность — первая философская заповедь. На протяжении буквально нескольких десятков страниц он то отрицает всякую правомерность за такими понятиями, как справедливость — несправедливость, добро — зло, добродетель — порок, то апеллирует к ним как к определенным критериям человеческого поведения. Правда, при этом Ницше, как правило, проповедует иммориализм сильным и властным мира сего, а правила буржуазной морали — угнетенным и эксплуатируемым. Не подлежит никакому сомнению, что определенная логика здесь имеет место!

Дело, однако, не только в непоследовательности Ницше, не только в том, что он вынужден апеллировать к справедливости и порицать зависть и сомнение, после того как на предыдущей странице провозгласил отказ от этических понятий высшим идеалом человеческой морали. Суть вопроса в том, что в классовом обществе общечеловеческой морали нет и не может быть, но есть только мораль классовая, потому что мораль возникла вовсе не из природных особенностей человеческого духа, как думает Ницше, но как и другие идеологические надстройки она возникла из классовых производственных отношений.

Ницше отнюдь не одинок. Аналогичный взгляд на мораль и ее происхождение мы встречаем и у теоретического вождя социал-фашизма К. Каутского. Так, в своей «Этике» он пишет: «Каждый человек ощущает более или менее ясно, что внутри него действует какой-то регулятор, заставляющий его стремиться к добру и презирать зло». То обстоятельство, что, по Ницше, этот, выражаясь языком Каутского, «внутренний регулятор» повелевает человеку презирать добро и творить зло, в данном случае несущественно, а важно, что Каутский как и Ницше источником морали считает

¹⁾ См. «Naz.-Soz. Monatshefter». XII 1932 г.

человеческую природу, что Каутский как и Ницше считает эту природу и диктуемые ею правила морали неизменными, что Каутский как и Ницше придает морали надклассовый характер.

Вернемся, однако, к Ницше.

Наряду с указанными весьма ценными для фашизма чертами в ницшеанстве имеются, однако, и элементы, не столь приемлемые для империалистической буржуазии, но совпадающие с ее интересами или совпадающие с ними лишь наполовину. Такова скептически-критическая сторона этой философии. Ницше подвергает критике не только буржуазную мораль, но заодно и другие весьма существенные атрибуты капиталистического общества: религию и государство. «Все божества,—говорит он например,—суть измышления поэтов». На этом основании Ницше объявляет себя безбожником. А к «черни» он, между прочим, причисляет и всех тех, кто «хочет обладать деньгами и властью». Наконец, о буржуазном государстве он говорит, что «народом правят торговцы... Когда я увидел, что они торгуют из-за власти, я предпочел быть глух и нем, нежели жить с сильными и властными». Поэтому он советует «уйти из государства в пустыни, ибо там, где кончается государство, там начинается человек, который является мостом, ведущим к «сверхчеловеку». Критика Ницше хотя и ведется с реакционных позиций, все же является критикой буржуазной морали. Правда, и из этой части ницшеанства фашизм может извлечь и действительно извлекает для себя пользу. Для буржуазии выгодно отвлечь внимание глубоко недовольных существующим порядком масс в сторону критики реакционной и тем воспрепятствовать им стать на путь критики прогрессивной, коммунистической. Но вместе с тем путь критики сам по себе таит в себе опасность для капиталистического строя. Непригодно также для повседневного фашистского обихода откровенное пренебрежение Ницше к массам. Ведь фашистская диктатура на то и рассчитана, тем только и держится, что ей удается вести за собой пока что широкие массы мелкой буржуазии.

В упомянутой уже статье «Гегель и Ницше» автор-фашист считает поэтому нужным предостеречь своего читателя: «Чтобы поставить Ницше в связь с национал-социализмом, не надо следовать за ним до конца,—говорит он.—В своих конечных выводах это лишь философия для облеченных ответственностью и мощностью вождей. Только для этого тонкого слоя пригодны его излишества в отношении христианства, морали, воли к власти... Это будет противоречить истинной сути ницшеанства, если мы сегодня же захотим отменить христианскую церковь, буржуазную мораль, национальное «отечество». Вот почему ницшеанство в целом не вполне пригодно для того, чтобы стать официальной философией фашизма.

Однако имморализм как основа фашистской этики, предварительно освобожденный от «излишеств» Ницше и доведенный до логического и политического завершения, вошел составным элементом фашистской идеологии.

Эта работа была проделана Шпенглером. Шпенглер спустил ницшеанского «сверхчеловека» и ницшеанскую «чернь» на землю. Он облек эти образы плотью и кровью и произвел на деле тот перевод ницшеанской морали с метафорического языка на политический, который мы выше произвели лишь мысленно.

В его изображении расстановка классов и их взаимоотношения в современном капиталистическом обществе рисуются следующим образом:

Жизнь,—говорит он¹⁾,—борьба без пощады, в которой побеждает хищник! Он всем враг и никто ему не равен—в этом величие души хищника. Но травоядному недостает гордости и злобы, и этот недостаток души он заменяет большим количеством, стадом, делом масс. Хищное животное—таков идеал человека. Но люди не равны. Среди людей как и среди живот-

¹⁾ Излагаю по произведению Шпенглера «Der Mensch und die Technik».

ных существуют 2 типа: хищники и травоядные. Первые являются субъектом политической и хозяйственной жизни, они — руководители. Вторые — объекты жизни, исполнители. Только низшие люди больших городов «Untermenschen» — марксисты — воображают, что это можно каким-то искусственным путем устранить! На самом деле это неустранимо и будет вечно. Управлять, руководить, приказывать — это не так просто, как иные воображают, но является природным даром, искусством, доступным лишь избранным. Именно творческая деятельность этих одаренных голов делает возможной исполнительскую деятельность всех прочих, неспособных к творчеству людей. Между господами и слугами существуют и физические и моральные природные отличия, и в здоровое время и у здоровых народов это всеми признается. Только большевики упорно занимаются пустяковыми разговорчиками о природном равенстве всех.

Наконец, и народы также не все одинаковы.

Есть народы сильные — расы хищников — такова белая раса, и народы слабые — расы травоядных — таковы все цветные расы, к числу которых, по компетентному мнению Шпенглера, относятся также русские и жители части южной и юговосточной Европы. Но все низкостоящие расы и низкостоящие люди больших городов крайне завистливы. Они завидуют роскоши господствующих людей и господствующих рас, не понимая, что роскошь — это высший цвет западноевропейской, фаустовской культуры. Впрочем, благодаря своему низкому уровню эти люди и эти расы и не нуждаются в этой культуре и поэтому стремятся ее разрушить. Но трагедия человека-хищника в том, что чем плодотворнее руководительская работа, тем больше рук требуется для выполнения творческих идей руководителей. В результате несоответственно возрастает стадо исполнителей, превращаясь в угрозу существующему порядку. Кроме того белая, господствующая раса совершила крупную ошибку. Вместо того чтобы вывозить только товары, белые начали обучать цветных секретам науки и техники, в результате чего был подрублен тот ствол, на котором покоилась роскошная жизнь белой расы, и наступила безработица. Напряженность взаимоотношений между руководителями и исполнителями ведет к революции как в России. Но масса низших людей без руководителей, что войско без офицеров. Она стремится к социализму, хотя социализм, по уверению Шпенглера, представляет собой плоский идеал.

По совокупности всех этих обстоятельств Шпенглер и полагает, что капиталистический мир стоит накануне катастрофы.

При всем отвращении, которое вызывает в нас эта философия истории, в одном надо отдать справедливость Шпенглеру: он, во всяком случае, откровенен. Хищное животное — таков идеал любого буржуа. Государственно-хищник — таков идеал монополистической буржуазии любого империалистического государства. И Шпенглер воспевае хищника, возводит его на пьедестал, воспевае и возводит на пьедестал империалистическую политику финансового капитала. Одновременно он выполняет еще одну функцию. Предостерегая буржуазию о прозящем ей восстании пролетариата и колониальных народов, Шпенглер вместе с тем пытается отвести последних от классовой и антиимпериалистической борьбы, внушая им мысль о вечности, неизменности и несокрушимости существующего деления человечества на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Но разберем по порядку все его утверждения. Люди, по его словам, делятся на хищников и травоядных, причем первые, на стороне которых все симпатии автора, управляют, вторые повинуются. Так было и так будет.

В ответ на это достаточно привести один «упрямый факт»: социалистические советские республики, которые ведь существуют даже с точки зрения Шпенглера. Оказалось, что вся «гордость» эксплуататоров покоилась на праве частной собственности на средства производства и необычайно быстро испарилась, как только у них было отнято это право. Оказалось, что рабочий класс, на роду которому, по словам

Шпенглера, написано рабство и покорность, отнюдь не столь «травояден», как этого хотелось бы международной буржуазии и ее философу. Выгнав помещиков и капиталистов; трудящиеся СССР полностью постигли «искусство» управления. Что же касается господствующих классов капиталистического общества, то они давно превратились в трутней и паразитов, передоверивших даже функции командования своим наемникам — буржуазной интеллигенции.

Русский образец послужит наглядным примером, каким путем пролетариат должен действовать, чтобы изменить тот мир, в котором сейчас действительно господствует хищник. Шпенглер чует гибель своего класса. Он видит прозякающие ему силы и полон поздних сожалений о том, почему империализм оказался империализмом. Пока капиталисты — «расы хищников» — просто грабили свои колонии, все было хорошо! Но вот наступил век империализма, связанный с вывозом капитала и с его приложением в различных отраслях колониального хозяйства. Отсюда, по Шпенглеру, все несчастья, так как «цветные» овладели техникой и теперь представляют угрозу существующим порядкам.

Шпенглеру, видите ли, нравится капитализм и нравится империализм, но ему не нравятся их последствия. Он хотел бы так устроить мир, чтобы эксплуататоры и паразиты могли грабить его вечно и бесконечно, чтобы рабочий класс и теперешние колониальные народы действительно превратились в покорное, безропотное стадо, смиренно соглашающееся оставаться на веки веков на положении рабов капитала.

Такое общество было бы действительно «социалистично» и «культурно», уверяет Шпенглер. А то какой же это, в самом деле, социализм и какая же это культура, если не будет войн, религиозных и расовых изуверств, ненавистничества и злобы? Шпенглер отказывается жить без «веселеньких» истязаний, зверств и убийств! Ну, что ж! Мы не будем настаивать! Будем надеяться, что пролетариат Германии, взявши власть, облегчит фашистским вырождакам переход в «иные регионы».

Обратимся, однако, к этике Шпенглера и к вытекающим из нее социально-политическим теориям последнего. Но для того чтобы лучше понять их, необходимо вернуться несколько назад, к общефилософским взглядам Шпенглера. Выше мы отметили значительное сходство последних с философией неогегельянства. Однако отличительной особенностью шпенглеризма является то, что субъективный дух, приводящий в действительность весь мир природы и истории, берется у Шпенглера не как абстрактный индивидуальный разум, но как дух нации или расы, отличный от эпохи к эпохе. Шпенглер различает несколько эпох, на протяжении которых царит дух именно данной культуры, таковы: египетская, вавилонская, индийская, эллинская, арабская, западноевропейская. Дух эллинской культуры он именует «аполлоновским», дух арабской культуры — «магическим», наконец, дух западноевропейской культуры — «фаустовским». Изначальные свойства и особенности этих «духов» и послужили причиной особенностей и отличительных черт созданных ими культур или эпох.

Дух современной Германии и всей Западной Европы — дух фаустовский. По понятиям Шпенглера, он глубоко отличен от духа других эпох, в особенности от духа эпохи древней Греции, на протяжении которой царил дух аполлоновской культуры.

Эта особенность, по словам Шпенглера, — в «историчности» и «социалистичности» фаустовского духа. Следует тут же предупредить читателя, что в шпенглеровском «историзме» нет ни прана подлинного историзма, а в шпенглеровском «социализме» — ни капли подлинного социализма. В дальнейшем Шпенглер наделяет современного немца следующими чертами: он мужествен и тверд, стремится к определенной цели и достигает ее через господство над другими. Он обладает сильной волей и глубокой динамичностью, в силу которой он борется за овладение всем миром.

В противоположность ему житель древней Греции неисторичен. Ему нет дела ни до прошлого, ни до будущего: он живет не во времени, а в пространстве. Отсюда его беззаботность и легкомыслие, его поверхностность и безволие, отсутствие стремления к определенной цели, к власти и господству.

Читателя, разумеется, интересуют доказательства, которыми Шпенглер обосновывает свои более чем странные утверждения. Не разделяя того пietetа, который Шпенглер питает к животным инстинктам современного представителя господствующих классов капиталистического общества, наш советский читатель вместе с тем в интересах исторической истины никак не может согласиться с тем, будто древние греки не стремились к классовому и национальному господству. Всем нам невольно приходят на ум греко-персидские, Пелопонесская и бесчисленные другие войны, раздиравшие древнюю Грецию и приведшие в конце концов к ее гибели. Тем более любопытно, как все-таки Шпенглер обосновывает свои утверждения.

Этим обоснованиями и доказательствами, по сути дела, полно все сочинение «Закат Европы». Их даже, пожалуй, чересчур много. Шпенглер и тут, так сказать, хватил через край, переусердствовал в своем стремлении во всем противопоставить культуру древней Греции культуре современной. В результате его «доказательства» вызывают то недоумение, то смех, то раздражение — целую гамму чувств и переживаний. Не вызывают они лишь одного чувства, зато самого главного, ради которого все эти сотни страниц написаны, — чувства убежденности в правоте Шпенглера, в обоснованности его выводов.

Судите сами, читатель!

Вот, например, очерк развития математики в древней Греции и у нас. Из него мы узнаем, что эллины не пошли в своих математических изысканиях дальше рациональных чисел и элементов алгебры, в то время как у нас получили широкое развитие числа иррациональные, высшая алгебра, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисления. Отсюда Шпенглер делает следующий вывод: дух древней Греции был духом более ограниченным, более плоским, конечным, меж тем как дух современного европейца полон стремления в бесконечное, не признает границ ни в пространстве ни во времени.

Подобное заключение не может вызывать ничего кроме улыбки, так как в нем отсутствует самое элементарное представление о развитии наук.

Или вот: древние греки знали только геометрию Эвклида, покоящуюся на принятии трехмерного пространства, а западноевропейская мысль выдвинула геометрию Гаусса и Лобачевского, требующих допущения многомерного пространства. Отсюда опять-таки вывод Шпенглера таков, что этот факт свидетельствует о недостаточном размахе, об узости греческого духа. Шпенглер даже не ставит вопроса, в какой мере соответствуют эти геометрии действительности, в какой мере они правильно отражают реальное пространство. Для него нет объективного пространства, поэтому единственным критерием истины является его собственный рассудок. Ну, а рассудок Шпенглера заранее настроился так, чтобы во всем отдавать предпочтение «фаустовскому» духу. Но какое иное чувство, кроме недоумения, может вызвать подобная оценка?

Приведем другой пример — из области пластики. Греки, как известно, любили лепить нагие тела и достигли в этом искусстве величайшего мастерства. Западноевропейские художники, наоборот, предпочитают рисовать портреты. Шпенглер, как и следовало ожидать, убежден в несомненном превосходстве западноевропейского мастерства. Но мало того! В изображении греками нагого тела он усматривает проявления легкомыслия аполлоновского духа, его интереса исключительно к внешнему, физическому и плотскому. Портретное искусство, по его словам, наоборот, служит выражением идей-

ности фаустовского духа, его интереса к психологии, к душе, к внутреннему содержанию человека. Интересно, какими качествами фаустовского духа Шпенглер может объяснить западноевропейскую порнографию? Тупое лицемерие, с которым Шпенглер перед лицом подлейшего разврата, насаждаемого буржуазией бок о бок со своими культурными центрами, порицает греческое искусство, прямо возмутительно! Но наглость никогда не была убедительной!

Приведем, наконец, еще один, последний пример. Разбирая греческую и современную трагедию, Шпенглер утверждает, что трагедия греков представляла собой цепь случайных несчастий, вызванных чисто внешними причинами и могущих постигнуть любого человека. Так, слепота Софокла Эдипа не вытекает из характера последнего и является для него чисто внешним несчастьем. Иное дело — трагедии Шекспира! Макбет, Гамлет, король Лир — это личности, трагическая судьба которых заложена в самом их характере и из него непосредственно вытекает. И опять старый, набивший оскомину вывод: все это свидетельствует об ограниченности, поверхностности аполлоновского духа и о глубине духа фаустовского. Что кроме раздражения может вызвать подобный анализ?

Необходимо отметить, что во всех случаях Шпенглер суживает и искажает меру достижений древней Греции в области наук и искусств. Одновременно он также искажает значение и роль соответствующих областей западноевропейской культуры. Я лишена возможности проследить этот вопрос во всей широте в данной статье, но, чтобы не быть голословной, остановлюсь кратко хотя бы на последнем примере. Верно, конечно, что трагедии Шекспира покоятся на особенностях и чертах характера его героев, верно и то, что в трагедиях Софокла несчастья сыпались на действующих лиц независимо от их психологических особенностей. Однако неверно, поверхностно суждение Шпенглера, будто суть тех и других трагедий сводится только к игре несчастий. Трагизм положения создается у Софокла не тем, что Эдип ослеп, а тем, что ослеп Эдип. Не слепота как таковая, но слепота, повлекшая за собою беспомощность и несчастье человека, до того обладавшего всей полнотой власти и житейских благ, — в этом суть и истинный смысл трагедии Софокла. Но в таком случае она теряет приписанный ей Шпенглером случайный и узкий характер и приобретает характер общечеловеческой значимости. Также и в трагедиях Шекспира их смысл и значение отнюдь не сводятся к отмеченному Шпенглером обстоятельству. Ибо трагизм вытекает здесь не только из особенностей характера героя, но из тех условий, в которых герой живет. Трагизм у Шекспира поэтому покоится не на психологии данной личности, но покоится на гораздо более широких основах, а именно: на основах общественного строя, в котором живет и борется личность, обладающая данными психологическими особенностями.

Из приведенных примеров — а их можно умножить до бесконечности — следует вполне определенное заключение о методе и характере тех доказательств, на которых покоится все здание шпенглеризма. Эти «доказательства» — если их вообще можно считать каким-то подобием доказательств — являются просто глубоко тенденциозным подбором фактов из различных областей наук, искусств и политической жизни древней Греции и сопоставлением их с соответствующими отраслями западноевропейской культуры. А так как древняя Греция отделена от наших времен на несколько добрых тысяч лет и так как Шпенглер живет вне времени и пространства, то он, отмечая несомненное превосходство науки современной над наукой прошлых веков, приписывает это превосходство природным качествам северогерманской расы и с высоты величия своего «фаустовского» духа посрамляет несчастных греков за их трехтысячелетнюю отсталость!!! Действительно, трудно подобрать соответствующий термин для квалификации подобной бессмыслицы!

Однако в данной бессмыслице есть свой смысл! Он очень нагляден при

сопоставлении оценки Шпенглером политических образований древней Греции, Египта и современности. Оказывается, что в данном случае симпатии Шпенглера полностью на стороне... египетской формы государственного устройства. Но послушаем лучше самого Шпенглера!

По его мнению, отличительной особенностью фаустовского духа является его социалистичность. Не в том, однако, смысле, как обычно трактуют это понятие «низшие люди больших городов» — «марксисты». О нет! По его словам, он понимает под социализмом не экономический, а этический идеал, а именно: стремление «от имени всех проводить свое собственное мнение». А так как сущность фаустовского духа, как читатель, вероятно, уже усвоил,— в стремлении к господству над другими, то отсюда выходит, что человек фаустовской культуры по своей природе социалист.

Итак, Шпенглер утверждает, что он понимает социализм с этической стороны и что все люди фаустовского духа — социалисты, конечно, в шпенглеровском смысле этого слова, т. е. хотят господствовать над другими людьми. Чтобы не оставалось никаких иллюзий насчет истинного характера этого «социализма», Шпенглер приоткрывает завесу над его политическим и экономическим содержанием. И вот что мы узнаем: «Динамический размах Фридриха-Вильгельма I,— говорит он,— это прообраз социалиста; он мыслим на фоне Нильского государства и совершенно немислим в перикловых Афинах», ибо «в аспекте египетской культуры есть нечто социалистическое, нечто прусское — это забота о потомках». Что же касается «социалистического» идеала Шпенглера, то мы узнаем, что «конечной стадией развития будет крайне позитивный египтицизм, доведенное до предела манчаринство, в котором каждый есть раб, чиновник, функционер. Эта политическая, духовная форма утверждает дух, роднящий фаустовскую культуру с египетской и китайской, отнюдь не гуманитарный и не либеральный в современном смысле». Ну, что ж! Примем к сведению. Остается только пожелать, чтобы фашистские политики были в этом вопросе столь же откровенны как и их философы.

Идеи Шпенглера об отличительных особенностях фаустовского духа, о его «социалистичности» на прусско-египетский манер вошли в «железный фонд» фашистской идеологии. Эти идеи служат фундаментом, на котором покоится развиваемая фашистами шовинистическая пропаганда, знаменитая «расовая теория» и антисемитизм. На них базируется агрессивная внешняя политика немецких фашистов, оправдываемая воинственностью и жаждой власти, свойственной все тому же «фаустовскому духу». Наконец, они служат великолепной ширмой для обмана масс, якобы особым социалистическим идеалом, облаченным в национальные одежды. Тысячи брошюр, лекций, статей, речей разносят по свету эти идеи, отравляя ими сознание трудящихся масс, натравливая одну нацию на другую и разжигая шовинистические инстинкты. В крови трудящихся и прежде всего в крови трудящихся первой в мире социалистической страны буржуазия надеется потопить нарастающий революционный взрыв. Это гнусное кровавое дело куется не только фашистскими палачами, не только фашистскими политиками, но и фашистскими философами. Никогда еще теоретический фронт не стоял так близко, так непосредственно у фронта политического как сейчас! Ибо совершенно очевидно, что когда классовая борьба обнажается, она обнажается на всех фронтах.

Отсюда наша задача — повседневно разоблачать все истоки фашистской идеологии, разоблачать их классовую сущность и коренную враждебность интересам пролетариата и всех трудящихся.

Об идеализме и формализме в современной механике

(К 25-летию «Материализма и эмпириокритицизма»)

В. Егоршин

I

Ленин подчеркивал, что одной из самых характерных и самых отвратительных черт буржуазной науки является разрыв теории и практики. В области механики этот разрыв сказался чрезвычайно сильно. И он бросался в глаза еще задолго до современного кризиса естествознания. Механики-теоретики меньше всего смотрели на себя как на армию, обслуживающую нужды промышленного производства. У многих механиков их наука понималась или как подсобный аппарат для астрономии (вспомним колоссальные успехи небесной механики), или как отрасль математической науки, или же, наконец, как универсальная «математическая философия природы» — проявление механистического мировоззрения. Поэтому неудивительно, что к началу XIX в. теоретическая механика, многим казавшаяся в основном уже завершенной, в действительности оказалась не в состоянии удовлетворить потребности зарождавшейся машинной индустрии и новой техники. Казалось бы, теперь настала пора, когда теоретическая механика должна была спуститься с небес на землю и направить свои основные усилия на удовлетворение практических нужд. Но этого, как известно, не случилось: возникшая вновь техническая механика (или «прикладная механика») была оторвана от «чистой механики», и обе «механики» говорили часто на разных языках. Теоретическая механика попрежнему продолжала с большим интересом относиться к отвлеченным и чисто математическим проблемам. Господствовавшее мнение, что механические законы лежат в основании всего мироздания, точно так же способствовало отрыву ее от потребностей техники.

Новая техника конца XIX и начала XX вв. предъявила ряд новых требований к теоретической механике: она не могла уже удовлетвориться старой, по существу убудочной, «прикладной механикой». Автомобили, турбины, морские суда нового типа, мощные паровозы, наконец, аэропланы нельзя было строить на основании чисто эмпирических правил: потребовался точный расчет. Никто другой так остро и болезненно не чувствовал разрыва между теорией и практикой, как сами практики, инженеры. В технической литературе мы все чаще и чаще находим жалобы и упреки по адресу теоретической механики. Так например немецкий инженер А. Прелль в статье, посвященной теории судовых винтов, отмечает неудовлетворительное соотношение между теорией и опытом в этих вопросах, как и вообще в гидродинамике. Непригодность теории, по его словам, чаще всего может быть объяс-

нена тем, что теоретики игнорировали два важных факта: во-первых, трение (для отвлеченной механики это было неинтересно) и, во-вторых, турбулентный характер потоков жидкости¹⁾.

Ф. Виттенбауэр в органе Союза немецких инженеров жалуется на переоценку теоретиками математического метода и недооценку естественно-научного характера механических проблем²⁾.

Аналогичные жалобы мы находим и у Гюмбея, в статье, посвященной сопротивлению жидкости³⁾. Автор приводит любопытное мнение одного «хорошего знатока гидродинамики и поклонника ее математических методов», проф. Кеттера, который сказал: «Гидродинамика слишком прекрасна, чтобы быть верной»⁴⁾.

С точки зрения авиационной промышленности на разрыв теории и практики в механике жалуется инженер Бадер⁵⁾.

На пагубный отрыв гидромеханики от гидравлики как практической науки указывает специалист по гидравлике проф. Н. Н. Павловский⁶⁾ и т. д.

Начался поход практиков в область теории. Строители стали усваивать теорию упругости, разрабатывавшуюся раньше зачастую из-за математического любопытства или для применения к «гипотетическому» эфиру. Машиностроители, строящие современные быстроходные машины, обратились к теории колебаний, разрабатывавшейся раньше опять-таки в применении к... эфиру или же к акустике. «Теория звука» Рэлея получила неожиданную популярность у механиков-практиков. Сложные аналитические методы Лагранжа также приобрели права гражданства у инженеров. То та, то другая фирма заводит у себя не только экспериментальные лаборатории, но и вычислительные бюро.

Все это очень хорошо, все это дает большой эффект для практики, однако всего этого недостаточно. Многие и многие механические проблемы, весьма актуальные для техники, остаются до сих пор неразрешенными, потому что теоретическая механика не повернулась еще в такой степени лицом к практике, в какой практика повернулась к теории. Здесь как раз и проявляется кризис в современной теоретической механике как следствие загнивания капиталистического строя. Разрыв между теорией и практикой здесь не заполнен и до сих пор, когда по существу он стал абсолютно недопустимым. Попадая в плен или в связь с идеализмом (махизм с его отрицанием объективных вещей, неокантианство с его априорными конструкциями и т. д.), современная теоретическая наука зачастую совсем теряет связь с реальностью, вырождаясь иногда в бесплодную смоковницу.

Конечно наряду с этим мы знаем имена проф. Н. Е. Жуковского, Л. Прандтля, А. Фепля и некоторые другие. Эти ученые умели и умеют (более или менее последовательно) заполнить пропасть между теорией и практикой, но совершенно бесспорно то, что господствующие в капиталистических странах философские воззрения не только этому не способствуют, но, наоборот, содействуют углублению этой пропасти.

Совершенно новое положение в этом отношении создалось в Стране советов. Реформа высшей школы, реформа университетов, создание мощнейших научно-исследовательских институтов в системе промышленности не только создали благоприятные предпосылки для тесной увязки

¹⁾ A. Pröhl, Beiträge zur Theorie der Schiffsschraube («Jahrbuch der Schiffbau-technischen Gesellschaft», Berlin, Bd. XI, 1910, S. 788).

²⁾ F. Witenbauer, Zukunft und Ziele der technischen Mechanik («Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure», Bd. 56, 1912, S. 1022).

³⁾ «Jahrbuch d. Schiffbau. Gesellsch.», Bd. XIV, 1913.

⁴⁾ L. c., S. 507.

⁵⁾ Bader, Theorie und Praxis des Fliegens («Zeitschrift für Flugtechnik und Motorluftschiffahrt», 1917, H. 1—2).

⁶⁾ Курс гидравлики, ч. 1-я, Л., 1930, стр. 11—13.

теории с практикой, но и принесли уже весьма ощутительные реальные плоды. Разрешение ряда сложнейших проблем в теории колебаний и в теории упругости, развитие аэродинамики—этим может гордиться советская наука!

Но тем не менее и у нас еще далеко не все сознают, что значит единство теории и практики, которого добивается марксизм-ленинизм. Ленин останавливался на этой проблеме не один раз. Наиболее сжато и концентрированно точку зрения Ленина выразил т. Сталин в «Основах ленинизма».

«Теория, — говорил т. Сталин, — должна служить практике, «...теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа»), ...она должна проверяться данными практики»¹).

Теория должна служить практике — это нужно усвоить всем механикам-теоретикам. Это отнюдь не означает какой-либо недооценки теории. Как раз наоборот: не пустоцветная, а полнокровная теория всегда оценивалась марксизмом так высоко как никем. Марксизм никогда не утверждал, что теория должна только плестись в хвосте у практики. Так, об экономической теории т. Сталин говорил: «Необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма... Теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела»²).

Теория в механике должна опережать практику, вооружая в первую очередь инженеров в их борьбе за техническую реконструкцию. Теоретик обязан смотреть на много лет вперед, но ведущая роль за ним будет обеспечена только тогда, когда он в своей теоретической работе будет исходить из того, что он служит не каким-то там «богам», а практике. И можно быть спокойным: практика даст ему такие глубочайшие проблемы, которых никакая выхолощенная теория ему не подскажет.

Примером того, как много можно сделать в этом направлении, может служить наш известный всему миру Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н. Е. Жуковского. Здесь группы математиков, механиков, физиков, экспериментаторов и конструкторов согласованно разрешают весь комплекс проблем нашей славной авиационной промышленности и практической аэропидромеханики вообще. Институт кроме того располагает и своим опытным заводом и систематически опирается на работу массы серийных заводов, оказывая им в то же время повседневную помощь. Благодаря такой системе работы в Институте уже создалась особая школа теоретической механики.

Такая организация могла быть создана только в нашей стране, где все народное хозяйство строится на социалистических началах.

Это не значит, разумеется, что у нас (и в частности даже в ЦАГИ) проблема единства теории и практики разрешена уже полностью: она разрешена только в основном. Мы еще сильно страдаем от остатков старых, буржуазных традиций в науке, тормозящих наш рост и приводящих к отставанию науки от потребностей социалистического строительства.

К рассмотрению некоторых из основных вредных традиций — предрассудков этого рода — мы в дальнейшем и переходим. При этом рамки статьи нам помешают это рассмотрение сделать полным и исчерпывающим.

II

Необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о взаимоотношении механики и математики. Иные думают, что марксизм может недооценивать

¹) Сталин, Основы ленинизма, 1930. Дешевая библиотека Госиздата, стр. 17.

²) Там же, стр. 545—546.

роль математики и роль абстракции в механике. Это—очевиднейшее заблуждение. Все большее и большее применение математического метода в механике и в физике Ленин называл бесспорным прогрессом науки. Вариационное исчисление, векторное и тензорное исчисление, теория функций комплексного переменного, топология, теория матриц и теория операторов—все это способно очень много дать механике и физике. Бесспорно также и то, что расширение круга актуальных механических и физических проблем потребует все новых и новых средств математического аппарата.

Вся беда только в том, что расширяющееся применение математики у буржуазных ученых часто бывает связано со все большим и большим уклоном их к идеализму, к забвению реального материального мира. Вот что пишет об этом Ленин: «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития, и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе»¹⁾.

Таким образом можно сделать вывод, что увеличение применений математики есть одна из причин физического идеализма. Само собой разумеется, Ленин не хотел этим сказать, что в этом виновата математика как таковая. Виновата здесь неправильное применение математики, причем неправильность эта вызвана идеологическими предрассудками образованного мещанства.

Энгельс писал, что и «чистая математика» имеет своим предметом количественные отношения действительности, т. е. в глазах материалиста и математика имеет весьма реальное содержание. Тем не менее должно быть ясно, что степень абстракции в математике, с одной стороны, и в естественных науках (в том числе и в механике), с другой стороны, различна: если математика совершенно абстрагируется от качественного содержания объектов, механика как наука физическая сделать этого не может. Механика как и вся физика изучает конкретную форму движения материи. Ее понятия и ее абстракции, а без абстракций, конечно, механика не может обойтись и минуты,—это материальная точка, мгновенная скорость, момент количества движения, сила. Эти абстракции, очевидно, кардинально отличаются от математических понятий: сумма, произведение, функция, интеграл и т. п., так как первые не есть чистые количества. Движение без трения, абсолютно твердое тело, идеальная жидкость, идеальный газ—это, разумеется, абстракции, но абстракции, не лишённые и качественного содержания.

То обстоятельство, что механические объекты поддаются количественному измерению и выражаются через математические символы, никоим образом не должно сбивать с толку механиков и заставлять их считать первые тождественными со вторыми. Наконец, то обстоятельство, что естественные связи между механическими объектами, объективные закономерности механического движения могут быть выражены через математические равенства, опять-таки не означает, что механические законы и математические равенства суть одно и то же.

А именно так и склонны толковать механику многие буржуазные теоретики. Отождествление механики и математики часто доходит до того, что за механикой вовсе отрицается право на самостоятельное существование. Поскольку механика имеет дело с определенным видом математическими задачами (скажем, с интегрированием дифференциальных уравнений определенного вида), следовательно, заключают некоторые, механика есть не более, чем

¹⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч. Т. XIII, стр. 251—252.

отдел математики, посвященный уравнениям этого типа. Вот что говорил, например, И. Сомов, автор «Рациональной механики»:

«Лекции о динамике Якоби посвящены примерам, служащим к объяснению способа интегрирования дифференциальных уравнений канонического вида и уравнений с частными производными первого порядка. Физико-математические исследования о притягательных силах, электричестве и магнетизме, теплоте, упругости, звуке, свете и вообще о волнообразном движении представляют учение о свойствах функций, их различных разложениях в ряды и об интегрировании линейных уравнений с частными производными»¹⁾.

Сомов, конечно, не одинок. Не все говорят то же самое явно, но многие делают по существу то же самое. Недаром Г. Герц в предисловии к своим «Prinzipien der Mechanik» специально оговаривал, что он не хотел бы, чтобы его произведение рассматривали как «арену для математических упражнений» (der Spielplatz mathematischer Übungsarbeit)²⁾.

Американский физик А. Г. Вебстер выражал сожаление, что «существующие в большом числе прекрасные курсы механики... часто, кажется, придают больше значения примерам, относящимся к анализу и тригонометрии, чем раз'яснению физических законов»³⁾.

Если не все авторы сочинений по механике заслуживают этого справедливого упрека Вебстера, то буквально не найдется, пожалуй, ни одного буржуазного автора, который бы четко понимал, что механические понятия—это не просто величины, что суть их вовсе не исчерпывается тем, что мы скажем, как вычисляются эти величины. Такое смешение механических понятий, механических объектов, механических категорий с величинами мы находим буквально у всех и в том числе у самого Вебстера. Вот что, например, пишет он о работе «Геометрическое произведение силы и перемещения называется работой»⁴⁾.

О кинетической энергии: «Выражение

$$\frac{1}{2} \sum_r m_r \left[\left(\frac{dx_r}{dt} \right)^2 + \left(\frac{dy_r}{dt} \right)^2 + \left(\frac{dz_r}{dt} \right)^2 \right] = \frac{1}{2} \sum_r m_r v_r^2,$$

равное полусумме произведений массы каждой из точек на квадрат ее скорости, называется кинетической энергией системы»⁵⁾.

Совершенно верно то, что кинетическая энергия измеряется величиной приведенного выражения, равно как и работа измеряется величиной геометрического произведения силы и перемещения. Но разве можно на этом основании говорить, что эти выражения, эти математические величины и называются энергией или работой?

Энгельс сурово и справедливо упрекал именно за это авторов своего времени. Его упреки, между прочим, были направлены и по адресу знаменитой книги Томсона и Тэта «Treatise on Natural philosophy». «В книге обоих этих шотландцев,—писал Энгельс,—мышление запрещено; можно производить только вычисления. Ничего нет поэтому удивительного, что по крайней мере

¹⁾ И Сомов, Рациональная механика, ч. 1-я. СПб, 1872. Стр. VI. Разрядка моя.

²⁾ Gesammelte Werke von H. Hertz. Bd. III, Leipzig, 1910, S. XXX.

³⁾ Предисловие автора к книге Вебстера «Механика материальных точек, твердых, упругих и жидких тел». ГТТИ, 1933. Стр. 5.

⁴⁾ Указ. соч., стр. 69. Разрядка моя.

⁵⁾ Там же, стр. 80. Разрядка моя.

один из них, Тэт, принадлежит к правовернейшим христианам правоверной Шотландии»¹⁾.

Этот упрек Энгельса, конечно, целиком и полностью относится и к механике в эпоху кризиса естествознания. Почти поголовно у всех авторов определение того или иного физического понятия означает не больше, чем указание способа измерения или вычисления соответствующей величины.

Так например у проф. В. К. Фредерикса мы читаем: «Определить физическую величину—значит прежде всего указать способ ее измерения»²⁾.

Что такое, например, момент силы? Нечего и думать найти в книгах по механике такое определение этого понятия, которое раз'ясняло бы его механическое содержание, раз'ясняло, что оно отражает в об'ективном мире, и затем уже указывало (на основании изучения об'ективных закономерностей), как можно вычислить величину механического об'екта, соответствующего этому понятию. Мы просто найдем, что «под моментом силы K относительно точки O понимается векторное произведение $[rK]$ из вектора силы K на радиус-вектор r проведенный из O в какую-нибудь точку линии действия K ,—скажем, в точку приложения вектора K ³⁾. Все это верно указано для нахождения вектора момента силы как математической величины, но это абсолютно недостаточно для определения механического понятия.

В книге А. А. Эйхенвальда «Теоретическая физика» мы находим крайне любопытную классификацию механических категорий: в эту классификацию входят момент массы, импульс, сила, момент инерции, действие, кинетическая энергия, момент импульса, импульс силы, работа, мощность и момент силы. Все эти «величины» определяются как «произведения» различных пар величин. Эти произведения А. А. Эйхенвальд разбивает на три группы соответственно тому, что одним из множителей в паре является или масса, или импульс, или сила. Так А. А. Эйхенвальд «определяет», что произведение радиуса-вектора на массу называется моментом массы, произведение производной от радиуса-вектора на массу называется импульсом, произведение второй производной от радиуса-вектора на массу называется силой. Далее, скалярное произведение импульса и перемещения называется действием, половина скалярного произведения импульса и скорости называется кинетической энергией и векторное произведение радиуса-вектора и импульса называется моментом импульса. Наконец, интеграл по времени от силы называется импульсом силы, интеграл силы по перемещению называется работой, скалярное произведение силы и скорости—мощностью и векторное произведение радиуса-вектора и силы—моментом силы⁴⁾. И никакого указания на физическое содержание этих понятий, никакого намека на то, что эти понятия отражают в об'ективной действительности!

И самая классификация этих понятий (по виду произведений) приобретает односторонне формалистический характер.

Скажут, что говорить о сути всех перечисленных понятий—это не дело механики, это дело философии. Скажут, о сути этих понятий мы знаем очень мало, хотя вычислять соответствующие величины мы умеем очень точно. Более того, для размышлений подобного рода формалистически настроенные

¹⁾ К. Маркс и Фр. Энгельс. Собр. соч. 1931. Т. XIV, стр. 553.

²⁾ В. К. Фредерикс, Начала механики Ньютона и принцип относительности. «Успехи физических наук». 1927. Т. VII, стр. 80.

³⁾ С. В. Визенов, Geometrie der Krafte und Massen. Handbuch der Physik, 1927. Bd. V, S. 234.

⁴⁾ А. А. Эйхенвальд, Теоретическая физика, ч. 2-я. Общая механика. Гиз. 1930, стр. 32—35.

ученые придумали презрительное наименование... «беллетристики». И мы явно рискуем навлечь на наши строки эту гневную характеристику. В ответ на это можно только еще раз привести слова Энгельса о запрещении мышления у Томсона и Тэта. Совершенно ясно, что исключение подобных вопросов из механики является не чем иным, как теоретическим обскурантизмом. Оно, бесспорно, тормозит дальнейшее развитие науки и способствует идеалистическому толкованию механики. Оно является порождением формалистического понимания науки и само в свою очередь порождает формализм.

Ограничимся еще одним примером формалистического определения и одного из понятий, играющих огромную роль в практической механике. С. П. Тимошенко момент инерции сечения определяет следующим образом: «Моментом инерции плоской фигуры относительно какой-либо оси X, лежащей в плоскости фигуры, называется интеграл

$$J_x = \int_F y^2 df,$$

распространенный на всю площадь фигуры»¹⁾. Каков объективный смысл понятия, выражаемого этим интегралом, почему величина этого интеграла играет такую роль в учении о сопротивлении материалов, как и почему люди пришли к необходимости так высоко оценить этот интеграл,—это остается совершенно невыясненным. Если С. П. Тимошенко ввел этот интеграл потому, что ему понравился вид этого интеграла,—читатель имеет полное право подумать именно таким образом (если он не захочет подчиниться запрещению мыслить),—то тогда почему, оказывается, этот интеграл играет огромную роль в исследовании прочности балок? Снова вспоминаются слова Ленина, что «получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе».

Реакционность подобного метода в «разъяснении» механических понятий и категорий станет совершенно очевидной, если мы вспомним, к чему приводит подобный математический формализм в ходячих «определениях» таких категорий, как материя, время, пространство. Прошедший школу формалистической механики не задумываясь скажет, что например материя—это интеграл от плотности по объему или же коэффициент пропорциональности в уравнении Ньютона; что время—это параметр или же число, указываемое в «мысленном эксперименте» часами наблюдателя, что, наконец, пространство—это проекция риманова многообразия или что-нибудь в этом роде.

Совершенно очевидно, что во всех этих и им подобных случаях авторы суживают понятия, о которых они поворят: они дают исключительно математическую трактовку—в лучшем случае. Совершенно понятно, что если автор смазывает физический (объективный) характер времени и пространства, если для него время и пространство только значения координат, то для него нетрудно будет придти в теории относительности Эйнштейна к выводу о субъективности времени и пространства. Значение пространственных и временных координат, конечно, будет различно в различных системах, но отсюда многие авторы делают вывод, что якобы каждая система и каждый наблюдатель имеет свое особое время и свое особое пространство и что объективного времени и пространства не существует. А это уже вывод определенно идеалистический. Ленин называл отрицание объективной реальности времени и пространства капитуляцией или беспомощностью перед фидеизмом. И он предлагал твердо различать: одно дело—наши понятия времени и пространства, другое дело—самые время и пространство как объективные категории. Физический эксперимент может заставить нас изменить взгляд на время и пространство, он

¹⁾ С. П. Тимошенко, Курс сопротивления материалов. 6-е изд., Гиз, 1928, стр. 127.

может заставить нас считать результаты измерения относительными, но физика никогда не может опровергнуть самое существование времени и пространства.

Здесь физикам недостает диалектики: они не умеют сочетать в своей голове относительность и объективность. Однако одним из истоков злоключений физиков и здесь является неумелое обращение с математикой, с той самой математикой, которая в руках материалиста могла бы явиться незаменимым рычагом в познании объективного мира.

М. Планк в одном месте писал: «Наши воззрения должны руководствоваться выводами из формул, а не наоборот». В другом месте он говорит, что для физика только то существует, что измерено. Совершенно очевидно, что здесь Планк в сильнейшей степени потворствует идеалистам и формалистам.

Физикам и механикам нужно помнить, что даже самая идеальная математическая «строгость» не гарантирует их от грубейших философских ошибок, не гарантирует их от слепого следования традиционной школьной, большей частью реакционной философии. Энгельс писал: «Исключительный эмпиризм, позволяющий себе мышление в лучшем случае разве лишь в форме математических вычислений, воображает себе, будто он оперирует только бесспорными фактами. В действительности же он оперирует преимущественно традиционными представлениями, устаревшими большей частью продуктами мышления своих предшественников... Последние кладутся им в основу бесконечных математических выкладок, в которых из-за строгости математических формул легко забывается типотетическая природа предпосылок. Насколько скептически этот эмпиризм относится к результатам современной ему научной мысли, настолько же суеверно относится он к результатам мышления своих предшественников. Даже экспериментально установленные факты связываются у него мало-помалу неразрывным образом с соответственными традиционными толкованиями их... Этот эмпиризм не в состоянии изображать правильные факты, ибо в изображение их у него неизбежно входит традиционное толкование фактов»¹⁾.

Для избежания этого физикам и механикам нужно вооружиться единственно верной философией естествознания (как называл Ленин диалектический материализм), той философией, которая подтверждена всей историей науки и всей общественной практикой.

Возвращаясь к роли математических символов, полезно привести еще одно место из философских тетрадок Ленина специально по этому вопросу. «Против них,—говорит он,—вообще ничего иметь нельзя. Но «против всякой символики» надо сказать, что она иногда является «удобным средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать определения понятий» (Begriffsbestimmungen)²⁾.

Физик или механик должен определять понятия по существу, не отделяясь формальными указаниями математического свойства, как вычислять соответствующие величины.

III

Но что понимать под определениями в таких конкретных науках, как физика, механика? Мы знаем, что формальная математическая мысль выработала известный «метод» определений. В идеалистической математике

¹⁾ Ф. Энгельс, Диалектика природы. 1929, стр. 234.

²⁾ В. И. Ленин, Конспект книги Гегеля «Наука логики». Лен. сб. IX, стр. 67—69.

установился такой обычай, что «определить» можно что угодно и как угодно. Другими словами, математика не интересуется вопросом о соответствии его определения с действительностью: он понимает свою задачу по определению того или иного понятия в смысле совершенно произвольного установления того, что он, математик, будет понимать под тем или иным словом. Установивши таким образом известное формальное соответствие между введенным им понятием и какими-нибудь признаками, он дальше начинает строить систему науки.

Может ли в данном случае подниматься вопрос об отражении этими понятиями какой-либо из сторон объективной действительности? Конечно, нет. И тот из математиков, кто более или менее умеет связывать концы с концами, тот ясно отдаёт себе отчет в этом. Достаточно вспомнить известную формулу Ресселя, согласно которой математик никогда не знает содержания того, о чем он говорит, и не знает того, верно ли то, что он говорит.

Такого рода математик желает очевидно оставаться полностью безответственным насчет того, верны ли его выводы: он хочет уподобиться недумавшей логической машине, которая дает «умозаключения» из выставленных предпосылок, совсем не вникая в их содержание.

Но об этой аксиоматике мы скажем еще несколько позже. Сейчас же вернемся к «определениям».

У нас нередко можно встретить научных работников, как старых, так и молодых, которые субъективно желают вести борьбу с идеализмом. Они, кажется, усвоили основы марксистской философии, делают философские доклады, но все это «усвоение» не действительно, потому что философия диалектического материализма у них остается оторванной от их специальности. Они, работая, скажем, в области механики, нередко полагают, что в их-то «точной» науке идеализма нет и им можно быть спокойными.

Между тем совершенно очевидно, что в буржуазной науке идеализм начинается прежде всего с формализации основных механических понятий, с растворения их в математике и с придания им характера понятия «по определению».

Если наука должна быть отражением объективной реальности, то таким же отражением должны быть и исходные определения. Пусть это отражение будет на известном отрезке времени гипотетическим, приблизительным, относительным, неточным, мы на основе данных практики будем его усовершенствовать или вовсе заменять другим. Практика должна быть исходным пунктом для всякой науки, для всякой теории.

И если кое-кому это покажется «недопустимым» на том якобы основании, что этим самым мы нарушаем «чистоту» теории, вносим в нее чуждый элемент и тем самым делаем в теоретическом построении недопустимый прыжок, «сальтомортале», то диалектический материализм настаивает именно на этом «прыжке»: практика должна «ворваться» (по словам Ленина) в теорию, и этот прыжок не будет «сальтомортале» (т. е. прыжком, дающим смерть), а настоящим «сальтовитале» (т. е. прыжком, дающим жизнь).

Ленин говорит: «Энгельс явно применяет «сальтовитальный» метод в философии, т. е. делает прыжок от теории к практике. Ни один из тех ученых (и глупых) профессоров философии, за которыми идут наши махисты, никогда не позволяет себе подобных, позорных для представителя «чистой науки» прыжков. У них одно дело теория познания, в которой надо как-нибудь похитрее словесно состряпать «дефиниции», и совсем другое дело практика. У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая объективный критерий истины»¹).

¹ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч., т. XIII, стр. 156 Разрядка Ленина.

Исходные положения математических наук, не говоря уже о науках физических, берутся и должны браться из практики¹⁾. Являясь отражением объективного мира и объективных отношений, они связаны логическими связями с дальнейшими положениями (теоремами) только потому, что в объективном мире существуют реальные связи. И только поэтому конечные выводы этих наук применимы к реальному миру.

Все эти азбучные положения материализма очень часто забываются буржуазными авторами и их последователями. Эти авторы как бы исходят из исключительного господства в науке разума, разума, произвольно вырабатывающего те или иные научные положения, искусно, иногда виртуозно жонглирующего этими положениями при помощи формальной логики. Затем у них с этими чисто теоретическими, чисто рациональными положениями происходит какое-то божественное таинство превращения, после чего автор говорит об оправдании конечных выводов на опыте, о совпадении их с опытом и т. д. Недаром теоретическая механика частенько называется рациональной механикой. Это вполне соответствует той рационалистической теории познания, которая кладется в ее основу.

Даже авторы, в ряде вопросов стоящие на позициях материализма или полуматериализма, понимают задачи начала науки и прежде всего задачи определений формально, т. е. идеалистически, рационалистически, часто перевертывая действительные отношения вверх ногами.

Можно было бы привести тысячи примеров из самых различных областей механики, и физики, которые могли бы быть иллюстрацией нашего положения. Желая сделать его наглядным и для широких кругов неспециалистов, мы ограничимся примерами из наиболее элементарных вопросов механики, таких, которые можно найти в любом вузовском учебнике.

Мы ограничиваемся лишь рамками обычной так называемой макромеханики имеющей дело с механическими движениями, характеризующимися скоростями малыми по сравнению со скоростью света. Так называемые релятивистская механика и квантовая механика, возникшие уже в эпоху кризиса физики, доходят в развитии формализма до чудовищного абсурда (вроде «выводов» о конечности мира или об индетерминизме).

Возьмем, например, вопрос о применении векторного исчисления к механике. Совершенно ясно, что люди исторически стали иметь дело с векторами задолго до того, как они построили теорию векторов: они знали, что такое скорость, что такое ускорение, что такое сила и т. п., и умели над ними совершать целый ряд вычислительных операций. Затем было замечено, что все эти величины обладают целым рядом общих свойств, позволяющих их выделить в некоторую группу особого рода математических величин, подчиняющихся определенного вида общим закономерностям. Так возникло векторное исчисление, отражающее своими правилами эти закономерности. Было открыто, что гораздо целесообразнее для механики вывести эти правила в их чистом виде (т. е. отвлекаясь от частных свойств скорости, ускорения, силы и т. п.) и затем уже применять эти правила как готовый аппарат к механическим величинам.

Люди сначала производили сложение скоростей, ускорений, сил (причем правила такого геометрического сложения были указаны практикой), а затем отсюда вывели более абстрактное правило сложения векторов. Так же об-

¹⁾ Это относится и к таким абстрактным понятиям, как матрица, оператор, тензора и т. п. Недостаток места не позволяет нам здесь говорить об этом подробнее. Надо однако отличать в этом вопросе диалектический материализм от узкого эмпиризма.

стоит дело и с прочими действиями над векторами, хотя в этом, может быть, вовсе не признаются те, кто считается изобретателями векторного исчисления.

Теперь изложению механики обычно предшествует векторное исчисление. «При изложении аналитической механики,—читаем мы в одном руководстве,—почти непрерывно приходится пользоваться определениями и теоремами того отдела геометрии, который носит название теории векторов. Поэтому прежде всего познакомимся с основными положениями этой теории»¹⁾.

То, что в современных курсах механики приходится начинать с векторного исчисления,—в этом ничего плохого, разумеется, нет. Но вся беда заключается в том, что векторное исчисление «объясняется» точно свалившимся с неба: все операции этого исчисления «определяются», т. е. вводятся авторами, как бы из своего собственного измышления. Например у этого же Г. К. Сулова векторное сложение «вводится» так.

«Положим,—говорит он,—нам даны n векторов V_1, V_2, \dots, V_n . Из произвольной точки O построим вектор V_1' , геометрически равный вектору V_1 , из конца вектора V_1' построим вектор V_2' , геометрически равный V_2 ; из конца V_2' вектор V_3' , геометрически равный V_3 , и т. д. до V_n . Вектор V , имеющий начало в начале вектора V_1' , и конец в конце вектора V_n' называется геометрической суммой векторов V_1, V_2, \dots, V_n , а сама произведенная нами операция—геометрическим сложением»²⁾.

Совершенно очевидно, что приведенное нами «определение» преподносится как какое-то совершенно произвольное «творение» нашего духа, вне всякой связи с действительностью, откуда на самом деле эта операция и взята.

Между тем всякий знает, насколько распространена эта по существу идеалистическая манера «определений» в книгах по механике.

Возьмем, например, книгу К. Шефера «Введение в теоретическую физику». Он в томе, посвященном механике, прямо заявляет: «Что такое сумма двух векторов A и B ,—это можно установить только путем определения. Пусть векторы A и B нам даны через величины их прямоугольных компонентов, так что например компонентами A будут A_x, A_y, A_z . Тогда мы определим: под суммой двух векторов A и B мы будем понимать вектор R , компоненты которого связаны с компонентами A и B следующим образом:

$$\begin{aligned} R_x &= A_x + B_x, \\ R_y &= A_y + B_y, \\ R_z &= A_z + B_z. \end{aligned}$$

Если эти равенства одновременно выполняются, то мы запишем это так:

$$R = A + B,$$

т. е. мы в одном уравнении между векторами, т. е. между тройками чисел, обнимаем три уравнения между отдельными числами»³⁾.

Введя таким образом вектора, К. Шефер о скорости затем пишет: «Так как скорость является вектором, то сложение скоростей производится по правилам сложения векторов, изложенным нами выше»⁴⁾.

Таким образом у автора получилось так, что математика (как мы видели, по существу понимаемая им идеалистически) устанавливает законы в механике, в данном случае закон сложения скоростей. Разум установил объективный на самом деле закон.

¹⁾ Г. К. Сулов, Основы аналитической механики, т. I, ч. 1-я. Кинематика. Киев, 1911, стр. 1.

²⁾ Там же, стр. 3—4.

³⁾ C. I. Schaefer, Einführung in die theoretische Physik, Bd. I, 1927, S. 17. Разрядка моя.

⁴⁾ Л. с., S. 21. Разрядка моя.

Любопытно привести выдержку из курса механики другого автора, где дается обоснование тому, почему мы можем считать скорость вектором. Читатель может подумать, что здесь-то, может быть, и показано ссылками на действительность, что мы имеем теоретико-познавательное право считать скорость вектором. Раз это было бы обосновано, то тем самым может быть и был бы протянут мостик между отвлеченной математикой и действительностью?

Но выдержка говорит другое. Почему скорость представляет вектор, М. Планк «обосновывает» следующим образом: «Определим вообще как компонент скорости P в каком-нибудь направлении (ξ' , η' , ζ') скорость

$$\frac{dx'}{dt} = x' = u' = u \cos \xi' + v \cos \eta' + w \cos \zeta',$$

с которой в этом направлении прямолинейно движется проекция точки P . На основании этого определения мы можем доказать, что скорость представляет вектор»¹⁾.

Таким образом векторная природа скорости обосновывается опять-таки при помощи якобы произвольного «определения» компонента.

М. Планк таким же путем дальше «доказывает» векторный характер ускорения.

Мы подробно становились на примере с векторами и с их применениями в механике. На аналогичных примеров можно было бы привести очень много. Всякий, раскрывший серьезную книгу по механике, легко сам умножит число таких примеров.

Кончая с вопросом об определениях, мы в качестве итога подчеркиваем, что теория познания диалектического материализма, развитая особенно детально Лениным, требует, чтобы ученые исходили из объективной действительности, отвергая всякий произвол разума (в конечном счете), и выводили начальные положения науки из данных практики, в то время как буржуазные ученые, почти как правило, исходят из определений, которые нельзя толковать иначе как произвольные установления нашего разума, имеющего дело с чистыми понятиями.

IV

Переходим к вопросу об аксиомах. Уже сказанным выше об определениях определяется отношение диалектического материализма и к аксиомам. Диалектический материализм, разумеется, вовсе не стоит на точке зрения узкого «ползучего эмпиризма», и он не против абстрактных умозаключений из принятых аксиом. Но чем он прежде всего отличается от буржуазной «аксиоматики», это тем, что он против принципа установления произвольных аксиом, не зависящих от опыта.

Аксиоматик-идеалист не хочет нести никакой ответственности за правдивость принятых им аксиом, и он не считает нужным как-либо обосновывать эти аксиомы: логически он их доказать не может, а другого доказательства он вообще не признает. Диалектический материализм настаивает на необходимости доказательства самих аксиом, — доказательства, разумеется, нелогического, так как исходные положения рассуждения таким путем доказаны быть не могут. Доказывать их необходимо на практике, при помощи материалистически понимаемого опыта, на основе теории отражения. Это, конечно, накладывает на ученого

¹⁾ М. Планк, Введение в общую механику. Гиз. 1927, стр. 27. Разрядка моя.

гораздо большую ответственность чем тогда, когда он просто дает «удобную» систему аксиом, независимых, не противоречащих одна другой и т. д.

Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Господин Дюринг, воображающий, что он может без какого бы то ни было содействия опыта вывести всю чистую математику из математических аксиом, «которые и с чисто логической точки зрения не допускают обоснования и не нуждаются в обосновании», и потом применить их к миру, воображает себе точно так же, что он сумеет сперва породить из головы основные формы бытия, простые элементы всякого знания, аксиомы философии, вывести из них затем всю философию или мировую схематику и наконец высочайше пожаловать эту свою конституцию природе и человечеству. К сожалению, природа совсем не состоит, а человечество состоит только в ничтожнейшей части из мантейфелевской Пруссии 1850 г.»¹⁾.

Природа вовсе не обязана подчиняться «декретам», вытекающим из логически мыслимых, но произвольных аксиом. Природа подчиняется своим объективным законам, и задача естествоиспытателя заключается в том, чтобы отразить эти законы в аксиомах. Критерием же правильности этого отражения должна служить практика и только она.

«Точка зрения жизни, практика,—говорит Ленин,—должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»²⁾.

Ленин о логических аксиомах писал: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, да бы эти фигуры могли получить значение аксиом»³⁾.

Положение совершенно ясное. Посмотрим теперь, как обстоит дело с аксиоматикой в современной механике. Почти все без исключения авторы кладут в основу теоретической («рациональной») механики так называемые принципы, т. е. недоказуемые и никак не обосновываемые положения, из которых затем строго логически выводится все содержание механики. Существует несколько таких принципов или «начал», найденных теоретической мыслью за время существования механики. Таковы были известные принципы Ньютона. Затем были предложены принцип возможных перемещений, принцип наименьшего действия, принцип наименьшего принуждения, принцип прямейшего пути и т. д. Из каждого из этих принципов в отдельности можно чисто логически с большей или меньшей общностью вывести всю механику»⁴⁾.

Никто не может утверждать, что эти принципы сами по себе неправильны или ненужны. Открытие каждого из них представляет собой ценнейший вклад в сокровищницу науки. И они, без сомнения, войдут в будущую диалектически-материалистическую науку в качестве одних из основных законов механики. Но те методологические, теоретико-познавательные основы, на которых они сейчас строятся буржуазными авторами, столь же несомненно будут подвергнуты радикальной переработке. Механик-материалист будет считать эти положения не принципами, не началами, не постулатами, а выводом из всей совокупности человеческой практики, более или менее удачной формулировкой объективного закона механического движения, которую можно положить в основу дальнейших дедуктивных рассуждений. Так например и смотрел на свой принцип прямейшего пути Г. Герц, который называл его

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч. 1931. Т. XIV, стр. 39—40.

²⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч. Т. XIII, стр. 116.

³⁾ Лен. сб. IX. Гиз, 1929, стр. 219. Разрядка Ленина.

⁴⁾ L. Nordheim, Die Prinzipie der Dynamik («Handbuch der Physik», Bd. V, 1927).

не «принципом», а основным законом, выведенным из опыта (из опыта не в узком, а в широком смысле).

Иначе поступает механик-идеалист или путаник, фактически также выполняющий дело идеализма. Он будет говорить, что механика—наука чисто абстрактная, что для того, чтобы ее построить, надо условиться какие-то положения, наряду с определениями, положить в основу, а дальше—чисто формальная дедукция. Громадная путаница у многих и многих теоретиков в данном случае чаще всего состоит в том, что «свободные» в своем выборе принципов теоретики почему-то и зачем-то выбирают как раз такие исходные положения, которые фактически являются не произвольной выдумкой, а именно отражением объективной реальности, подтверждающимся практикой. Поэтому-то мы часто и наблюдаем, как в самом идеалистическом оформлении развивается подлинное материалистическое содержание.

Для иллюстрации того, как применяется аксиоматика в современной буржуазной механике, мы приведем несколько примеров из работы Г. Гамеля «Аксиомы механики». В качестве аксиом там выставляются такие положения, как аксиома непроницаемости и однозначности, как II закон Ньютона и т. п. Выдвигается положение, что радиус-вектор r является функцией времени, по крайней мере дважды соответствующим образом дифференцируемой, причем $\frac{dr}{dt}$ обозначается V (скорость) и $\frac{d^2r}{dt^2}$ обозначается W (ускорение). Выдвигается, далее, положение, что для всякой части объема V существует интеграл Стильтьеса

$$m = \int dm \geq 0,$$

остающийся в процессе движения постоянным, каковому интегралу присваивается название массы тела, наполняющей эту часть объема. Наконец, выдвигается такое положение, что каждому элементу массы dm могут соответствовать один или несколько или, наконец, бесконечное множество векторов df , так что для каждой части объема V существует интеграл Стильтьеса

$$F = \int \sum df$$

по данной части объема. Эти векторы получают наименование сил¹⁾.

Автор ни звука не говорит о том, какие у нас имеются объективные обоснования для того, чтобы принять эти его аксиомы. И даже там, где он в основу своих аксиом берет просто-напросто результат самых обыденных «житейских» наблюдений, даже там он старательно затушевывает это, как будто и это он «создал» в своем мышлении.

Наука, разумеется, не может обойтись без абстракций, иногда очень тонких. С другой стороны, наука не может обойтись без известного упрощения явления, без известной схематизации, заведомо не совпадающей с действительностью в строгом смысле. Эти абстракции и эта схематизация, конечно, останутся и в диалектически-материалистической механике. Но механик-материалист не будет это толковать так, что в этом якобы и проявляется «свобода» нашего духа, а это он будет толковать так, что эти абстракции суть отражения объективной реальности, а упрощения являются этапом в развитии нашего знания той же объективной реальности. Критерием правильности и абстракций и упрощений является все та же практика, как ее понимает диалектический материализм.

¹⁾ J. Hamel, Die Axiome der Mechanik (Handbuch der Physik, B. V, 1927, S. 2—3).

Когда читаешь о теории изгиба в «Курсе сопротивления материалов», скажем, С. П. Тимошенко, и находишь там «допущение», что при чистом изгибе поперечные сечения бруска остаются плоскими, то остается совершенно неясно, сколь велико наше право делать такое «допущение»: является ли это допущение хотя бы приблизительным отражением объективной закономерности изгиба или же это произвольный постулат, удовлетворяющий известным требованиям «непротиворечивости», «независимости», «простоты» и пр.

То же самое можно сказать о «допущении», скажем, «принципа» независимости действия сил в том же сопротивлении материалов.

Или когда С. П. Тимошенко в «Курсе теории упругости», рассматривая напряжения при изгибе призматического стержня в плоскости, скажем, zx и устанавливая, что в данном случае будут иметь место напряжения Z_z , X_x и Y_z , пишет дальше, что остальные напряжения X_z , Y_z и X_y он будет считать равными нулю¹⁾, то для читателя-материалиста остается совершенно неясным, соответствует ли это допущение объективной реальности или нет, так как об этом автор не говорит ни слова.

Конечно, мы знаем, что автор был вправе сделать это допущение, и, возможно, сам автор ни минуты не сомневался в объективной допустимости своего предположения, но он хочет соблюсти все «приличия» «серьезного» курса и не желает нарушить чистоту «математического» изложения.

Многие механики-теоретики выдвигают в качестве исходных положений те или иные постулаты. Словом «постулат» они еще более хотят подчеркнуть произвольный характер этих положений²⁾.

Ленин столкнулся со всевозможного рода «принципами», постулатами, «требованиями к природе» у махистов. Возьмем, например, закон параллелограмма сил. По Петцольдту («Введение в философию чистого опыта») выходит, что этот закон является частным случаем «великого» (как говорит в насмешку Ленин) «закона однозначности». Ленин так излагает рассуждения Петцольдта о законе параллелограмма сил: «Его нельзя «доказать», его надо признать, как «факт опыта». Нельзя допустить, что тело двигается, получая одни и те же толчки, различным образом. «Мы не можем,—пишет Петцольдт,—допустить такой неопределенности и произвола природы; мы должны требовать от нее определенности, закономерности»³⁾.

Таким образом махист Петцольдт потребовал от природы определенности, закономерности. Механики-теоретики, о которых мы только что говорили, вероятно, найдут это вполне законным.

Что же по этому поводу говорит Ленин? Он едко пишет: «Так. Так. Мы требуем от природы закономерности. Буржуазия требует от своих профессоров реакционности».

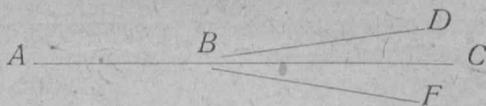
Так характеризует Ленин подход махиста Петцольдта к природе. От природы теоретик не имеет права требовать. Он должен отражать объективные закономерности, считая за первичное самое природу, а не наше мышление.

Возьмем еще одну выдержку из Петцольдта, приводимую в том же месте Лениным. Петцольдт пишет: «Наше мышление требует от природы определенности, и природа всегда подчиняется этому требованию,—мы увидим даже, что в известном смысле она вынуждена подчиняться ему». Почему, спрашивает за Петцольдта Ленин, при толчке по линии AB тело движется к C , а не к D , не к F и т. д.?

¹⁾ С. П. Тимошенко, Курс теории упругости. 1914, ч. 1-я, стр. 176.

²⁾ «Постулат» в переводе на русский язык означает требование.

³⁾ Ленин. Т. XIII, стр. 132.

«Почему природа не выбирает ни одного из бесчисленных других возможных направлений?» Потому, отвечает за Петцольдта Ленин, что они были бы «многозначны», а великое эмпириокритическое открытие Иосифа Петцольдта требует однозначности.

Подобным недоказанным вздором, подводит итоги Ленин, наполняют «эмпириокритики» десятки страниц».

Петцольдт далее продолжает.

«...Мы неоднократно отмечали,—говорит Петцольдт,—что наше положение почерпает свою силу не из суммы отдельных опытов, что мы, наоборот, требуем от природы его признания (seine Geltung). И в самом деле, еще прежде чем оно стало законом, оно уже является для нас принципом, с которым мы приступаем к действительности, т. е. постулатом. Оно имеет силу, так сказать, априори, независимо от всякого отдельного опыта.

На первый взгляд философии чистого опыта не пристало проповедывать априорные истины, возвращаясь, таким образом, к самой бесплодной метафизике. Но наше априори только логическое, не психологическое и не метафизическое»¹⁾.

Приведя эту цитату, Ленин замечает: «Ну, конечно, если назвать априори логическим, то от этого вся реакционность такой идеи исчезает, и она восходит на высоту «нового позитивизма»²⁾.

Мы видим, насколько лаконичен здесь Ленин, насколько ясна для него недопустимость подхода Петцольдта с его «принципами», с «постулатами».

В другом месте Ленин говорит о Юшкевиче, который выдвинул свой «принцип» или «постулат»,—это «принцип однородности и связности бытия».

Известно, что путаник Дюринг выводил единство мира из единства мышления. Энгельс ему указывал, что «действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой мошеннических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания». Юшкевичу это место показалось «непонятным».

Ленин по этому поводу язвительно пишет: «Энгельс показал на примере Дюринга, что сколько-нибудь последовательная философия может выводить единство мира либо из мышления,—тогда она беспомощна против спиритуализма и фидеизма, и аргументы такой философии неизбежно сводятся к мошенническим фразам,—либо из той объективной реальности, которая существует вне нас, давным-давно называется в гносеологии материей и изучается естествознанием. Разговаривать серьезно с субъектом, которому такая вещь «неясна», бесполезно, ибо о «неясности» говорит он здесь для того, чтобы мошеннически увильнуть от ответа по существу на совершенно ясное материалистическое положение Энгельса, повторяя при этом чисто дюринговский вздор про «кардинальный постулат о принципиальной однородности и связности бытия», о постулатах как «положениях», о которых «неточно было бы говорить, что они выведены из опыта, ибо научный опыт только и возможен благодаря тому, что они кладутся в основу исследования».

«Это сплошная галиматья,—говорит Ленин,—ибо если бы сей субъект имел хоть чуточку уважения к печатному слову, то он видел бы идеалистический вообще и кантианский в частности характер идеи о том, будто могут быть положения, не из опыта взятые и без которых невозможен опыт.

¹⁾ Там же, стр. 132—133. Разрядка Ленина.

²⁾ Там же, стр. 134.

Набор слов, нахватанных из разных книжонок и сцепленных с явными ошибками материалиста Дидгена,—вот что такое «философия» господ Юшкевичей»¹⁾.

Тысячу раз Ленин повторяет, что «кантианско-махистская формула: «человек дает законы природе» есть формула фидеизма», и эта формула находит свое выражение в частности и в «преподнесении» природе «принципов», «постулатов», «начал» и т. п.

V

Довольно много путаницы и прямых идеалистических извращений мы находим в буржуазной механике по вопросу о энергии и ее сохранении. Прежде всего энергия разделяет участь других механических и физических понятий, которым буржуазные авторы дают только математическое определение. Цитированный нами Гамель кинетическую энергию определяет как половину интеграла Стильтьеса

$$E = \frac{1}{2} \int dm v^2,$$

а потенциальную энергию определяет посредством аксиомы, состоящей в том, что каждой консервативной системе может соответствовать функция U координат всех точек системы так, чтобы соблюдалось равенство

$$E + U = h = \text{Const.}$$

Функция U и называется потенциальной энергией системы²⁾.

Некоторые авторы не только не понимают объективного значения понятия энергии как меры движения, связанной с его превращаемостью и неуничтожаемостью, но считают его понятием более вспомогательным чем, например, сила³⁾.

С этой точки зрения закон сохранения энергии является не более чем математическим равенством, объективная основа которого часто затушевывается⁴⁾.

С понятием энергии связана идеалистическая ошибка Оствальда, провозгласившего особую «энергетическую» философию. Оствальд хотел «преодолеть» материалистическую «метафизику» тем, что хотел подвести старые философские понятия «материя» и «дух» под понятие энергии. Ленин, разбирая эту путаницу Оствальда, прежде всего еще раз подчеркивает основную альтернативу: что вторичное и что первичное—дух или материя?

Ленин ставит в упор следующий вопрос: «Происходит ли превращение энергии вне моего сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т. п.? На этом вопросе и сломала себе шею «энергетическая» философия, эта попытка «новой» терминологией замазать старые гносеологические «ошибки»⁵⁾.

Далее Ленин приводит примеры путаницы Оствальда:

«Вот примеры того, как запутался энергетик Оствальд. В предисловии к своим «Лекциям о натурфилософии» он заявляет, что считает «громдным выигрышем, если старое затруднение—как соединить понятия материя и дух—будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под понятие «энергии».

«Это не выигрыш, а проигрыш,—отвечает Ленин,—ибо вопрос о том, вести ли гносеологическое исследование (Оствальд неявно сознает, что он

¹⁾ Ленин. Т. XIII, стр. 142.

²⁾ «Handbuch der Physik», B. V. S. 30—33.

³⁾ См., например, Р. В. Поль, Введение в механику и акустику, 1932, гл. VI.

⁴⁾ См. об этом более подробно в нашей статье «Как И. Е. Тамм критикует марксистов». «Под знаменем марксизма», 1933, № 2.

⁵⁾ Ленин. Т. XIII, стр. 222.

ставит именно гносеологический, а не химический вопрос) в материалистическом или идеалистическом направлении, не решается, а запутывается произвольным употреблением слова «энергия». Конечно, если «подвести» под это понятие и материю и дух, тогда словесное уничтожение противоположности несомненно, но ведь нелепость учения о леших и домовых не исчезнет от того, что мы назовем его «энергетическим». На стр. 394 «Лекций» Оствальда читаем: «Что все внешние явления могут быть изображены как процессы между энергиями, это обстоятельство проще всего объяснить тем, что именно процессы нашего сознания сами являются энергетическими и таковое свое свойство передают (aufprägen) всем внешним опытам». «Это—чистый идеализм,—отвечает далее Ленин,—не наша мысль отражает превращение энергии во внешнем мире, а внешний мир отражает «свойство» нашего сознания!»¹⁾

Понятие энергии отражает определенные свойства объективного движения материи, и потому нелепы потуги Оствальда и прочих «энергетиков» преодолеть при помощи энергии философский материализм. «Превращение энергии,—говорит Ленин,—рассматривается естествознанием как объективный процесс, независимый от сознания человека и от опыта человечества, рассматривается материалистически. И у самого Оствальда в массе случаев, даже, вероятно, в громадном большинстве случаев, под энергией разумеется материальное движение»²⁾.

Движение, с которым связано понятие энергии, существует в природе только как материальное движение. Всякая попытка оторвать движение от материи является идеалистической. А между тем в современной буржуазной механике и физике такие попытки делаются все чаще и чаще. Физики, отрицающие эфир, говорят о «чистой» лучистой энергии без материи, говорят о превращении материи в энергию. В механике иногда говорят о «выводе» массы из выражения кинетической энергии. Цитированный нами Гамель говорит об «энергетическом» обосновании механики в том смысле, что из выражения кинетической энергии

$$E = \frac{1}{2} m \left(\frac{ds}{dt} \right)^2$$

можно определить элемент пути³⁾.

Совершенно очевидно, что все эти попытки так же неверны, так же являются отступлением от материализма, как и попытки мыслить понятие энергии как понятие чисто вспомогательное, чуть не искусственное или вовсе искусственное. Всем этим попыткам сильно способствуют неизменно формальный подход, забвение задач механики по изучению объективной реальности, непонимание теории отражения.

Не понимая огромного космологического значения закона сохранения и превращения энергии и сводя его к чисто математическому соотношению между функциями, многие буржуазные теоретики-механики считают его простым следствием из абстрактных принципов механики, между тем как скорее можно сказать обратное, что различные «принципы» являются не чем иным, как абстрактным выражением объективного закона сохранения и превращения энергии в природе. Ведь совершенно ясно, что абстракция должна определяться конкретностью, а не конкретность определяться абстракцией, хотя формально-логически можно проделать и обратный путь — от абстракции к конкретному.

¹⁾ Ленин. Т. XIII, стр. 222. Разрядка Ленина.

²⁾ Там же, стр. 222—223. Разрядка Ленина.

³⁾ Hapel, I, с.

Не понимая об'ективного значения закона сохранения и превращения энергии, многие буржуазные теоретики-механики недооценивают значение связи механического движения с прочими формами движения материи.

С этим, между прочим, связан тот факт, что многие релятивисты склонны толковать механическое движение чисто кинематически. Так, они, разбирая, например, движение поезда, говорят, что с точки зрения «принципа относительности» с равным правом можно говорить как о движении поезда относительно земли, так и о движении земли относительно поезда. Это верно с абстрактной кинематической точки зрения, но неверно по существу, так как существо дела требует, чтобы мы связывали данное механическое движение с превращением различных форм движения (за счет которых оно и получается). Весь этот процесс происходит об'ективно именно в поезде, а не в земле, а потому и механическое движение (являющееся лишь частью всего процесса) естественно связывать с поездом, а не с землей.

Формально кинематический или формально геометрический метод вообще немало вредит теории относительности Эйнштейна. Многие и многие сторонники этой теории смешивают величину промежутка времени с временем как философской категорией и являющимся формой существования материи. Пространство как философскую категорию, пространство, являющееся формой существования материи, смешивают со значением координат. Формальное изображение движения при помощи геометрии четырех измерений («мир Минковского») толкуется как полное элиминирование движения из природы, как полное сведение механики к геометрии и т. д.

Формально-математический метод много вредит и нынешней квантовой физике, где он уже расцветает пышным цветом. Современным теоретикам ничего не стоит считать, например, закон сохранения энергии следствием математического «правила перестановок», взятого из «матричного исчисления»¹⁾. Тем легче им потом и отказаться от этого закона!

Современным теоретикам ничего не стоит отказаться от принципа причинности на том основании, что они этот принцип отождествляют с математическими соотношениями, им остается только отвергать его там, где не удастся получить привычных математических уравнений²⁾.

VI

В заключение необходимо подчеркнуть то, что особенно подчеркивал Ленин. Мы говорим о партийном, о классовом характере науки.

В классовом обществе нет и не может быть внеклассовой науки. «Так или иначе,—писал Ленин,—но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства—такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»³⁾.

Основная ошибка тех якобы марксистов, которые попадались на удочку махистской философии, состояла в том, что они забывали об этом: они считали, что они воспринимают «последнее слово» «позитивной науки». Они не могли отличить основных философских направлений — материализма и идеализма — и думали, что они становятся выше того и другого, что не возможно по существу.

¹⁾ См., например, А. Гааз, Волны материи и квантовая механика. «Успехи физики». ГТТИ, 1933, гл. IX.

²⁾ Там же, гл. XI.

³⁾ Ленин, Собр. соч. Т. XVI, стр. 349. Разрядка Ленина.

Ленин, подводя итоги анализу «упражнений» всех новейших «позитивистов», писал: «За кучей новых терминологических ухищрений, за сором геллертерской схоластики всегда без исключения мы находили две основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир—и считать вторичным сознание, дух, ощущение (опыт, по распространенной в наше время терминологии), психическое и т. п.—вот тот коренной вопрос, который на деле продолжает разделять философов на два больших лагеря»¹).

Об этом нужно помнить и всем механикам и всем физикам. Не нужно думать, что идеализм начинается непременно там, где говорят явно о Канте, Махе и т. п. Основной вопрос—это что считать первичным и что вторичным.

И здесь надо особенно учитывать, что враг хитер и ловок. Надо проявлять максимум партийной бдительности. Как получались антимарксистские «теории» ревизионистов типа Богданова и др.?

«Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо это последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии—ученые приказчики теологов.

Задача марксистов—и тут и там суметь усвоить себе, переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»²).

Обо всем этом нужно твердо помнить всем советским механикам и физикам. 16-летнее совместное существование двух экономических и политических систем — капиталистической и социалистической — со всей наглядностью доказало громадному большинству советских ученых партийный характер науки. Теперь уже все у нас понимают, что наука партийна и в экономическом смысле, и в политическом смысле, и в философском смысле. И в общем надо сказать, что единый фронт мировой науки решительно прорван, этого единого фронта больше не существует. Советская наука уже поднялась на принципиально иные, более высокие позиции. Наши советские ученые уже по-новому ставят вопрос о соотношении между теорией и практикой, между наукой и народным хозяйством, между наукой и государством, между наукой и философией.

В практической своей работе советские ученые вписали уже не одну славную страницу в перечень побед и достижений на фронте социалистиче-

¹) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч. Т. XIII, стр. 274.

²) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Т. XIII, стр. 280. Разрядка
Ленина.

ского строительства. Но чем мы еще не можем серьезно похвалиться—это умелым сочетанием глубокой серьезной научной работы с воинствующим материализмом, с философской партийностью, к которой всегда призывал нас Ленин. Здесь советские ученые,—мы говорим о физико-механических науках,—не смогли еще противопоставить себя буржуазному миру и бросить ему вызов.

А между тем совершенно ясно, что именно здесь, в Советском союзе наука должна глубоко перестроиться в смысле своих теоретико-познавательных позиций, здесь она должна изжить свой кризис без остатка и подняться на такую высоту, чтобы ее можно было назвать диалектически-материалистической наукой. Что это с наукой рано или поздно должно случиться, ясно видел Ленин еще в 1908 г., когда он писал: «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непрременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим»¹⁾.

Кто как не советские ученые смогут победить все и всяческие кризисы в науке с заменой материализма метафизического материализмом диалектическим?

О физике Ленин в 1908 г. писал, что она идет к диалектическому материализму. «Но,—говорил он,—она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпирионизмом и пр. и т. д.»²⁾.

В задачу советских ученых как раз и входит не только приблизить науку и поставить ее на службу социалистическому строительству, но, отказавшись от стихийности, сознательно идти к диалектически-материалистической науке, удаляя из буржуазной науки все негодные продукты, идеализм всяких сортов и делая науку столь же монолитной, столь же целеустремленной, каким является учение Ленина—ленинизм.

Советские ученые имеют все предпосылки для того, чтобы быть активными борцами в лагере воинствующего материализма, чтобы выкорчевать всякий идеализм из науки до конца. И это без сомнения ими будет сделано. В этом нельзя теперь сомневаться тем более, что каждый день приносит нам вести о том, что советские ученые все больше и больше идут к диалектическому материализму. И если мы еще наблюдаем до сих пор проявления у наших ученых элементов буржуазной идеологии, идеализма, формализма и пр., если советские ученые зачастую не являются еще воинствующими материалистами, то в большинстве случаев причину этого надо искать не в нежелании, а в неумении, а также и в том, что марксисты им недостаточно помогают в этом.

В связи с этим надо вспомнить о наших механистах и меньшевистствующих идеалистах. Ведь представители обоих течений проводили по существу буржуазную идеологию, прикрывая ее марксистской фразеологией. Можно ли сомневаться в том, что они своей «работой» тормозили естественные сдвиги среди советских ученых? В подходе к основным физико-механи-

¹⁾ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Т. XIII, стр. 250.

²⁾ Там же, стр. 256.

ческим понятиям мы у них найдем сколько угодно формализма и идеализма, против которого мы должны восставать, следуя Ленину и Энгельсу.

Можно не сомневаться в том, что те из механистов и меньшевистствующих идеалистов, которые до сих пор еще не разоружились или разоружились недостаточно, в своей практической работе продолжают быть прикрытием для буржуазной идеологии и продолжают тормозить идеологические сдвиги среди ученых.

Поэтому усилить борьбу с механицизмом (главная опасность) и с меньшевистствующим идеализмом — такой вывод напрашивается сейчас в связи с упомянутыми идеологическими сдвигами.

* * *

В настоящей статье далеко не исчерпаны задачи, стоящие перед механикой в СССР в связи с перестройкой ее на основе диалектического материализма. Эти задачи гораздо шире и глубже.

Здесь мы хотели только показать, насколько методология современной буржуазной механики не стоит еще на уровне даже элементарных (с точки зрения азбуки марксизма) требований.

Совершенно естественным нам кажется, что механикам и физикам-марксистам, а также всем вообще советским ученым нужно взяться за перестройку науки, прежде всего исходя из этих элементарных материалистических требований. Без излишней торопливости, на солидном научном фундаменте, давая решительный отпор всякому упрощенству (упрощенством на пример было бы выбрасывание из науки всякого формального момента), мы должны начать с последовательного проведения в построении науки диалектически-материалистической теории отражения.

Другой важнейшей задачей статьи было показать, какое богатство еще неиспользованных мыслей и указаний мы имеем в бессмертном произведении Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ленинский этап в развитии философии и является как раз величайшим обобщением положительных достижений науки и в то же время глубочайшим анализом и разоблачением идеалистических извращений в науке эпохи империализма.

От этой книги мы должны отправляться в деле перестройки современной механики.

О некоторых идеалистических течениях в современной патологии

Л. Карлик

75 лет назад, в 1858 г., вышло первое издание «Целлюлярной патологии» Вирхова. Это — произведение, в котором впервые дано было систематическое изложение и объяснение патологических процессов и болезней на материалистической базе видимых изменений материальных частиц тела — клеток. Целлюлярная патология выражала новое направление в патологии и сыграла огромную роль в развитии последней как науки. Современная патология в своей основе была в значительной мере заложена Вирховым, от которого датируется новый этап в развитии этой науки и медицины вообще.

Целлюлярную патологию необходимо рассматривать конкретно, с учетом всей той обстановки, в которой жил и творил Вирхов, с учетом того, что было в патологии и медицине до него и что было создано им.

До Вирхова патология и медицина были оторваны от общего естествознания и его достижений. Господствовавшие в патологии и медицине представления об организме, о болезни и т. д. были отвлеченны, абстрактны, находились вне конкретной связи с материальным субстратом патологических процессов. В довирховской патологии и медицине господствовали старые, удержавшиеся в течение столетий взгляды школ Парацельза, ван-Гельмонта, различного рода учения о кразах и дискразиях, учения о симпатиях и антипатиях органов и т. д., т. е. по существу господствовали многие донаучные взгляды.

Когда Вирхов выступил с отказом от принятых до него взглядов и теорий в патологии и медицине и выставил требование, чтобы все выводы обосновывались фактическими наблюдениями, то это было весьма прогрессивным шагом, ибо требование это было направлено против господствовавших тогда спекулятивных, абстрактных теорий.

Вирхов нанес значительный удар господствовавшим в то время учениям гуморальной патологии, учениям о бластеме, о кразах и дискразиях и т. д. Вместо них целлюлярная патология развернула обоснованные фактическими данными представления о целом ряде патологических процессов.

Когда он сформулировал задачу необходимости конкретно связать представления о болезнях с их материальным субстратом, то эта задача и требования, выдвигаемые Вирховым, для ее решения были весьма прогрессивными, ибо они направлялись против господствовавших тогда неправильных, абстрактных, схоластических, спекулятивных воззрений гуморалистов и солидаристов.

Вирхов первый применил теорию клеточного строения к изучению больного организма, и хотя принцип строгой локализации болезней в клетке и был неправилен, но требование обращать внимание на органы, на клетки, на их тщательное изучение тол-

кало к мощному развитию патологии и давало блестящие результаты.

Клеточная патология означала поворотный пункт в развитии медицины, новую эпоху в ее истории, имевшую колоссальное значение для развития патологии.

Не следует, однако, преувеличивать роль и заслуги Вирхова. Необходимо отметить, что Вирхов, хотя и пытался преодолеть метафизические воззрения тогдашних гуморалистов и солидаристов, на деле метафизики вообще не преодолел, да и самую задачу ее преодоления он усматривал в соединении теорий тех и других.

Огромная заслуга Вирхова в том, что, опираясь на современное ему естествознание, он сумел использовать достижения науки и перестроить патологию, дав тем самым могучий толчок ее дальнейшему развитию. Необходимо, однако, отметить, что Вирхов отнюдь не целиком стоял на уровне современной ему науки, естествознания и философии, что хорошо иллюстрируется его отрицательным и враждебным отношением к дарвинизму, его незнакомством хотя бы с гегелевской диалектикой. И это, несомненно, оказало даже тормозящее влияние на развитие патологии, особенно если иметь в виду тот исключительный авторитет, которым Вирхов пользовался и который он использовывал, когда речь шла о том, чтобы выступать против дарвинизма (так например, Вирхов объявлял патологическими находимые черепа первобытных людей, подтверждавшие эволюционную теорию).

К проблемам жизни, клетки, организма, болезни Вирхов подходил механистически. Так например, вместо того чтобы понимать качественное своеобразие жизни как новой формы движения материи, отличной от неживой природы, он рассматривал ее лишь как иную комбинацию однородных, бескачественных частиц материи, способных лишь к механическому движению. Такое понимание как раз присуще механицизму, сводящему биологические закономерности к закономерностям неживой природы. Тот же механицизм мы имеем и в подходе Вирхова к пониманию клетки и организма. Качества клетки аналогизируются им с качествами организма как целого, последний не представляется качественно отличным от входящих в его состав клеток, а сводится к сумме этих клеток, что опять-таки характеризует механицизм. Наряду с этим имеются и явно идеалистические взгляды, как например: признание цели жизни, творца жизни, признание цели и назначения организма и составляющих его частей и т. д. и т. п. В основном его философия была вульгарно-материалистической (механистической), сочетаясь с витализмом, кантианством. Цельного, последовательного мировоззрения у Вирхова не было: он представлял собой пример эклектика с преобладанием позитивистских и агностических элементов.

Развитие патологии в капиталистическом обществе после Вирхова совпадает с эпохой империализма, т. е. с эпохой загнивания капитализма и чрезвычайного обострения всех его противоречий, что выразилось в значительном повороте в сторону реакции во всей идеологии. Это сказалось и на естествознании, и на медицине, а в частности и на патологии.

Естествознание эпохи империализма достигло огромных успехов. В патологии они привели к вскрытию новых закономерностей здорового и больного человека. Успешное развитие бактериологии, иммунологии, эндокринологии, развитие учения о ретикуло-эндотелиальной системе, большие успехи в области физической химии, огромные успехи в области изучения вегетативной нервной системы, бурный рост новой науки — генетики, огромные успехи в области развития техники эксперимента — все вместе взятое привело к вскрытию ряда новых закономерностей в физиологии и патологии человека. Происходящие же на основе их перемена и ломка старых представлений при отсутствии правильного научного мышления у естествоиспы-

тателей привели к кризису в медицине, к кризису в патологии, о котором уже много писалось.

Ленин на примере физики блестяще вскрыл теоретические основы кризиса современного естествознания, дал ему гениальный анализ, сохранивший свою полную силу и по отношению к другим отраслям естествознания, в частности и по отношению к патологии.

Ленин вскрыл и показал, что кризис современного естествознания и возникающие на его основе идеалистические школки, течения и течения являются выражением кризиса всей капиталистической системы в эпоху империализма.

При анализе современных течений в патологии важно подчеркнуть связь между ломкой старых взглядов в естествознании и возникновением новых школ и течений; как раз на эту сторону Ленин особенно напирал, всячески подчеркивая, что лишь в этой связи можно понять суть современного кризиса естествознания.

Ленин указывал, что идеалистическая философия пытается использовать достижения естествознания для обоснования своих позиций, и поэтому, анализируя махизм, он подчеркивал, что «связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению»¹⁾.

Ленин писал, что «о философях надо судить не по тем выводам, которые они сами на себя навешивают... а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей»²⁾.

Эти весьма ценные указания Ленина, как и весь его анализ кризиса современного естествознания, являются мощным методологическим орудием при анализе существа современных течений в патологии и тех названий, которыми они себя украшают.

Ленин отмечал, что суть кризиса естествознания обусловлена и тем, что вместо дальнейшего развития материализма на основе достижений естествознания и в связи с изменением и расширением прежних взглядов мы имеем распространение идеализма вследствие отсутствия правильного научного мышления, т. е. вследствие незнания диалектики.

«Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим... материализмом, с его односторонней «механичностью»,— и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, т. е. объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, «ограничением ожидания», «логической необходимостью» и т. п. Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно-верно, относительно-правильно отражаемого этим познанием. И т. д. и т. д. без конца»³⁾.

Чрезвычайно важно, наконец, иметь в виду, что причина кризиса в естествознании как и причина усиления идеализма лежат вне философии, в борьбе классов.

«Не может подлежать никакому сомнению,—писал Ленин,—что перед

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII. 3-е изд. стр. 206.

²⁾ Там же, стр. 178.

³⁾ Там же, стр. 214—215.

нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии»¹).

Пользуясь вышеуказанными замечаниями Ленина, рассмотрим некоторые современные течения и направления в патологии.

„Патология отношений, патология как чистая естественная наука“ Риккера

«Патология отношений» Риккера мало известна нашему читателю. Еще менее известны общетеоретические концепции, на которых основана эта патология. А одна из особенностей этой патологии заключается, между прочим, в том, что в ней очень много внимания уделяется методологическим вопросам.

В 1905 г. Риккер выступил со статьей «Entwurf einer Relationspathologie», в которой дал краткий абрис своих общетеоретических позиций; в 1912 г. он выпустил книжку, специально посвященную общеметодологическим проблемам в их приложении к физиологии и патологии под названием «Grundlinien einer Logik der Physiologie als reiner Naturwissenschaft»: в 1924 г. он выпустил книгу «Relationspathologie. Pathologie als Naturwissenschaft», в которой большой раздел, так называемая логическая часть, посвящен целиком общетеоретическим проблемам.

Несмотря на то, что общетеоретические исходные позиции этой патологии мало известны даже читателю-специалисту, она в некоторых вопросах пользуется значительным распространением и даже чуть ли не авторитетом.

* * *

Риккер различает две формы отношений философии к естественным наукам. Первая форма состоит в том, что посредством мыслительной деятельности создается содержание естественной науки как чего-то единого, целого. Это будет натурфилософское отношение к естествознанию. Вторая форма отношения философии к естествознанию сводится к тому, что «нормативная часть философии—логика» ставит своей задачей установление определенных связей между суждениями, понятиями, гипотезами и теориями естествознания.

Риккер отрицательно относится к первой форме отношения философии к естествознанию, так как естествознание должно исключать всякую натурфилософию. Наоборот, вторую форму отношения философии к естествознанию он считает крайне важной и необходимой, и ее он целиком принимает.

«Естествоиспытателю нужна логика специальной науки», — заявляет Риккер. Эта логика должна заниматься теми понятиями, которые выработаны специальной наукой естествознания. Существующая философия неспособна удовлетворить естествознание, так как дух философа, «направленный на целое и общее, уделяет незначительный интерес отдельным наукам, но прежде всего потому, что он не владеет специальными знаниями, из которых должна исходить логика специальной естественной науки...»¹.

Отсюда перед естествоиспытателем встает огромная и благодарная задача — создать себе свою собственную философию, свою собственную логику. И Риккер приступает к выработке «самостоятельной» философии, «самостоятельной» теории познания, пригодной для физиологии и патологии. Какова же эта философия?

¹) Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII. 3-е изд., стр. 247.

²) Rikker «Grundlinien einer Logik der Physiologie als reiner Naturwissenschaft». Verl. Enke. Stuttgart. 1912, S. 2.

* * *

Диалектический материализм, на основе общественной практики и выводов естествознания и исторических наук, учит, что вне и независимо от человека существовал и существует реальный мир. Этот реальный, объективно существующий мир познаваем, он познается нами и отражается в понятиях, суждениях и теориях. Таково единственно верное и научное понимание логики как науки о законах развития объективного мира во всех его проявлениях.

Но не так понимает логику Риккер, который считает, что «логика естественных наук не может признать активности вещей»¹⁾. Логика, которую хочет создать Риккер, мыслится им не как отражение объективных, независимых от человека форм движения материального мира, а как учение, не выходящее за пределы субъекта и его сознания. Приступая к такой большой задаче, как выработка собственной философии, Риккеру приходится в первую очередь дать ответ на «с новой философский вопрос» — об отношении мышления к бытию. Он находит его следующим положением:

«Естественное, жизненное еще сейчас понятие о мире, из которого мы исходим, так как все научно-выработанные понятия мира суть лишь модификации этого понятия, гласит, что человек, состоящий из тела и души, находится в мире, что человек и мир оба обладают самостоятельным реальным бытием и что человек познает через воздействие на него внешнего мира, каков это мир сам по себе, в своем независимом от него существовании»²⁾.

Таким образом, Риккер исходит не из существования объективного, независимого от сознания материального мира, а лишь из понятия такого мира. Он считает, что понятие о независимом существовании внешнего мира не может быть доказано, исходя из убеждения здравого рассудка человека о наличии внешнего мира, равно как не может быть доказано, исходя из каузального принципа. Реальное существование внешнего мира вообще доказать нельзя, но оно необходимо Риккеру, и поэтому он пытается вывести его иным путем. А именно: он пишет: «если таким образом реальное самостоятельное существование внешнего мира, само собой разумеется, доказано быть не может, то остается рассмотреть, можно ли сохранить его другим путем. Это действительно возможно, если тезису о реальном, независимом от человека существовании внешнего мира приписать характер логического постулата: будучи дополнен положением, что мир воздействует на человека, этот постулат удовлетворяет потребность в основе, на которой человек может понять свое отношение к миру и отношение мира к себе»³⁾.

Таким образом «утверждается» независимое существование мира и одновременно говорится, что «с точки зрения естественного понятия мира утверждение о независимом реальном существовании мира, само собой разумеется, не есть истина»⁴⁾.

Внешний мир существует как логический постулат, но ложно думать, что действительно существует реальный мир, — таково исходное положение Риккера. Мир, таким образом, и «сохранен» и в то же время его нет, т. е. можно приняться за ряд естественно-научных исследований и в то же время

¹⁾ Rikker «Grundlinien einer Logik der Physiologie als reiner Naturwissenschaft». Verl. Enke. Stuttgart. 1912, S. 9.

²⁾ Rikker, «Pathologie als Naturwissenschaft, Relationspathologie». Berlin. Verl. Springer. 1924, S. 302.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

оставаться идеалистом. Постулат о существовании внешнего мира имеет свою основу в сознании субъекта, он отвечает требованиям этого сознания.

«Преимущество этого постулата заключается в том, что на вопрос о причинах чувственных ощущений он дает ответ, который проще и поэтому логически целесообразнее, пригоднее, чем все другие возможные ответы»¹⁾.

Этот постулат, по Риккеру, логически обоснован, ибо «если мы под логикой понимаем науку об искусстве мышления, особенно естественно-научного мышления, то наш постулат логически оправдан»²⁾.

Исходя из подобного логического постулата, Риккер отрицает материю. Он пишет, что «ни силам, ни материи не присуще вещественное существование: материи и силам не может быть приписано бытие, силам не может быть приписано действие»³⁾.

Риккер вообще различает естественное понимание вещей (т. е. понимание вещей обычным здравым рассудком) и «научное» понимание вещей. Он пишет:

«Естественное и научное понимание вещей существенно отличны друг от друга: в то время как для наивного представления вещи характеризуются прежде всего через свою форму и оно усматривает в них некую оформленную субстанцию, являющуюся носителем свойств и действий, естествознание, как мы видели, растворяет вещь в сумму явлений, находящуюся с другими, вне ее, в связи: оно стремится рассматривать как форму вещи, так и ее свойства и действия как абстракции, а обозначение вещи рассматривать как символ для суммы явлений»⁴⁾.

Риккер выступает против естественного убеждения людей в том, что существует реальный, материальный мир. Убийственную критику такого воззрения давал Ленин, который, критикуя махистов, писал:

«Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов-идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют независимо от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще... «Наивное» убеждение человечества сознательно кладется материализмом в основу его теории познания»⁵⁾.

А то, что кладется Риккером в основу теории познания, представляет собой идеализм и ничего общего с настоящей наукой не имеет.

Объективных вещей и качеств нет, так утверждает Риккер. Ибо «оценка качеств и действий имеет свою основу не в вещи: она берется из наиболее частых и практических соображений, как это также получается при чисто научной работе, и выставляется как полезное...»⁶⁾.

Но раз это так, тогда подвергается сомнению существование внешнего, реального мира, внешних предметов, ибо «знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам»⁷⁾, и мы их увидим в дальнейшем у Риккера.

Таким образом, «самостоятельная» философия, специально «созданная» Риккером для патологии,

1) исходит не из реально существующего мира, а из сознания, мышления, Я;

2) отрицает существование материи;

3) считает понятия «вещь», «свойства» лишь символами для обозначения некоторых явлений, не имеющих основы в реальном мире;

¹⁾ Rikker «Grundlinien einer Logik der Physiologie als reiner Naturwissenschaft». Verl. Enke Stuttgart. 1912.

²⁾ Там же, стр. 303.

³⁾ Там же, стр. 18.

⁴⁾ Там же, стр. 52—53.

⁵⁾ Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 56.

⁶⁾ G. Rikker, «Grundlinien u. s. w.», S. 7.

⁷⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 192.

4) занимает суб'ективно-идеалистическую позицию, представляющую одну из разновидностей идеализма.

Риккер разбирает ряд философских проблем (о суждениях, понятиях, законе, причине и т. д.) с идеалистических позиций. Все категории, по Риккеру, не отражают закономерности объективной действительности, а выражают лишь потребность нашего сознания привести в порядок все те ощущения, которые мы получаем из понимаемого как логического постулата внешнего мира. Все понятия, по Риккеру, имеют поэтому лишь отношение к суб'екту, его сознанию, но не к объекту, не к реальному миру.

Исходя из вышеохарактеризованных философских позиций, Риккер приступает к созданию патологии как «чистой» естественной науки. Для этого необходимо, по Риккеру, прежде всего подвергнуть критике содержание этой науки. В чем, однако, должна заключаться эта задача? На это он отвечает:

«Критика данного содержания какой-нибудь естественной науки имеет задачей исследовать, относятся ли и связываются ли ее суждения с чисто физическими объектами, основаны ли ее понятия, гипотезы и законы на подобных суждениях и обладают ли они как своим единственным правом на существование логической целесообразностью»¹⁾.

Риккер собирается критиковать патологию, беря в качестве критерия степень логической целесообразности гипотез и законов этой науки. Но этот критерий совершенно недостаточен и ни к чему плодотворному привести не может, потому что цель науки — дать правильную, научную картину мира, и критика науки только тогда практически полезна, оправдана и целесообразна, когда она сводится к тому, чтобы узнать, насколько содержание науки, т. е. ее понятия и законы, правильно отражает объективную реальность мира. Это есть единственно верный научный подход, но это есть в то же время материализм. Риккер же как идеалист об этом говорить не может. Характерно, что он ни словом не упоминает о том, что задача науки — дать правильную картину мира. Лишь мысля материалистически, можно получить единственный критерий истинности, ибо сознание человека лишь тогда способно правильно критиковать содержание науки, «когда оно правильно отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия»²⁾.

Как известно, Кант в свое время в «Критике чистого разума» ставил своей задачей создание метафизики как чистой науки. Ходом своих рассуждений в отношении патологии Риккер весьма напоминает Канта. Риккер, например, указывает на то, что еще недавно оспаривалась сама возможность создания естественно-научной патологии. Он отмечает, что такая чистая патология еще не существует, но что она вполне возможна. Это Риккер, как некогда Кант в отношении метафизики, и собирается показать.

«Мы покажем, — пишет он, — что патология как естественная наука возможна; удасть нам это, и последняя область природы, которая до сих пор еще не вовлечена в орбиту чистой естественно-научной обработки, будет к ней подведена»³⁾.

Риккер, как в свое время Кант в отношении метафизики, говорит, что патология поздно сделала этот шаг. Астрология стала уже астрономией, алхимия через астрохимию стала химией. Лишь одна патология — «последнее дитя матери всех наук — поздно сделалась самостоятельной, восприняв логический опыт естествознания»⁴⁾.

Но что нужно для того, чтобы патология стала «чистой» естественной

¹⁾ Rikker «Relationpathologie u. s. w.», S. 321.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 139.

³⁾ Rikker «Relationpathologie u. s. w.», Vorwort, S. 111.

⁴⁾ Там же. Предисловие, стр. VI.

наукой? Если попытаться обобщить многочисленные разбросанные высказывания, то получим следующую схему мер, предлагаемую Риккером:

1. Необходимо «выступить против господствующих натурфилософских понятий в физиопатологии и таким путем выработать патологию как чистую естественную науку»¹⁾.

2. Необходимо отделить физиологию и патологию от биологии. «Физиология и биология должны быть отделены друг от друга: биология не должна заботиться о проблемах физиологии, а физиология не должна применять биологических элементов для объяснения своих наблюдений и для выполнения своих пробелов»²⁾.

3. Необходимо отделить патологию от медицины и гигиены.

Он пишет:

«Что означало бы отделение физиологии от гигиены и требуемое отделение патологии от медицины?

Не больше и не меньше как то, что тем самым обе теоретические науки получили бы характер естественных наук»³⁾.

Риккер так формулирует отношение патологии к медицине. «Как естественные науки,—пишет он,—физиология и патология исследуют здорового и больного физического человека без внимания к прикладным наукам — гигиене и медицине, не заботясь о том, могут ли стать результаты ее исследования полезными человеку, ставя себе единственную цель — познание течения явлений и каузальных отношений, в которых они протекают»⁴⁾.

С точки зрения Риккера, патология, отделенная от медицины, много выиграет, ибо при наличии такой связи патология в объяснении процессов неминуемо переходит на точку зрения целесообразности, лечебного эффекта и т. д.

Патология же не может придерживаться телеологического мышления, ибо она как чистая наука должна быть отделена от биологии, от натурфилософии, от медицины. «Патология как чистая и свободная наука исследует лишь каузальные отношения патических явлений»⁵⁾.

Наряду с этим патология, по Риккеру, «имеет задачей дать медицине лишь материал, образующий теоретическую основу, на которой медицина, если она хочет быть наукой, а не ремеслом, сама воздвигнет здание своей диагностики и терапии»⁶⁾.

Это со стороны отношения патологии к медицине.

С другой стороны, касаясь отношения медицины к патологии, Риккер считает, что «медицина как техническая наука должна покоиться на твердой основе: это есть опыт и естественно-научная обработка опытного материала, образующего содержание физиологии и патологии как единой науки естествознания»⁷⁾.

4. Необходимо отбросить всякие понятия вроде «активность», «приспособление», «регулирование», «самосохранение» и т. п., ибо они все телеологичны. Каузальное мышление — единственно допустимое в патологии как «чистой естественной науке».

Риккер, однако, против телеологии лишь в применении к патологии, но он относит ее против применения ее в биологии, в медицине, где она является, по его мнению, даже необходимой формой мышления.

«Телеологическое мышление и телеологические суждения не имеют никакого логически оправдываемого места в физиологии и патологии, за-

¹⁾ Rikker «Relationpathologie u. s. w.», Vorwort, S. V.

²⁾ Там же, стр. 321.

³⁾ Там же. Предисловие, стр. III.

⁴⁾ Там же. Предисловие, стр. III—IV.

⁵⁾ Там же. Предисловие, стр. IV.

⁶⁾ Там же, стр. 347.

⁷⁾ Там же, стр. 356.

дача которых, как и задача каждой естественной науки, состоит лишь в каузальном объяснении явлений природы; напротив, телеологическое мышление необходимо для практических целей медицины и телеологическое объяснение свойственно теоретическим целям биологии»¹⁾.

5. Наконец, необходимо отказаться от раздельного рассмотрения физиологии и патологии и считать их единым целым.

Отрицая качественное различие здорового и больного человека, Риккер отрицает различие между физиологией и патологией. Поэтому он пишет: «Рассматриваемая с точки зрения естественно-научной логики патология не имеет таким образом никакого права на существование в качестве самостоятельной естественной науки, ее содержание и ее задачи содержатся в правильно понятой физиологии»²⁾.

Все различие между физиологией и патологией, по Риккеру, заключается лишь в том, что первая изучает наиболее частые физические, телесные явления, которые называются нормальными, а вторая — наиболее редкие, которые называются ненормальными.

«Ясно,—заключает Риккер,—что границы между физиологией и патологией исчезают, что физиология и патология становятся едиными»³⁾.

Таковы те меры, с помощью которых Риккер собирается создать новую патологию как «чистую естественную науку».

Если проанализировать вышеприведенные высказывания Риккера, то нетрудно видеть, что предлагаемые им меры не могут вести к созданию научной патологии. О них можно вкратце сказать следующее: не может быть никаких сомнений, что для построения научного здания патологии необходимо освободиться от всякой натурфилософии, но дело в том, что сама «патология как чистая естественная наука» не свободна от натурфилософии, а посему не обеспечивает правильного отражения закономерностей возникновения, развития, течения и исчезновения патологических процессов.

Второй пункт Риккера об отделении патологии от биологии ненаучен. Современная патология, которая должна быть на уровне достижений наук, не может обойтись без достижений биологии, успехи которой способствуют прогрессу патологии, разумеется, если они правильно применяются к человеку.

Требование отделения патологии от медицины и гигиены, которое выдвигает Риккер, лишает патологию всякого значения, ибо задача науки состоит как раз в том, чтобы изучать закономерности патологических процессов и болезней с тем, чтобы изменить их для целей человека, а это предполагает как раз связь с медициной и гигиеной.

Требование Риккера, чтобы патология отказалась от понятий регуляции, приспособления, также не является научным, ибо проблема приспособления и регуляции (а факты физиологического и патологического приспособления и регуляции вряд ли могут быть кем-либо отрицаемы) в их историческом и физиологическом развитии—одна из важнейших, мало разработанных глав патологии.

Наконец, что касается оспаривания Риккером законности самостоятельного существования патологии отдельно от физиологии, то подобный взгляд не нов. Его выражали многие, все те, которые считали, будто болезнь ничего нового в организме не создает, будто болезнь есть лишь количественное нарастание того, что имеется в здоровом состоянии. В частности такой взгляд развивали в свое время Вирхов, Клод Бернар, которые, однако, в противоположность Риккеру отстаивали право патологической физиологии на

¹⁾ Rikker «Relationpathologie u. s. w.», S. 322.

²⁾ Rikker «Grundlinien u. s. w.», S. 81.

³⁾ Rikker «Relationpathologie u. s. w.», Vorwort, S. III.

самостоятельное существование. Этот взгляд неверен. Единственный критерий для выделения самостоятельного существования той или другой науки для определения ее содержания должен заключаться в качественном своеобразии, в особенности формы движения и проявления реальной действительности. На вопрос же, имеются ли своеобразие и особенности в возникновении, течении, сущности и развитии патологических процессов в отличие от физиологических, нужно ответить положительно. Патологические процессы возникают на базе физиологических, но, возникнув, они в своем проявлении, развитии и течении представляют существенное отличие от того, что имеет место в норме, протекают с иной закономерностью, с иным клиническим, биохимическим и морфологическим выражением—словом, представляют иное качественное состояние организма.

Словом, предмет изучения теоретической патологии — определенные формы проявления жизнедеятельности организма: патологические процессы, болезни. Вот почему вполне правомерно говорить о выделении патологии как самостоятельной дисциплины.

Что же собственно изучает патология как «чистая естественная наука»? Что составляет объект ее изучения? На это Риккер отвечает: «Физиология как естественная наука имеет своим объектом мысленно видимые составные части мира, а именно: человека, животных и растения, которыми она занимается как физическими составными частями природы»¹⁾. То есть патология как «чистая» естественная наука имеет дело не с действительными, реально существующими людьми, а лишь с мысленно представляемыми. Но это исходное и основное положение патологии как «чистой естественной науки» ничего общего с наукой не имеет и иметь не может.

Риккер определяет следующим образом свою патологию:

«Мы назвали нашу естественно-научную патологию патологией отношений, ибо она в отношениях, связях патических явлений тела друг с другом и с внешним миром усматривает объект патологии как естественной науки. Она, таким образом, релятивна и не признает ничего абсолютного»²⁾.

Ленин писал: «Махисты все настаивают на том, что они релятивисты»³⁾.

Кладя в основу патологии как «чистой» естественной науки релятивизм, Риккер неизбежно осуждает себя на идеализм, скептицизм, субъективизм.

«Релятивизм, как основа теории познания, — писал Ленин, — есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику»⁴⁾.

Эта убийственная критика голого релятивизма целиком применима к Риккеру. Вчитайтесь в его определение патологии: она определяется им как патология отношений, но без субстрата этих отношений, без реальных, объективно существующих объектов.

«Патология отношений» имеет дело с мысленными, представляемыми объектами, которые она представляет себе как физические тела.

«Для естествознания человек есть преднаходимая в окружающем мире и обозначаемая как тело сложная сумма физических явлений, которые воспринимаются и истолковываются нами как принадлежащие друг другу и границу которых составляет кожа и несколько слизистых оболочек»⁵⁾.

1) Rikker «Relationpathologie u. s. w.», S. 323.

2) Там же. Предисловие, стр. VI.

3) Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 109.

4) Там же, стр. 111.

5) Rikker «Relationpathologie u. s. w.», S. 305.

Иными словами, объектом патологии является не человек, каким он бывает в действительности, а мысленный, несуществующий субъект, каким его создает сам себе Риккер. Порвав же с действительным миром, он тем самым создает себе огромное поле для бесплодной фантазии и для защиты всякой софистики и нелепости.

Риккер, например, пишет, что «здоровые и больные люди суть части природы как и все остальное, нет никакого основания их иначе понимать, чем, скажем, нормальный бег небесных тел и его нарушения»¹⁾.

Что ему до того, что живой, реальный человек—существо общественное, развитие которого подчинено сложным закономерностям общественного развития, не могущим быть сведенным к закономерностям физического порядка! Реальный мир и мир воображаемый патологией как «чистой естественной наукой» ничего общего не имеют и иметь не могут.

Риккер весь представляемый им мир считает физическим, поэтому он пишет, что «так как естественные науки занимаются физическим, то естественно-научные суждения должны иметь чисто физическое содержание. Элементы психологического характера, которые могут высказываться лишь о психически-физическом человеке, такие элементы, как активность, приспособление, регулирование, самосохранение и т. п., не имеют поэтому места в естественно-научных суждениях»²⁾.

Лишь побывав в сумасшедшем доме идеалистической философии, можно думать, что эти рассуждения имеют что-либо общее с наукой!

* * *

Нет слов, что одна из важнейших, исходных теоретических проблем патологии—вопрос о жизни и о понимании ее. В этом вопросе у Риккера имеется весьма большая путаница, но основная линия совершенно ясна и сводится к постулированию, что жизнь есть лишь понятие, а раз так, то «жизнь» не есть объект физиологии, ибо она как естественная наука не имеет дела с логическими образованиями, а исследует видимое»³⁾.

Тем не менее он дает определение жизни, считая, что «...определенная, закономерно изменяющаяся форма и протекающий в определенный период времени обмен своеобразной смеси веществ можно обозначить как существеннейшие признаки живого существа»⁴⁾.

Как и в остальных определениях речь при этом идет не о действительном, имевшем место в определенный исторический период развития нашей планеты процессе возникновения из неживой материи живой, давшей в процессе дальнейшего развития всю эволюционную лестницу форм жизни, а речь идет лишь о мысленном представлении жизни. Мы не находим у Риккера самого главного—субстрата, носителя жизни и всех ее свойств, именно особую форму организации белка, существованием свойством которого является единство процессов ассимиляции и диссимиляции.

Наоборот, Риккер резко протестует против единства ассимиляции и диссимиляции в обмене веществ. Он пишет:

«Представление об одновременной диссимиляции и ассимиляции, вызываемых раздражением, само по себе очень трудно... Это представление не выдерживает критики, оно по своей сущности телеологично»⁵⁾.

«Спор» о механическом или виталистическом понимании жизни «разрешается» Риккером необычайно просто и легко. Объявляя, что все эти теории относятся к натурфилософии и что патология как естественная наука

1) R i k k e r «Relationpathologie u. s. w.», Vorwort, S. IV.

2) Там же, стр. 310.

3) Там же, стр. 328.

4) Там же, стр. 325.

5) Там же, стр. 36.

должна быть отделена от натурфилософии, он утверждает, что тем самым для нее не существует проблемы механистического или виталистического понимания жизни. Тем более, что «понятие жизни для физиологии как естественной науки есть диагностическое понятие, основывающееся на дескриптивных суждениях, каузальным же понятием жизни она не обладает. Даже если бы таковое существовало, то мы должны, само собою разумеется, добавить, что оно было бы лишь понятием, т. е. результатом мышления, логическим образованием, не простирающимся непосредственно на сумму находящихся в каузальном отношении явлений»¹⁾.

Но отрицанием проблемы жизни нельзя снять необходимость разрешения этой проблемы. Непонимание этой проблемы, беспомощность и невозможность в силу идеалистической пелены объяснить ее выявлены патологией как «чистой естественной наукой» достаточно ясно.

* * *

Риккер известен как самый горячий противник целлюлярной патологии Вирхова. Риккер не согласен с положением Вирхова, что тело состоит лишь из клеток. Он указывает, что кровь, сердечная мышца, скелетная мускулатура, нервная система состоят не только из клеток. На основе новейших гистологических данных он приходит к выводу, что тело не конгломерат клеток, что вирховское понимание организма устарело. Но дальше этого Риккер не идет и сам правильного понимания организма не дает. Вирховское понимание организма как федерации клеток он заменяет пониманием его как чисто физического тела, т. е. остается в пределах механических взглядов, развиваемых к тому же на идеалистической основе. Риккер резко нападает на вирховское понимание клетки, но он неспособен преодолеть вирховский механицизм, а тем более дать правильное научное понимание клетки, организма, как это, например, ясно из следующего утверждения:

«Тело, организм, клетка и клетки не суть обиталище и носители жизни»²⁾.

Риккер пишет о патологии как «чистой естественной науке», что «она немеханистична или нематериалистична, потому что она не признает механического или материалистического понимания явления тела; она совершенно ничего общего не имеет с натурфилософской системой материализма, ибо защищает отношение некоторых физических явлений к психическим и их несравнимость между собой»³⁾.

В этой оценке верное переплетено с неверным.

Совершенно верно, что патология как «чистая естественная наука» Риккера нематериалистична, что она ничего общего с материализмом не имеет и по сему именно не может считаться научной.

Совершенно неверно, что она немеханистична. Мы имели не раз возможность убедиться в ее механистичности, развиваемой к тому же на идеалистической основе.

Совершенно неверно, что эта патология ничего общего не имеет с натурфилософией вообще. Выдумывая свои объекты, не существующие в действительности, патология как «чистая естественная наука» уподобляется натурфилософии с ее вымученными, навязанными действительности схемами. Но если можно подчеркивать некоторое положительное значение натурфилософии прошлого, то этого нельзя сказать относительно патологии отношений Риккера, представляющей реакционное, попятное движение в науке.

¹⁾ Rikker «Relationpathologie u. s. w.», S. 327.

²⁾ Там же, стр. 328.

³⁾ Там же, стр. 366.

Чего совершенно не упоминает Риккер, так это того, что его патология идеалистическая, именно субъективно-идеалистическая.

Такова действительная оценка патологии как «чистой естественной науки».

Необходимо отметить, что Риккер как естествоиспытатель произвел ряд работ, выясняющих роль нервной системы в развитии патологических процессов, хотя данные, полученные им, не всеми подтверждены, а некоторыми основательно подвергаются критике. Задача патологов в нашем Союзе — суметь рациональное в этих работах использовать и переработать, руководясь указанием Ленина в отношении махистов-профессоров. «Н и е д и н о м у из этих профессоров, — писал Ленин, — способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии»¹⁾.

Эта оценка махистов полностью приложима к автору патологии как «чистой естественной науки» Риккеру.

Кондиционализм в патологии

Весьма показательным примером того, как кризис методологических основ буржуазного естествознания рождает реакционные течения и идеалистические «школки», является кондиционализм, получивший довольно широкое распространение в патологии.

В чем причина поворота патологии и физиологии к кондиционализму и в чем причина его развития?

Последняя четверть XIX и начало XX в. характеризовались грандиозными успехами бактериологии, вызвавшими значительные изменения в представлениях о причинах болезней и ознаменовавшимися наступлением так называемой «бактериологической эры» в медицине.

В 1878 г. Ганземанн открыл палочку проказы, в 1879 г. Обермейер открыл возбудителя возвратного тифа, Нейссер — гонококка, Пастер в 1880 г. открыл вирус бешенства, а Лаверан — возбудителя малярии. В течение 1880—1884 гг. Эберт и Гафки открыли палочки брюшного тифа, Кох — вибрионы холеры и палочку туберкулеза, Клебс и Лефлер — дифтерийную палочку, Николайер — микроб столбняка, Вексельбаум в 1887 г. открыл микроб цереброспинального менингита, в 1892 г. Пфейфер — палочку инфлюэнцы. Китавато и Иерсен в 1895 г. открыли палочку чумы, а Шига и Крузе — палочку бациллярной дизентерии. В 1905 г. Шаудин и Гофман открыли бледную спирохету, в 1917 г. Идо и Инада — спирохету инфекционной желтухи и т. д. и т. п.

Таковы некоторые примеры триумфального шествия бактериологии, внесшей значительные изменения во взгляды на причины болезней.

Прежнему представлению о миазмах, о таинственных нематериальных болезнетворящих началах были противопоставлены бактерии как носители и причины болезней. Отныне мнение о бактериях как причинах болезней утвердилось прочно. Возобладал взгляд, что каждая болезнь имеет одну причину, что проникновение бактерий в организм является единственной причиной болезни и что наличие их в организме адекватно развитию самой болезни.

Однако дальнейшее развитие самой бактериологии (открытие факта изменчивости бактерий) и новых глав физиологии и патологии (учения о внутренней секреции, конституции и др.) привело к вскрытию фактов, противоречащих взгляду на бактерии как на единственные причины возникновения и развития болезней.

Ряд фактов показал прежде всего, что не всякая болезнь вызывается

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 280.

бактериями. Далее, что наличие бактерий в организме недостаточно для того, чтобы возникло заболевание. Было вскрыто немало случаев наличия в организме в течение длительного времени бактерий инфекционных заболеваний без того, чтобы организм был болен (так называемые «бациллоносители» дифтерии, холеры, брюшного тифа и т. д.).

Как известно, туберкулезное заболевание связано с наличием палочки Коха—возбудителя туберкулеза. Но многие исследователи, при вскрытии людей, умерших от различных болезней или случайных причин, в 90—95 % случаев находили следы бывшего туберкулезного процесса, хотя эти люди при жизни и не фигурировали как больные туберкулезом.

Далее выяснилось, что при всех прочих равных условиях два организма по-разному реагируют и по-разному ведут себя при одном и том же заболевании.

Все эти факты показывали, что одного наличия бактерий еще недостаточно для развития болезни, что для этого необходим еще ряд других моментов.

Эти новые факты не укладывались в рамки этиологии «бактериологической эры», считавшей бактерии единственной причиной болезни и отождествлявшей наличие бактерий в организме с болезнью организма. Но вместо того чтобы освободиться от неправильного (механического) понимания причинности, которое было характерно для этиологии «бактериологической эры», стали говорить о кризисе этиологии, о кризисе и ненужности причинности, о необходимости замены ее кондиционализмом.

Кондиционализм—новое течение, якобы призванное заменить прежнее представление о причинности, течение, к которому примыкает подавляющая часть руководящих патологов (Гацземанн, Марциус, Фишер, Любарш, Пфейфер, Крель и др.) Что же такое кондиционализм? В чем же заключается его сущность?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего осветить общепhilософскую концепцию, из которой исходит кондиционализм и которая лежит в его основе.

Для «бактериологической эры» характерно было механическое понимание причин болезни, которое сводилось к тому, что причину рассматривали в простой, механической связи с действием, т. е. считали, что наличие, скажем, бактерий (причины) адекватно наличию самой болезни (действию).

Выше мы приводили уже данные, противоречащие такому представлению. Но вместо того чтобы механическое понимание причинности заменить правильным, вместе с водой выплескивали и ребенка, т. е., отрицая механическую причинность для объяснения явления, отрицали вообще наличие объективной причинности.

Мах, например, не считает возможным говорить о причине. Он заявляет, что так как каждое явление зависит от ряда условий, то необходимо причинность заменить функциональностью. Причина заменяется понятием математической функции, зависимостью явлений друг от друга.

Этот отказ от причинного понимания мира и переход на точку зрения функциональности вытекают у Маха из идеалистического разрешения вопроса об отношении мышления к бытию.

Мир, существующий вне и независимо от нас, рассматривается Махом как комплекс наших ощущений, т. е. субъективно-идеалистически. Субъективно-идеалистически же понимается закономерность, причинность мира. «Согласно нашему пониманию,—говорит Мах,—законы природы порождаются нашей психологической потребностью найти среди явлений природы»¹⁾.

¹⁾ Мах «Познание и заблуждение», стр. 452.

Эти основные положения Маха лежат в основе кондиционализма вообще, кондиционализма в патологии в частности.

В 1907 г. физиолог Ферворн выступил с заявлением, что «понятие причины есть мистическое понятие, происходящее из первобытной фазы человеческого мышления. Строго научный метод изложения не знает никаких «причин», а только закономерные зависимости»¹⁾. «Каузальная закономерность есть умозрительная мистика»,—утверждал тот же Ферворн, настаивая, что «пришла пора подвергнуть понятие каузальности пересмотру, и самое лучшее вообще изгнать его из точной науки»²⁾.

В 1912 г. известный патолог Hansemann выступил с книжкой «Uber das konditionale Denken in der Medizin und seine Bedeutung für die Praxis», в которой была поставлена задача пропаганды кондиционализма в патологии, пропаганды, имевшей значительный успех у патологов.

«То, что мы здесь приводим,—говорит Ганземанн,—было в существенном ясным и простым образом изложено у Юма, и я поэтому хочу преимущественно ограничиться его выводами»³⁾. Ганземанн указывает, что познавательный принцип Юма—Маха был им испытан, продуман, применен к различным областям медицины, каузальный же принцип познания как не соответствующий «строгим правилам логики и науки» должен быть оставлен. Задача Ганземанна—поднять патологию на ступень точной науки. Взор обращается к математике как образцу точной науки. Он пишет: «Под высоко развитой естественной наукой следует понимать такую, которая по возможности приближается к точной науке. Как известно, есть лишь единственная точная наука, и она получила это имя потому, что, исходя из простейших, недоказуемых более основных положений, она может через правильные заключения прийти к разрешению труднейших проблем. Это наука—математика, и она заслужила имя точной науки потому, что исходит лишь из известных условий, т. е. потому, что она для своих проблем исключительно сама создает условия»⁴⁾.

¹⁾ Ферворн «Вопрос о границах познания». 1908. Пер. СПб. 1909. Изд. «Знание», стр. 25.

²⁾ Ферворн «Проблема жизни». 1907. Доклад. Изд. и пер. «Современные проблемы». Москва. 1909, стр. 61.

³⁾ Hansemann «Ueber das Konditionale Denken in der Medizin». Berlin 1912. Einleitung, S. 13.

⁴⁾ Там же, стр. 2. Разрядка наша.—Л. К.

Выпячивание математики как образца точной науки, за которой должна последовать патология, поконтится у представителей современной патологии на неверном представлении, будто она (математика) является наукой априорной, т. е. будто ее проблемы создаются ею самой, будто они не связаны с практикой, а независимы от нее, будто все ее проблемы даны до опыта и т. п.

Подобные представления, однако, глубоко ошибочны. Прежде всего не нужно забывать, что, «как и все другие науки, математика возникла из потребности людей: из измерения земли и вместимости сосудов, из времени счисления и механики. Но как и во всех других областях знания, на известной ступени развития абстрагированные от реального мира законы были выделены из реального мира, противопоставлены ему как нечто самостоятельное, как извне явившиеся законы, согласно которым мир должен двигаться. Так было с обществом и государством, точно так же чистая математика была впоследствии применена к миру, хотя она была заимствована из этого самого мира и представляет лишь часть его составных форм, и именно поэтому она к нему применима...» (Энгельс «Анти-Дюринг»).

Математические понятия не априорны, а возникли из реального мира, связаны с ним. «Понятия о числе и фигуре возникли не иначе, как из реального мира. Десять пальцев, из которых люди научились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума» (Энгельс). Далее: «Введение математических величин повидимому друг из друга доказывает не их априористическое происхождение, но только их рациональную взаимную связь. Прежде чем прийти к мысли вывести формулу цилиндра из вращения прямоугольника вокруг одной

Поэтому Ганземанн считает, что чем более наука приближается к математике и к ее методу работы, тем она в большей степени может быть обозначена как точная наука.

«Каузальное мышление стало в действительности догмой»¹⁾, — заявляет Ганземанн. Его надо заменить кондициональным мышлением для того, чтобы обеспечить рост и успех патологии.

Ганземанн иллюстрирует «преимущества» кондиционализма на отдельных примерах патологии и рассматривает последовательно травматические заболевания: туберкулез, инфекционные заболевания, опухоли, эпидемии.

Последуем за ним и посмотрим, способен ли кондиционализм вскрыть существующие в объективной действительности связи и отношения явлений.

* * *

Вот, например, случай: человека переехали на улице.

Можно ли сказать, что этот факт есть причина несчастья, смерти? На это кондиционализм отвечает отрицательно, указывая, что такой способ рассуждения неверен. Ибо люди по-разному переходят улицу: одни, например, прямо и спокойно, другие перебегают, третьи идут до середины и возвращаются обратно и т. д. Далее, одни люди нервны, другие малоподвижны, третьи глухи и т. д. и т. п. Все эти моменты играют роль в несчастье, причем часть этих моментов может играть большую роль в несчастье чем, собственно, тот факт, что автобус переехал человека. Поэтому, мол, нет причины несчастья, а есть лишь сумма условий, из которых субъект выделяет одни как главные, другие как несущественные или заместительные условия. Таковы рассуждения Ганземанна.

Можно ли согласиться с его отрицанием причинности? На это нужно ответить: нет.

Несомненно, что автобус, раздавивший человека, и человек, пострадавший от автобуса, находятся в бесконечных связях с окружающими явлениями как в прошлом, так и в настоящем. Но отсюда не следуют отрицание причинности и признание одних лишь условий (к тому же субъективно понимаемых), как это делает Ганземанн. Случай с человеком, попавшим под автобус, разумеется, связан с многочисленными явлениями, указываемыми Ганземанном, как например: характером темперамента, походкой и пр. Но во всем этом взаимодействии явлений, связанных между собой, мы можем отметить объективно наиболее глубокую связь между автобусом и смертью, в которой автобус выступает как причина разрушения организма, а смерть как действие этого разрушения. Роль остальных моментов в смерти человека не исключается при этом, но они не выражают той глубокой, необходимой связи, какая имеется между явлением смерти и автобусом.

Ганземанн как и все кондиционалисты не понимает того, что правильно понятой причинностью не исчерпывается все богатство содержания и связи данного явления, ибо «причина и следствие лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий», ибо «кау-

из его сторон, нужно было исследовать известное количество реальных прямоугольников и цилиндров, хотя бы и в очень несовершенных формах» (Энгельс). И это относится также и к аксиомам математики. И здесь «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения».

«Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить могли получить значение аксиом» (Ленин).

сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры

¹⁾ Hansemann «Ueber das Konditionale Denken in der Medizin», S. 22.

зальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка не субъективной, а объективной реальной связи»¹⁾).

Если автобус у одного человека вызвал смерть, а у другого—перелом ноги, то хотя различный результат и обусловлен разными моментами (например местом и характером действия причины и т. д.), но и в первом и во втором случаях отношение автобуса—смерть человека или перелом ноги—выражает частицу связи явлений и именно глубокой и необходимой связи, в которой одно явление есть причина (автобус), другое—следствие (смерть, перелом).

Возьмем другой пример Ганземанна—туберкулез. Он справедливо указывает, что одного проникновения палочки в организм недостаточно для развития болезни, что для этого требуется еще ряд благоприятных для микроба моментов (например состояние лимфатических сосудов, бронхов, ребер и т. д.). Он прав, далее, когда отмечает огромное значение ткани, в которой развивается палочка, питания, воздуха. Верно указание на то, что для борьбы с туберкулезом необходимо улучшение социального положения людей.

Но Ганземанн делает неправильный вывод, говоря, что существуют не причины туберкулеза, а лишь ряд условий (более важных и менее важных, устанавливаемых субъектом), в совокупности дающих туберкулезный процесс. Разберем этот пример, но предварительно остановимся несколько на теоретическом выяснении вопроса о причинах, условиях и их взаимоотношении.

Научное понимание причинности исходит из того, что вне и независимо от человека существует объективный материальный мир с присущими ему закономерностями развития. Причинность представляет одну из форм этой закономерности, притом одну из наиболее глубоких форм всеобщей связи явлений.

Причиной мы называем то явление, которое вызвало или породило какое-либо другое явление. Последнее будет действием, или результатом первого.

Причинная связь всеобща, все в природе опричинено, но формы проявления этой связи различны (например в механике, биологии, в обществе).

Механика изучает лишь количественные отношения вещей, и причинную связь она понимает лишь с внешней и количественной стороны. Для нее характерно признание, что причина и действие качественно тождественны, именно, что причина равна действию (например удар мяча. Причина—удар—рассматривается как равная своему действию, т. е. пропорционально силе удара будет адекватно большее или меньшее движение мяча). Это механическое понимание причинности оказывается совершенно несостоятельным для высших форм движения материи (органической, общественной). Причина объективна, материальна, действительна. Причинность не выражает всех форм связи данного объекта, ею не исчерпываются все стороны явления, бесконечность его отношений к окружающему миру. Причинность—только маленький, но объективный кусочек связи явлений и процессов природы, существующих вне и независимо от сознания человека.

Для того чтобы найти в вещах причинную связь, для того чтобы прийти к каузальному отношению, недостаточно одного лишь наличия правильного чередования известных явлений. Для этого требуется серьезная работа ума, проверяемая практикой. Изолируя два отдельных явления из всеобщего универсального взаимодействия форм движения материи и изучая их в отдельном, изолированном виде, мы приходим к каузальному отношению, т. е. к тому, что одно явление выступает как причина, а другое как действие. Мы при этом отвлекаемся от всего богатства связей данного явления, а имеем лишь частицу связи. Изучая, например, какой-либо патологический процесс,

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 161—163.

богатый множеством явлений, мы изолируем из этого богатства содержания небольшую часть, два явления, из коих одно представляется как причина, а другое как действие. Именно потому, что причинность выражает лишь небольшую часть об'ективной связи, «человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает об'ективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» (Ленин).

Поскольку причина выражает лишь небольшую частицу об'ективной связи явления; неверно будет обязательно ограничивать изучение какого-либо процесса изучением одной лишь причинной связи. Мы должны изучить также всю сложность условий, в которых проявляется действие данной причины.

Несколько слов об условиях и их отличии от причин. Условие также является одной из форм связи, но менее глубокой чем причина. Как и последняя условие об'ективно, материально, действенно.

Каждая причина действует в определенных конкретных условиях, следовательно, последние играют определенную роль в том или ином явлении или процессе. Но роль условий отлична от роли причин. Основное отличие заключается в том, что причина определяет качество данного явления, условия же, хотя и накладывают известную отпечаток на проявление процесса, не определяют качества последнего. Условия могут не дать возможности реализации причины, они могут также ускорять или, наоборот, замедлять действие причины, но не могут определять качественной основы процесса.

Поясним вышесказанное примером: возьмем каузальное отношение палочки Коха к туберкулезному бугорку.

В противоположность механическому пониманию причинности мы считаем, что причина не равна своему действию, что они качественно отличны друг от друга,—это значит, что одного наличия палочки Коха в организме еще недостаточно для развития туберкулезного процесса (а в частности бугорка), что последний разовьется при наличии условий, в которых палочка как причина, вызывающая специфические изменения (т. е. присущие именно туберкулезному, а не какому-либо другому процессу), сможет оказать свое действие.

Туберкулезный процесс как и всякое другое явление отличается богатством содержания, богатством связей с рядом предшествующих, последующих и окружающих явлений. Но если мы из всеобщей связи явлений развития туберкулезного процесса рассмотрим изолированно два об'ективных явления в их отношении друг к другу, например наличие палочки Коха и образование бугорка, то мы получим (как это подтверждает вся практика), что в качестве причины как глубокой и необходимой формы связи выступает палочка, ибо никакой другой микроб, кроме палочки Коха, не дает того специфического морфологического изменения ткани, каким является бугорок. Причинное отношение палочки Коха к туберкулезу выражает лишь небольшую, хотя и необходимую частицу универсальной связи явлений, играющих роль в развитии туберкулезного процесса в целом. Ибо в конкретной форме течения и проявления процесса играет роль ряд моментов (например место поражения, наличие каких-либо изменений ребер, бронхов и т. д.), но они, хотя оказывают определенное влияние на реализацию причины, не являются внутренне необходимыми для развития туберкулезного процесса. Все такие моменты и составляют условия.

Ясно, что ни изменения ребер, ни измененное состояние бронхов и т. д. не определяют, скажем, специфической картины бугорка. Эти изменения могут и отсутствовать, вместо них могут быть другие, словом, они внутренне не необходимы для специфической картины туберкулезного бугорка. Не то в отношении палочки Коха. Последняя внутренне необходима для развития

туберкулезного бугорка, ибо каковы бы ни были все прочие моменты, но без палочки Коха мы туберкулеза не получим. Таким образом условия могут ускорять, замедлять или вовсе не дать проявиться действию причины, но определять специфическое развитие процесса они не могут. Причинное изучение какого-либо процесса не исключает, а предполагает и анализ условий реализации причин в каждом конкретном случае.

Несмотря на то что причина—более глубокая форма связи, некоторые условия также могут выступать как чрезвычайно значимые. Так—например хотя палочка Коха и является причиной туберкулеза, но в заболевании туберкулезом широких масс населения первенствующее значение имеет не она (палочка), а социальные условия жизни в классовом обществе. Условия, какие созданы и создаются капиталистическим обществом для широких масс трудящихся: обнищание, скверные жилища, плохое питание, тяжелые и изнуряющие условия труда, культурная отсталость и т. д.—имеют первенствующее значение для возникновения, развития болезней, для реализации действия многих губительных для здоровья причин (палочка Коха, спирохеты Шаудина и др.). И для борьбы с туберкулезом, например, вовсе необязательно воздействие на причину, а она возможна и через воздействие на условия. И практически центр тяжести борьбы с туберкулезом лежит в борьбе за создание лучших условий жизни, питания, труда и т. д. Однако отсюда отнюдь не следует, что эти объективные условия в какой-либо степени могут быть основой для отказа от причинности, для уравнивания роли условий или даже для выделения главных и побочных условий, исходя из субъекта и его сознания, как это делает Ганземанн.

Такая постановка вопроса, какая дается кондационализмом, не обеспечивает вскрытия закономерностей объективных процессов, а потому не вооружает нас правильно для того, чтобы эти процессы изменять.

* * *

Аналогичен ход мыслей Ганземанна в отношении других инфекционных процессов. Так как гнойные бактерии в одном случае дают фурункулез, в другом случае—флегмону, в третьем случае—абсцесс и т. д., следовательно, они не могут рассматриваться как причины, причин нет, а есть лишь различные условия. Причины отрицаются также и в отношении развития опухолей, эпидемий. Такой подход к изучению патологических процессов мешает Ганземанну вскрыть глубокие связи явлений в развитии патологических процессов, что особенно отчетливо выступает, например, в попытке дать объяснение эпидемий.

Что основную роль в развитии эпидемий играют социально-экономическая структура страны, экономический уровень широких масс трудящихся (социальное положение отдельных групп, жилищные условия, питание, условия труда и быта, культурный уровень),—эта глубокая связь явлений совершенно выпадает из поля зрения Ганземанна.

Что войны, хищническая эксплуатация колоний, голод, являющиеся необходимым следствием капиталистического способа производства, представляют условия, способствующие развитию эпидемий, уносящих ежегодно миллионные жертвы,—все это ускользает от анализа нашего кондационалиста.

Словом, кондационализм не обеспечивает действительного объяснения происходящих процессов и не только игнорирует причины, но не видит также наиболее существенных объективных условий, вытекающих из общих закономерностей социально-экономического строя и важных для понимания существенных проблем патологии. Кондационализм представляет одно из реакционнейших течений в науке, которое, маскируясь, якобы, учетом всех сторон явления, на деле занимает субъективно-идеалистическую позицию.

* * *

С кондиционалистами «спорят» некоторые так называемые «каузалисты», отстаивающие каузализм или считающие необходимым дополнение его кондиционализмом. Но важным и решающим является не голое признание причинности, а вопрос, объективна ли она или нет. И с этой единственно правильной и научной точки зрения весь «спор» «каузалистов» и кондиционалистов не является принципиальным, ибо в самом существенном и главном они сходятся,— в суб'ективно-идеалистическом понимании закономерности вообще.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с высказываниями некоторых из «дискутирующих».

Мнение Ганземанна нам знакомо. Он совершенно отрицает причины, считая, что «если хотят исследовать образование болезни, то нужно лишь исследовать те условия, которые действовали в течение определенного времени»¹⁾, причем условия эти устанавливает суб'ект.

Риккер, наоборот, горячий адепт «чистого» каузального рассмотрения патологических процессов, но этот «чистый» каузализм, как можно было в этом убедиться, есть то же самое суб'ективно-идеалистическое понимание причинности.

Любарш, например, тоже не отказывается от понятия причины, но принимает последнюю лишь как суб'ективную категорию. «Под причиной,— пишет он,—мы понимаем выделяемое—сообразно меняющимся потребностям и постановке вопроса—условие явления, через которое при игнорировании или допущении само собой подразумеваемых других условий должна быть выражена закономерная связь отношений событий»²⁾. Иными словами, понятие причины произвольно зависит от суб'екта.

Известный патолог Б. Фишер также не отказывается от понятия причины. Он считает, что «вопрос о причине этой смерти, естественно, будет совершенно различно истолкован и должен быть различно истолкован, в зависимости от точки зрения спрашивающего»³⁾.

Ашоф стоит за «чистый» каузализм, который неразрывно связан с витализмом.

«Биологическое, т. е. ориентирующееся на цель, и естественно-научное, т. е. чисто каузальное мышление, являются также и в области патологии необходимыми дополнениями, но не противоположностями»⁴⁾.

«Чистого» каузального рассмотрения патологических процессов ищет также известный патофизиолог Крель, для которого исходным и определяющим являются суб'ект, его интерес, его намерения. Так, он пишет, что «вопрос об отношениях внешних и внутренних причин болезни, принадлежащий к труднейшим, не исследуется спокойно, но часто догматически утверждается, и отсюда следует оспаривание «противника». Явления, лежащие в основе болезни, суть явления жизни, они поэтому неотделимы от того, что мы обычно называем нормальной жизнью. Ибо относить ли определенный процесс к одному или другому (т. е. к болезни или нормальной жизни?—Л. К.), для теории зависит лишь от формы, основных положений и намерений человеческого рассмотрения»⁵⁾.

Как это видно из вышеизложенного, и «каузалисты» и кондиционали-

¹⁾ Hansemann «Ueber das Konditionale Denken in der Medizin», S. 24.

²⁾ Lubarsch «Ursachenforschung, Ursachenbegriff und Bedingungslehre». «Dtsch. m. Woch.» № 2. 1919, S. 35.

³⁾ B. Fischer «Der Begriff der Krankheitsursache». «München, m. Woch.» № 35. 1919, S. 986—987.

⁴⁾ L. Aschoff «Ueber Entzündungsbegriffe und Entzündungstheorien». «München, m. Woch.» № 25. 1922, S. 936.

⁵⁾ Krehl «Pathologische Physiologie», S. 9.

сты не противоречат друг другу. И те и другие считают «причину» или «условие» лишь субъективной категорией.

Кондиционализм есть субъективно-идеалистическое понимание закономерности. Кондиционализм знает лишь механическую причинность, и по поводу того, что она неспособна объяснить явления биологического порядка, он делает вывод о ненужности причинности.

Кондиционализм в патологии, будучи одним из реакционных выражений буржуазной науки, вырос на основе богатого эмпирического материала, который при отсутствии правильного научного мышления привел патологов не только к отрицанию механической причинности, но к отрицанию объективной причинности вообще.

„Критика“ витализма в патологии Фишер-Вазельсом

Известный патолог Бернард Фишер-Вазельс пытается по некоторым вопросам критиковать витализм в патологии, но так как его собственная позиция субъективно-идеалистическая, то его «критика», по существу, бьет мимо цели.

Фишер выступает адептом механического понимания биологических явлений на базе идеализма. Механизм и субъективный идеализм характеризуют в основном общетеоретические воззрения Фишера.

* * *

Свое отношение к основному философскому вопросу об отношении мышления к бытию Фишер формулирует сперва заявлением, что «вообще отношение психического к материи, к чему мы еще вернемся в конце этой книги, не может быть «объяснено» естественно-научным путем, даже если бы нам были известны все «условия» возникновения психического»¹⁾.

Исходя из материи, нельзя объяснить этот вопрос, и принципиально ошибочно даже требовать такое объяснение. Так утверждает Фишер.

«Прежде всего понятие сознания, духа—такая же абстракция как и понятие силы и энергии, и, следовательно, материальное также непостижимо и необъяснимо. Поэтому принципиально ошибочным является требовать его «объяснения» из материального»²⁾.

Все же пройти мимо ответа на «проклятый» вопрос не удастся, ибо отрицание возможности его объяснения не дает оснований отрицать существование мира, а следовательно, необходимо выразить отношение его к нам и наше к нему, что Фишер в конце концов и делает.

Приводя следующее рассуждение Minot: «Вселенная состоит из силы и сознания. Так как сознание по нашей гипотезе может сделать почин изменению формы энергии, то представляется возможным, что без сознания вселенная пришла бы в состояние полного покоя», Фишер пишет по поводу него:

«Мне кажется, против правильности этого заключительного вывода ничего нельзя возразить с точки зрения теории познания. Мы действительно не имеем абсолютного доказательства существования материи. Во всех этих вопросах я всецело присоединяюсь к V. Uexkull, когда он говорит: «Вся действительность есть субъективные явления—качества, определяемые чувствами, которые представляются самостоятельными единицами, неделимыми и неизменяемыми; они—конечные элементы нашего созерцания—все предметы мира фактически не что иное, как человеческие впечатления». И Фишер продолжает:

¹⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie». Verl. Springer. 1924. Русский перевод. 1926 г., стр. 14. Все цитаты приводятся по русскому переводу, сверенному с немецким изданием.

²⁾ Там же, стр. 114.

«С гносеологической точки зрения оно иначе и быть не может, а поэтому а priori является совершенно невозможным доказать в таком смысле абсолютное существование объективного мира. Но столь же мало допускаемо и противоположное. Вера в существование материи столь же правомочна и столь же недоказуема, как и вера в несуществование ее»¹⁾.

Развивая ход мыслей, автор благополучно приходит к пристани субъективного идеализма.

«Если поставить впереди тезис,— пишет Фишер,— что у нас нет доказательств абсолютного существования материи, что вся наша действительность—лишь субъективное явление, то может возникнуть мысль, что телесный мир зависит от сознания, что, таким образом, последнее, сознание вообще, есть творец природы. Может быть, это положение в одинаковой мере относится и к миру телесному и к миру духовному, которые в этом смысле тоже могут мыслиться как тождественные»²⁾.

Нет доказательств абсолютного существования материи, так утверждает Фишер. А данные естествознания? А закон сохранения материи? А вся наша практическая деятельность, разве она не направлена на изменение абсолютно существующего мира, для выражения которого мы пользуемся понятием материи? В том-то и дело, что то самое «Если», с которого начинает Фишер, невозможно, ибо абсолютно не согласуется с данными всего естествознания.

В самом деле, если, как это принимает Фишер, телесный (т. е. физический) мир зависит от сознания, то как быть со всем естествознанием, утверждающим, что мир существовал до человека, что мир существовал до наличия органической жизни, следовательно, и до наличия сознания?

«Философия, которая учит, что сама физическая природа есть производное,—говорит Ленин,—есть чистейшая философия поповщины». «Если природа есть производное, то понятно само собой, что она может быть производным только от чего-то такого, что больше, богаче, шире, могущественнее природы, от чего-то такого, что существует»³⁾, словом, от бога. Именно такую философию развивает Фишер.

Мир не имеет начала, так утверждает естествознание. Мир существовал до возникновения живых существ—таково утверждение естествознания. Отсюда следует, что тезис Фишера о сознании как творце природы неверен, ненаучен, не опирается и не может опираться на факты, на действительность. Противоречия со всем естествознанием Фишеру не преодолеть. Лишь приняв природу за исходное, первичное, можно в полном соответствии с естествознанием разрешить основной философский вопрос.

Итак, Фишер считает, что мир существует благодаря субъекту. Больше того: каждый субъект имеет свой мир. Существует великое множество различных миров, столько, сколько существует людей.

Известный биолог Иекскуль, крупный представитель «дипломированных лакеев поповщины» в естествознании, различает два мира: мир созерцаемый и мир представляемый. Первый мир (Auschauengswelt)—это тот, который непосредственно видит каждый человек не побывавший в «сумасшедшем доме идеалистической философии». Мир представляемый (Vorstellungswelt)—это, по Иекскулью, тот мир, который нам представляется на основе изучения посредством данных техники и науки, посредством деятельного участия сознания.

Какой же мир истинен, верен, действителен, спрашивает Иекскуль и

¹⁾ B. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 165.

²⁾ Там же, стр. 126.

³⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Т. XIII, стр. 137.

отвечает, что истинным, действительным является лишь *Vorstellungswelt*, но не созерцаемый мир.

Так например, возьмем луну. Мы видим, что она величиной с тарелку. Таков созерцаемый мир. Но наше сознание открывает, что луна величиной не с тарелку, а гигантской величины. Таков представляемый мир. Что же истинно: то, что луна величиной с тарелку, или то, что она исполинских размеров? Разумеется, истинно второе, отвечает Иекскуль, следовательно, истинным является представляемый мир, а не созерцаемый. А так как понятие о такой величине луны (т. е. представляемый мир, по Иекскулью) без сознания человека невозможно, то, следовательно, сознание создает этот истинный мир. И Иекскуль заключает, что не мир создал жизнь, человека, сознание, а что, наоборот, жизнь, сознание человека создали мир, настоящий, действительный мир. Такова вкратце концепция Иекскуля.

Отождествляя мир с сознанием, Фишер согласен уверовать в существование материи, но при условии, что «мы можем и должны последовать за Uexkull в гениальном построении его субъективного образа мироздания. Он действительно таков, как он его описывает, действительно существует столько же миров, сколько существует биологических субъектов, действительно субъективные качества строят объективный мир, и, наконец, действительно это познание этой огромной множественности субъективных образов мира безгранично обогащает наше представление о мире»¹).

Фишер смешивает вопрос о существовании мира с вопросом о познании этого мира. Мир существовал и существует независимо от человека и его сознания. Для того же, чтобы познать мир, нужен человек. Познание без человека невозможно, но познается реально существующий, независимо от человека, абсолютный мир.

Фишер же готов признать существование объективного мира, но в зависимости от субъекта, с сознанием которого отождествляется сам мир.

«Стоит нам признать, что абсолютное существование объективного мира—действительность, это не внесло бы никакого изменения в субъективное для нас явление этой действительности, в тот факт, что явления этой действительности объясняются своим созданием лишь субъекту, в смысле Uexkull'я. Наш образ мира остается одинаковым в обоих случаях. Наша вера в действительность объективного мира опирается лишь на одинаковость субъективных явлений почти у всех людей, но она столь же правомочна как и вера в противоположное»²).

Фишер отнюдь не против существования духа, и он с явным упреком говорит, что «не раз приходится наталкиваться на подтасовку, будто механистическое мировоззрение оспаривает фактическое существование духа или, по крайней мере, должно бы его оспаривать»³).

Отрицая объективный мир, Фишер отрицает и объективную причинность.

«Конечно, очень просто и примитивно назвать причину «вещью», которая вызывает изменения в других вещах, но это полностью противоречит обычному применению этого понятия—отсылаю читателя к моим прежним статьям о понятии причинности (1913 и 1919 гг.)»⁴).

А в этих статьях, выдержки из которых мы приводили выше⁵), Фишер отрицает объективную причинность.

Такова общеполитическая концепция по «основному» вопросу, представляющая субъективный идеализм, который ведет последовательно к солипсизму.

¹) В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 125.

²) Там же, стр. 124—125.

³) Там же, стр. 110.

⁴) Там же, стр. 116.

⁵) См. выше «Кондиционализм в патологии».

* * *

Суб'ективные идеалисты, агностики разграничивают вещи и явления, считают, что вещи принципиально отличны от явления, что вещи непознаваемы.

Фишер также полагает, что естественная наука не объясняет ничего кроме явлений. Задача науки—не отражать понятиями объективный мир, а лишь доходить до пустых, бессодержательных понятий.

«Вообще в естественной науке,—пишет он,—не существует объяснений в том смысле, что мы можем дать нечто такое, что выходило бы за пределы явлений. Мы можем лишь доходить до основных понятий, и, пожалуй, не лишено основания утверждение, что эти естественно-научные понятия вроде электрона, энергии, массы уже носят метафизический характер»¹⁾.

Фишер того мнения, что глубокое научное исследование какого-либо явления обязательно должно завершаться метафизикой, границы которой надо знать каждому.

«...Каждое научное рассмотрение процессов природы,—пишет он,—не скользящее только по поверхности вещей, должно, я не боюсь это высказать, кончаться метафизикой. Единственно, что в данном случае важно, это, чтобы границы обеих областей были опознаны, чтобы с ними считались и чтобы отдавали себе ясный отчет в том, что правильность, ценность в отношении истинности философских познаний совершенно иная, принадлежит к совершенно другой категории, чем ценность в отношении истинности естественно-научных, реалистических познаний (Bleurer). Истинный врач должен и как научный исследователь и как лечащий больных быть знаком с обеими областями, дабы он тем вернее мог опознавать и соблюдать их границы»²⁾.

Фишер придает исключительное значение натурфилософской спекуляции. Он указывает, что механическое естествознание всего объяснить не может, разум же пытается все познать, и здесь может помочь лишь спекуляция. И речь идет не об отдельных, единичных случаях, нет, к натурфилософии нужно всегда прибегать, ибо без нее нельзя объяснить самого главного, массовидного, ежедневно и каждому бросающегося в глаза, именно качества.

«Но как раз качественная сторона явлений всего более возбуждает интерес многих людей. А в этой области механистическое естествознание ничего дать не может, здесь вступают в свои права натурфилософия и даже спекулятивное мышление»³⁾.

Фишер прав, говоря, что механическое естествознание не может объяснить качеств, но задачей науки является как раз познание качества явлений, и раз это невозможно, следовательно, невозможна наука. Фишер указывает, что мы природу и качества познать до конца не можем, ибо у нас для этого не хватает чувств, да и разум ставит этому пределы.

«...Качественное само по себе не может быть объяснено до конца ни в одном явлении природы. Пределы этой объяснимости заключаются в пределах нашего собственного разума»⁴⁾.

Эти утверждения Фишера абсолютно неверны. Прежде всего необходимо отметить, что «вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления»⁵⁾.

¹⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 114.

²⁾ Там же, стр. 126.

³⁾ Там же, стр. 124.

⁴⁾ Там же, стр. 119.

⁵⁾ Маркс «Тезисы о Фейербахе». «Архив Маркса и Энгельса». Т. I, стр. 200.

И с полным правом можно сказать, что «ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней»¹⁾.

У человека хватит чувств для того, чтобы познать природу и ее качества. Чувственно-человеческая деятельность не представляет собой чего-то неизменного. Она расширяется с развитием орудий производства, с усовершенствованием техники, которые расширяют все более чувственный охват действительности, удлинняют человеческую руку, совершенствуют его глаз, его слух. Тончайшие измерительные приборы, микроскопы, телескопы и т. д. и т. п. необычайно обогащают чувственный материал в восприятии человеком окружающего мира.

Чувства человека развиваются и совершенствуются в процессе развития общественно-исторической практики.

Маркс выступал против феербаховского физиологизирования чувственности. Он писал, что «Образование пяти чувств — это продукт всемирной истории». «Нуждающийся, полный забот человек неспособен понять прекраснейшей пьесы; торговец минералами видит только денежную стоимость, но не красоту и особенную природу минералов: у него нет минералогического чувства»²⁾.

Словом, чувства человека носят исторический характер. Чувства дикаря, чувства человека античного общества, чувства человека эпохи капитализма и социалистического общества глубоко различаются между собой в отношении расширения нашего знания природы.

По Фишеру же мы можем очень мало познать — велика область непознаваемого.

«Пределы познаваемого нами, — пишет он, — крайне узки, а подлинное естествознание базируется всегда и в первую голову на критике собственных методов. А эта критика нам показывает, что первооснова материи и все ее первичные свойства для нас совершенно непостижимы и необъяснимы. Существуют, как правильно отмечает Uexkull, «действительности, которые не поддаются исследованию»³⁾.

Уместно спросить, о каких действительностях идет речь. Раз они не поддаются исследованию, то на основании чего мы допускаем их существование? На это Фишер ответа не дает.

Разумеется, мы очень многого еще не знаем, ибо мир бесконечен в своих свойствах. Но столь же несомненно, что мы все больше расширяем знание мира, что процесс превращения незнания в знание происходит по все расширяющейся спирали.

По Фишеру же, «существуют такие первичные феномены бытия и ощущения, проследить которые естествознанию совершенно не дано. За этой гранью начинается область метафизики, скажу больше, конечные основные понятия точного естествознания, пожалуй, носят метафизический характер»⁴⁾.

На самом же деле за пределами вещей ничего нет, «дело все в том, что самая идея «трансцензуса», т. е. принципиальной грани между явлениями и вещью в себе, есть вздорная идея агностиков»⁵⁾. Принципиально все познаваемо, но фактически мы не все еще знаем. Мы имеем не принципиальные границы познания, а исторические, т. е. границы, обусловленные недостаточностью орудий исследования, непланомерной организацией общественного производства и т. д.

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 230.

²⁾ Маркс и Энгельс «Подготовительные работы для «Святого семейства». Собр. соч. Т. III, стр. 627—628.

³⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 123.

⁴⁾ Там же, стр. 103.

⁵⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 95.

В то время как точка зрения принципиальной границы познания обрекает естествоиспытателя на пессимизм, примирение, безысходность, относительные исторические границы объема познаваемого являются мощным стимулом дальнейших успехов в расширении исторических границ познания, являются мощным рычагом дальнейшего движения вперед, вселяющего бодрость, жажду борьбы и активного преодоления препятствий.

* * *

Каково же отношение Фишера к витализму?

«В наши дни снова, — пишет он, — как в давно прошедшие времена, стоят друг против друга в области естествознания эти два мировоззрения: механистическое, утверждающее, что и все жизненные явления подчинены законам физико-химических процессов, управляющих неорганическим миром, и виталистическое, отвергающее это и предполагающее существование некоей особой жизненной силы, особого психического нечто, некоего агента, без которого явления органического мира остаются-де необъяснимыми, непонятными»¹⁾.

Автор противопоставляет механизм витализму, но не говорит о материализме и витализме, не отождествляет механизма с материализмом. Противопоставление механизма витализму носит, однако, не исключающий, принципиальный характер. Совсем наоборот. Он пишет, например, следующее:

«Я определяю свое отношение к витализму, считая проблему, им поставленную, важнейшей для патологии предпосылкой; но если на последующих страницах я и высказываюсь отрицательно о нем, то я вовсе не воображаю, что опроверг его по всем пунктам, особенно же для всех различных складов ума, тем более, что целый ряд так называемых доказательств витализма носит чисто спекулятивно-философский характер, разбирать которые я тем менее склонен, что они совершенно чужды моей специальности. Несомненно, существует такой склад ума и такое философское направление, для которого идеи витализма вообще неопровержимы»²⁾.

Отсутствие принципиального разногласия с витализмом выясняется им на примере с искусственно созданным яйцом в случае, если бы таковое удалось создать. Фишер приводит слова Иексколя, что «если бы искусственное яйцо начало жить, мы бы не вправе были сказать, что энтелехия зависит в отношении своего существования от материального строения, но должны были бы сказать, что уже раньше имеющуюся энтелехию известные материальные устройства побудили снова заняться контролем систем», — и продолжает: «Если последнее верно, то оказывается, что между витализмом Driesch'a и приводимым нами механистическим воззрением существует исключительно диалектическое разногласие: называть ли возникновение жизни, вытекающее из материальной структуры, энтелехией, согласно пониманию Driesch'a, или же, согласно проводимой нами концепции, синтезом — представляется тогда безразличным и составляет исключительно вопрос философской номенклатуры. В этом смысле мы всецело присоединяемся к тезису Франка, который смотрит на вопрос: виталистическое или механистическое воззрение, не как на вопрос фактов, но как на вопрос изображения»³⁾.

В другом месте Фишер заявляет: «Мы попытаемся доказать, в противовес притязаниям витализма, лишь полную законность механического понимания проблем жизни».

Этим мы не хотим сказать, что всякий ход виталистического мышления неоснователен. Конечные проблемы остаются всегда неразрешимыми, и

¹⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 10—11.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 125.

прав Roux, когда он (в 1914 г.) говорит: «Поскольку разногласия обеих спорящих сторон касаются области абсолютно неизвестного, обе стороны заслуживают в равной мере признания»¹⁾.

Механицизм Фишера не отождествляется с материализмом, а в значительной мере с витализмом. О существовании же диалектического материализма Фишер представления не имеет.

* * *

Фишер признает особую проблему органического, которую он не идентифицирует с проблемами физики и химии.

Фишер считает заблуждением сводить новые качества к сумме составляющих его элементов.

«Коренным заблуждением является предположение, будто механистическое учение имеет притязание объяснить и учесть новые качества синтетического образования просто суммой материалов, участвовавших в его сооружении. Это столь же невозможно, как невозможно черпать объяснение первичных свойств и первичных сил из материи»²⁾.

Но важно, как же объясняет он новые качества. Идеализм отрицает, скажем, сведение биологических процессов к физике и химии. Диалектический материализм также отличает закономерность жизни от закономерностей физики и химии. Важно решение вопроса, исходная позиция, на основании которой диалектический материализм и витализм исключают друг друга, непримиримы друг с другом.

Позиция же Фишера исключает возможность решения проблемы жизни вообще, и хотя он противопоставляет ее витализму, но на деле она целиком ведет его именно к витализму.

«Вообще мы особенно настойчиво подчеркиваем, — пишет он, — что механистическое мировоззрение утверждает лишь абсолютное постоянство, неизменяющую закономерность всякой деятельности всякого процесса, в противоположность витализму с его целесообразностью, т. е. конечным произволом действующих душ атомов (энтелехиями, археем, жизненной силой и пр.)»³⁾.

Но именно с точки зрения абсолютного постоянства и неизменности природы нельзя объяснить процессы природы, их возникновение, их развитие, а нужно все это объяснить чудом или прибегнуть к внешней силе, — к богу, духу, т. е. к витализму.

* * *

Патология — небольшая ветвь учения о жизни. Крупные, коренные вопросы биологии лежат в основе и патологии, успехи биологии не остаются без влияния и на патологию, изменяя некоторые ее понятия и представления. Но отражают ли наши понятия процессы объективного мира? На это Фишер отвечает по существу отрицательно, говоря, что «...наши биологические понятия представляют лишь абстракции, добытые из единичных понятий путем опускания признаков»⁴⁾.

Фишер прав, когда указывает, что в области органической природы господствуют особые законы, не встречающиеся в неорганическом мире, далее, что эти особые, специфические законы ничего общего с витализмом не имеют. Но в чем суть специфичности органической природы, в чем суть отличия от витализма, он не объясняет.

1) В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 111.

2) Там же, стр. 104.

3) Там же, стр. 103.

4) Там же, стр. 14.

Естествознание утверждает, что жизнь возникла как результат исторического развития неживой материи в определенных условиях состояния нашей планеты, что это выразилось в образовании особой формы организации белка, имманентным атрибутом которого является единство процессов ассимиляции и диссимиляции, т. е. обмен веществ. Начало органической жизни есть вместе с тем начало новой закономерности развития, которой нет в неорганическом мире. Таково единственно верное и научное представление о возникновении жизни.

Механистическое же представление отрицает качественное отличие живого от неживого, ибо для него живое — лишь иная количественная комбинация однородных, бескачественных частиц материи.

Виталисты в отличие от механистов подчеркивают специфичность жизни в отличие от нежизни. Но эта особенность рассматривается как следствие деятельности особой силы, духа, энтелехии и т. д.

Какова же позиция Фишера по вопросу о жизни? Занимая непоследовательную позицию, он в основном считает, что проблема возникновения жизни неразрешима, что это проблема не науки, а веры.

«Это вопрос веры и весь он в целом, пожалуй, остается недоступным для естествознания на необозримо долгое время, а может быть и навсегда»¹⁾.

Фишер допускает возможность появления новых качеств в области жизни, правда, не совсем верно понимая проблему качества. Он делает, например, ряд верных замечаний, говоря, что законы клетки иные чем законы физики, что в результате соединения двух атомов или элементов получается не просто сумма, а новое тело с новыми свойствами.

«Подобно тому как химический синтез атомов создает новые химические тела с совершенно новыми свойствами, так и синтез живого в своем дальнейшем осложнении производит все более высокие качества и порядки вплоть до нового качества, психического»²⁾.

Он, однако, неправ, полагая, что все это не противоречит механистическому воззрению, с точки зрения которого нельзя объяснить следующее положение самого же Фишера: «Уже самая клетка требует от нас категорически и неизбежно признания возникновения совершенно новых качественных свойств, определяемых особенностями данного материального синтеза. Подобно тому как заранее нельзя учесть или определить простым сложением свойств воды из свойства ее элементов О и Н, так и совершенно качественно новые свойства клетки нельзя определить или учесть сложением структур входящих в нее белковых и других элементов»³⁾.

Фишер, пытаясь определить специфическое, что характеризует жизнь, хотя и подходит к верному пониманию этого специфического, но не доходит до правильного определения жизни.

«Не самая субстанция, — пишет он, — составляет собственно типичное в жизни, но специфический обмен веществ, основой которого, правда, является субстанция»⁴⁾.

Несомненно, обмен веществ составляет специфическое жизни, но как выражение деятельной материальной субстанции, особой формы организации белка.

Мы уже указывали, что вопрос о возникновении жизни Фишер решает агностически. Но наряду с этим он делает верное замечание, что «характерным свойством всех организмов является наличие белковой молекулы, и мы

¹⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 71.

²⁾ Там же, стр. 109.

³⁾ Там же, стр. 104—105.

⁴⁾ Там же, стр. 37.

высказывали предположение, что в химическом строении и силах этой сложнейшей молекулы надо искать ответ на существеннейшие загадки жизни»¹⁾.

Но так именно и ставится вопрос естествознанием. Именно когда будет познан химический состав белка и когда удастся воспроизвести белок, то тем самым будут воспроизведены имманентные белку процессы ассимиляции и диссимиляции, т. е. жизнь.

Мы еще этого не знаем, но это не значит, что мы никогда этого знать не будем. Ignoramus, но не ignorabimus.

Так обстоит вопрос с воспроизведением жизни.

Мы находим у Фишера резкие высказывания по вопросу о сведении:

«Если понимать под этим тот факт, что и в отношении живого господствуют те же законы, что в химии и физике, то это верно без всякого ограничения. Если, однако, заключить, будто те же законы неорганической природы могут раз'яснить нам проблему жизни, то такое заключение, по моему мнению, несостоятельно и вовсе не представляет постулата механистического мировоззрения»²⁾.

Фишер, разумеется, неправ в том, что такое заключение не составляет постулата механистического мировоззрения. Противоречия, в которые он впадает, не замечаются им.

Процесс формообразования Фишер понимает механистически, сводя его к физико-химическим процессам, к обмену веществ, в то же время соглашаясь и с витализмом. Так например он пишет:

«Когда v. Uexkull пишет: «Сколько живых существ,—столько планов», мы можем только с ним соглашаться, просто добавив: сколько индивидуальных плазм»³⁾.

Фишер признает теорию двух плазм, дает ей соответствующее химическое основание, предполагая, что «в каждой клетке надо поэтому предполагать наличность двух групп белковых молекул: специфически функционирующей группы молекул, соответственно отдельным функциям клетки организма, и индивидуальной плазмы как части всего индивида»⁴⁾.

Таково понимание жизни Фишером, могущее быть примером философского эклектизма в решении теоретических проблем патологии.

* * *

Проблему единства организма Фишер считает важнейшим вопросом биологии. Он выступает против вирховского понимания единства организма, согласно которому действительное единство организма существует лишь в яйце и в сознании. Он выступает также против рассмотрения организма как федерального государства, считая такой способ выражения поверхностной аналогией. В противоположность целлюлярной патологии он правильно замечает, что «у непредубежденного наблюдателя не может быть, по моему мнению, и минуты сомнения, что в природе единство животного организма существует фактически, материально, а не только в области сознания или абстракции»⁵⁾.

Но это материальное он понимает метафизически.

«Единство тела в основе иное — органическое, неизменное, материальное, функциональное, ничем не уступающее единству яйцевой клетки»⁶⁾.

Фишер выступает также против теории адьтруизма Haeusermann'a для объяснения проблемы единства.

¹⁾ V. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 27.

²⁾ Там же, стр. 103.

³⁾ Там же, стр. 29.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, стр. 45.

⁶⁾ Там же, стр. 105.

«Альтруизм как поясняющее начало, — пишет он, — приходится ставить на одну доску с психическим действующим началом, с «археем» древних. Весьма неудачный прием — придавать клеткам качества, которые сильно напоминают этическое свойство человека».

Фишер хотя и считает возможным сравнивать во многих отношениях организм с машиной и мотором, но считает подобное сравнение крайне односторонним. Он разумно заявляет, что «организм не является таким устройством, которое можно было бы сравнивать во всех его существенных функциях и даже в отношении его строения с человеческими машинами»¹⁾.

Фишер видит основу единства организма в единстве присущего ему обмена веществ. Он считает данные по этому вопросу еще недостаточными, верно замечая: «Таким же недостатком страдают все прочие естественно-научные понятия, коих несовершенство зависит от многосторонности и неисчерпаемого богатства жизненных явлений»²⁾.

* * *

Проблема целесообразности в биологии — одна из основных проблем, одна из арен борьбы материализма и идеализма.

Идеалисты «объясняют» целесообразность, исходя из «божественного начала» — творца (теологическая целесообразность) или исходя из основного, присущего живому свойства действовать и реагировать целесообразно (имманентная целесообразность). Имманентная целесообразность по существу же предполагает и подразумевает целевое начало.

Рациональное и научное объяснение целесообразности дал Дарвин. Он показал, что целесообразность является следствием естественных фактов, главным из которых является приспособление организмов к окружающей среде.

Борьба организмов за существование, отбор оказывает влияние на изменчивость таким образом, что придает ей наиболее совершенные, наиболее целесообразные формы, которые закрепляются в потомстве наследственностью.

Фишер выступает против имманентной целесообразности, резонно заявляя, что «будь вышеприведенное предположение, что способность живой субстанции реагировать целесообразно составляет первичное свойство организмов, правильно, в таком случае реакция живой субстанции никогда не могла бы сама по себе являться непосредственной причиной ненормальных, нецелесообразных, разрушительных, опасных для жизни явлений»³⁾.

Фишер выступает также против энтелехии, заявляя: «Если бы так было на самом деле, то было бы, конечно, невозможно, чтобы организм при известных условиях начинал и завершал образование таких тел и форм, которые настолько же целепротивны, насколько они противоречат идее единства организма»⁴⁾.

И Фишер дает ряд примеров подобных «целепротивных» реакций. Так например: радужная оболочка глаза тритона после удаления хрусталика хотя и образует подобие хрусталика, но последний не способствует правильной функции глаза.

Воспаление, дающее отек мозга, анафилаксия, заживление ран, сопровождающееся рубцеванием и сморщиванием, опухоли и т. д. и т. п. — таковы примеры, приводимые Фишером как «целепротивности» реакции.

Но он выступает также против единственно научного объяснения целесообразности биологических явлений. Он пишет:

¹⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 22.

²⁾ Там же, стр. 43.

³⁾ Там же, стр. 77.

⁴⁾ Там же, стр. 48—49.

«В существенных чертах возникновение целесообразности в органическом мире сводится к началам дарвиновской теории отбора. Однако трудность объяснить целесообразность при помощи этой теории кроется в ахиллесовой пяте последней. Она вполне пригодна для объяснения уничтожения непригодного при помощи отбора, но не для объяснения появления новых пригодных свойств»¹⁾.

Взамен же дарвиновского объяснения предлагается виталистическая концепция — теория мнемонического возбуждения. Отрицая научное объяснение целесообразности, Фишер пишет, что для решения этой проблемы «второй и к тому же многообещающий путь указан Semon в его теории мнемонического возбуждения. Все организмы в течение всей своей жизни подвержены внешним влияниям, из которых многие могут затронуть и специфическую структуру их плазмы. Основываясь на многочисленных наблюдениях, Semon открыл тот факт, что действие раздражения не заканчивается ни с одновременной ни с ближайшей фазой, но что даже после окончания последней остается некое длительное материальное изменение чувствительной субстанции, энграмма (отпечаток), которая, оставаясь в латентном (скрытом) состоянии, может в любую минуту быть вызвана к жизни и притом известным, законом установленным путем»²⁾.

Но автор и на этом не останавливается, ибо он хочет выступить против энтелехии, предлагая для этого (очевидно, в порядке страховки) эклектически пользоваться многими путями для объяснения целесообразности. Он пишет:

«Приспособление, отбор из бесцельных разновидностей, а также дарвиновская теория индивидуального отбора, борьба частей между собою по Roux и отбор частей, далее мнемоническое возбуждение и энграммы Semon указывают нам достаточно путей к объяснению эквивиальности (равноценности) целесообразности и жизнеспособности и делаю энтелехию и другие измышления и фантазии витализма совершенно излишними»³⁾.

На деле же вместо объяснения — эклектика, смесь самых различных взглядов и теорий.

Мы охарактеризовали основные моменты фишеровской «критики» витализма, показывающие, что с позиций механистического мировоззрения, с позиций идеализма нельзя плодотворно критиковать витализм. Подобная критика возможна лишь с позиций единственно верного метода — диалектического материализма.

Учение о взаимозависимостях, или сизигиология Крауса *

Коснемся вкратце одной из характерных тенденций современной патологии, ставящей в центр своего внимания проблему патогенеза.

Тот факт, что эта малоразработанная еще проблема стала в центре современной патологии, не нуждается в особых доказательствах.

Мнения о том, что медицина и патология сознательно и стихийно ушли и уходят в патогенез, не единичны. А весь трезвон, поднятый о конституции, выражает по существу этот же уход в патогенез. В неменьшей мере это иллюстрируется положением, столь излюбленным патологами и столь усердно и не в меру повторяемым клиницистами: «Больной — причина болезни и сам творит свою болезнь».

¹⁾ В. Fischer «Vitalismus und Pathologie», S. 20—21.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

*) Fr. Krauss «Allg. u. Spez. Pathologie d. Person. Klin. Syzygiologie». Allg. Teil. 1919. Besond. Teil. 1926. Verl. G. I. H. Leipzig.

В дальнейших ссылках будет указываться лишь часть.

Характерная черта рассмотрения этой проблемы в современной патологии заключается в том, что она (проблема) отрывается от этиологии, а сам человек рассматривается лишь как биологическое существо, оторванное от общества, вопрос о болезнях ставится лишь как вопрос заболевания отдельной личности, отдельного субъекта. Словом, все внимание концентрировано на субъекте, личности, конституции, причем последнее понимается сплошь да рядом метафизически.

Одним из отражений этой тенденции является учение о взаимозависимостях или так называемая сизигиология Крауса. В двух объемистых книгах известного терапевта, крупного представителя физиологического направления в клинической патологии, дано подробное изложение весьма путаной «философской» и биологической концепции. Как указывает автор, «содержание этого тома состоит, как мы видели, в попытке доказать, что мы можем естественно-научно подойти к таким важнейшим предметам, как личность, индивидуальность, раса и к так называемым витально-психическим единствам («вчувствование»), если только будем рассматривать некоторые естественные факты и процессы в иной проекции, соответствующей нашей особой задаче»¹⁾.

Остановимся кратко на том, что собой представляет это «рассмотрение в иной проекции».

* * *

Краус о себе говорит, что он не материалист, а сторонник философии Маха и Авенариуса. Поэтому он прежде всего не признает существования объективного мира. «Об объективной действительности в себе мы не имеем никакого понятия»²⁾, — пишет он. — «Действительность для нас не может означать ничего другого, как только то, что мы на основе нашего совокупного чувственного опыта и нашего мышления при выключении всего противоречивого преднаходим»³⁾.

Внешний мир, богатство его явлений конструируются человеком, он продукт человеческого сознания, ибо «наш мир в конце концов зависит от вегетативного тока, вообще от наших движений и возможностей действия. Он есть также научно конструированный, объективный мир, являющийся как ощущение продуктом абстрактного анализа и конденсирующего синтеза»⁴⁾.

Солидаризируясь полностью с Махом, Краус объявляет мир бескачественным, а вещи — комплексом ощущений, символами. Живое — также символ, бескачественно, фикция. И этими фикциями тем не менее занимается «наука» по Краусу.

«Мы не исследуем в вещах, материи и т. д. ничего другого кроме связей. Относительное есть функциональное (в математическом смысле). Вещи суть «мысленные символы» («Sedanke-symbole»). Постоянными могут быть лишь отношения. Взгляд на природу, усматривающий во всем смену, становление, динамику, вовсе не должен непременно прийти к чему-то абсолютному; в естествознании даже и постоянное не абсолютно. Применяя этот методологический принцип к биологии (патологии), мы можем не опасаться, что исчезнет все качественное. Произойдет лишь то, что в результате абстрактивной (отбрасывающей) фикции живое станет для нас «безобстратным». Процесс жизни тоже распадается на выделенные элементарные процессы, между которыми существуют функциональные отношения зависимости (в математическом смысле»⁵⁾.

¹⁾ Fr. Krauss. Bes. Teil., S. 79.

²⁾ Fr. Krauss. Allg. Teil., S. 380.

³⁾ Там же, стр. 379.

⁴⁾ Fr. Krauss. Bes. Teil., S. 229.

⁵⁾ Fr. Krauss. Allg. Teil., S. 15.

Подобно материи пространство и время также лишены об'ективного существования, они об'являются лишь логическими образованиями¹⁾. Мир существует лишь благодаря суб'екту, и отношение последнего к миру таково, что отсутствие его равно отрицанию мира, а наличие человека—наличию мира. Ибо «суб'ект и об'ект познания так неразрывно связаны друг с другом общей формой их бытия, что они могут существовать лишь вместе, они суть корелаты, одновременно находятся и одновременно отпадают»²⁾.

Отрицая существование об'ективного мира, Краус отрицает способность мышления отражать об'ективный мир. По Краусу, не существует вообще единого мира, а их много, столько, сколько имеется индивидуальностей. Наука же лишь описывает наши ощущения, и от человека целиком зависит, что он считает важным для своего описания, а следовательно, и для создаваемой им науки.

«Мышление не дает никакого отражения об'ективного, внешнего мира,— пишет Краус.—Если мы действительно найдем, что разные индивидуумы обладают различным типом представления... различной памятью, различной фантазией и т. д., то мы должны будем и соответствующие задатки свести к генотипической конституции. В смысле этой взаимной обусловленности можно скорее сказать, что внешний мир для каждого систематического комплекса генов имеет индивидуально особенные свойства»³⁾.

Краус смешивает две вещи: роль генотипа в отношении памяти, фантазии и т. д. и об'ективное существование материального мира. Что различные индивидуумы по-разному воспринимают внешний мир, по-разному реагируют и что генотип здесь играет большую или меньшую роль, не подлежит сомнению. Но это не следует смешивать с вопросом о существовании внешнего мира независимо от людей и характера их представлений и фантазий.

Как и все махисты Краус причинность понимает суб'ективно-идеалистически, заменяя причинность функциональным отношением без материального об'екта этого отношения⁴⁾.

«Мы лишь следуем примеру точного естествознания (и прежде всего физики), стремящегося разрешить по возможности все вечное и материальное в (математически) функциональные отношения между явлениями, когда мы и в нашей области отодвигаем прочную материальную форму, органический субстрат на задний план сравнительно с биологически-функциональным моментом, с процессом жизни, из которого эта форма и этот субстрат лишь выделяются. Известные проблемы, например несравнимость физического и психического самих по себе, этим не устраняются, но научная работа может продолжаться при этом без помех... особенно если последовательно придерживаться... того взгляда, что все психическое обосновано в физическом, согласно представлениям Маха, Геринга, Авенариуса»⁵⁾.

Мир, по Краусу, эволюционирует, и этой эволюцией движет идея всеобщего систематического всеединства, которая раскрывается в общей целостности кореляций всего мира:

«Безвременное (Zeitlos), равноформенное, типическое, общее при всех разнообразиях временно-пространственных фактов в данных условиях мы

¹⁾ «Пространственные об'емы суть в конце концов логические». Bes. Teil. S. 69. См. также стр. 23, 25, 37, 61, 69. Allg. Teil., S. 4, 400.

²⁾ Bes. Teil., S. 39.

³⁾ Allg. Teil., S. 60. См. также S. 138.

⁴⁾ «Другой «необходимости» кроме логической нельзя признать»,— пишет он. Там же, стр. 55.

⁵⁾ Там же, стр. 16—17.

называем идеей. Идея есть абстракция гармонического опыта в действительном, его сродство с нашей сущностью, но не сверхвещественное»¹⁾.

Каждый предмет есть выражение определенной идеи:

«Каждому телу присуща одна идея, объектом которой он является. Человеческая душа также есть лишь идея человеческого типа, психическое же бытие состоит сплошь из идей»²⁾.

Такова в самых общих чертах философская концепция Крауса, изложенная им в чрезвычайно путаной форме, но ясно характеризующая основную линию субъективного идеализма.

* * *

Организм (индивидуальность) есть также идея, и все совершающееся в организме есть выражение этой идеи.

«Индивидуация есть пространственно временная или же взятая в логическом измерении сериальная определенность биосистемы. Каждое явление в теле, как в объекте идеи, составляющей человеческую душу (последняя и есть по существу не что иное, как идея единичной вещи вообще), непременно должно дать душе соответствующую идею (соответствующее восприятие)»³⁾.

Исходным и вместе с тем центральным во всем учении Крауса является проблема индивидуального»⁴⁾.

Он указывает, что предпринимает изучение этой проблемы на аксиоматических фактах, на определенных принципах, не доказываемых, а постулируемых. Эти принципы — мыслимые и в то же время представляющие действующую сущность. Краус исходит из ряда организационных принципов, лежащих в основе человека как объекта патологии. Принципы эти следующие: 1) принцип стабильности и равновесия биосистемы; 2) принцип дифференциации; 3) принцип ритмичности и периодичности; 4) принцип симбиоза отдельных частей как компромисс автономной жизни частей и генотипа в целом; 5) принцип ограничения роста в целом и в определенных размерах; 6) принцип экономии функционирования и кратчайшего пути приспособленного действия; 7) принцип последовательного психо-физического параллелизма; 8) принцип экономии мышления Маха и 9) принцип подражания»⁵⁾.

Исходя из этих постулируемых принципов, Краус сосредоточивает внимание на развитии понимания личности, индивидуальности. Он против взгляда, согласно которому индивидуальный человеческий организм рассматривается как сумма, агрегат частей. Организм есть целостность, а не сумма частей, утверждает Краус.

«Мы рассматриваем синтетически и индивидуальны й человеческий организм со стороны его функционирования и строения во всех связях с его особой (мертвой и живой) внешней средой, т. е. рассматриваем его «поведение», в особенности регуляторные свойства последнего, а также его изменчивость в зависимости от физиологического состояния»⁶⁾.

Все части организма представляют неделимую целостность, личность (Person), части которой взаимозависимы. (Отсюда и учение о взаимозависимостях — сизигиология).

Личность развивается, она гармонична, и в основе этого развития — гармония функций в фенотипе. В этом Краус усматривает особенность своего понимания личности.

¹⁾ Bes. Teil., S. 25.

²⁾ Там же, S. 38.

³⁾ Там же, стр. 27.

⁴⁾ «Я исхожу во всем из проблемы индивидуации», — пишет Краус. Bes. Teil., S. 21.

⁵⁾ Allg. Teil., S. 250—252, 270—276, 295, 301—303, 312.

⁶⁾ Там же, стр. 408.

«В нашем изложении условия гено- и фенотипической системы превращаются в нумен, столь же далекий от наивного взгляда на личность, как и от господствующих сейчас в биологии и патологии, стоящих воззрений, более или менее исключительного на почве автономии частей»¹⁾).

Итак, условия, создающие личность, и она сама превращены в нумен, т. е. в нечто непознаваемое, недоступное, т. е. в нечто такое, о котором мы ничего знать не можем. И Краус крайне непоследователен, утверждая, что такая личность все же существует и характеризует ее. Здесь, очевидно, «помогла» интуиция, за которой признаются им значительные права²⁾).

Индивидуальность, личность есть относительная, изолированная, «сериальная идея» жизненного процесса, это отвлеченное понятие.

«Индивидуум есть идеальное единство комплекса реакций, индивидуум и вещь суть «практические» символы одинакового рода»³⁾),—пишет Краус. Индивидуум обладает сознанием, которое есть простое следствие телесной функции.

«Индивидуальное психическое есть (в математическом смысле) зависящая изменчивая функция телесной индивидуальности»⁴⁾).

Краус вовсе «не обходит» вопроса о социальной природе человека. Так, например, он даже указывает, что личность ведет не только дистрибутивное, но и коллективное существование, что самую суть (острие) человеческой личности нельзя понять, если не коснуться социального фактора, что человек живет не изолированно, а в обществе, что человеческое развитие не может быть освобождено от социальных отношений⁵⁾. Он ищет даже посредствующую цепь между индивидуальным и общественным, но, будучи ограничен узкими рамками буржуазного мировоззрения, он не понимает сути социального в человеке и «находит» его в «кровном родстве»⁶⁾.

Организм рассматривается в основном механически, развивается энергетический взгляд на организм, согласно которому формы взаимосвязи и взаимоотношений частей организма сводятся к законам гидротермодинамики коллоидной химии.

Организм есть целостная биосистема, отличающаяся динамичностью. Она постоянно в движении, в колебании.

Эта биосистема представляет собой цепь отдельных жизненных рядов (Vitalreihen), в которой происходит процесс превращения энергии, результатом которой и будет жизнь всей биосистемы.

Исходя из того, что обмен веществ должен быть в центре изучения любого явления в организме, он сводит последний в конце концов к физике и химии.

«Методическое единство, в котором сходятся все проблемы организма, есть обмен веществ. Каждое превращение, которое совершается в организме, должно быть исследовано под углом зрения того, что оно образует и возобновляет единство организма. Поэтому организм сведен к химии и

¹⁾ Allg. Teil., S. 32.

²⁾ Краус придает большое значение алогизму—интуиции. «Через полное углубление в предмет интуиция охватывает существенное, «смысл», а также «ценность» явлений». Там же, стр. 84.

³⁾ Bes. Teil., S. 3—4.

⁴⁾ Allg. Teil., S. 370. Что мыслит не просто материальная субстанция, а что мыслит общественный человек,—этого Краус не понимает.

⁵⁾ Allg. Teil., S. 73, 352, 353.

⁶⁾ Там же. Положением о «кровном родстве» как посредствующем звене между индивидуальным и социальным Краус смыкается с фашистскими теориями, видящими в особенностях «расовой крови» главный источник человеческого развития. Краус, например, пишет об антисоциальных биологических задатках как о болезненных задатках, аналогичных другим болезненным задаткам, далее о «высших» и «низших» расах, не возражает против «биологической политики», направленной на устранение низших рас, и т. п. См. стр. 221—222.

физике». Довольно часты сравнения человека с машиной, мотором: «Живое существо подобно часам, которые постоянно себя снова заводят»¹⁾.

«Я рассматривал человека и животное просто как мотор»²⁾.

Краус различает «Kortikalperson» и «Tiefenperson».

«Кортикальная» личность воспринимает ощущения всего тела и выражает их идеями и словами.

Особенное же значение имеет «глубинная» личность, так как она регулирует всю биосистему в целом.

Что представляет собой «глубинная» личность? Это есть не что иное, как нервно-глангулярная система.

«Глубинная личность составляется из Striatum, имеющей отношения: 1) к экстрапирамидальной системе и 2) к вегетативной системе в нашем смысле»³⁾. Она «иррациональное, инстинктивное»⁴⁾, она «просто витальная глубокая сущность человека... творческая инстанция»⁵⁾.

И это «иррациональное» регулирует отношение К/Са, ОН/Н-ионов, электролиты и т. д., обеспечивая нормальную жизнь организма.

Краус выступает против морфологического понимания болезней и патологических процессов. Он выступает поэтому против целлюлярной патологии, против взгляда, будто есть болезнь отдельных органов, также против аналогизирования организма с политическими учреждениями. Он выступает против отрицания Вирховым единства организма и против его взгляда, что это единство лишь фикция, абстракция⁶⁾. Его не удовлетворяет по той же причине и вся нозологическая систематика, особенно потому, что «современная клиническая патология не учитывает надлежащим образом с эволюционистских, сизигиологических и функциональных точек зрения единство и целостность организма, его генотипическую конституцию, равно как фенотипическую интеграцию, лично-индивидуальный момент вообще»⁷⁾.

Организм реагирует на патологическое воздействие как целостная биосистема всей системой, и болезнь есть поэтому «эволюционно-диссолюционные нарушения витальных рядов».

Научный, а главное правильный анализ болезни отсутствует у Крауса. В понимании Крауса личность, индивидуум — основная причина патологических процессов, хотя не «обходятся» социальные моменты и др. Куда могут привести подобные взгляды, если их последовательно развивать, показывают воззрения некоторых конституционалистов, для которых конституция есть «фатум», «рок» организма.

Нет сомнения, роль макроорганизма в течении, характере проявления патологических процессов и болезней огромна, и она должна быть тщательно изучена. Но рассматривать на этом основании организм как самодовлеющую величину было бы неправильно и привело бы и приводит нередко к неверным выводам. Мы ограничимся для иллюстрации примером высказываний небезызвестного Ганса Муха.

В анализе болезней Мух все внимание сосредоточивает на субъекте, видя в нем главную причину развития болезней.

Рассуждая, например, о наркомании, алкоголизме, сифилисе, Мух заявляет, что «все покоится на законе единичного»⁸⁾.

¹⁾ Allg. Teil., S. 54.

²⁾ Там же, стр. 14.

³⁾ Bes. Teil., S. 59.

⁴⁾ Там же, стр. 135—136.

⁵⁾ Там же, стр. 3.

⁶⁾ Allg. Teil., S. 64, 156—161.

⁷⁾ Там же, стр. 3.

⁸⁾ H. M u c h «Ist die Konstitution veränderlich». «Die med. Welt» № 4. 1932

Алкоголь, например, многих уничтожает, но зато многих побуждает к творчеству. Так рассуждает Мух. Все дело в субъекте, от него все зависит.

«Если один от алкоголя становится животным, а другой гением или, лучше сказать, другой от этого напрягается и развивает свои гениальные задатки, то вполне определенно, что причина лежит не в алкоголе, но в единичном, в его задатках»¹⁾.

Вопрос же о действительной причине губительного действия алкоголизма, сифилиса и т. п. болезней на трудящиеся массы для Муха не существует и не ставится им.

Лишь «закон» индивидуального господствует, а посему Мух заявляет, что большая часть людей, относящихся к числу средних, в силу того же закона никогда не сможет стать, как он говорит, знатью, ибо «никогда воспитание, или религия, или что-либо другое не смогут привести человечество на высшую ступень развития. Оно (человечество) в своей массе всегда останется средним»²⁾.

Классовый характер подобных рассуждений не нуждается в комментариях.

Тенденция к уходу в патогенез, возникшая в связи с успехами физиологии и патологии, в связи с выяснившейся огромной ролью организма, его предрасположением в развитии и специфических особенностях течения патологических процессов, в силу отсутствия правильного научного мышления приняла неверную, ложную форму в «сизигиологии» Крауса, которая в общих чертах была нами обрисована.

* * *

Мы ознакомились с некоторыми общетеоретическими установками целлюлярной патологии и некоторых школ и течений современной патологии. В качестве характерной черты новейших школ и направлений в патологии можно отметить, прежде всего, большое внимание, уделяемое ими вопросам философии и методологии. Отсутствие правильного научного мышления у представителей современной патологии в капиталистическом обществе, неспособность ее представителей в силу их классового положения стать на позиции диалектического материализма и кризис естествознания в капиталистическом обществе объясняют нам, почему не только не преодолены недостатки целлюлярной патологии, но и почему по сравнению с ней современная патология в своих теоретических позициях пошла назад, уходя все больше в идеализм, агностицизм, мистику. Теоретические позиции современной патологии в отличие от таковых целлюлярной патологии, которые в свое время сыграли большую прогрессивную роль, являются реакционными, тормозят развитие патологии и не могут быть руководящими для медицины.

Оценивая естествознание XIX в., Энгельс указывал, что оно настолько развилось и настолько обогатилось ценнейшими научными результатами, что стало возможным преодоление односторонности механического материализма XVIII в. Энгельс указывал, далее, на то, что открытие зависимости и связей между различными областями исследования (механикой, химией, биологией) в природе привело к тому, что естествознание «превратилось из эмпирической науки в теоретическую, становясь, благодаря обобщению, системой материалистического познания природы»³⁾.

Энгельс подчеркивал, что для естествознания, накопившего массу положительного материала, встает неустраняемая задача систематизации его и расположения с точки зрения внутренней связи.

1) Н. Much «Ist die Konstitution veränderlich», S. 109—113.

2) Там же.

3) Энгельс «Диалектика природы», стр. 273.

«Но, занявшись этим,— писал Энгельс,— естествознание попадает в теоретическую область, а здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. Но теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенствована»¹⁾.

Энгельс показывает, что достижения естествознания XIX в. необходимо ведут к диалектико-материалистическому методу как единственному методу науки. Энгельс показывает, как естествознание, не усвоившее себе диалектико-материалистического метода и развивающееся, так сказать, стихийно, полно противоречий. Он говорит, что лишь сознательное овладение методом диалектического материализма сможет разрешить противоречия естествознания и дать могучий толчок к дальнейшим успехам. Если до конца XVIII в. естествознание развивалось в неразрывной связи с философией, отмечал Энгельс, то в XIX в. в Германии, особенно после революции 1848 г., одновременно с развитием естествознания наблюдалось игнорирование последним философии.

Натурфилософские, абстрактные, спекулятивные построения Шеллинга, Гегеля, вызвавшие реакцию со стороны естествознания, сопровождалась одновременно реакцией против философии вообще. Об этом как раз и писал Энгельс, давая оценку естествознанию второй половины XIX в.

«Вместе с гегельянством выбросили за борт и диалектику как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли, т. е. тогда, когда только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из затруднений; благодаря этому естествоиспытатели снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. Среди публики стали с тех пор иметь успех, с одной стороны, приносившие к духовному уровню филистера плоские размышления... Шопенгауера, впоследствии даже Гартмана, а с другой—вульгарный, в стиле странствующих проповедников, материализм разных Фохтов и Бюхнеров. В университетах конкурировали между собой различнейшие сорта эклектизма, имевшие общим лишь то, что они состояли из одних лишь отбросов старых философских систем и были все одинаково метафизичны. Остатки классической философии сохранились только в виде неокантианства, последним словом которого была вечно непознаваемая вещь в себе, т. е. та часть кантовского учения, которая меньше всего заслуживала сохранения. Конечным результатом были господствующая теперь путаница и беспомощность теоретического мышления»²⁾.

Эта исключительно блестящая оценка естествоиспытателей XIX в. прекрасно характеризует как основателя целлюлярной патологии Вирхова, так и современных представителей патологии.

Путаница и беспомощность естествоиспытателей XIX в., указанные Энгельсом, не устранены еще и сейчас. Все увеличиваясь, они привели в начале XX в. к кризису естествознания, к кризису, выражавшему вступление капитализма в стадию загнивания и резкого обострения всех его противоречий. Это сказалось в повороте в сторону реакции всей идеологии, в частности философии и естествознания, и в отходе от материализма к идеализму.

Естествознание к началу XX в. достигло огромных успехов, огромных возможностей познания природы и углубления в сущность совершающихся в ней процессов. Гигантские успехи науки вызывают ломку старых понятий естествознания. Развитие последнего ведет к все

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 69—70, изд. 1932 г.

²⁾ Там же, стр. 71, изд. 1932 г. Разрядка наша.—Л. К.

большему признанию диалектического материализма, но в то же время имеют еще распространение метафизические и идеалистические взгляды. Ломка старых взглядов сопровождается возникновением разных школ, течений, делающих агностические, скептические, идеалистические выводы из завоеваний современного естествознания. В этом и состоит сущность кризиса современного естествознания в капиталистических странах, кризиса, который может быть разрешен лишь путем сознательного применения диалектико-материалистического метода, что в полной мере осуществимо лишь в условиях пролетарской революции.

В СССР кризиса естествознания нет. Пролетариат нашей страны одержал грандиозные победы на экономическом, политическом и культурном фронтах. Марксизм—мировоззрение и метод господствующего класса — все больше и глубже проникает в сознание широких масс научных работников, врачей. XVII съезд партии ставит на ближайшие годы небывалую еще в истории всего человечества задачу — полностью уничтожить причины, порождающие классовые различия, преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей, превратить всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества.

Продолжать непримиримую борьбу с вечным врагом материализма — с идеализмом и витализмом в естествознании, в частности в патологии, используя завоевания современной науки и отсекая ее реакционные течения, — такова одна из основных наших задач.

Мы должны вести борьбу с механическим материализмом и меньшевистско-идеалистической формой ревизи материалистической диалектики, равно как со всякого рода попытками ее упрощения и вульгаризации.

Необходимо научиться конкретно применять метод диалектического материализма к проблемам патологии. Без изучения диалектического материализма «естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях»¹⁾.

Мы должны также помочь в этом естествоиспытателям некоммунистам. Мы должны помочь им «расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответствующей науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки»²⁾.

Борьба за овладение марксизмом-ленинизмом широких масс научных работников, врачей, студентов есть борьба за большевистскую перестройку науки, есть борьба за создание лучших условий для еще более мощного развития науки. А эти условия обеспечены в нашей стране как никогда и нигде еще в мире. Ибо «лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле. Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможней. От нее будет датировать новая историческая эпоха, в которую люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, в частности естествознание, сделают такие успехи, что все, совершенное до того, покажется только слабой тенью»³⁾.

СССР, строящий социалистическое, бесклассовое общество, обеспечивает в полной мере дальнейшие гигантские успехи науки.

¹⁾ Ленин «О значении воинствующего материализма». Собр. соч. Т. XXV, стр. 188.

²⁾ Ленин «О едином хозяйственном плане». Собр. соч. Т. XXVI, стр. 173.

³⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 121—122.

Сектанты и колхозное строительство

Ф. Путинцев

I. Социальные корни и классовая сущность сектантства

Дореволюционная и современная роль и социальные корни сектантства различны. До революции сектантство представляло мирную, весьма пассивную, самими сектантами не осознанную форму политического протеста против остатков крепостничества и процесса «раскрестьянивания». Сектантские организации ни по своим программам, ни по своим целям, ни по составу своего руководства и способам борьбы революционными, конечно, не были. Религиозная форма политического протеста со стороны масс показывает политическую неразвитость и культурную отсталость этих масс. Политический протест под религиозной оболочкой был свойственен не одной только России, но и всем другим народам на известной ступени их развития. Но являясь отсталой, религиозная форма политического протеста показывала все же наличие недовольства и брожения среди крестьян царской России.

Не то теперь. Основная масса трудящегося крестьянства состоит в колхозах и идет под большевистским руководством к зажиточной жизни. Остатки крепостничества и причины, порождавшие расслоение и нищету крестьянства, против которых так робко и неясно протестовали сектанты, в СССР уничтожены. Отсюда совершенно ясно видно, что социальные корни и политическая роль современного сектантства имеют совершенно иной характер чем до революции.

Политическая роль сектантства после революции действительно изменилась коренным образом. Если до революции сектантство, руководимое кулачеством в деревне и либеральной буржуазией в городе, представляло хоть какую-то форму буржуазно-демократической оппозиции против остатков крепостничества и царского произвола, то теперь оно всецело встало на защиту и службу остатков капитализма. Из сект ушло много бедняков и середняков, особенно после и в момент сплошной коллективизации, зато в секты влилось много бывших торговцев и раскулаченных. Ясное дело, что «бывшие» люди и раскулаченные используют сектантские, как и всякие другие религиозные организации в целях борьбы с социалистическим строительством и советской властью.

Разновидности сектантства возникли еще до расцвета капитализма в России. Но наибольшее количество сект возникло именно в момент расцвета капитализма. Капитализм разорял крестьян и усиливал и без того тяжелый гнет над крестьянством. Страх перед слепой разрушительной силой капитализма питал корни религии, в том числе и сектантства. У нас теперь трудящийся не боится за завтрашний день. Безработицы нет. Разорения и обнищания крестьянства нет. Стало быть, главный социальный корень религии—

страх перед разрушительной слепой силой капитала — исчез вместе с выкорчевкой основных корней капитализма, но есть капиталистические элементы, пытающиеся разжигать и использовать религиозность отсталых слоев трудящегося населения. Религия играет еще значительную роль как тормоз строительства социализма. Религия—один из наиболее живучих пережитков капитализма, поддерживаемый старыми бытовыми традициями и упорной силой привычки, остатками собственнических навыков, кулацкой агитацией, остатками темноты и бессилия в борьбе с природой, неизжитым чувством одиночества среди единоличников и т. д.

Имеющиеся сведения о социальном, возрастном и половом составе сект вполне подтверждают положение о том, что в сектах наряду с враждебными советской власти элементами состоят и могут состоять только наиболее отсталые слои трудящихся. Показательно, что сектантские организации среди колхозников имеют меньший успех, нежели среди единоличников. По возрасту в сектах преобладают пожилые, т. е. менее активные и политически менее грамотные люди. По полу — больше всего темных, малограмотных женщин старшего и среднего возрастов. Из больших сел и районных центров под напором растущих наших кадров сектантские группы и общины все более отступают в глубинные пункты, подальше от железных дорог и культуры. Сектанты любят вить свои гнезда на выселках и степных хуторах, где еще и сейчас часто нет ни избы-читальни, ни партийных и комсомольских ячеек, ни даже колхоза. Не брезговали хуторами сектанты и до революции: хутора в степных местах привлекали земельным простором и отсутствием попов и урядников. Теперь кулацкие элементы в своей борьбе против колхозов пытаются использовать эти старые сектантские гнезда на хуторах и насадить новые гнезда мракобесия. Но было бы неправильно думать, что только на хуторах, окраинах и в захолустьях сохранилось сектантство. Еще довольно много сектантов осталось в пригородах, на шахтах, новостройках, в железнодорожных рабочих поселках и т. д. Здесь более молодые секты (баптисты, евангелисты, адвентисты) обычно пользуются, с одной стороны, развалом православной церкви и старых сект (старообрядчество, молоканство и др.), а с другой стороны, отсутствием внимания к антирелигиозной работе. Старые секты (обычно дореформенного русского происхождения) и громоздкая бывшая казенная церковь застыли в мертвых обрядах и не могут удовлетворить в нужной степени социального заказа кулацких элементов. Более подвижные сектантские организации, хотя и теряют много верующих благодаря росту безбожия, все же благодаря своей изворотливости и приспособляемости перехватывают часть тех верующих, которые порывают с церковью и ищут ответа на свои вопросы помимо церкви. В данное время сектантские организации теряют больше старых членов общин, нежели приобретают новых. Но как бы ни был мал рост одних сектантских общин и как бы ни был быстр одновременный развал других сектантских общин, полагаться на самотек в этом вопросе, как и во всяком другом, не приходится. Сила пролетариата в его организованности. Повести за собой трудящиеся массы пролетариат мог только организовав их на борьбу за социализм, против эксплуататоров. Просветить и перевоспитать трудящиеся массы—это значит прежде всего организовать их для борьбы за социалистическое строительство, против эксплуататорских элементов. Дело перевоспитания масс неразрывно связано с практикой социалистического строительства. Там, где трудящиеся массы не организованы и не втянуты в активное строительство социализма или где они участвуют в нем, но не понимают своей роли и задач нашей стройки в целом, там могут еще долго сохраняться в сознании трудящихся и такие пережитки капитализма, как сектантство.

Пятилетка нанесла смертельный удар вековой темноте, забитости и неуверенности крестьянства. Объединив свои хозяйства и свой труд, полу-

чив машины и имея постоянное большевистское руководство, крестьяне чувствуют себя несокрушимой силой как в борьбе с кулацкими элементами, так и в борьбе со слепыми, стихийными силами природы. Пятилетка развеяла в прах контрреволюционные пророчества сектантских проповедников и правых оппортунистов. Авторитет сектантских проповедников, открыто выступавших против колхозов и политики индустриализации страны, подорван. Отсюда заметный развал сектантских общин и рост безбожия. Например за один только 1931 г. в Западной Сибири из 906 сектантских общин развалилось 145, из 38709 сектантов осталось к 1 января 1932 г. 33000. В наиболее гибкой по своим методам воздействия на массы секте баптистов к 1 января 1929 г. в Западной Сибири было 384 общины и в них 14893 человека. А к 1 января 1931 г. там же общин было 371 и 11933 человека. К 1 января 1932 г. у баптистов Западной Сибири осталось 342 общины и 10616 человек. Уменьшение, стало быть, количества общин на 42 единицы и членов секты на 4277 человек (цифры из отчетов западносибирского обл. совета СВБ). Развал сект происходит именно во время пятилетки и благодаря успехам массовой коллективизации. 1929 год, год великого перелома, был годом великого перелома и для сект, но в обратную сторону. И если до 1929 г. мы наблюдаем развал только в некоторых сектах, то после 1929 г. развал идет во всех сектах. Сектанты стали вступать в колхозы и рвать связь с общинами. Проповедники-кулаки были раскулачены и выселены, а некоторые другие проповедники ввиду неудовлетворявших их материальных и общих условий, создавшихся для них в колхозной деревне, бросили руководство общинами и уехали туда, где их еще не знают.

До 1929 г. имелся в некоторых сектах, например на Дальнем Востоке, даже рост сектантства. После 1929 г. идет резкое снижение членства во всех решительно сектах, несмотря на предшествовавшее увеличение числа проповедников. Ввиду опасности развала общин количество проповедников к 1929 г. было в некоторых сектах увеличено и многие общины были разукрупнены, но с 1929 г. несмотря на эти меры количество и общин, и верующих, и проповедников уменьшилось.

Цифровые данные учебно-исследовательской экспедиции студентов антирелигиозного отделения Московского историко-философского института говорят и о более раннем начале развала сект. Но для большинства сектантских общин переломным был 1929 г. В этом отношении типичными нужно считать изменения членского состава в общине евангелистов в станице Советской (Прохладненский район, Северный Кавказ). Здесь снижение членства началось именно с 1929 г. В общине евангелистов в станице Советской было:

В 1922 г.	— 21 чел.	В 1927 г.	— 56 чел.
» 1923 »	— 30 »	» 1928 »	— 69 »
» 1924 »	— 30 »	» 1929 »	— 69 »
» 1925 »	— 32 »	» 1930 »	— — »
» 1926 »	— 43 »	» 1931 »	— 54 »

Означают ли эти цифры, что нет и не может быть отдельных случаев роста сект, хотя бы даже и внутри колхозов? Нет, не означают. Кое-где рост сектантских общин при общем падении количества общин наблюдается и сейчас. Отчего же это происходит?

Кулацкий саботаж хлебозаготовок в некоторых станицах Кубани в 1932 г. показал, что колхоз можно считать большевистским только в том случае, если в нем есть большевистское руководство и классовая бдительность. Кулацкие элементы использовали в 1932 г. на Кубани в целях организации саботажа хлебозаготовок также и сектантские организации. В конечном счете сектантские организации на Кубани дискредитировали себя и были разоблачены как кулацкие организации, но в момент кулацкого сабо-

тажа сектантская агитация в некоторых колхозах имела успех, и некоторая, правда, незначительная часть колхозов возглавлялась кулацко-сектантскими элементами. Сектантские организации, как наиболее гибкие и опытные в смысле умения влиять на массы, применили на Кубани новую тактику «тихой сапы». Колхозники не сумели во-время разобраться в этой новой тактике классового врага. К тому же среди колхозников было и есть еще немало таких, которые недавно пришли в колхоз и еще не изжили собственнических и даже кулацких настроений. Сознание колхозников вообще не успело еще подняться на тот высокий уровень, на каком утвердилось их фактическое положение как участников социалистического (колхозного) производства.

Сознание колхозников отстает от их фактического положения. «Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частнособственническое» (Сталин).

Используя культурную и политическую отсталость колхозников, сектантские проповедники пытаются вести вербовку среди них и, не получая отпора от бездействующих колхозных и общественных организаций, добиваются иногда своей цели. Иначе чем объяснить такой факт, что даже в 1933 г. мы имеем случаи вступления колхозников в секты? Например в артели «Бауэр» (Павловский сельсовет, Запорожский район, УССР) сектанты торжественно приняли в свою общину в 1933 г. 22 молодых колхозника, в результате чего артель сразу же пропраздновала два рабочих дня¹). Безбожник объясняет это обстоятельство отсутствием в запорожском райсовете СВБ опытного антирелигиозника, знающего немецкий язык. Без знания немецкого языка работать среди немцев-меннонитов, конечно, трудно, но меннониты живут в Запорожском районе не первый год, и при желании можно было давно подготовить антирелигиозные кадры для работы среди них. Беда, однако, в том именно и состоит, что желания вести антирелигиозную пропаганду местные работники часто не испытывают. Пока в том или ином колхозе не произойдет массового вступления в секты, как это было в артели «Бауэр», многие местные работники считают антирелигиозную работу излишней и даже... вредной. Находятся такие «теоретики», которые боятся, что безбожная работа «не даст забыть колхозникам про бога»! По мнению этих товарищей, чем меньше будешь говорить про бога, тем скорее про него забудут. Такое мнение можно встретить как раз среди товарищей, не желающих заниматься антирелигиозной пропагандой. Свое бездействие и нежелание заниматься безбожной работой многие оправдывают занятостью или незнанием с предметом, но находят и такие, по мнению которых колхоз с хорошими хозяйственными показателями в состоянии убить сам по себе любую веру в бога, без всякой агитации со стороны безбожников. Это положение неверно и очень вредно. Рост материального благополучия колхозников добывает такие корни религии, как страх за завтрашний день. Но для уничтожения пережитков капитализма в сознании, для изживания собственнических навыков и настроений нужна постоянная и длительная работа по перевоспитанию колхозников. Материальные успехи колхоза любой сектантский начетчик может объявить божьей милостью и нажать на этом деле политический капитал. Поэтому только тот колхоз застрахован от сектантской и всякой другой кулацкой заразы, где ведется воспитательная и в том числе антирелигиозная работа. Были, конечно, случаи, когда сам по себе один только факт организации колхоза в сектантской среде приводил к расколу сектантов на два лагеря: верующих и колеблющихся между религией и безбожием. Но при каких обстоятельствах возможны были эти случаи?

¹) Газета «Безбожник», 17 июля 1933 г.

Возьмем к примеру случай раскола, а потом и окончательного развала общины евангелистов в с. Сквороднево (Коньшевский район, ЦЧО). Корреспондент газеты «Безбожник» Ф. Филиппов (в № 36 сменной полосы ЦЧО за 1932 г.) пишет, что «от райсовета давно нет и помина, а условия для работы есть, безбожие в районе растет. Так, недавно в с. Сквороднево под влиянием успехов местного колхоза развалилась евангелистская община. Есть кое-где безбожный актив в колхозах».

Во-первых, есть «кое-где безбожный актив в колхозах» и наверное этот актив был также в Сквородневском колхозе. Во-вторых же, судя по письму т. Филиппова, местные евангелисты пытались развалить колхоз не изнутри, а в лоб, поэтому потерпели полнейший крах. Пресвитер евангелистов из села Мармыж, кулак-мельник А. Козленков, и его помощники Павленков и Антипов пытались запугать колхозников вымышленным декретом о роспуске колхозов, но из этой грубой провокации у них ничего, конечно, не получилось. Пугали голодом, но и эта клевета стала очевидной после сбора урожая еще в 1932 г. Потерпев крах, главы общины разбежались, а рядовые сектанты вступили в колхоз. Победа безбожникам досталась таким образом почти без всяких усилий. Будь проповедники похитрее, измени во-время свою тактику, и еще вопрос, распалась ли бы так легко община евангелистов. Но и сейчас мы не знаем, а не было ли все это лишь хитрым маневром временного самороспуска со стороны сектантов, как это мы видим в других местах?

Новейшая тактика сект теперь состоит не в том, чтобы открыто, подобно кулаку, пресвитеру евангелистов Козленкову, выступать против колхозов. Наиболее хитрые проповедники объявляют себя друзьями колхозов и советской власти, а сказочного христа—«первым коммунистом» и сыном «деревообделочника» Иосифа. Находятся, к сожалению, товарищи среди местных ответственных руководителей безбожного движения, которые не видят вреда всех этих лживых заявлений. Руководитель безбожной организации Дагестана т. Поташман построил в соответствии с заявлениями сект и свою тактику борьбы против церковников. По мнению т. Поташмана, нужно на известный период ослабить борьбу с сектантством в ряде районов Дагестана, для того чтобы они «помогли» нам развалить православные общины.

«В Торумовке нужно ударить по баптистам, в Буйнакском районе выгоднее разбить церковников за счет укрепления работы баптистов и добиться развала церкви за счет организации сектантского течения. Работу необходимо комбинировать: в отдельных районах удобнее добить шейхизм, допуская развитие мюридизма» (из выступления председателя дагестанского совета СВБ т. Поташмана на пионерском совещании в 1933 г.). Тов. Поташман, очевидно, до сих пор не усвоил, что для партии и советской власти нет плохих и хороших религий. Нельзя безбожной организации входить в блок, хотя бы никак официально и не оформленный, с религиозными организациями. Никаких привилегий никаким вероисповеданиям— вот установка советской власти со дня опубликования ее первого декрета. «Установка» же т. Поташмана говорит о привилегиях сектантам и о молчаливом соглашении с сектантами. При такой «установке» легко дойти и до натравливания одного вероисповедания на другое. Политику натравливания и разжигания религиозной розни проводила и проводит в капиталистических странах буржуазия. Буржуазия заинтересована в религиозной розни между трудящимися, потому что религиозная борьба трудящихся между собою раскалывает и ослабляет единый фронт трудящихся. Наша политика, напротив, состоит в том, чтобы устранить все помехи единому фронту трудящихся и в том числе устранить и религиозные помехи. Достичь этого мы можем, конечно, не путем примирения попов между собой и не путем обращения всех в баптизм или еще какую-нибудь единую веру, а путем разъяснения вреда всех и всяческих религий. Баптистская религия

ничуть не лучше православной. Есть фанатики и колеблющиеся и в православии, есть они и в баптизме, причем в процентном отношении фанатиков в баптизме даже больше, чем в православии. Нельзя поэтому рассматривать баптизм как ступень к безбожию. И баптистские и православные организации—это кулацкие по своей идеологии организации. Переход верующего из одной организации в другую не только не сопровождается понижением религиозности, но, как правило, является показателем именно повышенной религиозности. Что же касается сектантской «доброты», «тихости» и «святости», то как раз именно эта форма маскировки врага является наиболее типичной для данного времени. На словах сектантские начетчики, конечно, за коммунистов, за колхозы, за советскую власть, а на деле—против нового быта (например против советской формы брака), против политики ликвидации кулачества как класса, против большевистского руководства колхозами, против обороны СССР. Но и на словах большинство сектантских организаций признает себя сторонниками советской власти лишь условно, т. е. при известных оговорках и недомолвках. Например в «Исповедании веры христиан-баптистов» говорится о повиновении не одному только советскому правительству, а правительству всякому, т. е. и белому. Всякие, а значит и все фашистские правительства существуют, по учению баптистского исповедания, «для защиты добрых и для наказания злых». Выходит, что в Германии сейчас фашисты защищают добрых (читай: капиталистов) от злых (читай: рабочих и коммунистов)!

В «Исповедании» баптистов также говорится о том, что баптисты считают «себя обязанными оказывать безусловное повиновение законам, если таковые не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры»¹⁾.

Если, стало быть, оборона СССР или политика ликвидации кулачества противоречат заповеди любви и всепрощения, то их пользы и необходимости можно и не признавать. Являясь противниками советской политики, сектантские организации еще сравнительно недавно и почти совершенно открыто выступали против хлебозаготовок, службы в Красной армии и т. д. Особенно злобное и упорное сопротивление сектантские организации оказали сплошной коллективизации.

II. Как сектантские организации встретили сплошную коллективизацию

Для противодействия делу сплошной коллективизации сектантские организации мобилизовали все свои «живые», т. е. наиболее реакционные, проповеднические силы. Особенно много было послано проповедников для укрепления деревенских общин. Было послано, если счет вести по всему Союзу, много тысяч так называемых «благвестников», и многие рядовые сектанты были в этот момент «рукоположены во пресвитеры». Например на одном только Дальнем Востоке евангелисты увеличили количество официально зарегистрированных «общественников» (проповедников) в момент сплошной коллективизации (по сравнению с 1926 г.) с 15 человек до 138, баптисты—с 184 до 228, молокане—с 48 до 53, иоанниты—с 1 до 2 человек. Подобное увеличение штатных и внештатных, официально зарегистрированных и незарегистрированных «благвестников» происходило в 1929 г. почти по всему Советскому союзу.

Прибывая на место, проповедники прежде всего разукрупняли общины для удобства руководства ими и одновременно начинали усиленно вести в личных беседах и с кафедры клеветническую кампанию против сплошной коллективизации.

¹⁾ «Исповедание веры христиан-баптистов», изд. Н. В. Одинцова. М. 1928.

Слухи один нелепее другого распускались про колхозы и имели среди наиболее отсталых слоев верующей части населения некоторый успех до тех пор, пока бедняцко-средняцкие массы не познакомились на практике с колхозами и не убедились в провокационном характере всех этих клеветнических слухов. Например в ряде районов Горьковского края кулаками, проповедниками и попами были пущены слухи о том, что всем колхозникам на руку и на лоб будут ставить печать антихриста, что в колхозах жен к мужьям будут подбирать по росту, что в Майданском колхозе Воротынского района члены колхоза друг другу носы пооткусывали, что в колхозах есть нечего, что в Новопокровском колхозе половина колхозников уже умерла с голоду и т. д. и т. п. Крестьяне снарядили в Майданский, а также и Новопокровский колхоз (Гагинский район) экскурсии. Выяснилось, что новопокровские колхозники живут лучше единоличников, а слухи про Майданский колхоз разносили по домам две лишенки, подкупленные кулаками. В результате разоблачения кулацких слухов колхозы укрепились, но пока успели разоблачить слухи, ряд колхозов кулакам и проповедникам удалось развалить¹⁾.

Псковская газета «Псковский набат» сообщает, что кулаки «страшают поджогом, убийством, антихристом, англичанами, китайцами, голодом, чем угодно, лишь бы удержать бедноту и середняков от вступления в колхоз»²⁾.

Про членов бригад, приехавших в деревню, были сочинены слухи, что они приехали с клеймами и будут ставить знак антихриста «666».

Дочь бывшего помещика Верещинского из деревни Саброво «подтвердила, на основании библии, что в 1930 г. должен появиться антихрист, который будет загонять в коммуны, пока не начнет светопреставление»³⁾.

«О том, что приехали антихристы,—сообщает «Псковский набат»,—твердят и сектанты федоровского сельсовета. Про местную рудневскую коммуны «Звезда» пустили молву, что там дети ходят голодные, разутые, раздетые, а коммунары только и знают, что беспрерывно дерутся и с ножами друг за другом гоняются. Послали в рудневскую коммуны представителей. Оказалось, что на 50 коммунаров намолочено разных хлебов 284 ц, коммуна имеет 24 коровы, 30 овец, 4 свиньи и весь необходимый с.-х. инвентарь, в том числе трактор. Кушают хорошо, одеты и обуты много лучше, чем соседние крестьяне. Все дети ходят в школу. Про рудневскую коммуны после этого уже не говорят, но переводят разговор на другие, более отдаленные коммуны»⁴⁾.

В некоторых местах сектанты всерьез поверили в «конец света» и не сеяли хлеба. На этой почве происходили споры в сектах и выходы из сект. Например в селе Терновка (Новокалитвенский район, б. Россошанский округ) секта федоровцев ждала в мае 1929 г. и весной 1930 г. конца света и не сеяла хлеба. «Конец света» не состоялся, и часть федоровцев, благодаря этому разуверившаяся в пророчествах, в количестве 25 семейств коллективно вступила в колхоз, сняв все федоровские нагрудные знаки.

Туго приходится кулакам, проповедникам и попам, поэтому они пускаются на самые рискованные и жульнические проделки. Например в 1930 г. в селе Сирове (Вроднинский район, Украина) хулиганы, подкупленные кулаками, наряжались ночью чертями и угрожали расправой всякому, кто вступит в колхоз. «Черти» были арестованы и привлечены к ответственности⁵⁾.

Особенно много было слухов и жульнических проделок со стороны кулаков, попов и проповедников в таких глухих местах, как деревни знамени-

¹⁾ Сообщение нижегородской газеты «Советская деревня» от 1 апреля 1930 г.

²⁾ «Псковский набат» от 2 февраля 1930 г.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ См. подробное сообщение газеты «Воинствующий безвирник» № 19 от 30 czerwca, 1913 р.

того своей отсталостью «Пошехонья». Газета «Рабочий пахарь» (от 4 марта 1930 г.) приводит целый список слухов и проделок, с помощью которых кулаки пытались отпугнуть пошехонцев от колхоза. «Вполне серьезно,—сообщает «Рабочий пахарь»,—ряд старух просил бригаду взять на себя грех за то, что они вступили в колхоз. Бригадиры заверяют, что таких грехов у них прямо непочатый угол, так как их наваливают в каждом колхозе¹⁾. Дело доходило до того, что отдельные напуганные кулаками старушки, прежде чем вступать в колхоз, требовали расписку в том, что их в колхозах не будут перерабатывать на удобрение. Например такую бумажку просила перед вступлением в колхоз гражданка Арина Соколова из деревни Васильевское²⁾.

Желая во что бы то ни стало отпугнуть бедняков и середняков от машинно-тракторных станций, сектантские начетчики придумывают такие расшифровки букв «МТС» (машинно-тракторная станция), которые бы показывали, что МТС есть дело рук «антихриста», поэтому нередко можно встретить среди сектантов такое толкование букв «МТС»: «мир топит сатана» или еще что-нибудь в этом роде.

Нужно сказать, что сказка о кончине мира и приходе «антихриста» среди кулацко-сектантских сказок занимает почетное место. Газета «Северная правда» сообщает, что в селе Дурасове (Красносельский район) Л. Н. Гусев выступил в момент сплошной коллективизации с проповедью близкой кончины мира: «Близко то время, когда бог будет наказывать людей, пошлет сильный жар, земля потрескается, люди попадают, будут там мучиться и страдать коллективно».

«Трещины—это колхозы,—говорил Гусев,—а люди, которые будут мучиться там,—это их члены»³⁾.

Слухи об антихристе и конце света фабриковались проповедниками и кулаками всюду. С Дальнего Востока, с Урала, с Северного Кавказа, из Белоруссии и Украины—отовсюду газеты сообщали и сообщают о подобной форме кулацко-сектантских провокаций. Газета «Тихоокеанская звезда» сообщает, что евангелистский проповедник села Новокрещенок, ссылаясь на заранее подобранный текст из священного писания, пояснял, что коллектив—дело рук антихриста. Кулак-адвентист Гаевой Иосиф из села Большой Сион распускал, например, такие слухи: «Явятся три антихриста и будут сбивать народ с пути праведного. Сперва народ будут клеймить, потом казнить, и так 42 месяца. После господь устроит страшный суд»⁴⁾.

Газета «Большевицкая смена» сообщает, что «в Сочинском районе на камнях и в шахтах на вагонетках сектанты пишут лозунги с призывами готовиться «ко второму пришествию Христа» и не ходить в колхозы»⁵⁾.

В ответ Трегубову и другим сектантским вождям, обвинявшим нас в том, что мы судим о сектантских организациях на основании единичных случаев, мы могли бы привести сотни примеров, когда сектантские проповедники и кулаки пытались с помощью басни об «антихристе» и «конце света» сорвать сплошную коллективизацию⁶⁾.

¹⁾ «Рабочий пахарь» от 4 марта 1930 г., Рыбинск.

²⁾ Сообщение «Рабочего пахаря» от 4 марта 1930 г.

³⁾ «Северная правда» от 24 декабря 1929 г., Кострома.

⁴⁾ «Тихоокеанская звезда» от 28 февраля 1930 г., Хабаровск.

⁵⁾ «Большевицкая смена» от 26 марта 1930 г., Ростов на Дону.

⁶⁾ Было бы слишком скучно и ненужно приводить здесь описания сотен довольно однообразных кулацко-сектантских провокаций. Ограничимся лишь указанием газет, где читатель может при желании получить справку о наиболее ярких примерах таких провокаций: «Борьба» (Сталинград) от 13 апреля 1930 г.; «Кочегарка» (Артемовск, УССР) от 12 марта 1930 г.; «Орловская правда» (Орел) от 13 декабря 1929 г.; «Трудовой путь» (Армавир) от 13 февраля 1930 г.; «Комсомольская правда» (Москва) от 20 декабря 1929 г.; «Тверская правда» (Тверь) от 13 сентября 1929 г.; «Советская Сибирь» (Новосибирск) от 8 декабря 1929 г.; «Путь Ленина» (Усмань) от 18 февраля 1930 г.; «Молодой рабочий» (Новосибирск) от 2 марта 1930 г.; «Красноярский рабочий» (Красноярск) от 22 января 1930 г.

Хитроумные проповедники могут нам ответить, что учение об антихристе и о конце света существовало всегда и что сектантское учение об антихристе и о конце света никаких вредительских целей в отношении сплошной коллективизации не преследует и не может преследовать. Но, во-первых, усиление этих провокационных проповедей происходило именно в момент сплошной коллективизации. Во-вторых, все описанные нами случаи провокаций были направлены непосредственно против коллективизации. В-третьих, всеми провокациями руководили проповедники и кулаки, кровно заинтересованные в срыве сплошной коллективизации. Стало быть, говорить о случайном совпадении моментов кулацко-сектантских провокаций с моментом сплошной коллективизации не приходится.

Не приходится говорить о случайном совпадении хотя бы и по одному тому, что кулацко-сектантская агитация сопровождалась хищническим убоем скота, срывом собраний по коллективизации и развалом тех колхозов, где находились или вели агитацию сектантские «активисты».

Имеется много жалоб на срыв собраний сектантами. Срыв собраний по коллективизации производился различным образом: путем невяки всех сектантов и сагитированных ими граждан, путем принятия двусмысленных и уклончивых резолюций и, наконец, путем крика, шума, нежелания слушать ораторов и т. д. На этот последний способ срыва собраний бригадники указывают как на наиболее частый и злостный способ. Бригадник—рабочий П. Ивановин (с фабрики «Возрождение» Московского вигоневского треста) сообщает, что в дер. Тиховицах никольского сельсовета (Красногвардейский район, Ленинградская область) «при докладе райинструктора т. Борисова о социалистической реорганизации сельхозкооперации подкулачниками в лице баптистов и церковной двадцатки были созданы такие условия, что невозможно было вести собрание»¹).

Газета «Тихоокеанская звезда» сообщает, что в деревне Бичевой на женделегатское собрание было баптистской общиной откомандировано несколько активисток и проповедниц, которые не хотели ничего слышать о колхозах и «кричали до хрипоты, обвиняя партию, советскую власть во всех смертных грехах, не давали говорить докладчику, председателю и пытались сорвать собрание»²).

В борьбе против сплошной коллективизации сектантские проповедники не ограничились, конечно, только клеветой и провокациями. Там, где не действовали сказки про антихриста и конец мира, они пускали в ход керосин и спички, палки и вилы, топоры и обрезы. Например в деревне Семидесятской (бывший Усманский округ, ЦЧО) сектанты, руководимые кулаком по фамилии Массал, в момент сплошной коллективизации убили комсомольца, агитировавшего за коллективизацию. Всем, кто записывался в колхозы, массаловцы грозили смертью. Желая прекратить доставку газет и официальных распоряжений в деревню, убили почтальона. Разогнали ликпункт. Наиболее активную крестьянку, посещавшую ликпункт, а также ее сына и свекровь они убили (дело происходило в 1930 г.).

Уполномоченного, приехавшего по делам осеннего сева и коснувшегося в своем докладе выгод коллективизации, сектанты из деревни Грачи (Рязанский район, бывший Рязанский округ) под руководством своего «святого ясновидца и богочеловека» Арсения выгнали камнями, чуть не убив его.

Однако несмотря на все кулацкие провокации, поджоги и убийства, сплошная коллективизация нарастала могучей волной.

Наиболее бедные и советски настроенные сектанты потянулись в колхозы, но первых смельчаков ждали со стороны любвеобильных братцев жесто-

¹) «Крестьянская правда» от 17 января 1930 г., Ленинград.

²) «Тихоокеанская звезда» от 21 декабря 1929 г., Хабаровск.

кие мечь и расправа за «измену христу». Например в селе Новосредненском (Георгиевский район, Северный Кавказ) из 500 баптистов 320 вошли в колхоз. Бедняк-баптист Чурсин не только вошел в колхоз, но и порвал с сектой. Чурсин был для секты опасным человеком, потому что он умел хорошо агитировать против секты, за колхоз. Выведенный из терпения, проповедник Чернухин подкараулил ночью Чурсина и нанес ему три смертельных раны. Святые братья во христе спрятали труп и убийцу, но неудачно. Все дело раскрылось, и убийца вместе со своими укравателями был привлечен к судебной ответственности¹⁾.

Сообщения мы имеем, конечно, не о всех случаях кулацко-сектантского насилия над вступающими в колхоз, но и этих достаточно для того, чтобы судить, какую лютую ненависть к колхозам таят под личиной кротости и любви сектантские проповедники.

Представителям советской власти сектантские вожаки говорят, что нет более преданных коммунизму людей чем сектанты, а сами из-за угла убивали за одну попытку стать колхозником. Представителям власти сектантские проповедники говорят, что их села и хутора состоят сплошь из коммунистов, а на деле сектантские хутора и села имеют наибольший процент единоличников. Это и понятно: в результате провокационной и террористической антиколхозной деятельности сектантских организаций в селах и хуторах, зараженных сектантством, сплошная коллективизация затормозилась. Например в районе Рязанцевского колхозного куста, по сообщению «Голоса труда», сектанты долго не вступали в колхозы. Во многих селениях имеются сектантские группы и общины, центр управления которыми находится в селе Михалево. Руководство находится в руках пресвитера Машкова Василиска. Ему помогали специально откуда-то выписанная в момент сплошной коллективизации блаженная Катя, кулак Иванов и жена Иванова Матрена Федоровна (село Кабанское). Вследствие подрывной работы Машкова и К^о в Михалево из 80 дворов в колхозах в 1930 г. состояло только 13²⁾.

Более свежие сообщения тоже говорят, что в сектантских селах и хуторах процент коллективизированных хозяйств значительно ниже в сравнении со всеми окружающими селами и хуторами. Например в старолещинском сельсовете, имеющем среди населения много федоровцев и евангелистов, процент коллективизированных хозяйств равняется 35, в то время как сплошная коллективизация в районе в основном уже завершена³⁾.

Из 105 дворов сектантов-некрасовцев (хутор Некрасов, около ст. Мечетинской, Северный Кавказ) только один двор принадлежит колхознику⁴⁾.

Однако не везде тактика сектантов была одинаковой. Решив, что открытыми выступлениями против колхозов можно подорвать, пожалуй, скорее своей авторитет, нежели авторитет колхозников, некоторые, наиболее хитрые проповедники высказывались «за» вступление в колхозы, но обставляли это вступление такими провокациями, от которых по их расчетам колхоз должен был явно погибнуть. Например в деревне Поповке (бывшая Андреевская волость, Ставропольский район) баптистский проповедник Солдугаев через бедняка Бобрищева, производившего по поручению сельсовета перепись имущества, распустил слух, что все переписанное будет отобрано в колхозы и казну. Население Поповки, напуганное этой провокацией, начало в спешном порядке прятать, продавать и уничтожать все движимое и недвижимое имущество. Кулаки и спекулянты по дешевке скупали распродаваемое имущество, а потом перепродавали его втридорога.

Такая же провокация наблюдалась и во многих других районах. Цель

1) «Безбожник» от 30 декабря 1930 г.

2) «Голос труда» от 16 января 1930 г.

3) «Безбожник», 1932 г., ЦЧО, 9

4) «Безбожник», 1932 г., Северный Кавказ, 19.

этой провокации состояла в том, чтобы разорить население, нажить капиталы путем скупки и продажи дешевого скота, сделать существование колхозов непрочным, вызвать недовольство советской властью. Кулаки и проповедники в тех колхозах, где их влияние было сильнее, некоторых успехов достигли. Например из коммуны «Смерть капиталу» (Каменский район, Сибирский край) выписалось много сектантов. На проверку вышло, что в коммуне сектанты и не собирались жить долго, они заранее, чтобы ничто их с коммуной не связывало, распродали часть своего рабочего скота, а также припрятали часть своего с.-х. инвентаря. Явившись в коммуну, сектанты потребовали полного пайка, но работать не хотели. Перед вступлением в коммуну они разбазарили почти весь молочный скот и овец. Нажились на всем этом деле кулаки и спекулянты, распускавшие слухи и сеявшие панику. Так действовали рука об руку кулацко-сектантские спекулянты и провокаторы.

II. Попытки сектантских организаций создать свои обособленные „колхозы“

Затормозить сплошную коллективизацию надолго, хотя бы только в сектантских селах, сектантские проповедники и кулаки, конечно, не могли. Над кулаками-сектантами повисла угроза раскулачивания. Чтобы избежать раскулачивания, сектанты-кулаки переименовали сектантские религиозные общины, где они были хозяевами положения, в «колхозы».

В сектантские «колхозы» безбожников и вообще несектантов принимать было опасно: они могли разоблачить эти лжеколхозы и добиться раскулачивания лжеколхозной верхушки. Поэтому в сектантские колхозы обычно безбожников и несектантов не принимали. Но и сектантов принимали не всех, а с разбором.

Кулакам было выгоднее нанимать батраков, чем на равных правах делить доходы по труду с сектантами-бедняками. Поэтому наблюдалось много случаев, когда сектанты-лжеколхозники прибегали к наемному труду, не допуская к себе в члены колхоза имевшихся батраков, и исключали из колхоза бедняков. Но и эта полоса прошла, потому что с момента сплошной коллективизации батраки и бедняки могли вступить в любой несектантский колхоз и кроме того появился большой спрос на рабочие руки. Тогда сектантские колхозы начали дорожить бедняками и середняками, начали усиленно зазывать к себе в колхозы батраков и бедняков. Так менялась тактика сектантских «вождей» под напором неудержимого хода сплошной коллективизации. В зависимости от изменения этой тактики менялся внешний облик сектантских «колхозов», менялась внутренняя их структура. В тот момент когда в сектантских лжеколхозах старались окопаться кулацкие и зажиточные элементы, пока орудия и средства производства принадлежали колхозу лишь на бумаге, существовала эксплуатация наемного труда и существовала оплата труда пропорционально имеющимся собственным орудиям и средствам производства. После того как сектантские лжеколхозы были почищены и явные кулаки раскулачены, организация и оплата труда стали иными, но еще далеко не социалистическими. Оставшиеся в сектантских колхозах скрытые кулаки и подкулачники, всевозможные почетные старцы и внештатные проповедники тормозили и тормозят еще правильную организацию и оплату труда. Они хотели бы, не работая, получить больше работающего, но, поскольку это невозможно, они хотят получить хотя бы столько же, сколько и работающие. Другими словами, они стоят за уравниловку, причем за уравниловку и в экономическом и в политическом отношении. Например в деревне Ашкаул (Канский район, Вост. Сибирь) перед организационным собранием по коллективизации местные баптисты в количестве 47 человек устроили свое собрание, на котором обсуждали во-

прос, какой линии держаться на сходе в отношении сплошной коллективизации. К моменту сельского организационного собрания по коллективизации в клуб явились баптисты все до одного. На собрании в клубе сектанты выступали в таком роде, что, мол, всякая власть от бога и ей нужно покоряться, поэтому на призыв советской власти нужно откликнуться, но не нужно забывать и про бога, который, мол, нам заповедал любить друг друга, а поэтому не должно быть деления на бедняков и кулаков, ибо у бога все равны. Выражая общее мнение и настроение сектантов в отношении классовой политики советской власти в деревне и в отношении ликвидации кулачества как класса, баптист Белечук заявил, что «у нас не должно быть деления на богатых и бедных, у нас все одинаковы, все братья».

Но тут же, как только началась запись в колхоз, одна из евангельских «сестер», Бакина, закричала во все горло: «В колхоз идут все лодыри. Пусть бедняки и батраки внесут в колхоз столько, сколько и мы»¹⁾.

Так сами же себя разоблачили сектанты на собрании.

Пытаясь всячески воспрепятствовать ликвидации кулачества и приему бедняков и батраков в колхоз, сектанты не хотели признавать за паевой взнос отобранный у кулаков инвентарь, заявляя, что инвентарь этот награблен, что от ворованного проку не будет, что за ворованное бог накажет и так далее в том же роде. В действительности же они хотели избавиться от бедняков и батраков и спасти кулаков. Они надеялись прожить наемным трудом, поэтому направо и налево исключали из своих лжеколхозов тех немногих бедняков и батраков, которых приняли для отвода глаз в начале организации своих «колхозов».

Сообщения о непринятии бедняков и батраков в сектантские колхозы и об исключении неимущих из сектантских колхозов мы имели отовсюду. Из Генического района (Мелитопольщина, Украина) сообщают о целом ряде таких фактов. Например не принят был в колхоз «Червоный сивач» (чонгарская сельрада) ни один бедняк и батрак до тех пор, пока не был реорганизован колхоз и пока не был удален председатель правления колхоза, баптист Борисов, который на всех заявлениях батраков и бедняков писал такую резолюцию: «Не приймати, бо в його господарстві нічого нема». В колхозе «Червоный жовтень» (другомихайловская сельрада) сектанты не приняли безброничу-вдову и исключили двух активистов-батраков. Такая же картина наблюдалась в некоторых колхозах алексеевской сельрады, потому что во главе этих колхозов и даже во главе алексеевской сельрады стояли сектанты. Председателем алексеевской сельрады был баптист, пьяница Скоропачкий. Не лучше было положение в колхозе «Новая жизнь» в Н.-Григорьевской сельраде. Там не было среди членов колхоза ни одного батрака и бедняка. Коровником, например, числился крупный кулак Бойко С., а работу за него справляли наемные батраки. Кулаки, бывшие торговцы и жандармы легко пролезают в сектантские «колхозы» и быстро завоевывают почет и власть. Например лишенец-баптист Иван Дмитриевич Колесников сумел при поддержке уважающих его за «начитанность» и набожность сектантов пролезть в коммуну «Завет Ильича» и стать во главе правления этой коммуны. Став во главе правления коммуны, Колесников первым делом выгнал из совета коммуны батрака Якушевича и лишил работы батрачку Сотыгину. Батрака Ивана Егорова Колесников не принял в коммуну, а зажиточных друзей и приятелей из числа сектантов принял. В результате такого искажения классовой линии и бесхозяйственности коммуна начала разваливаться. Сократилась посевная площадь, пали вследствие плохого ухода двадцать пять ягнят и племенная телка. Возможно, погибло бы и разошлось по рукам друзей Колесникова все хозяйство коммуны, если бы на эти безобразия не обратили внимания

¹⁾ Из сообщения канской газеты «Власть советов» от 6 февраля 1930 г.

партийно-советские организации близлежащего села Репьева и если бы не забила тревогу новосибирская газета «Сельская правда», поместившая о Колесникове и делах коммуны целую статью»¹⁾.

Как и с помощью кого пробираются люди, вроде Колесникова, в колхоз, показывает пример сектантского деятеля (бывшего торговца) Чугуева, получившего с помощью другого сектанта от устюговского сельсовета (Тверской район) ложную справку о том, что Чугуев не лишен избирательных прав и является маломощным крестьянином. Этот «маломощный крестьянин» организовал в Сабурове под Москвой лжеартель, в которую пристроил бывшего околоточного надзирателя лишенца Борзенкова, спекулянта Рихтера и др. Последние пристраивали в артель новых, себе подобных типов. Так началась целая лесенка из «бывших людей», вокруг которых группировались одуроченные ими рядовые сектанты. Рядовые сектанты для всякого рода «бывших» людей играют роль заслона и массы, которой они командуют в своих целях и интересах. В последнее время сектантские проповедники и пройдохи додумались даже до того, что стали создавать внутри несектантских колхозов свои «ударные» бригады. Цель этих лжеударных бригад состоит совсем не в увеличении и поднятии производительности труда. Их цель: вредить и разлагать несектантские колхозы изнутри, делать их сектантскими, завоевывать для пресвитеров и проповедников власть и теплую жизнь в колхозах. Например в Балашевском и Аткарском районах, по сообщению антирелигиозника т. Гнездилова, существовала сектантская религиозная бригада, которая под видом починок колхозного сельскохозяйственного инвентаря проводила противоклхозную агитацию, в результате которой развилось сектантство и несколько колхозов развалилось совсем. Бригаду возглавляли сектанты Лемшинский и Королев.

О таком же случае пишет и Вл. Бадеров. Тов. Бадеров отмечает изворотливость баптистов Россошанского района, сектантов и гибкость их тактики. Например в коммуну им. Первого мая баптисты вступили при обязательном условии, что их не будут отделять друг от друга. Кое-где члены правлений пошли на эту уловку и даже считали желательным выделение сектантов в особые бригады. Члены правлений думали, что за сектантами легче будет уследить, если они будут все вместе. В действительности же от таких бригад выиграли только проповедники и подкулачники. Уединяясь от сторонних глаз в свои бригады, сектанты имели возможность обсуждать и готовить любые козни колхозу. Вскоре члены правлений поняли свою ошибку и перемешали сектантов с несектантами и безбожниками. Там, где эта ошибка не была исправлена, сектанты благодаря своей сплоченности и организованности переизбрали членов правления и превратили несектантские колхозы в своем преобладающем большинстве в сектантские по своему духу и составу правлений. А к чему может привести колхозники сектантское по своему составу и духу правление, мы уже видели. В колхозах с сектантским правлением мало-помалу становится все сектантским, начиная от правления и кончая товарищескому судом и культурно-бытовой комиссией. О попытке сектантов захватить в свои руки эти два последних органа сообщала армавирская газета «Трудовой путь» от 11 марта 1930 г. На собрании колхоза хутора Харьковского стоял вопрос об организации культурно-бытовой комиссии и товарищеского суда. Доклад делал представитель района т. Карахалис. Все казалось хорошо, пока не приступили к выборам. Когда дело дошло до выборов, местный учитель сказал, что баптисты не должны и не могут работать в культурно-бытовой комиссии, поэтому их кандидатуры нужно снять. Стоило учителю сказать это, сразу же поднялся шум. Слово взял себе предколхоза баптист Цымбалов и повел за собою значительную часть

¹⁾ «Сельская правда» от 11 мая 1930 г.

собрания. Цымбалов кричал в тон сгрудившимся баптистам: «Как лишать голоса наших членов колхоза, не позволим, про это законов нет» и т. д. В результате выступления Цымбалова значительная часть собрания голосовала за кандидатуры баптистов. Какова была «работа» баптистов, выбранных в члены культурно-бытовой комиссии, можно судить по тому, что они поддерживали отказ баптистов от кино, физкультуры, спорта, театра, клуба, антирелигиозной пропаганды, службы в Красной армии, ликвидации кулачества как класса... В результате противодействия выбранных баптистов и вследствие общего большого засилия баптистов в колхозе тормозилось проведение всех важнейших хозяйственно-политических кампаний и мероприятий советской власти. Баптисты-колхозники изучали и проводили в жизнь вместо партийно-советских решений решения кулацко-сектантских съездов.

Этот пример, как и множество других примеров, показывает, что всякий колхоз, где на руководящие посты пробрались кулацко-сектантские элементы, не способен проводить в жизнь политику партии и советской власти. Больше того, такой «колхоз» является антисоветским, кулацким гнездом и орудием. И сколько бы некоторые сектанты ни уверяли нас в преданности партии и советской власти, мы не должны верить их заверениям в отношении сектантских организаций и «колхозов».

IV. Антисоветские кулацкие гнезда под видом сектантских „нейтральных“ колхозов

«Мы политикой не занимаемся. У бога нет ни красных, ни белых. Христос учил прощать и любить врагов, поэтому вы нас в политику не встраивайте. В вопросах политических мы занимаем нейтральную позицию. Никому никакого зла мы не желаем. Всем людям мы стремимся принести только добро», — так обычно говорят сектанты, когда речь заходит о их политических взглядах и позициях.

«Мы не против власти. Всякая власть от бога, поэтому мы должны ей повиноваться», — такой ответ сектанты дают тем, кто спрашивает их об отношении к советской власти или обвиняет в антисоветской деятельности.

Находятся, к сожалению, такие «наивные» товарищи, которые верят в политическую «нейтральность» сект и возможность существования «нейтральных» сектантских колхозов.

Никаких, конечно, «нейтральных» колхозов в обстановке обостренной классовой борьбы нет и быть не может.

«Нейтральные» колхозы, — говорит т. Сталин, — это фантазия людей, которым даны глаза для того, чтобы ничего не видеть. При такой острой классовой борьбе, какая имеется у нас теперь в Советской стране, для «нейтральных» колхозов не остается места, при такой обстановке колхозы могут быть либо большевистскими, либо антисоветскими. И если мы не руководим в тех или иных колхозах, то это значит, что ими руководят антисоветские элементы. В этом не может быть никакого сомнения»¹⁾.

Не может быть «нейтральных» сектантских колхозов. Сектантские по своему руководству и духу колхозы — это антибольшевистские, антисоветские колхозы.

Только те колхозы, которые находятся под руководством преданных партии людей, являются большевистскими и способны выполнять все обязательства перед государством. Большевистские колхозы являются прочной политической опорой советской власти в деревне. Совершенно обратное представляют собою сектантские колхозы. Везде, где только удавалось сектантам захватить руководство колхозом в свои руки, они превращали его в кулацкое гнездо и орудие: избу-читальню превращали в молельню, культфонд

¹⁾ Сталин «О работе в деревне».

переводили в распоряжение проповедников, вместо правительственных постановлений в основу работы колхоза ставили кулацкие указания сектантского центра. Внешне эта перемена также сказывалась в том, что красные косынки изгонялись и заменялись белыми косынками и платками. В полевых бригадах вместо революционных и вообще советских песен пелись религиозные гимны. Жизнерадостный смех и разговор молодежи сменялись ханжескими воздохами и причитаниями. Вместо соревнования, скажем, по уборке хлеба появлялось соревнование по вербовке верующих в секту. Вместо отчислений на заем и добровольные общества деньги расходовались на помощь раскулаченным и сосланным, а также на миссию¹⁾. Результаты такого хозяйничания сектантов в колхозе сказывались прежде всего в том, что появились случаи отказа от службы в Красной армии, в невыполнении обязательств перед государством, в травле ударников и безбожников, в кулацкой уравниловке, порче инвентаря и истреблении рабочего и племенного скота, в хищениях колхозного имущества и, наконец, в развале колхоза и дискредитации самой идеи коллективизации.

Для того, чтобы не быть голословными, мы приведем примеры проникновения сектантов в колхозы и в члены правления колхоза, а также покажем способы и результаты их хозяйничанья в колхозе.

В члены правления колхоза «Красный льновод» (Ржевский район, Западная область) пролезли кулаки-сектанты Соловьев и Некрасов. Более легкую работу они оплачивали выше и выдвигали на нее своих друзей и единомышленников. Учета труда и продукции при них не было. Молочные продукты расхищались²⁾.

В члены правления колхоза «Красный луч» (Опочецкий район) проникли помещик Н. Агеев, сектантский активист и руководитель Константинов, кулаки Лебедев и Дубровский. За разбазаривание и расхищение колхозного имущества они привлечены к судебной ответственности³⁾.

Наиболее же ярким примером приспосабливаемости сектантов и умения одевать на себя любую личину, является факт проникновения активного баптиста Н. Н. Сергеева в колхоз «Путь новой жизни», где Сергеев надел на себя личину «безбожника» и стал председателем колхоза. Колхозники не замечали, что «безбожник» Сергеев выступает исключительно только против обрядов православной церкви, но не против самой религии. Они не придали никакого значения тому обстоятельству, что в колхозе с разрешения «безбожника» Сергеева открылся молитвенный баптистский дом. У колхозников стали возникать кое-какие сомнения и подозрения только после того, как началась утечка членов колхоза и обнаружилась преступная бесхозяйственность. Но и тут «безбожник» Сергеев сумел на время снова обмануть колхозников, он предложил реорганизовать колхоз и назвать его «Безбожником». Реорганизация Сергееву понадобилась, для того чтобы еще больше окружить себя баптистами, а всю ответственность за развал колхоза возложить на безбожников. Маневр Сергееву в первый момент удался и помог еще больше развалить колхоз. Только гибель ярового, оставшегося под снегом, а также обнаружение баптистского прошлого и баптистских связей в настоящем у Сергеева заставили колхозников всерьез заняться оздоровлением своего руководства. Сергеева, привлеченного к судебной ответственности, сменил новый председатель — коммунист и горняк Шестов. Молитвенный дом при Шестове прекратил свое существование, но деятельность сектантов еще продолжается. Баптисты продолжают обвинять в развале колхоза безбожников. Односельчанам они рассказывают, что безбожники нарочно «подсидели»

¹⁾ Миссия—это религиозная взаимопомощь и пропаганда с целью вербовки новых членов в секты.

²⁾ «Безбожник», Общ. № 36, 1932 г.

³⁾ «Безбожник» № 22, 1932 г.

Сергеева за его терпимость к баптистам. Перед населением они расписывают Сергеева как мученика «за идею». Безбожники должны до конца разоблачить Сергеева и учесть урок с колхозом «Безбожник», где был Сергеев (октябрьский сельсовет, Товарковский район, Московская область).

Пример с Сергеевым показывает, как много могут навредить сектанты, если они сплочены и им не дают отпора. Сектанты могут быть в меньшинстве и все же фактически руководить колхозом благодаря своей сплоченности и организованности. В колхозе «Безбожник» при Сергееве из 127 хозяйств было только 30 баптистских хозяйств, и все же баптисты благодаря отсутствию бдительности со стороны безбожников великолепно себя чувствовали. Вредительство Сергеева происходило на глазах безбожников вплоть до марта 1932 г. ¹⁾ и никто всерьез не обеспокоился поведением Сергеева и не разоблачил его до момента ареста и суда.

Основываясь на печальном опыте колхоза «Безбожник» (Товарковский район), безбожным большевистским руководителям других колхозов необходимо учитывать силу прослойки безбожников в колхозе, прежде чем принимать большое количество сектантов сразу. Особенно же необходимо следить за тем, чтобы вместе с рядовыми сектантами не пролезли в колхозы раскулаченные и самораскулачившиеся проповедники и пресвитеры. С сектантской точки зрения раскулаченные и особенно самораскулачившиеся «братья» достойны всяческого сочувствия и покровительства, поэтому рядовые сектанты не считают для себя зазорным укрывать кулаков и их имущество. Колхоз считается наиболее надежным местом хранения имущества раскулаченных по тем соображениям, что в колхоз «не пойдут искать кулаков». «У нас есть действительно немало работников, которые вне колхозов ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов» ²⁾.

Между тем классовые враги, пользуясь незнанием, а иногда и явным попустительством руководящих работников колхоза, проходят в члены колхоза, стремятся под видом «ударников»-колхозников пройти в члены правления колхоза и занять должность бригадиров, полеводов, учетчиков, счетоводов, завхозов, завскладами и т. д.

Например в колхоз «Металлист» (Хомутовский район) проник на должность счетовода баптистский активист Гладилин ³⁾. Гладилин пробрался в колхоз, чтобы проводить антисоветские религиозные беседы. К счастью, колхозники во-время обнаружили вредительскую деятельность Гладилина и исключили его из колхоза.

Менее поворотливым и бдительным оказался по сравнению с «Металлистом» колхоз «Маяк» (Дубовский район, Нижневолжский край). Заведывать складом пристроился в «Маяке» вредитель-баптист Федор Лозновский ⁴⁾. Лозновский, очевидно, имел в правлении колхоза покровителей, так как колхозникам с трудом удалось добиться проверки его деятельности. Проверка склада показала, что Лозновский расхитил колхозного имущества на 8 тыс. руб. С помощью своих покровителей Лозновский избежал ареста и суда. Возмущенные колхозники потребовали от судебных организаций привлечения к ответственности как Лозновского, так и его покровителей.

Также, очевидно, имел покровителей среди членов правления колхоза «13-й Октябрь» (Болховский район, ЦЧО) и сектант-активист С. Антохин, пробравшийся в члены правления. Антохин запутал учет трудодней в колхозе и сорвал этим трудовую дисциплину, причем некоторым колхозникам он открыто рекомендовал не работать в дни религиозных праздников. Имея под

¹⁾ «Безбожник» № 4, Москва, 1932 г.

²⁾ Сталин «О работе в деревне».

³⁾ «Безбожник», 7 октября 1932 г.

⁴⁾ Там же.

держку в лице отдельных членов правления, Антохин долгое время мог этим заниматься безнаказанно¹⁾.

Прикрываясь «нейтральностью», сектантские вожаки стремятся превратить колхозы в орудие срыва советских мероприятий. Мы имеем десятки случаев самого злостного саботажа в выполнении государственных обязательств со стороны колхозов, где прочное гнездо свили себе церковники и сектанты. Например колхоз «Новый путь» (Шумячский район, Западная область) не мог выполнить заготовок до тех пор, пока не выбросил из своего состава активного сектанта Парфенкова, кулака-церковника Мотиурин, церковного старосту Сотникова и дьякона Мышковского²⁾.

Сектанты в таких случаях говорят, что они виноваты не больше других, что не будь в колхозе безбожников, которые им якобы все время только мешают, все обязательства перед государством были бы выполнены. Так ли?

Возьмем пример.

В с. Митькове (Климовский район, Западная область) баптисты имели еще в 1932 г. свою коммуны. Для того, чтобы легче получать государственный кредит, они назвали коммуны «Заря социализма»³⁾. Кредит они от государства получили и истратили, но договор на поставку молока, меда, мяса и картофеля не выполнили. Проверка показала, что цифры в отчетах правления коммуны были явно преуменьшены. В целях сокрытия доходности учета скота, урожая и удоя коров не велось. За три месяца до проверки баптисты успели уменьшить стадо коров с 63 голов до 51. Молодняк весь уничтожен. Во время проверки обнаружены спрятанные и уже испортившиеся кожи, хищнически убивавшегося скота. Государству должны были сдать три четверти удоя, а сдали, по словам доильниц, только 7 тыс. из 30 тыс. литров за все лето. Мед, яблоки, картофель, молоко, говядину, свинину, творог, сметану, масло и т. д.—все делили между «своими» и сплавляли на рынок по спекулятивному ценам. «Чужих» в коммуны не пускали, но семью того, кто покровительствовал коммуне, охотно содержали за свой счет, например семью зав. отдела райколхозсоюза Луста, работавшего ранее в коммуне в качестве счетовода. Таков образец «работы» сектантской коммуны.

Как правило, в таких коммунах, как «Заря социализма», нет ни сельщины, ни социалистического соревнования, ни ударничества. Цель существования коммун, подобных рассмотренной: скрыть раскулаченных и подлежащих раскулачиванию, снабдить их хорошими паспортами, дать возможность вредителям нажиться за счет государства и колхозников, навредить половчее и побольше под вывеской «Заря социализма» колхозам и государству.

Между тем на словах, если послушать иного проповедника, сектанты являются лучшими коммунистами и помощниками советской власти. Сектанты любят даже упрекать коммунистов в том, что коммунисты якобы не умеют проводить в жизнь коммунистического учения Маркса. Когда например всесоюзное колхозное совещание признало целесообразным и полезным введение сельщины в колхозную систему оплаты труда, то в некоторых колхозах сектанты упрекали коммунистов в отступлении от учения Маркса.

«Какие они коммунисты, одна слава, да партийный билет. Вот мы так коммунисты. Мы не хотим новой системы оплаты труда. Мы хотим, как сказано у Маркса: с каждого по способностям, каждому по потребностям».

Так кричали баптисты в коммуны «Свет» № 2 (Нижеволжский край, Еланский район), где за кулацко-сектантскую уравниловку ухватились почти все члены коммуны. Трое партийцев, притом слабо подготовленных, никак не смогли доказать своим товарищам по коммуны вредной роли уравниловки. Между тем доказательства, как потом выяснилось, были у них под рукой.

¹⁾ «Безбожник», Общ. № 45, 1932 г.

²⁾ «Безбожник», Общ. № 3, 1932 г.

³⁾ Там же, № 8.

Коммуна при 500 га земли сдала государству только 600 ц. зерна. Коммуна получила в рассрочку от государства два локомотива, два трактора, две исправных сложных молотилки и достаточное количество других, менее крупных сельскохозяйственных машин. Государство все время оказывало коммуне помощь. Одних кредитов за коммуной числилось до 15 тыс. руб. Следовательно, причина плохой сдачи хлеба не в том, что коммуне не помогают или у нее нет машин, а в том, что предоставленные в распоряжение коммуны машины и средства она не умела правильно использовать. Уравниловка никого материально не может заинтересовать, так как плохой работник получает столько же, сколько и хороший, поэтому мало охотников быть хорошими работниками. При уравниловке не могло быть высокой производительности труда, полной нагрузки машин. Вполне естественно, что коммуна «Свет» № 2, будучи построена на уравниловке, не могла принести пользы государству и не могла завоевать уважения у окружающих крестьян, она только подрывала веру крестьян в коммуны.

Такие коммуны, как «Свет» № 2, меньше всего думают о помощи государству и в силу существующей уравниловки стремятся прежде всего поделить поровну хлеб. В уборочную кампанию в 1931 г. кое-где наблюдался даже срыв уборочной и хлебозаготовительной кампаний. Уравниловцы, обмолив и разделив нужное для личных потребностей количество хлеба, бросали остальной хлеб необранным в поле.

Кое-где сектантские проповедники распустили слухи, что расчетные книжки это есть «печать антихриста», но «печатью антихриста» им удалось запугать очень немногих, да и то только самых темных и суеверных женщин.

Однако и этих слухов не было бы, если бы велась достаточная борьба с сектантскими агитаторами и вообще с религией. Борьба с сектантством во многих случаях совсем не ведется или ведется очень слабо. Отсюда случаи вступления отдельных отсталых колхозников в сектантские общины, отсюда их доверчивость к слухам. Недооценка реакционной роли религии и в том числе сектантства есть одна из форм притупления классовой бдительности со стороны многих руководителей колхозов и колхозных общественных организаций. Никакого оправдания для бездеятельности и особенно в таком вопросе как борьба с влиянием сектантства не может быть. Потеря классовой бдительности не раз приводила и может еще привести к засорению отдельных колхозов кулацко-сектантскими элементами и к развалу этих колхозов.

V. Попытки сектантов проникнуть на руководящие посты в несектантские колхозы

Процент колхозов, охваченных кулацким влиянием сект, в общей массе колхозов, конечно, невелик. Но сам по себе факт возможности влияния сект хотя бы и на незначительную долю колхозников заставляет нас пристально присмотреться к этому явлению.

Отсутствие антирелигиозной и вообще политически заостренной воспитательной работы является характерной, отличительной чертой всех колхозов, где сильно кулацко-сектантское влияние и где нет твердого большевистского руководства делами колхоза. Оппортунисты и головоотяпы, недооценивающие важного значения воспитательной и в том числе антирелигиозной работы среди колхозников, помогают своим бездействием проникать в колхозы враждебным и в том числе кулацко-сектантским влияниям. Используя бездействие, а иногда и явную помощь со стороны некоторых «работников» колхозных и советских низовых организаций, сектантские агитаторы развертывают среди колхозников и особенно колхозниц вербовочную кампанию. По мнению товарищей, склонных переоценивать силы и возможности самих колхозов, никакая сектантская вербовка в данный момент не может иметь

успеха. Раз даны колхозы, то тем самым, по их мнению, дано все, и заботиться ни о чём, в том числе об антирелигиозной пропаганде, не приходится. Товарищи это не понимают, что «колхозы в смысле своего организационного устройства все еще слабы и нуждаются в серьезной помощи со стороны партии как в смысле снабжения их проверенными большевистскими кадрами, так и в смысле текущего руководства колхозными делами. Но это не все, и даже не главное. Главный недостаток состоит тут в том, что многие наши товарищи переоценили силы и возможности самих колхозов как новой формы организации сельского хозяйства. Они не поняли того, что колхоз сам по себе, несмотря на то, что он является социалистической формой хозяйства, далеко еще не гарантирован от всякого рода опасностей и проникновения в руководство колхозом всякого рода контрреволюционных элементов, не гарантирован от того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях»¹⁾.

Достаточной бдительности к проиcкам классового врага и в том числе к проиcкам кулацко-сектантских элементов многие низовые организации не проявили. Многие сельские партийные и советские организации не видели вредительской деятельности сект и ждали, очевидно, что секты распадутся сами уже в силу одного факта существования колхозных форм хозяйства.

К чему приводит вредительская деятельность врага при отсутствии бдительности у наших организаций, видно на примере колхоза «Красные пески». Колхоз «Красные пески» организовался в большом полусектантском по составу населении селе Пески (недалеко от Борисоглебска, ЦЧО). Молокане, баптисты и «сухие баптисты» обосновались в с. Пески давно и имели там целых три молитвенных дома. Среди сектантов село Пески известно по всему Советскому союзу своими проповедниками и людными молитвенными собраниями и съездами. В журнале «Баптист» систематически печатались корреспонденции и фотографии Песков. На постройку своего молитвенного дома песковские баптисты собрали среди баптистов по Советскому союзу одними деньгами 35 тыс. руб. В свою очередь песковские общины баптистов и молокан посылали проповедников и начетчиков в целях оказания помощи сектантским общинам Кавказа, Крыма, Сибири, Волги и т. д. Казалось бы, это одно уже должно было заставить местные партийные организации обратиться на антирелигиозную работу среди сектантов в селе Пески самое серьезное внимание. Однако в момент сплошной коллективизации песковские советско-партийные организации рассудили иначе. Они решили, что сектам благодаря коллективизации пришел сам по себе конец. Факт вступления сектантов, еще недавно выступавших против коллективизации, в колхоз они расценили как само собой разумеющийся распад сект. Они недоучли того обстоятельства, что это вступление в колхоз происходило с разрешения проповедников, понявших бесплодность лобовой атаки против колхозов. Сектантские проповедники решили развалить колхоз изнутри, а для этого захватить руководство в колхозе. Но для того, чтобы захватить руководство колхозов в свои руки, они вынуждены были объявить себя «друзьями» колхоза. Новоявленный «друг колхоза», проповедник баптистской общины Степанов, написал в 1931 г. целое письмо Борисоглебскому административному отделу, в котором уверял борисоглебских работников в том, что он и баптисты будто бы... «с великим удовлетворением встретили планы нашего правительства о коллективизации нашей страны с целью уничтожения нищеты и угнетающей всех граждан нужды».

В своем заявлении Степанов уверял работников административного отдела в том, что на путь коллективизации баптисты становятся, «следуя точному указанию Иисуса».

¹⁾ Сталин, О работе в деревне.

Отсюда некоторые местные партийно-советские работники сделали очевидно вывод, что все единомышленники кулака Степанова являются вполне искренними сторонниками колхоза, а потому можно всех их принимать в колхоз. В результате ловкого маневра Степанова и близорукости местных работников в колхозе засела крепкая группа сектантов-вредителей. Была сожжена колхозная механическая мастерская, разворован в 1931 г. корм скота, и половина тяговой силы погибла от бескормицы. Благодаря уничтожению тяговой силы под снегом осталось более ста га необработанного сена и половина подсолнуха. Мельница находилась в руках воров и пьяниц—сектантов Аверьянова и Плотникова. Доходы в 1931 г. распределялись преимущественно «по-апостольски», т. е. по едокам. Тем, кто работал, досталось по 700 г на трудодень. Материальной заинтересованности таким образом у колхозников не было почти никакой; работой и не работой—все равно всем одинаковый доход. Авансы в 1932 г. тоже были розданы по едокам. В результате кулацкой уравниловки на работу являлось все меньше и меньше колхозников. Массово-воспитательной и в том числе антирелигиозной работы не велось совсем. Пользуясь этим, сектанты организовали в колхозе религиозные кружки молодежи и певческие собрания. И только после многочисленных сигналов газеты «Безбожник» и после снятия сектантских ставленников—предколхоза Гриднева и членов правления В. Гусева и В. Михайлова—началось некоторое оздоровление колхоза. Часть урожая 1932 г. была спасена, и доход от урожая распределен по 3,5 кг на трудодень. Весенняя посевная 1933 г. вначале шла так же, как в 1932 г., но потом благодаря принятым энергичным мерам против кулацко-сектантской агитации и уравниловки был достигнут перелом. В 1933 г. на трудодень падает уже не 3,5 кг и не 700 г как в 1931 г., а 6—7 кг. хлеба. Но еще не совсем очищен от кулацко-сектантских элементов колхоз, а поэтому не у всех еще колхозников и одиноличников установилась вера в прочность успехов колхоза. За свою прошлую доверчивость к тихим и сладеньким сектантским святошам колхозники поплатились жестоко. Теперь колхозники «Красных песков» знают, что ни на одну минуту нельзя доверить руководство колхозом сектантским ставленникам. К сожалению, не всем колхозникам известна вредительская тактика сект, а потому случается еще и до сих пор, что выбирают в председатели колхозов сектантских ставленников. В результате с хозяйством в этих колхозах получается примерно то же самое, что и в «Красных песках».

В колхозах, где нет большевистского руководства и большевистской бдительности, во главе колхоза или его отдельных звеньев могут еще и сейчас оказаться сектанты, которые используют свое положение во вред колхозам. В таких колхозах возможен рост сектантства, потому что, с одной стороны, в них идет проповедь, а с другой—злонамеренная подрывная «работа» с таким расчетом, чтобы вызвать у колхозников чувство неуверенности в завтрашнем дне и склонность к яду религий. В своей подавляющей массе колхозники становятся зажиточными. Колхозов, во главе которых стоят еще неразоблаченные кулацкие ставленники и вредители, повидимому, немного, становится все меньше, потому что на подбор кадров для руководства колхозами обращено самое серьезное внимание, особенно после указаний т. Сталина. В целях организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов созданы политотделы при МТС. Говорить поэтому о широкой базе для роста сектантства в колхозах не приходится и вредно. Но так же вредно было бы успокаиваться на достигнутых успехах и забывать, что даже в тех колхозах, где имеются большие хозяйственные достижения, очень часто антирелигиозной работы нет совершенно. Кроме того нужно принять во внимание, что не все колхозы и не во всех районах обслуживаются силами МТС. Даже в тех колхозах и в тех районах, где есть МТС, еще очень часто совсем не налажена антирелигиозная работа.

За истекший 1933 год политотделы проделали в колхозах огромную и всестороннюю работу. Выросли масштаб и качество политико-просветительной и агротехнической пропаганды. Но вместе с тем выросли необычайно и запросы колхозников. Задача политотделов—удовлетворить эти запросы и в том числе запросы просыпающегося от религиозного сна сознания колхозников и единоличников.

VI. Роль политотделов МТС и совхозов в борьбе с сектантством

Посмотрим, какую роль смогут играть и уже играют сейчас политотделы МТС и совхозов в борьбе с сектантством. Возьмем три примера.

I. В совхозе «Индустрия» (Верхнетеплянский район, Донецкая область) происходили частые поломки машин и почти никогда не было запасных частей. К началу посевной 1933 г. значилось поломанных машин: 97 тракторов, 34 новых комбайна и 22 автомашины. После организации политотдела машины были отремонтированы, они почти совсем перестали ломаться и к ним нашлись запасные части. Оказалось, что запасные части прятал комендант совхоза бывший кулак-церковник Сурнин, а портили машины: баптист Тихон Болосоков, баптист Иван Болосоков и бывший врангелевец, кулак Вильховиченко. Политотдел вскрыл вредительство и привлек к ответственности всю шайку¹⁾.

II. Молоковский район Московской области как один из наиболее отдаленных и отсталых московская организация безбожников взяла под свое шефство. Были собраны безбожниками средства для организации безбожной МТС, но долгое время ни в самой МТС, ни в райкоме партии никакого внимания антирелигиозной пропаганде не уделялось. Пользуясь бездействием общественных организаций, местные сектанты-чуриковцы вели большую кампанию против колхозов и заготовок. Потом, изменив тактику, чуриковцы вступили в деревне Десне в колхоз им. 8 марта и привели его почти к гибели. Сейчас колхоз им. 8 марта один из наиболее крепких и передовых, а произошло это вследствие того, что политотдел хотя и не сразу, но взялся после сигналов печати за антирелигиозную пропаганду и за очистку колхозов от кулацко-сектантских элементов.

III. Исключенный из партии за пьянство и хулиганство Яков Ниякий в 1923 г. в селе Новоселовке (Новомосковский район, УССР) принял вместе со своим братом Данилой «тайнство крещения водой» и стал активным членом общины евангелистов. Община строит молитвенный дом, организует свой лжеколхоз, выдвигает Якова Ниякого на должность проповедника и председателя колхоза им. Чубаря. В это время Данила Ниякий, с разрешения брата и не порывая связи с сектой, проникает вместе с другими, послушными ему сектантами в партийную ячейку, где становится постепенно секретарем. Подобрал кулацкую группу, братья Ниякие разваливают ячейку, терроризируют колхозников, расхищают имущество колхоза, пьянствуют, развращают, овощи колхозного огорода продают сектантам, а огородника увечат, принудительно обобществляют все имущество односельчан, покровительствуют сектантской общине, втирают очки районному центру, насильно расстригают попов, спаивают и насилуют вернувшуюся с курсов активную комсомолку, травят и бьют смертным боем колхозников за малейшие попытки протеста. Только политотдел Новомосковской МТС до конца вскрыл весь этот кулацко-сектантский гнойник в колхозе им. Чубаря²⁾.

Три рассмотренных примера показывают, что с организацией политотделов повысилась бдительность в колхозах и в отношении происков ку-

¹⁾ «Безбожник» от 5 марта 1933 г.

²⁾ См. подробное в статье нач. политотдела в днепропетровской газете «Заря» от 23 апреля 1933 г.

лацко-сектантских элементов. Местные, сельские коммунисты очень часто не могут быстро и правильно разобраться в хитрых уловках сектантов. Руководство и помощь политотделов даны колхозам именно в тот момент, когда тактика классового врага изменилась и когда вместе с ростом колхозного сектора возросли роль и ответственность партийных организаций в руководстве селом. До организации политотделов и до партийной чистки многие сельские партийные ячейки были засорены классово чуждыми элементами, поэтому не боролись и не могли бороться с сектантством. Мы знаем случай перехода комсомольцев к сектантам, например в Куровском районе, Московской области к сектантам перешло в 1931—1932 гг. девять комсомольцев. Обнаружены также случаи, когда отдельные партийцы и комсомольцы и даже секретари комсомольских и безбожных ячеек являлись активными сектантами. Чаще всего это люди, вышедшие из кулацко-сектантской среды и скрывшие как свое социальное происхождение, так и связи с сектой. Обычно они активно выступают против церковников, но защищают сектантов «из принципиальных побуждений». Например сын кулака Павел Стефановский состоял в комсомольской ячейке и полгода руководил ячейкой безбожников в Калининском совхозе Льговского сахкомбината. Против церковников он выступал, а сектантских проповедников допускал в общежития к сезонникам. Баптизм Стефановский считал совместимым с социализмом. Ввиду того, что в «Безбожнике» и директивах облсовета СВБ были материалы против сектантов, он директивы рвал, а деньги на подписку «Безбожника» присваивал себе. Из комсомола и СВБ Стефановский исключен¹⁾.

Другой случай был в колхозах «Путь Ленина» и им. Калинина (Конышевский район, Ваблинский сельсовет). Секретарем комсомольской ячейки оказалась дочь кулака и евангелистского проповедника Мария Гневышева. Как активная комсомолка она была принята в кандидаты ВКП(б). В комсомоле она приютила у себя под крыльшком: Е. Тарасову—дочь жандарма, Акимову—дочь пресвитера евангелистов, Зайцева—сына псаломщика, и т. д. В ответ на постановление райсовета СВБ организовать ячейку СВБ Гневышева заявила: «Нам ячейка СВБ не нужна, у нас поповщины нет, а есть баптисты, а баптисты нам друзья»²⁾. При таких секретарях комсомольских и безбожных ячеек конечно не только не будет борьбы с сектантством, но будет ковенная и явная поддержка сектантов. Результатом деятельности подобных секретарей будет уход молодежи не от сектантов к нам, а, что и случилось в Куровском районе, от нас к сектантам. Политотделы, имеющие специальных работников по партработе, женработе и комсомольской работе, должны обратить серьезное внимание на антирелигиозную пропаганду среди молодежи и женщин. Сейчас партийные и комсомольские организации на селе уделяют безбожию недостаточно внимания, а ячеек СВБ в большинстве сел и деревень или нет или они слабы и нуждаются в помощи и постоянном руководстве. Дело именно в руководстве и подборе кадров. Ссылки на объективные обстоятельства, якобы мешающие развертыванию безбожной работы, очень часто служат лишь для прикрытия своей собственной бездеятельности.

В качестве оправдания собственной бездеятельности часто делается ссылка на отсутствие материальной базы у местных организаций СВБ. Бесспорно, что денег у наших организаций СВБ не хватает и добыть их не легко, но бесспорен также и другой факт, а именно—отсутствие антирелигиозной работы в некоторых наших организациях СВБ при наличии финансовой базы.

Некоторые товарищи объясняют свою бездеятельность в борьбе с сектантством также и отсутствием антирелигиозной литературы. Во-первых,

¹⁾ «Безбожник» от 17 сентября 1933 г.

²⁾ «Безбожник» от 17 августа 1933 г.

антирелигиозная литература есть, и от самих организаций СВБ зависит, чтобы она не лежала на складах. Во-вторых, для борьбы с сектантством нужна не обязательно одна только антирелигиозная литература. Обязанность безбожников—продвигать в сектантские слои трудящихся также и общую литературу, которая пользы для дела социализма и роста безбожия приносит в сектантской среде не меньше, а иногда и больше чем какие-либо специальные книги по сектантскому вопросу. Возьмем к примеру брошюры о посевной кампании. Брошюра, написанная к посевной кампании, с примерами из вредительской деятельности сектантских организаций значительно помогла бы борьбе с сектантством, но у нас часто такие брошюры отсутствуют или во-время не доходят на места. Задача безбожника выбрать из брошюр о посевной кампании наиболее «доходчивую» и снабдить ее устными дополнениями антирелигиозного характера. Часто и выбирать и искать таких брошюр не нужно, потому что они в срок присылаются соответствующими организациями непосредственно в колхозы. Но правления колхозов иногда недооценивают значения печати и не умеют во-время использовать присланные брошюры, а этим пользуется враг. Например правление Куменовского колхоза «Красный партизан» (С.-Калитвенский район, Северный Кавказ) присланную весной 1933 г. посевную литературу запрятало в шкаф. Бригады литературы о севе не получили. Этим воспользовались сектантские начетчики в бригаде № 8, в красный уголок которой они пытались подсунуть евангелие. Сектантский активист Плескачев, учтя отсутствие какой-либо разъяснительной культурно-политической работы в бригадах, пытался наладить вечерние чтения евангелия у себя в бригаде. Члены правления не дали своевременного отпора Плескачеву и даже после вылазок Плескачева не подумали об организации ячейки СВБ, считая, очевидно, борьбу с религией частным делом. Даже о современной выпiske газет и в том числе газеты «Безбожник», не позаботилось правление «Красного партизана». Кстати сказать, это не единственный случай, когда члены правлений колхозов, где есть сектанты, не заботятся не только о газетах, но и вообще о воспитательной работе среди колхозников.

Непонимание реакционной роли сектантства, недооценка политической важности борьбы с кулацко-сектантскими элементами, общее притупление классово-бдительности—вот основная причина засорения некоторых колхозов кулацко-сектантскими элементами. Наши низовые работники безбожных и комсомольских организаций, и не только низовые работники (пример с т. Поташманом), тоже частенько ошибаются в политической оценке классово-сути сектантства.

Не имея достаточной безбожной и общей политической подготовки, наши низовые безбожные и комсомольские организации не умеют часто дать правильную оценку сектантским лжеколхозам, сектантской трезвости, сектантскому учению о любви к ближним и т. д. Наблюдаются нередко поэтому, с одной стороны, «левацкие» заскоки, а с другой стороны, правооппортунистические колебания и шатания, являющиеся результатом кулацко-сектантского влияния на менее устойчивую и политически неразвитую часть наших организаций СВБ и комсомола. Необходимо поэтому подробнее остановиться как на существе «левацких» загибов и правого оппортунизма в сектантском вопросе, так и на классово-сути сектантских теорий и «добродетелей».

VII. Правые оппортунисты и „левые“ загибщики как объективные пособники сектантства

В сектах очень много антисоветских элементов и вообще пострадавших от революции «бывших» людей: торговцев, белых офицеров, помещиков, раскулаченных и т. д. Процент лишенцев в иных сектантских общинах дохо-

дит до половины. Трудящаяся часть сект находится на поводу у потерпевших крушение. В силу большей своей активности «бывшие» люди выпирают на первый план, и при недостаточном знакомстве с сектами у некоторых наших товарищей создается впечатление, что в сектах состоят исключительно только бывшие торговцы и раскулаченные. Отсюда всевозможные «левые» по форме и правые по существу теории о ненужности проведения воспитательной работы среди сектантов. «Левые» взгляды на сектантов как на сплошных, поголовных контрреволюционеров, ведут к отказу от антирелигиозной пропаганды, т. е. прикрывают по существу правооппортунистическую практику самотека и пассивности.

Сущность левых загибов можно характеризовать следующим образом: вся сектантская масса изображается как одна сплошная кулацкая масса, в которой не видно ни середняков, ни бедняков, ни сектантов-колхозников, ни отдельных, правда, незначительных прослоек рабочих; рекомендуются в силу этого не воспитательные, а административные меры борьбы против всех рядовых сектантов, как против явных кулаков и контрреволюционеров. В качестве причины сектантского движения берутся (по-троцкистски) политическое недовольство и политическая реакционность крестьян вообще; отсюда кулацко-сектантское движение изображается как своего рода всекрестьянское движение; из реакционной идеологии и роли сект механистически выводится реакционное политическое настроение каждого сектанта в отдельности, т. е. стирается разница между объективной ролью сект и субъективными настроениями обманутых рядовых сектантов. Поскольку каждый сектант квалифицируется как сознательный обманщик и реакционер, выбрасываются лозунги лишения сектантов избирательных прав вне зависимости от того, извлекает или нет тот или иной сектант какую-либо материальную выгоду из своего положения в секте и является ли он по своему социальному положению кулаком или по своим политическим высказываниям неисправимым, злым подкулачником. Отрицается существование таких корней сектантской религии, как: консерватизм религиозных сектантских пережитков, что особенно неверно в отношении крестьян-единоличников; как экономическая и культурно-политическая отсталость единоличников, используемая кулацкими элементами; как материальная зависимость батраков и некоторых бедняков от кулака в прошлые годы; как чувство неуверенности и низкий жизненный и культурный уровень единоличников при сохе и трехполье; как чувство бессилия и одиночества единоличников в борьбе со стихийными силами природы. Поскольку отрицаются все эти корни сектантской религии, постольку и всякая работа антирелигиозников по линии хозяйственного и культурно-бытового строительства считается «леваками» просветительством и «культурничеством». Без воспитательной работы среди трудящейся части сектантов «левацкая» борьба против сектантства отталкивает сектантов-трудящихся от соцстроительства, потому что сводится исключительно к нажимам на сектантов. Административный нажим оправдывается троцкистским тезисом о «реакционности деревни», перевоспитать и повести которую рабочий якобы не имеет сил и способностей.

Не веря в возможность перевоспитания трудящейся части сектантов через колхоз, «леваки» из боязни перед сектантами выбрасывают лозунги недопущения в колхозы и исключения из колхозов решительно всех сектантов. Сектантская религия, как и всякая другая, конечно, является орудием наших врагов. Сектанты, как никто другой, подвержены кулацкому влиянию и находятся под руководством кулацко-сектантских организаций, но из этого совсем не следует, что с ними нужно расправляться в административном порядке. Административное недопущение единоличников-сектантов в колхоз и исключение из колхозов сектантов, если они не кулаки и не

лишенцы, может только повредить делу перевоспитания трудовых масс сектантства.

Необходимо помнить, что не только у рядовых сектантов-колхозников, но и у многих несектантов-колхозников еще не изжиты не только собственные, но даже и кулацкие настроения. Тов. Сталин, указывая на кулацкие пережитки в психологии и навыках некоторых колхозников, нигде не говорит о том, что с этими пережитками нужно бороться в административном порядке. Между тем у антирелигиозников-«леваков» есть настроения и тенденции свести всю борьбу с сектантством к недопущению сектантов в колхозы, к исключению их из колхозов и т. д. Недопущение в колхоз и исключение из колхоза по отношению к кулакам, ярым подкулачникам и проповедникам есть крайне необходимая мера, но распространять ее на рядовых сектантов, если они не являются активной кулацкой агентурой, нельзя. В колхозе легче перевоспитать сектанта, поэтому мы должны втянуть в колхозы рядовых сектантов и там перевоспитать их. Это не значит, что мы должны втянуть немедленно всех рядовых сектантов. Нет, среди рядовых сектантов есть лица, развращенные спекуляцией. Стремиться поэтому во что бы то ни стало втянуть всех рядовых сектантов в колхоз не нужно. Торопливость в таком вопросе может лишь повредить. Нужна осторожность, нужна большая предварительная работа по перевоспитанию сектантов-единоличников.

Неряшлив и неточен такой лозунг, как «Выметаем железной метлой из колхозов всех примазавшихся попов, кулаков и сектантов».

Кулаки и попы, в том числе сектантские кулаки и попы, стараются примазаться к колхозам, и их из колхозов надо гнать. Но неправильно будет сказать, что мы должны гнать из колхозов всех рядовых сектантов. Ни православных, ни мусульман, никого другого мы не гоним за религию из колхоза. Не должны гнать и рядовых сектантов. Для нас все религии и попы вредны и неприемлемы. Но из этого вовсе не следует, что всех, кто обманут этими религиями и попами, мы должны гнать. Мы должны всех трудящихся, обманутых разными попами и пресвитерами, перевоспитать, в том числе и трудящиеся слои сектантов. Сектанты, конечно, фанатичны и упорнее в своих верованиях, чем, скажем, православные, но тем настойчивее и тактичнее должны быть мы.

«Леваки» своими затисками сплывали в единую массу кулаков и рядовых сектантов, усиливая фанатизм рядовых сектантов и тем самым укрепляя позицию кулачества. Вся трудность и сложность задачи состоят в том, что основной массой верующих все еще является темная трудящаяся часть населения, особенно его женская часть. Наскоком, «в два счета», тут ничего не сделаешь. Необходимо культработу среди сектантов усилить.

Только правый оппортунист может думать, что оставшиеся в колхозах сектанты не подвержены кулацкой агитации. Только правый оппортунист может надеяться на то, что сектанты сами по себе, самотеком, перестанут быть сектантами.

В основных своих чертах сущность правого уклона и правой опасности в сектантском вопросе можно представить следующим образом: сектантство изображается как сплошное «трудовое сектантство», без кулаков и контрреволюционеров; изыскиваются и рекламируются какие-то особые сектантские «заслуги» перед революцией; размалевываются под красный цвет кулацко-сектантские лжеколхозы; во главу угла политической оценки сект ставятся их показная, политически вредная трезвость и взаимопомощь; под режим экономии и под социалистическую производительность труда подводятся индивидуалистическая сектантская хозяйственная прижимистость и трудолюбивость; члены отдельных сект изображаются как природные коммунисты, которые могут принести нам полезные трудовые навыки и привычки; «левая» форма сектантских учений выдается за их сущность; сек-

тантская безобразность воспринимается как ступень, облегчающая переход от православия к безбожью; сектанты-колхозники рассматриваются как прочная политическая опора советской власти в деревне вне зависимости от того, признают или нет они обязательность службы в Красной армии, и вне зависимости от того, участвуют ли они в борьбе против кулачества.

Все сектанты независимо от их социального положения и положения в секте принимаются пачками в колхозы; сектантские самостоятельные кооперативы вплоть до момента их ликвидации и реорганизации рассматривались как социалистические гнезда, через которые все сектанты и в том числе зажиточные будут вращаться в социализм; секты, смотря по социальному положению их членов, делятся на кулацкие, середняцкие и бедняцкие, что неверно, ибо секты при любом социальном составе играют кулацкую роль в деревне; про такие секты, как секта духоборов, сообщается, что они выражают основные (коренные) интересы крестьянства (!); идеология сект механистически выводится из социального («трудового») состава сект; в тактике по отношению к различным прослойкам никакой разницы не делается; административные меры по отношению к сектантам—кулакам и контрреволюционерам—не применяются; рост сектантства на прошлых этапах расценивается как показатель роста культурных потребностей, удовлетворить которые мы якобы не в состоянии; затушевываются такие причины оживления сект, как бешеное сопротивление гибнущих классов развернутому наступлению социализма; все дореволюционное сектантство изображается как однородное и в политическом отношении прогрессивное крестьянское движение; в отличие от религии православной сектантская религия не считается правыми эксплуататорской по существу; борьба с сектантством сводится к голому просветительству и «культурничеству» в худшем смысле, т. е. к просвещению и к культуре «вообще», вне задач и практики соцстроительства, вне разоблачения классового содержания и классовой роли сектантских идеологий и организаций.

Правые оппортунисты, изображавшие нэп как полную свободу торговли и спекуляции, дали воду на мельницу сектантских проповедников и кулаков, они были и остались кулацкой агентурой в партии. Вместо задач борьбы за генеральную линию партии в деле строительства социализма, вместо постановки перед нашим комсомолом задач осуществления наших международных обязательств перед международным пролетариатом бывшие лидеры правого уклона по-сектантски выдвигали в качестве основных лозунгов такие второстепенные лозунги перед молодежью, как трезвость, некурение и даже задача... красной пинкертоновщины. Правые оппортунисты, разделяя секты на «плохие» и «хорошие», сводили всю задачу борьбы с «плохими» сектами к задаче их выслеживания («красная пинкертоновщина») и всю задачу борьбы с «хорошими» сектами свели к задачам «нравственного» состязания безбожников с сектантами в деле некурения, трезвости, бережливости, воздержания и т. д. Правые оппортунисты не понимали и не понимают, что согласно марксистско-ленинскому учению наша нравственность заключается прежде всего в борьбе за диктатуру пролетариата и свержение эксплуататоров во всем мире, что нет и не может сейчас быть коммунистической нравственности вне борьбы за строительство социализма как за международную базу пролетариата.

Правые и «левые» оппортунисты не способны правильно бороться за генеральную линию партии и в вопросах антирелигиозной пропаганды. «Левые» административные перегибы в колхозном строительстве и в закрытии церквей и «левацкая» уравниловка, как известно, были использованы сектантами. Правооппортунистические установки были и являются проводником кулацкого и в том числе кулацко-сектантского стремления сузить экономическую базу соцстроительства, безбожия и обороны СССР. Правооппортуни-

стические установки помогают кулацко-сектантским организациям в их стремлении ослабить международную базу пролетариата и пролетарского безбожия.

Нужна постоянная работа по перевоспитанию колхозников-сектантов. Надеяться на самотек, как это делают правые оппортунисты, нельзя. Вопрос перевоспитания масс есть вопрос сегодняшнего дня, и решится он не сам собой, «самотеком», а путем упорной борьбы с кулацкими элементами при активном участии советской общественности и под непосредственным руководством коммунистической партии.

VIII. Методы разоблачения классовой сути сектантских теорий и практики

Сектантская тактика борьбы против сплошной коллективизации в 1929—1930 гг. и сейчас неодинакова. Если в начале сплошной коллективизации проповедники пугали свою паству разорением, наказанием божьим, то теперь они тождуют, что не единым хлебом жив человек. Если раньше сектанты осуждали политику ликвидации кулачества как человеконенавистническую, то теперь они стараются изобразить ее как волю самого бога, наказавшего кулаков за жадность к материальным благам. Небывалый урожай 1933 г. и другие успехи социалистического строительства отрицать проповедникам затруднительно. Поэтому вместо запугивания трудностями они начинают теперь запугивать свою паству опасностью соблазнов материального успеха.

Зажиточным колхозникам, забывшим из-за материальных успехов бога, сектантские проповедники пророчат ту же участь, которая постигла «материалистов»: кулаков и помещиков. Сектантские проповедники, стараясь всячески принизить в глазах колхозников роль и значение материальных успехов колхозов, стремятся тем самым уничтожить материальный стимул труда. Для этого они защищают в колхозах распределение доходов «апостольское», т. е. кулацко-уравниловское, причем не стесняются упрекать безбожников в отступлении от идей братства и равенства.

Необходимо разоблачить эту кулацко-сектантскую уравниловку и кабальный смысл сектантского «братства».

«Пора усвоить,—сказал г. Сталин на XVII парт'езде,—что марксизм является врагом уравниловки. Еще в «Манифесте коммунистической партии» бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический социализм, называя его реакционным за его проповедь «всеобщего аскетизма и грубой уравнилельности».

В колхозах сектантские проповедники по мере своих сил старались и стараются насадить именно аскетизм и уравниловку. Сектантские проповедники пытались и пытаются сделать личные потребности и быт каждого коммунара и единоличника одинаковыми. Они указывают, как «грешно» и «негрешно» одеваться, что «грешно» и «негрешно» есть и пить, как и о чем думать, как ходить и говорить, как жить с женой и т. д. Личная жизнь каждого сектанта-коммунара со всеми его потребностями строго регламентируется и строится по одному и тому же «евангельскому» шаблону. Не имея возможности выступить против колхозов открыто, проповедники, однако, внушают своим пасомым мысль, что колхоз может быть прочным только в том случае, когда все в нем верующие. Безбожные колхозы, по уверениям проповедников, непрочны, потому что, не умея прощать обиды и любить других по-христиански, безбожники передерутся из-за трудной и разбегаются. В безбожных колхозах, по уверениям проповедников, всегда были и будут лодыри, потому что лодырь—это грешник, а грешника возродит к новой жизни может только «слово божие».

Так, шаг за шагом, прикрываясь личиной друзей колхозов, проповедники ведут агитацию о развале безбожных (читай: всех несектантских) колхозов. Пытаясь упрочить свое пошатнувшееся положение, они доказывают необходимость проповеди в колхозах «слова божия». В борьбе с сектантством нужно раз'яснять массам положение т. Сталина о том, что «уровнировка в области потребностей и личного быта есть реакционная мелкобуржуазная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу» (из речи на XVII партс'езде). Сектанты стремятся переустроить жизнь, начав как раз со стороны быта и личных потребностей каждого (трезвость, некурение, воздержание, вегетарианство и т. д.). О сектантах проповедники всегда говорили как о высоконравственных, честных, трезвых, трудолюбивых и чутких людях. Слава эта, как обманчивый огонек, многих привлекла в секты. Для разоблачения этой славы мы могли бы привести немало примеров пьянства, разврата и уголовщины из быта сектантов, но не этими только примерами нужно разоблачать и бить сектантство. Для трезвого и действительно честного сектанта не всегда убедительно то, что его собрат во христе пьянствует и развратничает. Вопрос нужно поставить таким образом, что никакая трезвость и нравственность не спасут человечество от мук капиталистической эксплуатации, если рабочий класс не возьмется за винтовку для борьбы против помещиков и капиталистов. Нужно показать, что все так называемые сектантские добродетели (о которых, кстати сказать, с такой похвалой отозвался на VIII с'езде комсомола т. Бухарин) ведут не к уничтожению капиталистического строя и эксплуатации во всем мире, а к их закреплению. Нужно перед сектантскими трудовыми массами разоблачить классовую, эксплуататорскую суть сектантских теорий и добродетелей. Нужно противопоставить сектантскому учению коммунистическое учение, сектантской практике — советскую практику, сектантской нравственности — коммунистическую нравственность.

Чему учат коммунистические теории нравственности? Ленинское учение о нравственности призывает нас служить делу свержения и искоренения эксплуататоров, делу укрепления диктатуры пролетариата. Согласно учению Ленина нравственно то, что помогает и служит этому делу борьбы с эксплуататорами. Безнравственно все, что тормозит строительство социализма, что вредит делу освобождения рабочего класса всего мира.

Чему учат сектантские добродетели, сектантская нравственность? Сектантская нравственность учит любить и прощать врагов. Сектантская нравственность, стало быть, тормозит строительство социализма и мешает свержению эксплуататоров в капиталистических странах. С нашей, пролетарской точки зрения такая нравственность является безнравственной, вредной.

В переводе на политический язык евангельская задача любви и всепрощения означает «мирное сотрудничество классов» и мирное «взращание» кулака в социализм.

Перед миллионами трудящихся сектанты пытаются развивать буржуазную идейку индивидуального спасения от нищеты через трезвость, воздержание, некурение, трудолюбие, честность, бережливость, взаимопомощь и т. д. Перед миллионами безработных сектанты пропагандируют заграничией штрейкбрехерский проклятый капиталистический лозунг «Всяк за себя, а бог за всех». Спасая единицы от пьянства, сектанты сотни тысяч и миллионы людей толкают своей проповедью всепрощения в объятия капитализма, являющегося коренным источником алкоголизма. Укрепляя капитализм, сектанты-трезвенники тем самым укрепляют корни алкоголизма. Проповедуя грешивую бережливость, сектанты в то же самое время поддерживают в лице капи-

талистического способа производства необычайную расточительность и гибель производительных сил (ибо капитализм немислим без войн, кризисов и анархии производства). Проповедуя грошовую честность, сектанты в то же самое время проповедают любовь к ворам и расхитителям социалистической собственности, во всем мире сектантские организации поддерживают самых крупных мошенников и обманщиков—капиталистов.

Забываясь о некурении и соблюдая грошовую бережливость в здоровьи, сектанты в то же самое время своей проповедью смирения толкают миллионы людей на капиталистическую каторгу, на которой трудящиеся капиталистических стран губят здоровье и получают туберкулез, истощение и т. д.

Оказывая грошовую и притом корыстную (в целях вербовки, а также ростовщичества) «взаимопомощь» друг другу, сектанты одновременно помогают своим учением капитализму разорять трудящихся.

Призывая трудящихся воздержаться от революционного насилия над помещиками, капиталистами, кулаками и т. д., сектанты тем самым помогают капиталистическому насилию и мешают борьбе с эксплуатацией, нищетой, отсталостью, проституцией, алкоголизмом, преступностью и т. д.

На общинные суммы содержались под видом благовестников шпионы, бывшие белогвардейцы, кулаки, бывшие помещики и т. д. Под видом оказания помощи мнимо гонимым в СССР верующим сектанты подняли кампанию за выезд из СССР и обрекли тысячи людей на разорение и нищету, увеличив путем эмиграции избыток сельскохозяйственного населения и рабочих рук в капиталистических странах.

Под видом оказания взаимопомощи сектантские проповедники в годы неурожая и голода в 1921 г. занимались эксплуатацией, ростовщичеством, скупкой у голодающих за бесценое имущество и т. д. То же самое они проделывают и сейчас за границей.

В общем же сектантское учение о нравственности есть учение для собственников, основанное на привычках и стремлениях собственников. Цель проповедников—ухватиться за собственнические настроения и пережитки в психологии масс, разжечь их и повернуть с помощью их массы к капитализму.

Сектантская взаимопомощь—это не производственная помощь бедноте в ее стремлении организовать колхозы. Это взаимопомощь грошовая, сеющая собственнические, кулацкие иллюзии среди бедноты и середняков.

Сектантское равенство—это формальное равенство «во христе» голодного с сытым, бедного с богатым.

Сектантское учение о свободе—это учение в первую очередь о свободе торговли и капитализма, учение о свободе эксплуатации и спекуляции. Всем своим учением сектантские проповедники хотят оправдать капиталистический строй.

Сектанты оправдывают капитализм как ниспосланный свыше порядок. Они защищают капиталистическое богатство как награду за трудолюбие и благочестие. Бедность, по их понятиям, есть наказание за лень и нерадение к молитве. Отсюда, поскольку «грешники» и «праведники» будут всегда, они и выводят вечность и неизблемость материального и всякого иного неравенства. Материальное неравенство, видите ли, есть испытание души. Лишения и страдания в руках божиих (читай: сектантских) есть средство наилучшим образом «облагораживать» и спасать души «грешников».

В ответ на эти сектантские теории мы можем указать на историю классов и классовой борьбы, опровергающую все эти теории оправдания капиталистической действительности. История классовой борьбы и Октябрьская революция показывают, что неравенство не вечно. Пример «богомольной» и трудолюбивой дореволюционной России показывает, что нищета, бесправие и благочестие не только не противоречат друг другу, но друг друга поддержи-

вают и питают. Лишения и нищета вопреки религиозной теории «облагораживания» являются главным источником проституции и уголовщины. В конечном же счете источником проституции, нищеты и других так называемых социальных зол является капитализм с его институтом «священной» частной собственности. Только с устранением капиталистической частной собственности возможно уничтожение его спутников: безработицы, нищеты, проституции и т. д. Успешная борьба в СССР с отсталостью, нищетой, беспризорностью, ликвидация безработицы и т. д. подтверждают необходимость революционного ниспровержения капитализма. Колхозники в подавляющем большинстве становятся с каждым днем все более зажиточными.

Ни трудолюбие, ни бережливость, ни честность, ни взаимопомощь, ни трезвость и никакие другие личные добродетели и достоинства человека не могут дать при капитализме миллионным массам трудящихся освобождения от нищеты и кабалы. Учение сектантов о трезвости, взаимопомощи и так далее только укрепляет капитализм и помогает капиталистической эксплуатации. Безработица есть результат не пьянства, лени и прочих пороков рабочих, как говорят сектантские проповедники, а результат и неизбежный спутник капиталистического способа производства. При социалистическом способе производства безработицы нет, ибо закон о капиталистическом перенаселении для СССР недействителен. Для СССР недействительны и все другие капиталистические законы общественного развития, обязательные и неизбежные для капиталистических стран. Избежать последствий капитализма—нищеты, безработицы, кризисов, захватнических войн и так далее—можно только путем революционного переворота. Никакие заклинания и молитвы не помогут. Капитализм нельзя подчинить или облагородить, как пытаются делать социал-фашисты, фашисты и церковно-сектантские проповедники. Капитализм не зависит от злой или доброй воли отдельных «жадных» капиталистов, как думают сектанты. Капиталистическое зло не есть результат нравственной испорченности капиталистов, которых сектанты намерены перевоспитать. Капитализм есть определенный, исторически неизбежный до поры до времени способ производства, на смену которому в данное время так же неизбежно идет новый, социалистический способ производства. Никакие сектантские заклинания не смогут спасти гниющий капитализм. Капитализм сам в себе несет своего могильщика—пролетариат, который сметет со своего пути все социал-фашистские, фашистские и церковно-сектантские рогатки и заклинания.

КРИТИКА

И БИБЛИОГРАФИЯ

„Диалектический и исторический материализм“

Учебник для комвузов и вузов, ч. II „Исторический материализм“, Партиздат, 1932 г.

В № 3 журнала «П. З. М.» за истекший год в связи с рецензией на ленинградский учебник «Материалистическая диалектика» указывалось на исключительную важность, ответственность и крайнюю злободневность вопроса о создании стабильного, теоретически выдержанного учебника по диалектическому и историческому материализму.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, будучи «законным преемником лучшего, что создало человечество», критически преодолевая это наследие, является для пролетариата и трудящихся масс вернейшим оружием не только объяснения мира, но и его изменения.

Миллионы строителей социализма в нашей стране, десятки миллионов эксплуатируемых в странах капитала стремятся к овладению неиссякаемыми богатствами этого учения.

Задача популяризации теории диалектического и исторического материализма, задача сделать ее достоянием широких масс была выражена Марксом еще в период подготовки «Капитала»: «сделать доступным общему человеческому рассудку то разумное в методе, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил» (Переписка, стр. 105).

Учебник призван в первую очередь помочь учащимся в систематическом порядке овладеть минимумом самых необходимых знаний, получить цельное представление о предмете и облегчить самостоятельное изучение классиков марксизма-ленинизма...

Механисты в своей борьбе против материалистической диалектики стремились в ряде изданных ими учебников (например по «Историческому материализму» Бухарина, Сарабьянова) и популярных брошюр (Варьяша «Диалектика Ленина») и др. систематически ревизовать все важнейшие вопросы диалектического и исторического материализма в духе буржуазной теории равновесия и богдановской идеалистической схоластики.

Не отставали в этом отношении и меньшевистствующие идеалисты из деборинской группы, не говоря уже о «Введении в диалектический материализм» самого Деборина, книге, написанной до революции и без изменения переиздававшейся в советских условиях незадачливыми учениками его «школки» (Гоникман, Тьянский, Татулов, Столяров и др.). В изложенных ими учебниках и пособиях систематически культивировалась меньшевистствующе-идеалистическая ревизия философии марксизма.

Рецензируемый учебник, вышедший под редакцией М. Митина и И. Разумовского, является, несомненно, значительным шагом вперед в пропаганде диалектического материализма Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина среди масс.

Он отличается прежде всего партийной заостренностью, отражает достижения партии в борьбе на два фронта: против механицизма и меньшевист-

вующего идеализма и примиренчества с ним, беспощадно вскрывает контрреволюционную сущность троцкизма и его буржуазную методологию. Учебник, вооружающий мировоззрением и методом диалектического и исторического материализма, мобилизующий массы учащихся на борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории, сам становится чрезвычайно важным звеном этой борьбы.

Рецензируемый учебник охватом и трактовкой тематики отражает в значительной мере достижения в разработке марксистско-ленинской теории в связи с практикой социализма и задачами международного революционного движения.

Этот учебник является по существу первым учебником для высших учебных заведений по историческому материализму, написанным с точки зрения последовательной борьбы на два фронта в области истмата, с точки зрения четкого проведения партийной линии на философском фронте. Мы говорим первым потому, что вышедшие незадолго до него учебники (для совпартшкол под ред. т. Ральцевича и ленинградский) страдают большими недостатками, неполнотой освещения всех вопросов истмата.

Несмотря, однако, на эти крупные достоинства, рецензируемая книга еще не отвечает полностью всем теоретическим и методическим требованиям нужного нам стабильного учебника.

Помимо ряда недостатков, отдельных ошибок в изложении и трактовке проблем учебник страдает недостатками педагогического подхода к учащемуся, создает большие методические затруднения в усвоении материала. Это подтверждено уже опытом пользования второй частью учебника в истекшем учебном году.

В книге нет прежде всего необходимой цельности и стройности. Неизбежные с этой стороны недостатки, связанные с характером коллективной работы, недостаточно преодолены «общей редакцией». Отсюда повторения, многословие, сухой, абстрактный язык, затрудняющие уяснение вопроса. Книга мало считается с основным требованием — дать минимум необходимых основных сведений начинающему изучать крайне важный, интересный, но трудный (в особенности вначале) для него предмет.

Основная задача учебника и состоит в том, чтобы стройно, сжато, ясно и последовательно, ведя учащегося от «незнания к знанию», изложить этот минимум необходимых знаний, необходимых, разумеется, со стороны партийной выдержанности, заостренности в борьбе на два фронта, научности, связи с классовой борьбой и диктатурой пролетариата, со строительством социализма в нашей стране. При этом важно именно обеспечить, чтобы этот минимум был усвоен учащимися. Когда же авторы стремятся втиснуть в учебник для максимальной полноты его все, что вообще можно сказать по тому или иному вопросу, то такое обилие материала, как нужного, так и ненужного, подавляет учащегося, затрудняет усвоение главного и основного, необходимого. Возьмем к примеру самое начало. Учащийся еще не знает, что такое материалистическое понимание истории (об этом учебник начинает с середины 3-й страницы), но уже первые страницы начинаются с общего перечисления извращений марксизма. Ясно, что без предварительного ознакомления учащихся с главнейшими чертами теории исторического материализма субъективно хорошие побуждения автора дать сведения о борьбе на два фронта не дадут нужных результатов, не помогут учащимся в понимании и усвоении основного вопроса.

Особенно неудовлетворительна с этой точки зрения первая глава. При многословии и «сухонном языке» нет четкого концентрированного изложения основных положений истмата. Классические ленинские характеристики вводятся в расплывчатом авторском изложении, но при этом они так бледнеют, что их трудно узнать (стр. 3, 6 и др.). При распылении, нализывании деталей выпадают или только декларативно упоминаются важнейшие составные части темы. Так, выпал раздел исторического подведения истмата. Вместо этого автор, упоминая в нескольких строках (на стр. 5) о трех источниках марксизма, огра-

начивается указанием на то, что «эти теории подготовили лишь сырой материал, который они не могли поднять на ступень научного обобщения», так как «этому препятствовали причины, коренящиеся в буржуазной и мелкобуржуазной природе этих учений». Дальше «этой «природы» автор в своем анализе не идет; поэтому и на стр. 49 отмечается «нежелание» и «неумение» буржуазной науки подойти объективно к обществу и «понять» его особые, отличительные от природы законы. Совершенно недостаточно вскрываются автором социально-экономические корни буржуазных исторических учений.

В учебнике лишь вскользь упоминается, что «все эти недостатки старой истории философии, истории-политической экономики объясняются особенностями экономического положения буржуазии и обусловленным ими мировоззрением» (стр. 6).

Крупнейшим недостатком первой главы является то, что в ней крайне слабо освещен и как следует не подчеркнут краеугольный камень материалистического понимания истории—отношение общественного бытия к общественному сознанию. Автор касается этого коренного вопроса лишь вскользь, не развив его в связи с ответом на основной вопрос в философии—отношения мышления к бытию. А эту именно сторону всегда подчеркивал Ленин в подходе к истмату. Без этого не может быть понята сущность «переворота», произведенного Марксом в области исторической науки, о котором говорят Энгельс и Ленин. Без этого не может быть понята и проводится в жизнь задача партийности в истмате.

Распыленность и абстрактность характерны и для авторской критики антимарксистских теорий и извращений.

Неудачным надо считать деление критики антимарксистских теорий и извращений между § 4 (старый, механический материализм) и § 5 (исторический идеализм), причем вся «сущность буржуазной социологии» относится и сводится к старому, механическому материализму (?), а идеализм—к неокантианству и неогегельянству, как будто старый, механический материализм, а с ним заодно и буржуазная социология не противостоят историческому материализму как исторический идеализм (даже Фейербах—идеалист «сверху»).

В разделе «Ленин и истмат» мало уделяется внимания роли т. Сталина в развитии исторического материализма.

Надо отметить, что усвоение рассмотренной главы «Диалектический материализм и материалистическое понимание истории» крайне затрудняется тем, что первая часть учебника только теперь вышла из печати, и учебник до сих пор фактически существовал и использовался только во второй своей вышедшей части. Бедь основная задача главы—показать, что материалистическое понимание истории есть «последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений» (Ленин). Естественно, что эта глава должна опираться на предшествующее ей изложение диамата.

Существенными недостатками страдает также глава II «Учение об общественно-экономической формации, производительных силах и производственных отношениях». Проблема социально-экономической формации излагается в ней крайне абстрактно. Автор ограничивается лишь приведением высказывания классиков марксизма-ленинизма и теоретиков ревизионистского, антимарксистского направления. При этом цитаты приведены без глубокой, органической связи с излагаемой темой. Что же касается исторического материала (история культуры, техники и т. д.), то этот материал привлекается в очень малой степени. Между тем как в учебном пособии по истмату, рассчитанном на вузовскую аудиторию, а тем более по такому важному разделу, как формация, производительные силы и производственные отношения, крайне необходимо было бы дать материал по истории общественных форм и орудий труда, показав на этом конкретном историческом материале диалектику общественно-исторического процесса.

В изложении понятия общественно-экономической формации дается в общем правильная, исходящая из партийных позиций критика антимарксистских, буржу-

азных и ревизионистских взглядов на человеческое общество. Однако многословная критика, нагромождение цитат, имен часто затемняют положительное изложение вопроса.

Вопрос о природе и обществе также трактуется весьма абстрактно, без привлечения исторического материала. Логика исторического развития общества не показана как его реальная история. Крайне недостаточно и поверхностно используется классическая по этому вопросу статья Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны».

Рассматривая вопрос о роли труда в формировании и функционировании человеческого общества, популяризируя указания Энгельса по этому вопросу, автор допускает явную ошибку, открывающую дверь неокантианству и субъективизму. Он рассматривает труд не исторически, как самодовлеющий, находящийся вне времени и пространства фактор. Например, автор пишет, что «труд содействовал сплочению людей, труд способствовал возникновению необходимости в человеческой членораздельной речи. Он способствовал развитию человеческого мозга и т. д.» (Учебник, стр. 67).

Авторы упустили из виду то, что по этому вопросу писал Маркс в «Критике Готской программы». «Труд,—пишет Маркс,—не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы». Эту фразу вы встретите во всех букварях, и она правильна постольку, поскольку в ней подразумевается, что для приложения труда нужны определенные предметы и орудия. В учебнике как раз и нужно было бы эти положения Маркса разъяснить.

Разбирая вопрос о роли техники в развитии производительных сил, автор совершенно правильно указывает, что «возражения против одностороннего, механистического, узко «технического» понимания производительных сил отнюдь не должны привести нас к ложному выводу, что техника играет в развитии производительных сил незначительную роль».

Критикуя буржуазные теории о роли расовых особенностей и географических условий в развитии общества, автор недостаточно четко, местами неправильно формулирует вопрос, утверждая, что «природа» самого работающего человека, например принадлежность работника к определенной расе (народности), является естественным условием развития общества.

В пятом разделе главы дается определение производственных отношений и рассматривается вопрос о роли рабочей силы. Основной порок этого раздела состоит в том, что производственные отношения рассматриваются отдельно, вне связи с категорией производительных сил. А это привело к тому, что, ставя вопрос о роли рабочей силы, автор в силу необходимости вынужден снова пережевывать уже ранее излагавшийся материал, не добавляя по существу ничего нового.

Последний, 5-й раздел рассматриваемой главы составлен более удачно чем предыдущие. Есть, однако, в этом разделе и явно ошибочная формулировка, дающая повод к идеалистическим толкованиям. Подчеркивая активную роль общественной формы производственных отношений в диалектике общественного развития, пытаясь подчеркнуть ее воздействие на развитие производительных сил, автор договаривается до определяющей роли общественной формы в то время как азбучная истина марксизма: производственные отношения определяются и обуславливаются производительными силами—известна теперь каждому рабочему.

Положительная сторона III главы («Капиталистическая и социалистическая система хозяйства») заключается в том, что здесь проблема производительных сил и производственных отношений рассматривается в разрезе современности, привлекается значительный исторический материал, автор пытается ввести в учебник данный т. Сталиным на XVI съезде замечательный анализ борьбы «двух систем», «двух

миров». Однако изложение этого материала в учебнике нельзя признать удовлетворительным.

Говоря о капитализме, автор вводит все существующие в политэкономии категории, дает критику ошибок и т. п. При этом громоздкий, наваливаемый в кучу материал не переваривается в необходимых с точки зрения изложения истмата обобщениях: закономерность, которую должен показать анализ, тонет в гряде материала. Глава больше всего показывает сущность и развитие двух систем как двух параллельных, обособленно протекающих процессов; все изложение ведется больше всего в порядке сравнения двух систем. Но недостаточно сделано самое главное: не показана и не вскрыта в должной мере именно борьба двух систем. Подчеркивая вопрос о противоречиях между капиталистическим миром и СССР, т. Сталин говорил: «Правда, это противоречие не есть противоречие внутрикапиталистического (разрядка т. Сталина) порядка. Оно есть противоречие между капитализмом в целом и между страной строящегося социализма. Но это не мешает ему разлагать и расшатывать самые основы капитализма. Более того, оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических систем» (Стенографический отчет, стр. 23).

Недостаточно изложен крайне важный вопрос об экономике и политике вообще, при диктатуре пролетариата в особенности.

Глава несвободна также от ряда грубых ошибок и неприемлемых формулировок. Так, на стр. 185 особо подчеркивается, что «план построения социализма является законом движения и развития переходной экономики». Наряду с этим догматическим фетишизированием плана автор обходит молчанием то, что наиболее важно для понимания закона движения и развития переходного периода как «периода борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом» (Ленин. Т. XXIV) на базе диктатуры пролетариата.

Сам собой напрашивается следующий вывод: при втором издании учебника, к которому, насколько нам известно, коллектив авторов уже приступил, первые три главы, как страдающие наибольшими недостатками, должны быть кардинально переработаны.

Значительно лучше глава IV (о классах) в смысле четкости и достаточно популярного изложения марксистско-ленинского учения. Но и здесь надо отметить недостаточно проведенную связь как между IV и V главами (о классах, классовой борьбе, государстве и диктатуре пролетариата), так и между ними и предыдущими.

Крайняя недостаточность проведения принципа историчности, свойственная учебнику в целом, сказалась особенно в этой главе, где раздел о происхождении классов дан после определения классов и разбора проблемы о классах по существу. При этом самое изложение проблемы происхождения классов нельзя признать удовлетворительным. Основная задача учебника—показать здесь экономический характер возникновения классов, определяющую роль способа производства, соответствующего исторически-определенному уровню развития производительных сил. Только марксизм-ленинизм, в противовес путанному и запутывающим вопрос идеалистическим теориям, сумел вскрыть и научно показать эту историческую закономерность, которая прокладывает себе дорогу в диалектическом взаимодействии с условиями классовобразования (разделение труда, выделение общественных должностей и т. п.) на основе появления частной собственности на средства производства и связанной с ней эксплуатации.

В учебнике этот определяющий экономический, материально-производственный характер возникновения классов не выпячен.

К отдельным недостаткам главы IV надо отнести следующие.

На стр. 195 говорится о дополнительных признаках общественных классов, кроме основных, данных Лениным в «Великом почине».

К дополнительным признакам относятся автором (якобы по Ленину) поли-

тический («закрепление и оформление имущественных различий политической властью, охрана их с помощью законов») (стр. 196), а также «способ получения доходов и размеры той доли общественного богатства, которая достается отдельным классам».

Не лучше ли говорить о признаках производных, определяемых основными признаками: местом людей в исторически определенной системе производства, их отношением к средствам производства и ролью в общественной организации труда.

Правильно определяя роль и место интеллигенции в капиталистическом обществе, автор допускает неточность, выводя социальное родство интеллигенции с пролетариатом из создания прибавочной стоимости также и низшей интеллигенцией. Хотя труд низшей интеллигенции в капиталистических предприятиях и может явиться производительным трудом (Маркс «Теория прибавочной стоимости». Изд. 3-е. Т. I, стр. 227—273), однако, отсюда нельзя сделать вывод, «что интеллигенция и пролетариат занимают одинаковое место в капиталистическом способе производства, так как «все эти проявления капиталистического способа производства в этой области (т. е. производительный труд низшей интеллигенции в капиталистических предприятиях.—Рецензенты) так незначительны по сравнению со всей совокупностью производства, что могут быть оставлены совершенно без внимания» (Маркс «Теория прибавочной стоимости». Изд. 3-е. Т. I, стр. 273).

Классовая борьба в эпоху империализма изложена в общей форме. Не выделены особенности задач борьбы пролетариата на современном этапе развития. Не подчеркивается с достаточной полнотой неизбежность перерастания социал-демократии в социал-фашизм при переходе буржуазии к методам открытой фашистской диктатуры как к средству борьбы с нарастающим революционным движением пролетариата в условиях послевоенного всеобщего кризиса капитализма.

Ни в § 6 о классовой борьбе пролетариата и ее формах, ни в § 9 о классовой борьбе при капитализме не выпячена решающая роль партии пролетариата в превращении стихийного рабочего движения в сознательное, в руководстве классовой борьбой пролетариата с буржуазией.

Важнейший вопрос о том, что партия руководит пролетариатом в его классовой борьбе, растет, крепнет и закаляется, только проводя последовательно борьбу на два фронта, что борьба на два фронта за преодоление противоречий и укрепление партии на основе этого преодоления является законом развития коммунистической партии,—этот вопрос не нашел достаточного освещения в главе.

Указывая, что для успешной борьбы пролетариата нужна правильная партийная линия, автор считает, что эта линия «определяется на каждой ступени развития классовой борьбы ее пропагандой (?), общими задачами ее стратегии и тактики». Последнее же, по словам автора, изменяется «в зависимости от условий развития классовой борьбы» (стр. 248), а не от изменения в соотношении классовых сил на каждом данном этапе революции, на основе которого стратегия определяет «направление» главного удара, вырабатывает план расстановки революционных сил для борьбы за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции.

Оценивая положительно с точки зрения содержания, охвата темы, политической заостренности вопросов главу V, посвященную вопросам диктатуры пролетариата, мы должны вместе с тем отметить и ряд крупных недостатков, имеющих в этой главе.

Правильно утверждая, что действительное равенство возможно только в бесклассовом обществе, автор не делает различия между низшей фазой коммунизма (социализмом) и высшей его фазой (полным коммунизмом). Фактическое равенство возможно только при полном коммунизме, при осуществлении правила «каждый по способностям, каждому по потребностям». На первой же стадии коммунистического общества—при социализме—достигается равенство «в смысле уничтожения классов» (Ленин), но это равенство—только «формальное равенство» (Ленин), так

как остается неравенство в распределении, остается «буржуазное право». Тов. Сталин на XVII съезде говорил: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е.: а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (социалистическое общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства».

Указывая на условия и ступени отмирания государства (стр. 288—289) после уничтожения классов, автор совершенно упускает ту высоту развития производительных сил в социалистическом обществе, которая даст возможность осуществить основной принцип коммунизма «Каждый по способностям, каждому по потребностям». Прежде всего высота развития производительных сил будет обуславливать различие между низшей и высшей фазой коммунизма, которое «политически... со временем будет вероятно громадно» (Ленин).

Неправильная формулировка допущена на стр. 290, где говорится о «трех основных хозяйственных формах, из которых складывается экономика переходного периода,—это социализм, мелкое товарное хозяйство, капитализм». Экономика переходного периода никак не может «складываться» из различных хозяйственных укладов.

Нечетко ставится вопрос о политике партии по отношению к кулачеству в связи с новой экономической политикой.

Автор механически разрывает двойственную природу нэпа на две параллельных стороны (как допустившую рост капитализма, с одной стороны, и обусловившую успешное социалистическое строительство—с другой), не вскрывая того, что новая экономическая политика была и есть единственно правильный метод построения социализма. Нельзя забывать того, что несмотря на абсолютный рост капитализма в сельском хозяйстве до 1927 г. удельный вес капиталистического сектора неизменно падал. Пролетарская диктатура и до года великого перелома неуклонно подготавливала предпосылки для окончательного разрешения вопроса «кто кого» в пользу социализма в процессе ожесточенной классовой борьбы, ведя политику индустриализации страны, ограничения и вытеснения кулачества и подготовку основных масс крестьянства к решительному повороту в сторону социализма.

На стр. 312 автор пишет: «Наша страна решительно вступила на путь социалистической реконструкции всего народного хозяйства, но наряду с успехами строительства социализма—в силу двойственности противоречий природы нэпа—уже к XV съезду партии выявился известный рост кулачества, потребовавший усиления нажима на кулачество». Такое одностороннее толкование причины усиления нажима на кулачество неверно и вытекает из указанного «двойственного» понимания природы нэпа. Усиление нажима на кулачество, сформулированное на XV съезде партии, было не оборонительной политикой пролетарского государства, а наступательно: оно было продолжением успешного наступления социализма на капитализм на основе новой экономической политики, что неизбежно вызывало обострение классовой борьбы внутри страны.

Недостаточно четко подходит учебник к вопросу о труде в коммунистическом обществе... Дело представляется так, что коммунистическая революция устраняет труд, а под «устранением труда», на которое ссылались Маркс и Энгельс, они разумели якобы «превращение труда из тяжелой обязанности в удоволь-

ствие», в «первую жизненную потребность» (Учебник, стр. 325). Труд из бремени превращается «в насущную потребность, в наслаждение» (Учебник, стр. 326).

Если Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» говорят об «устранении труда», то они под этим понимают не устранение его как необходимой основы каждой общественной формации, а устранение рабского труда. В коммунистическом обществе труд тоже будет необходимостью, основой существования и развития общества, но он «перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» (Маркс). Это значит, что «люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общезжития» и что «их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям» (Ленин). Труд не будет носить эксплуататорской формы, калечащей человека: он будет осознанной необходимостью, основой развития всех способностей и возможностей, заложенных в обществе и человеке; поэтому он будет «первой необходимостью жизни».

Положительным моментом учебника следует считать то, что глава об общественном сознании и идеологии, а также и глава о религии даны до главы «Учение марксизма-ленинизма о революции». Это дает возможность рассматривать проблему сознания и идеологии не вообще, не оторванно от классовой борьбы, а как одну из основных проблем пролетарской революции и социалистического строительства.

Положительная сторона VI главы так же и в том, что автор проблему взаимоотношений общественного сознания и общественного бытия связал с проблемой отражения. Но этим никак не может быть оправдано игнорирование изложения учения Маркса—Ленина о базисе и надстройках, что сказалось и на изложении теории отражения.

Заявив вполне правильно, что «сознание всегда в той или иной форме—отражение бытия», автор продолжает: «но способ этого отражения весьма различен у различных классов» (стр. 332), т. е. что классовое бытие определяет собой способ отражения.

Верно, что отражение объективной действительности у разных классов различно, но неверно утверждение, что способ отражения объективного мира у разных классов различен. Решающее значение имеет различное понимание отражаемой реальной действительности. Способ отражения для всего человечества одинаково идет через ощущения, и никакого другого способа у нас нет. Что сами ощущения и чувства—исторический продукт общественной практики, что на самом историческом развитии ощущений и чувств человека лежит классовый отпечаток,—это совершенно верно, но это не меняет того положения, что способом отражения нашего мира всегда будет способ отражения через органы чувств.

Ленин неоднократно, говоря о народниках, подчеркивает: «Это наблюдение с фактической стороны верно», «все факты констатированы правильно», но... «понимание этого факта у народника неудовлетворительно», «марксист совсем иначе объясняет эти факты». Таким образом Ленин подчеркивает в процессе отражения этот двуединный момент. Чем же объясняется, что первый момент—восприятие—верен, а второй момент—понимание—неверен? «Ответ один,—говорит Ленин народнику,—потому что вы—идеолог мелкой буржуазии, потому что ваши идеи, т. е. идеи народнические вообще, а не идеи Ивана, Петра, Сидора,—результат отражения интересов и точки зрения мелкого производителя, а вовсе не результат чистой мысли» (стр. 244).

Таким образом Ленин подчеркивает, что именно классовое бытие определяет понимание действительности.

Утверждение, что общественное бытие определяет способ отражения, допускает возможность, с одной стороны, разрыва единого процесса отражения, а с другой—такого понимания, что способы мышления всегда и у всех людей постоянны, закреплены в определенных формах и категориях и что все различие восприятия мира заключается лишь в области чувств, которые и накладывают свой отпечаток на воспринимаемое нами. В этом смыкании с идеалистическими взгля-

дами состоит опасность неясной трактовки различных формулируемого понимания марксистско-ленинского положения, что общественное бытие определяет собой общественное сознание.

Как разрешается автором вопрос о взаимоотношении между общественным сознанием, психикой и идеологией? Очень просто: он уничтожает психологию, психику и заменяет их общественным сознанием. Психику «уничтожает» за то, что «употребление термина «психика» открывает путь идеалистическому «учению» о «подсознательной» и даже «бессознательной психике» (учение идеалиста Бергсона, фрейдизм)—см. стр. 337. Ну как тут не вспомнить некоего Л. Вл., который, по словам Ленина, хотел написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классово-борьбы) слов «население», «народ» и т. п.? Психология же изгоняется за ненадобностью, ибо, по мнению автора, у нас нет никаких собственных переживаний, это лишь так нам кажется, что у нас есть свои переживания. «Явления, которые в той или другой форме проявляются в сознании отдельных людей, представляются им,—говорит автор на стр. 335,—как предмет их собственного, индивидуального переживания». Представляются лишь, а на самом деле «разные переживания представления, идеи отдельных лиц в области политической, моральной, религиозной следует определять как общественное сознание людей» (стр. 395). Единственного сознания нет, осталось только некое всеобщее—общественное сознание. Правда, есть оговорка, что общественное сознание и индивидуальное «тождественные и в то же время различны» (стр. 336). Но в чем различие, так и неизвестно. Да по существу для автора этого различия и нет, ибо все растворено в общественном сознании: и общественная «психология» и общественная «психика»—все это «не означает по существу ничего другого, как то же общественное «сознание» (стр. 336).

Не ясно ли, что места для психологии как науки уже не оказывается? Проблема переделки психологии крестьянина-индивидуалиста отпадает; проблема воспитания отдельного колхозника также. Переделка, перевоспитание, преодоление пережитков капитализма в сознании людей—все это разрешается само собой, приведенная на стр. 365 мысль Ленина, что «сила привычки миллионов—самая страшная сила», оказалась неосознанной как и положение XVII конференции о преодолении пережитков капитализма в сознании.

И вопреки угрозе автора, что «всякие теории пролетарской психологии... означают не что иное, как сдачу позиций перед стихией буржуазной культуры» (стр. 371), мы все же считаем, что психологию как науку нельзя игнорировать, что пролетариат обладает классовой социалистической психологией, которая не растворяется во всеобщем общественном сознании. Общественного сознания как сознания, стоящего вне классов, вне индивидуумов, нет. Проблема соотношения сознания индивидуального, классового и общественного, психики и психологии, которую мы только затронули, не является такой простой, чтобы от нее можно было отделаться одной фразой, как это делает автор, заявляя, что «без... диалектического понимания общего, частного и единичного нельзя выяснить вопроса». Вот на этой-то проблеме и следовало показать, что значит диалектическое понимание единичного, особенного и общего. Вместо этого автор предпочел отделаться фразой, а разрешение вопроса свести к уничтожению психики и психологии.

Неправильно разрешается автором и вопрос об относительной самостоятельности идеологий. Он пишет, что этот вопрос «может быть правильно понят лишь в том случае, если мы будем исходить из общественного разделения умственного и физического труда» (стр. 340). Значит, в коммунистическом обществе, где не будет существовать ни разрыва ни противоположности умственного и физического труда, идеологии иметь не будут никакой, даже относительной, самостоятельности? Действительные корни самостоятельности идеологии лежат в том, что акт познания не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни» (Лен. сб. XII, стр. 339), лежат в том, что общественное сознание не

тождественно с общественным бытием. Отрыв умственного труда от физического лишь использует этот «непростой» акт процесса познания для отрыва идеологии от реальной действительности, а классовый интерес буржуазии закрепляет выгоду для него идеологию, превращает ее в самостоятельную, внеклассовую сущность.

Последний вопрос—это о культуре.

Отмечая совершенно верно, что завоевание власти пролетариатом «является решающей предпосылкой создания пролетарской культуры» (стр. 365), автор допускает ошибку, заявляя, что внутри капиталистического общества пролетариат «не может создать новой, пролетарской культуры» (стр. 365). Пролетариат создает свою культуру в условиях капиталистического общества путем интернациональной классовой борьбы, а самое учение Маркса, созданное в капиталистических условиях, есть конкретный показатель создания пролетарской культуры в условиях капитализма. Взгляд автора о невозможности развития пролетарской культуры до пролетарской революции не только смыкается в этом случае с ошибочными взглядами Бобровникова, но и поддерживает правые течения в среде коммунистических партий на Западе, где правые заявляют, что в условиях капитализма невозможна пролетарская культура и нечего бороться за нее.

Разбирая вопрос о пролетарской культуре в СССР, автор много внимания уделит критике взглядов тех, кто отрицает, смазывает классовый характер культуры вообще и пролетарской в особенности. Однако почти совсем в стороне остались те, кто, признавая за пролетарской культурой ее классовый характер, отрицает в то же время ее социалистический характер. Это тем более следовало сделать, что фраза автора, что «Ленин и Сталин не рассматривают пролетарскую и социалистическую культуру как культуру, лишенную национальных форм» (стр. 373), допускает возможность противопоставления культуры пролетарской культуре социалистической. Приводимая выше фраза приобретает особый смысл, если мы ее сопоставим с другой фразой, напечатанной на той же странице, выше на 5 строк. Ставя, к слову сказать, очень кратко, абстрактно проблему взаимоотношения между социалистическим содержанием и национальной формой культуры при диктатуре пролетариата, автор предпочитает говорить вместо пролетарского, социалистического содержания культуры о содержании пролетарском, интернациональном (стр. 373).

Укажем еще на неудачные места в этой главе.

Так, на стр. 340 автор пишет: «Изменения и перевороты в экономике совершаются, как мы уже отмечали, одновременно с изменениями в надстройках и в идеологиях». Эта фраза может быть, понята вузовцем или слишком упрощенно, вульгаризированно, что всякое изменение в экономике тотчас же автоматически влечет за собой изменение в надстройке и идеологиях или—что значительно хуже—в идеалистическом смысле, что одновременно с изменениями в идеологии и надстройках вообще происходят изменения и в экономике, причем роль первичного, основного играет идеология.

Говоря о союзе с середняком, авторы совершенно обошли вопрос о смычке, между тем смычка вовсе не снимается и в настоящих условиях. Когда авторы говорят о переделке «в процессе социалистического строительства и культурной революции миллионов рабочих и крестьян» (стр. 367), то говорят об этом вообще, вне конкретных условий нашей действительности. И здесь точно так же выпадает проблема смычки. А Сталин подчеркивал, что смычка есть средство для того, чтобы «приблизить крестьянство к рабочему классу, перевоспитать крестьянство, переделать его психологию индивидуалиста, переработать его в духе коллективизма и подготовить, таким образом, ликвидацию, уничтожение классов на базе социалистического общества».

Неудачна фраза—с идеалистическим привкусом—на стр. 361: «Пролетариат как класс самой (?) историей (?) воспитывается...» Зачем эта «гегелизирующая»

объективизация и персонализация истории как таковой в противовес действительной истории людей и классовой борьбе пролетариата?

Что может значить для вузовца такая фраза: «Пролетариат не стоит на точке зрения абстрактной нравственной целесообразности и нецелесообразности» (стр. 355)? Или такая: «Плеханов всегда подчеркивает, что общественная психология того или другого класса как данная и уже возникшая (возникающая?) имеют (?) один общий корень» (стр. 337)? Или еще: «Механически биологическая точка зрения в вопросах морали не только не противоречит, но и дружески подает руку и кантовскому категорическому императиву и регелизирующему (?) идеализму в «Этике» (стр. 355)?

Глава «Марксизм-ленинизм как воинствующий атеизм» написана живо и обстоятельно. Несмотря на исжатость изложения автор дает вузовцу достаточный и удовлетворительно преподнесенный материал о сущности религии, ее происхождении и социальных корнях, о пролетарском и буржуазном атеизме. Наименее удачным, пожалуй, является раздел о происхождении и развитии религиозных верований, так как авторами дается все же абстрактное, не насыщенное историческим материалом, неясное изложение вопроса о происхождении религиозных верований. Благодаря этому критика, которую авторы дают плехановским взглядам о происхождении религии, выглядит бледной и малоубедительной.

Большим недостатком рассматриваемой главы является то, что в ней по существу отсутствует такой важный раздел, как атеизм в СССР и религия. Авторы отделяются тремя строчками тощих агитационных фраз о строительстве социализма и о борьбе с религией, не давая обстоятельного изложения вопроса.

Марксистско-ленинское учение о революции (VIII гл.) изложено в учебнике недостаточно полно. К наиболее существенным недостаткам надо отнести слишком общий характер выяснения вопроса о неизбежности пролетарской революции, недостаточно конкретный анализ основного противоречия капитализма—между общественным характером труда и частным характером присвоения,—капиталистической эксплуатации и развития классовой борьбы, разрешающегося социалистической революцией и диктатурой пролетариата. Недостаточно развернутым является также марксистско-ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Здесь совершенно выпало учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и ее роли и значении в доведении до конца буржуазно-демократической революции и в перерастании ее в социалистическую.

Необходимо отметить также и то, что роль партии пролетариата в буржуазно-демократической революции, в перерастании ее в социалистическую и роль партии как направляющей и руководящей силы социалистической революции и диктатуры пролетариата не получила достаточного и конкретного выяснения. Авторы ограничились самыми общими указаниями и большим количеством цитат, но совершенно не привлекли, например, те образцы большевистского руководства подготовкой и осуществлением Октябрьской революции, которые дают Ленин и Сталин и которые получили такое гениальное освещение в их работах.

Глава «Марксизм, ревизионизм, социал-фашизм» отличается большим охватом, партийной воинственностью и в общем достаточной четкостью изложения основных положений. Но и в этой главе авторы, стремясь дать исчерпывающее освещение и охватить максимум вопросов, не избежали некоторого схематизма и перегруженности большим количеством цитат. К существенным недостаткам надо отнести то, что авторы не дали достаточно развернутого изложения той эволюции реформизма и оппортунизма в сторону социал-фашизма, которая могла бы конкретно объяснить превращение его в умеренное крыло фашизма. Недостаточным является и выяснение связи развития оппортунизма с развитием классовой борьбы пролетариата на основных этапах. У авторов, например, совершенно выпало освещение оппортунизма в период войны, что особенно относится к оппортунизму в России, который получил освещение только в пределах довоенного периода. Оппор-

тунизм и борьба с ним в период империалистической войны, Февральской и Октябрьской революций и в послеоктябрьский период не получили нужного освещения. Авторами не использованы в должной мере для этого такие произведения Ленина, как «Социализм и война», «Крах II интернационала», «Империализм и раскол социализма», «Разногласия в европейском рабочем движении», «Детская болезнь...» и др. Эти и многие другие работы Ленина и Сталина являются образцами конкретного исторического подхода к изучению корней и развития оппортунизма.

Например в брошюре «Социализм и война» Ленин вскрывает корни оппортунизма и его классовую сущность, его идейно-политическое содержание на всех этапах рабочего движения и прослеживает этапы развития оппортунизма до империалистической войны включительно, указывая на то, что превращение оппортунизма в социал-шовинизм происходило при одной и той же экономической основе и одном и том же идейно-политическом содержании. Ленин особенно подчеркивает как проникновение в пролетариат мелкой буржуазии, так и значение и роль рабочей аристократии как базы оппортунизма. «Ни один марксист не сомневается в том, что оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных».

Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в рабелепство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партии много мелкобуржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый...

Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от прабегства чужих наций, от выгоды ее великодержавного положения» и т. д.»¹⁾

Выяснение своеобразия развития оппортунизма в России, являющегося разновидностью западноевропейского оппортунизма, и освещение той борьбы, которую вела партия с ним на основных этапах революции, имеют огромное значение для понимания международного характера ленинизма и международного значения борьбы с оппортунизмом, которую наша партия и Коминтерн ведут во главе с т. Сталиным на данном этапе.

В главе совершенно не выяснена эволюция троцкизма от фракции в коммунизме до превращения в передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Не показано также превращение всех антипартийных группировок в силу «объективной логики фракционной борьбы» (Ленин) в антисоветские, контрреволюционные в условиях ожесточенной борьбы за ликвидацию классов и за построение бесклассового, социалистического общества.

Выводы: 1. Рецензируемый учебник, являющийся первым опытом создания стандартного учебника по диалектическому и историческому материализму, при всех своих положительных качествах, отмеченных выше, несвободен, как это отмечает и сама редакция, от существенных недостатков и отдельных ошибок и нуждается поэтому в переработке. Для того чтобы второе издание могло стать вполне отвечающим требованиям стандартного учебника, он должен быть переработан также и применительно к стандартной программе. Само собой разумеется, что в новом издании должны найти максимальное отражение исторические постановления XVII съезда партии и в первую очередь доклад т. Сталина.

2. Крайне необходимо также сократить его объем за счет повторений, цитат,

¹⁾ Т. XVIII, стр. 201—202.

превратить учебник в более доступный по языку, сжатости и четкости изложения, насыщенного в то же время конкретным историческим и фактическим материалом.

3. В результате переработки учебник должен получить больше четкости, последовательности, связи между разделами, стройности как в смысле общей архитектоники, так и в пределах каждой главы, каждого параграфа. Надо добиться также большей пропорциональности между главами учебника. Нужно, чтобы в каждой главе и в каждом параграфе было четко выделено основное и главное в трактуемом вопросе (с соответствующим использованием шрифтов, разбивок, подчеркиваний, оглавлений и т. п.).

4. Стандартный учебник во втором издании должен быть дополнен необходимым методическим материалом: примечаниями, списком литературы (в конце каждой главы), кратким предметным указателем и словарем.

Бригада ИКПФ Авенир, Берестнев, Паукова, Сливкер, Шелкопляс

„Маркс, Энгельс, Ленин о биологии“

**Хрестоматия. Составители: М. И. Айзупет, П. А. Исаков, Б. П. Токин
Партиздат. М. 1933. 240 стр. 2 руб., 30 000 экз.**

Составители рецензируемой хрестоматии рассматривают свою работу как попытку систематизации высказываний основоположников марксизма-ленинизма по определенным проблемам биологии. Эту попытку нужно признать вполне своевременной, необходимой и заслуживающей самого серьезного внимания. Богатейшее научное наследие основоположников диалектического материализма по вопросам естествознания, в частности биологии, рассеянное в собраниях их сочинений и отдельных изданиях, при отсутствии предметных указателей оказывается не всегда доступным учащимся высшей школы и даже научным работникам.

Весь материал хрестоматии разбит на восемь глав под следующими общими заголовками: гл. I — «Диалектический материализм и естествознание», гл. II — «Неорганическое и органическое», гл. III — «Жизнь и ее происхождение», гл. IV — «Проблема строения живого организма», гл. V — «Основы эволюционной теории», гл. VI — «Происхождение человека», гл. VII — «Природа и общество. Социальное и биологическое» и гл. VIII — «История биологии». Каждая глава в свою очередь делится на более мелкие подразделения. Из этого перечня глав мы видим, что материал хрестоматии значительно выходит за рамки собственно биологии, что впрочем отнюдь не составляет недостатка книги. В общем материал подобран и распределен удовлетворительно, если не считать встречающихся местами повторений.

Книга снабжена предисловием, 22 примечаниями, составляющими вместе около 66 страниц, и именованным словарем-указателем. Литературная внешность книги удовлетворительна.

Основной материал хрестоматии составляют выдержки из трудов основоположников диалектического материализма, касающиеся основных проблем биологии и естествознания вообще. Главнейшие вопросы собственно биологии, нашедшие свое освещение в выдержках, которые приведены в хрестоматии, могут быть сведены к следующим общим проблемам: проблема происхождения жизни, проблема белка, проблема обмена веществ, проблема клеточного строения организма, проблема формы и функции организма, проблема эволюции органической природы, проблема происхождения человека и человек как фактор эволюции органической природы. Все эти перечисленные общие проблемы в трудах осново-

положников диалектического материализма не только поставлены в общей форме и в этом виде получили принципиальное разрешение в духе диалектического материализма, но и расчленены на ряд более частных, конкретных проблем с указанием путей их дальнейшей разработки. Здесь нужно заметить и подчеркнуть, что хрестоматия отнюдь не исчерпывает всего относящегося к этим проблемам научного наследства основоположников диалектического материализма.

В дальнейшем мы сосредоточим наше внимание на недостатках предисловия и примечаний, которые (недостатки), по нашему мнению, должны быть устранены в последующих изданиях книги. О примечаниях составители пишут: «Особенную трудность для составителей представляла работа по линии примечаний». По их мнению, «дать развернутые комментарии ко всем мыслям Маркса, Энгельса, Ленина, дать систематическое изложение мыслей основоположников марксизма-ленинизма означало бы пересмотр всей современной биологии». Имея в виду непосильность такой задачи, все же «по целому ряду вопросов составители нашли обязательным дать примечания в связи с тем, что вокруг этих вопросов происходит особенно ожесточенная теоретическая борьба». С нашей точки зрения составители здесь совершенно неосновательно смешивают две по существу различных задачи: необходимость снабдить книгу примечаниями, способствующими правильному пониманию мыслей и идей основоположников диалектического материализма, с одной стороны, и необходимость дать систематическое изложение их мировоззрения в данной конкретной области естествознания — с другой. Последнее вообще не может быть предметом книги-хрестоматии, а первое вполне возможно и необходимо, так же как и определенность целевой установки книги, правильно ориентирующей читателя в собранном в ней научном материале. Это особенно необходимо также и потому, что контингент читателей книги будут составлять не только научные работники и студенты вузов, но и широкий партийный актив пропагандистов, антирелигиозников, преподавательский состав средней школы и т. п.

Оставляя в стороне примечания справочного и хронологического характера, мы рассмотрим лишь некоторые из тех, которые имеют принципиальное значение. Отметим здесь же, что на долю всех примечаний вместе с предисловием приходится около 30% основного текста книги, причем большая часть примечаний отнюдь не справочного характера. Указываем на эту деталь, для того чтобы подчеркнуть, что целый ряд весьма существенных недостатков примечаний ни в какой мере не может быть отнесен за счет недостатка места при данном объеме книги.

Начнем со вступления «от составителей». На протяжении 10 страниц составители вкратце формулируют основные проблемы и задачи советской биологии в связи с запросами социалистического строительства, критикуют механистов и меньшевистствующих идеалистов и разъясняют роль и значение диалектического материализма в деле разрешения задач, стоящих перед советскими биологами. Основным недостатком вступления, имеющего установочный характер, является его неконкретность. Конечно, верно, что «нужно уметь, вскрывая закономерности развития организмов, управлять этими процессами», верно, что разрешение всех перечисленных задач «упирается в необходимость действительно глубокого вскрытия закономерностей живой природы, овладения процессом развития организмов», верно и то, что «овладение процессом развития организмов» упирается в необходимость действительно глубокого вскрытия закономерностей живой природы. Правы также авторы, говоря, что для этого «является необходимым выбрать такие пути и методы работы, которые действительно обеспечивают разрешение задач, поставленных эпохой», и что, наконец, «все это возможно сделать только с правильных теоретических, действительно научных позиций». Все это, конечно, правильно, но слишком общо. Между тем ко времени составления хрестоматии в целом ряде партийных и правительственных директив эти «задачи эпохи» в части, касающейся биологических наук, были сформулированы совершенно четко и кон-

кретно. Коль скоро авторы задалась целью говорить об основных задачах советской биологии в связи с запросами социалистического строительства, совершенно необходимо было в максимальной степени использовать эти директивные указания. Правда, в одном случае авторы делают попытку в этом направлении, но она с очевидностью показывает, как велика дистанция от общих фраз до конкретной постановки затронутого ими вопроса.

Так, касаясь вопроса о роли человека в эволюции органической природы, авторы пишут: «В этих вопросах нужны исторические исследования, нужна кооперация биолога с экономическим географом, историком материальной культуры и т. д., но нужны не только исторические исследования».

Практика соцстроительства выдвигает большие задачи в вопросах о соотношении современной биологии с уровнем развития техники, социально-экономическими мероприятиями».

В связи с этим несколько ниже авторы цитируют постановление ЦКК ВКП(б) и коллегии НК—РКИ от августа 1931 г.: «Темпы размножения лучших сортов крайне медленны; в одних и тех же экономических районах наблюдается недопустимая множественность сортов; большинство введенных сортов не приспособлено к механизированному крупному хозяйству (большая осыпаемость и полегаетость)». Кто бы мог подумать, что задачи, которые ставятся цитируемым авторами постановлением перед определенными биологическими дисциплинами, относятся к «вопросам о соотношении современной биологии с уровнем развития техники»?

Ведь если эти последние «вопросы» понять буквально, то они являются не чем иным, как частностью более общего вопроса, вопроса о связи развития науки (в том числе и биологии) с развитием производительных сил, и разрешение его составляет задачу исторического материализма и истории науки, но ни в коем случае не задачу биологии. Между тем все три вопроса, сформулированные в приведенном отрывке из постановления, в части теоретической целиком входят в круг вопросов биологических наук.

Неконкретность вступления, помимо сказанного, состоит также в том, что оно почти не связано с основным содержанием хрестоматии.

Выше было отмечено, что основным требованием, которому должны удовлетворять примечания к высказываниям основоположников диалектического материализма, должно быть то, чтобы они способствовали правильному пониманию последних. К сожалению, этому требованию «примечания» составителей удовлетворяют лишь в очень малой степени.

Первым недостатком «примечаний» является то, что авторы часто не указывают конкретно, кого они критикуют. Вот несколько примеров.

Стр. 103: «В СССР целый ряд авторов (Немилов, Кацнельсон, Рубашкин и др.), пытаясь преодолеть кризис клеточной теории, под флагом борьбы с механистическими сторонами представлений Р. Вирхова, а некоторые и под флагом марксистско-ленинской теории (?) делают по существу шаг назад, выбрасывая даже само понятие клетки». Кто здесь разумеется под «некоторыми», неизвестно, равно как неизвестным остается и то, к этим ли «некоторым» или также и к «целому ряду авторов» относится нижеследующая тирада: «Вместо действительно научной оценки современного биологического материала, вместо дальнейшего конкретного исследования и борьбы против метафизических сторон учения Р. Вирхова, его современных некритических последователей, вместо сравнительно-биологических исследований клетки в филогенетическом ряду и изменений, какие претерпевает клетка в ходе индивидуального развития организма, вместо изучения превращения клеток в синцитиальные образования, симплисты и т. д., вместо дальнейшего изучения «механизма» превращения одних морфологических образований в другие эти авторы по существу выбрасывают из биологии одно из величайших достижений». Казалось бы, зло слишком велико, чтобы указать конкретных носителей его, в

особенности если это относится к тем, кто совершает это зло под флагом марксистско-ленинской теории. Однако авторы от этого почему-то уклоняются.

Стр. 174: «Находятся естественники, недоучитывающие всю важность этой проблемы» (проблемы происхождения человека. — Рец.). Кто эти естественники?

Стр. 196: «У нас некоторые авторы, правильно борясь против «биологизаторов», допускали отрыв «социального» от «биологического». Кто эти «некоторые», и не слишком ли мягко сказано?

Стр. 5: «Создались направления, которые пытаются доказать, что старой позиции в эволюционной науке пришел конец, что проблемы эволюции можно разрешать исключительно на базе эксперимента». Здесь опять неизвестно, кем представлены в науке эти «направления».

Стр. 4, подстрочное примечание: «...за последние годы некоторые «горе-диалектики», упрощенцы диалектического материализма в области медицины и антропологии, предлагали по существу выбросить проблему биологического в изучении человека вместо вскрытия диалектики биологического и социального в происхождении человека, вместо понимания мысли Маркса: «Человек, воздействуя на природу, изменяет и свою собственную». Кто эти «горе-диалектики»? К кому конкретно все это относится? Неизвестно. О всех этих «некоторых», «многих» авторах и даже «направлениях» несведомленный читатель, видимо, должен гадать или совсем не знать.

Следующие примеры показывают, что и в «примечаниях» авторы критикуют в духе своего вступления.

Стр. 104, примечание 6-е: «Часто нет еще действительно исторического подхода в конкретном исследовании клеточного строения организма. Нетрудно понять, почему вопрос о клетке, затрагивающий почти все области биологии, приобретает снова и снова исключительную остроту». А почему же все-таки? Потому ли, что он «затрагивает почти все области биологии» или почему другому? Хотя это действительно «нетрудно понять» компетентному читателю, но для многих читателей, которым прежде всего должны помочь «примечания», это может оказаться нелегко. «И так как мы наблюдаем в настоящее время прямое искажение фактов в развитии представлений о клеточном строении организмов (кем, каких?), приходится дать... более детальные исторические справки». Почему же только «исторические» и только «справки», хотя бы и «детальные»? Почти все 14½ страниц этого самого пространного «примечания» заняты «историческими справками», доводимыми до XX в. И снова общие фразы в том же духе.

Характерным для «примечаний» является также то, что авторы их несмотря на козыряние «современной биологией», часто ограничиваются критикой отнюдь несовременных вещей. Так, на стр. 53—54, касаясь вопроса о роли термодинамики в физиологическом исследовании, авторы ограничиваются критикой взглядов конца XIX и начала XX вв., ни словом не обмолвившись ни о господствующих в настоящее время воззрениях, например Гилла и Мейергофа и их школ, ни о роли термодинамики в физиологии, которую она играет в наше время, что является весьма актуальным. Вместо того чтобы на конкретных данных современной науки продемонстрировать правильность относящегося сюда утверждения Энгельса и четко формулировать значение и роль термодинамики в современной физиологии, авторы или обходят вопрос или ограничиваются общими фразами вроде того, что «следует ли изо всего сказанного, что биологам нужно забыть термодинамику? (Напрасное беспокойство!) Жизнь не вне термодинамики. (Еще бы!) Задача биологического исследования заключается в том, чтобы показать, в какой конкретной форме проявляются законы термодинамики в биологических явлениях». Но ведь это же можно сказать и относительно любой из нерганических наук!

Чрезвычайно характерным для «примечаний» является то, что они фиксируют внимание читателя лишь на отдельных высказываниях основоположников диалектического материализма, зачастую выхваченных случайным образом и со-

вершенно безотносительно к тому, что сказано ими по тому или иному вопросу в другом месте. В результате главные идеи ускользают от читателя, внимание которого рассеяно на отдельные частности. Это приводит к тому, что «примечания» нередко вопреки стремлению авторов не только не способствуют, но и мешают правильному пониманию идей Маркса, Энгельса, Ленина. В подтверждение сказанного приведем в виде примера большую часть «примечаний»:

1) В середине статьи Энгельса «Естествознание в мире духов» авторы вставляют примечание (стр. 14—15) о галлевской карте черепа, не говоря ни слова о значении этой статьи в целом.

2) К 16 отрывкам из классиков, объединенных в хрестоматии общим заголовком «Материалистическая диалектика—единственно правильный научный метод познания природы» (стр. 22—31), авторы присовокупили лишь несколько общих фраз о значении «Материализма и эмпириокритицизма». Хотя авторы на стр. 10 и делают оговорку о неполноте материала, в особенности первой главы, считая, что «исчерпать материал по этой главе означало бы привести всю работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», большую часть «Анти-Дюринга» и т. д., однако с этим утверждением нельзя согласиться, ибо анализ вопроса совсем не означает пересказа всего «Материализма и эмпириокритицизма» и «Анти-Дюринга».

3) Раздел «Партийность философии и естествознания» (стр. 31—39) совсем не удостоен никаким примечанием.

4) Во всей второй главе—«Неорганическое и органическое»—вставлено посреди всего два весьма малозначащих примечания, в которых имеются лишь одни общие фразы и поверхностная критика.

5) Разобранный нами ниже отрывок из «Анти-Дюринга» (стр. 57—58), идущий под заголовком «Явления жизни» (стр. 63—64), не удостоен примечания, в то же время к идущему вслед за этим исключительной важности отрывком замечанию Энгельса о «клетках» Траубе («Диалектика природы», стр. 29) сделано разъяснение справочного характера.

6) К чрезвычайно важным мыслям Энгельса и Ленина, объединенным в разделе «Происхождение жизни» (стр. 69—90), авторы дают вразбивку 6 коротеньких примечаний. В примечании 5 (стр. 71) сказано несколько слов о температурных границах жизни. В примечании 6 (на той же странице) совсем без нужды сказано несколько слов о различных видах и типах белков. В примечании 7 говорится о велеровском синтезе мочевины, в примечании 8—об опытах Пастера по вопросу о возможности или невозможности самозарождения жизни в гниющих растворах органических соединений (стр. 76). В примечании 9 идет речь о «вечности жизни»: дано перечисление некоторых теорий. В примечании 10 авторы критикуют механистов и меньшевистствующих идеалистов за приписывание основоположникам диалектического материализма гилозоистских взглядов. Как видно, существо этого раздела—проблема происхождения жизни—авторами совершенно обойдено.

7) К главе IV—«Проблема клеточного строения» (стр. 91—129)—авторы дают 6 примечаний. В примечании 1 дана справка о сифонниковых водорослях. В примечании 2 авторы разъясняют, чему соответствуют по современным представлениям «самые низшие» организмы, о которых пишет Энгельс. В примечании 3 говорится, что описываемое Энгельсом деление ядра соответствует редко встречающемуся амитозу. В примечании 4 поясняется, что употребляемый Энгельсом устаревший термин—зародышевый пузырек—соответствует ядру яйцевой клетки. В примечании 5 дано указание, что Энгельс критикует выражение Дюринга. О пространным примечании 6 (стр. 103—117) было выше уже сказано. В примечании 7 (стр. 119—120) к двум отрывкам из «Диалектики природы», в которых идет речь о форме и функции организма, содержатся лишь одни общие фразы. Таким образом и здесь основные идеи Энгельса обойдены молчанием.

8) В главе V, неудачно названной «Основы эволюционной теории» (стр. 121—

156), с разделами: «Эволюционные идеи до Дарвина» (этот раздел надо было отнести к последней, исторической главе), «Дарвинизм», «Оценка дарвинизма», «Биогенетический закон», «Человек как фактор эволюции» и «Проблема развития» (который нужно было бы поставить на первое, а не на последнее, подчиненное место), авторы дают всего лишь 2 примечания (!). В примечании 1 (стр. 147—150) идет ряд общих фраз о «человеке как факторе эволюции», в основном уже имеющихся во вступлении. В примечании 2 к разделу «Проблема развития» авторы сочли лишь нужным сказать, что имеет в виду Ленин в отрывке из Лен. сб. IX, стр. 111, говоря о трех датах: 1813, 1847 и 1859 гг. Об основных идеях этой главы нет ни слова.

9) К главе VI — «Происхождение человека» — дано всего лишь одно примечание, вставленное в середину главы. В этом примечании дана крайне поверхностная критика извращений Энгельса со стороны механистов и меньшевистствующих идеалистов по вопросу о происхождении человека, и на фоне этой критики брошена следующая фраза, долженствующая являться оценкой заслуг Энгельса в данном вопросе: «Заслуга Энгельса состоит прежде всего в том, что он разрешил проблему перехода одних закономерностей в другие (каких, в какие? — **Рец.**), он вскрыл конкретную историческую закономерность (в чем она состоит, не сказано в примечании. — **Рец.**), он вскрыл диалектику биологического и социального в происхождении человека (в чем она конкретно состоит? — **Рец.**), Энгельс дал образец материалистическо-диалектического подхода вообще к проблеме развития, возникновения нового (Энгельс в данном случае занимался не развитием вообще, но происхождением и развитием человека, совершенно, например, не говоря о развитии неорганической природы. — **Рец.**). Исследования Энгельса убедительно диктуют необходимость действительно исторического, диалектического подхода к эволюции, необходимость вскрытия конкретных исторических закономерностей, изучения специфических закономерностей эволюции на разных ее этапах» (стр. 175—176).

Во всей этой тираде авторы, видимо, хотели сказать что-то весьма значительное, а вышло примерно то же самое, что они сказали на стр. 61 об «энгельсовском понятии белка». Из этих общих фраз неискушенный читатель во всяком случае не сможет понять, в чем же собственно состоит заслуга Энгельса в разрешении проблемы происхождения и развития человека и какое это должно иметь значение для современной науки.

Приведем еще один пример, показывающий, с каким вниманием и ответственностью авторы «примечаний» относятся к читателям. Возьмем пример «разъяснения» как раз по такому вопросу, по которому вся современная биохимия является сплошным подтверждением мыслей Энгельса, и посмотрим, как эти генеральные мысли основоположника диалектического материализма интерпретируются авторами примечаний. Речь идет о примечании «от составителей» на стр. 58—62 к следующему отрывку из «Анти-Дюринга» (Партиздат, 1932, стр. 57): «Жизнь есть форма существования белковых тел, и эта форма существования заключается по существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел.

«Белковое тело» берется здесь в смысле современной химии, охватывающей этим названием все тела, аналогичные по составу с обыкновенным белком и называемые еще иначе протеиновыми веществами. Название это неслучайно, ибо обыкновенный белок представляется наименее живым, наиболее пассивным из всех родственных ему веществ: вместе с яичным желтком он представляет просто питательные вещества для развивающегося зародыша. Но пока наши сведения о химическом составе белковых тел еще так скудны, это название, как более общее, все же лучше, чем все другие.

Повсюду, где имеется жизнь, мы находим, что она связана с белковым телом, и повсюду, где имеется белковое тело, не находящееся в процессе разложения, мы встречаем без исключения и явление жизни. Конечно, в живом орга-

низме необходима также наличие других химических соединений, чтобы вызвать характерные для этих жизненных явлений процессы дифференцирования; но для жизни в чистом виде они не необходимы, если не говорить о том, что они служат пищей и превращаются в белки. Самые низшие известные нам живые существа представляют собой простые белковые комочки, а ведь они обнаруживают уже все существенные явления жизни».

В примечании к этому отрывку, после нескольких довольно поверхностных критических замечаний по адресу имевшего место в истории биохимии увлечения полипептидной теорией строения белковой молекулы, авторы пишут: «Изучение природы этих (т. е. указанных Энгельсом.—Ред.) свойств белка привело к новым взглядам на структуру белка, причем в настоящее время уже почти никто не отрицает, что белок обладает специфическими для него типами связей, резко отличающимися его от других органических соединений, во множестве уже синтезированных органической химией. Этим (т. е. специфическим для белковой молекулы.—Ред.) типом связей, например, считается ассоциативная связь, основанная не на обычной химической валентности элементов, а на так называемой добавочной валентности, и отличающаяся от обычных связей гораздо большей стабильностью и подвижностью к изменениям и превращениям».

«Белок, по современным воззрениям, представляет собой ассоциацию, т. е. соединение, состоящее из отдельных циклов или групп, внутри которых преобладает (?) обычная, свойственная и другим органическим пептидным (почему только пептидным?) соединениям связь, но которые друг с другом соединены упомянутой ассоциативной связью, определяющей в конечном итоге характер соединения (т. е. белка.—Ред.). Благодаря наличию пептидных связей внутри отдельных циклов или групп эти циклы сами по себе обладают большой прочностью и устойчивостью, чем обуславливается то, что белок при постоянных превращениях все-таки остается самим собой, так как составляющие его циклы не изменяются. Бесперывные же изменения белка и его свойств происходят за счет перегруппировки отдельных циклов и групп, постоянного отрыва и присоединения отдельных циклов в различных местах белковой молекулы. Такое представление о белке, которое создалось на основании целого ряда экспериментальных работ последнего времени, разделяется большинством биохимиков...»

Далее следует как всегда оговорка, долженствующая притупить острые углы собственных утверждений авторов. За сим «с особой силой» подчеркивается положение Энгельса, что «жизнь есть форма существования белковых тел», и, задев одних биологов (не говоря каких) за кондиционализм, других — за механицизм, тех и других вместе за ревизию этого положения Энгельса, авторы как бы между прочим, но совершенно категорически и безапелляционно «отмечают»: «Важно отметить еще один момент. Неправильно вкладывать в энгельсовское понятие белка узко химическое представление любого биохимика любого времени (!?). Биохимия со своим исключительным богатством экспериментальных достижений получает белок все же по преимуществу аналитически и в известном смысле «мертвый белок». Внутри современной биологии в вопросе о белке имеется борьба материалистических и идеалистических течений» (где же ее нет и какое это имеет отношение к только что высказанному утверждению?).

«Дальнейшая разработка основных вопросов о белке по самому существу своему должна быть уделом не тех «профессионалов» биохимиков, которые являются скорее химиобиологами, чем биохимиками, а уделом биохимии и всей современной биологии». На этом мы прервем эту длинную выдержку и попытаемся подвергнуть ее конкретному разбору.

1) Прежде всего авторы совершенно неправы, утверждая, что так называемая ассоциативная химическая связь присуща только белку и никаким другим классам органических соединений. Ассоциативная химическая связь за счет так называемых добавочных валентностей присуща не только органическим соедине-

ниям, но также и неорганическим, не имеющим в своих молекулах атомов углерода. Этого факта достаточно, чтобы не считать ассоциативную химическую связь специфической для белков.

2) Совершенно непонятно утверждение авторов, что ассоциативная связь отличается «от обычных связей гораздо большей стабильностью и подвижностью к изменениям и превращениям». Что значит в этой связи стабильность и подвижность? Видимо, тут сказывается своеобразная словесная «диалектика» авторов. Это обязывает нас к кое-каким разъяснениям. Дело в том, что ассоциативная химическая связь отличается от связи за счет главных валентностей тем, что она не связана со структурными изменениями ассоциирующих частиц, могущих существовать и свободно, и осуществляется за счет так называемых побочных валентностей, проявляющихся нередко у атомов, групп атомов и целых молекул после насыщения главных валентностей.

Побочные валентности отнюдь не являются, так сказать, подчиненными главным и не могут считаться более слабыми. Это следует хотя бы из того, что энергия образования соединений за счет побочных валентностей, в виде например тепла, в некоторых случаях значительно больше энергии образования за счет главных валентностей. Побочные валентности ни в какой мере не могут рассматриваться так же, как и остатки главных валентностей, что следует хотя бы из того, что их действие даже возрастает и часто в значительной степени после того, как главные валентности проявились до максимума. Что касается прочности связей побочных валентностей, то она чрезвычайно разнообразна, начиная с чрезвычайной подвижности, лабильности и кончая такой устойчивостью, стабильностью, что разрушить эту связь не удастся без одновременного более или менее глубокого разрушения составных частей, образованных за счет главных валентностей. Правда, в большинстве случаев соединения за счет побочных валентностей являются непрочными образованиями. В данной связи нам нет надобности останавливаться на дальнейшей характеристике сходств и различий между побочными и главными валентностями. Из сказанного явствует, что «стабильность» или «подвижность» ассоциативной химической связи зависит не столько от ее собственной природы, сколько от природы входящих в данное соединение атомов и атомных группировок и молекул.

3) Выше уже было сказано, что ассоциативная связь не может считаться специфической для белков и потому не может также считаться и определяющей характер последних, как бы ни было велико здесь ее значение. Отсюда следует, что формулированная выше Энгельсом основная особенность белка, его специфическая качественная определенность, не может быть поставлена в причинную зависимость только от имеющих в нем место ассоциативных связей. Поэтому сведение устойчивости белка к устойчивости составляющих белковую молекулу «циклам или группам», благодаря якобы которой «белок при постоянных превращениях все-таки остается самим собой, так как его циклы не изменяются, а также сведение «бесперывного изменения белка и его свойств» к «перегруппировкам отдельных циклов и групп» есть чистейший механицизм, ничего общего не имеющий с воззрением Энгельса на природу белка.

4) Авторы пишут: «Неправильно вкладывать в энгельсовское понятие белка узко химическое представление любого биохимика любого времени». Видимо, авторы хотят сказать, что энгельсовское понятие белка недостижимо для «любого биохимика» и «любого времени», в том числе и будущего. В таком случае позволительно спросить: во-первых, как удалось это понятие постигнуть самим авторам и, во-вторых, какое же должно иметь значение это энгельсовское понятие белка для современной биохимии, коль скоро оно непостижимо для «любого биохимика» и «любого времени»? Из вышеприведенных высказываний самих авторов о химической природе белка, в которых они интерпретируют воззрения Энгельса, как будто следует, что белок является до схематичности простой вещью.

Интерпретируя на свой лад Энгельса, авторы авторитетным тоном заявляют

ют: «Дальнейшая разработка основных вопросов о белке по самому существу своему должна быть уделом не тех «профессионалов»-биохимиков, которые являются скорее химикобиологами, чем биохимиками, а уделом биохимии и всей современной биологии». Если и в самом деле разработка основных вопросов о белке «по самому существу своему» не может быть уделом «профессионалов» или, если убрать кавычки, специалистов-биохимиков, то спрашивается, кто же должен и может прежде всего заниматься исследованием белка? Неужели невежды и дилетанты в биохимии? Почему именно авторы считают своих «профессионалов»-биохимиков «скорее химикобиологами, чем биохимиками» и какова по их мнению разница между теми и другими? Наконец, почему исследование белка может быть уделом «биохимии и всей современной биологии» и только? А органическая химия, физическая химия, коллоидная химия и даже, например, рентгенофизика?

б) Одной из чрезвычайно характерных для авторов черт в манере интерпретировать классиков является то, что, ухватившись за одно какое-нибудь положение, авторы совершенно игнорируют сказанное по этому же вопросу в другом месте, хотя бы оно и было тут же, рядом. Особенно это резко бросается в глаза в разбираемом примечании, посвященном разъяснению значения мыслей Энгельса, изложенных на 57-й странице «Анти-Дюринга» и развиваемых на следующей, 58-й странице. Здесь Энгельс в соответствии с приведенным выше определением жизни как формы существования белковых тел характеризует эту форму существования со стороны ее содержания. Характеризуя сходство и различие мертвых и живых тел, Энгельс пишет: «Но то, что у мертвых тел является причиной гибели их, то, у белков является основным условием существования. Лишь только в белковом теле прекращаются это непрерывное превращение составных частей (по нашим авторам, эти составные части белка как раз характеризуются прочностью, устойчивостью, неизменностью) и постоянная смена питания и выделение, как прекращается и существование самого белкового тела, оно разлагается, т. е. умирает. Жизнь, форма бытия белкового тела заключается, следовательно, прежде всего в том, что последнее в каждое мгновение является и самим собою и в то же время чем-то другим, и притом это происходит не в итоге процесса, которому оно подвергается извне, как это бывает с мертвыми телами. Напротив того, жизнь, обмен веществ... есть протекающий сам по себе процесс, присущий, прирожденный своему носителю, белку, без которого не может быть жизни. А отсюда следует, что если химии удастся когда-нибудь создать искусственный белок, то белок этот должен обнаруживать — хотя бы самые ничтожные — явления жизни». И далее: «Из обмена веществ ... как из существеннейшей функции белка и из свойственной ему пластичности выводятся все прочие простейшие факторы жизни: раздражимость, ...сокращаемость, ...способность расти, ...внутреннее движение». Здесь основная мысль Энгельса выражена с неподражаемой ясностью. На интересующий нас с авторами вопрос, в чем специфичность, качественное своеобразие белковых тел в сравнении с мертвыми телами, Энгельс отвечает: в особой, только белковым телам присущей определенности их обмена веществ с мертвыми материальными телами. Этот обмен веществ есть основное условие существования и вместе с тем существеннейшая функция белка, из которой происходят все прочие элементарные проявления жизни: раздражимость, сокращаемость, способность роста и размножения и т. д. В этом — гвоздь мысли Энгельса. Именно этого не поняли наши авторы. Именно к этому идет стихийно современная биохимия, хотя и еще далекая от такого понимания, поскольку проблема белка все еще понимается метафизически, преимущественно как проблема строения белка.

Этим мы закончим нашу критику примечаний с принципиальной стороны. Что касается примечаний справочного характера, то они, за весьма редкими исключениями, не заслуживающими упоминания, составлены удовлетворительно.

Из недостатков «Именного словаря-указателя» отметим следующие:

1) Не указаны страницы текста книги, где и в какой связи упоминаются имена указателя. Это чрезвычайно затрудняет пользование указателем.

2) Имена авторов расположены не всегда строго по алфавиту. Например Бэкон и Бэр идут после Буха, к тому же Бэкон переделан в Бекона.

3) Сведения о Р. Вирхове заканчиваются ссылкой на примечание на стр. 113, между тем на этой странице совсем даже и не упоминается имя Вирхова.

4) На стр. 222 синтез мочевины Велером датирован 1824 г. вместо 1828 г., как это было уже указано в примечании на стр. 73. На этой же 222-й стр. имя Велера дано в двух транскрипциях: Велер и Веллер.

5) Сплошь и рядом сведения о том или ином авторе даются в объеме, совершенно не соответствующем его значению. Так например Келликеру посвящено 12 строк, в то время как о Кекуле лишь сказано, что он «немецкий химик»; Абдергальдену уделено 7 строк, а Э. Фишеру — всего лишь 2 строки; Р. Майеру уделено 3½, Максвеллу — 2 строки и т. д.

6) Совершенно отсутствуют в «Именном словаре-указателе» следующие, многократно цитируемые и упоминаемые Марксом, Энгельсом и Лениным имена (указываем лишь ту страницу книги, где впервые упомянуто то или иное имя): Арретиус (78), Адикес (38), Брентано Луи (25), Бючли (64), Беме Яков (198), Варли (английский физик-электрик) (17), Вольф Н. Ф. (105), Вилли Рудольф (212), Галь Франц-Иосиф (14), Гартман (38), Грове (41), Грюн (212), Гераклит (152), Демокрит (25), Диоген (25), Дальтон (25), Дюма (212), Кеттелер (21), Клазиус (25), Карно Содди (53), Конт Огюст (40), Левкипп (25), Лодж (английский физик) (37), Лафарг (211), Медлер (69), Майер Лотар (48), Михайловский (160), Непер (200) (в тексте Непир вопреки принятой русской транскрипции Непер — Napier), Оствальд Вильгельм (33), Пуанкаре Анри (33), Петцольд (38), Паульсон (38), Плэйфер (Plaufair) (212), Подолинский (188), Ремке (38), Ранке (55), Рихтер Г. Э. (77), Рикардо Давид (183), Робен (211), Секки (69), Страсбургер (211), Смит Адам (183), Спенсер Холл (12), Траубе (64), Эпикур (25), Фрааз (146), Шорлеммер Карл (200), Шмидт Оскар (211), Шван (91), Шлейден (91), Цельнер (17), Чернышевский (34). Несмотря на это авторы нашли нужным уделить место в своем указателе именам Паганини, Рафаэля!

7) «Именной словарь-указатель» за некоторыми исключениями составлен в старом, традиционном стиле и совершенно безотносительно к основному содержанию хрестоматии, способствовать более правильному и глубокому пониманию которого должно было быть его прямым назначением. Понятно при этом, как мало нашли свое отражение в указателе характеристики и оценки того или иного автора, данные Марксом, Энгельсом, Лениным. Приведем несколько примеров для иллюстрации сказанного.

«Бойль Роберт (1627 — 1691). Известный английский физик и химик. Ему принадлежат открытие основного закона аэромеханики («Закон Бойля-Мариотта») и ряд других заслуг в области исследования природы». Здесь отсутствует энгельсовская оценка Бойля как одного из основоположников современной химии, отсутствует указание на то, что Бойль первым дал определение химического элемента, державшееся в науке вплоть до последнего времени. Кроме того один из основных газовых законов, открытый Бойлем, здесь почему-то назван «основным законом аэромеханики». Не каждый читатель может понять, о каком законе идет речь.

Бэкон Ф. Авторы пишут: «Глубочайшую оценку исторического значения Б. дали Маркс и Энгельс», при этом не дают себе труда охарактеризовать материализм и метод Бэкона по Марксу и Энгельсу и даже не дают никаких указаний, где бы читатель мог сам найти соответствующие места у Маркса и Энгельса.

«Вирхов Р. (1821—1902). Крупнейший ученый, основоположник современной патологии, основатель так называемой целлюлярной патологии, один из ранних антимариновистов». И все! Об оценке Энгельса или указания на нее ни слова.

Гарвей Вильям. О том, что Гарвей — представитель раннего английского (бэконовского) эмпиризма и материализма и что он, по оценке Энгельса, «сделал из физиологии науку» — ни слова.

Дарвину Ч. посвящено полстраницы, но о марксистско-ленинской оценке Дарвина нет ни слова, равно как нет и конкретной ссылки на нее. Вместо этого авторы ограничиваются одной фразой: «Лучшую (!?) оценку научного значения теории Д. дали Маркс, Энгельс и Ленин».

О Лавуазье А. Р. говорится, что он «гениальный французский ученый, основатель современной химии и т. д.», но ни слова об энгельсовской оценке значения Лавуазье в истории химии в связи с таковыми Бойля и Дальтона.

«Майер Р. (1814—1878). Знаменитый немецкий естествоиспытатель, впервые формулировавший (?) закон сохранения энергии (!?), один из основателей механической (!?) теории теплоты. Высокую (!) оценку открытию (какому?) М. дал Энгельс». Было бы сто раз лучше, если бы авторы просто привели эту «высокую» оценку Энгельса или хотя бы конкретно указали, где она содержится. Кроме того, почему бы здесь не указать основных работ Майера, как это авторы делают в отношении других, более второстепенных имен, именно его «Bemerkungen über die Kräfte der unbelebten Natur», «Die organisierte Bewegung in ihrem Zusammenhang mit dem Stoffwechsel» и «Die Mechanik der Wärme», из которых первые две имеются даже в русском переводе и имеют прямое отношение к хрестоматии. Вообще нужно заметить, что и в своих «примечаниях» авторы обходят Майера молчаливым, сплошь и рядом распространяясь о других, второстепенных авторах.

«Миюллер Иоганнес (1801—1858). Крупнейший немецкий естествоиспытатель, известен работами в различных областях естествознания—гистологии, эмбриологии, сравнительной анатомии, физиологии. Положил начало клеточной патологии, в дальнейшем разработанной Вирховым». И все! А о том, что Миюллер был сознательным идеалистом-кантианцем в физиологии, что он основоположник германской школы в физиологии, игравшей столь большую роль в науке, что он основоположник так называемого «физиологического идеализма», нет ни слова. Между тем здесь буквально напрашиваются слова, сказанные Владимиром Ильичем о Миюллере в его «Материализме и эмпириокритицизме»: «В 1866 г. Л. Фейербах обрушился на Иоганна Миюллера, знаменитого основателя новейшей физиологии, и причислил его к «физиологическим идеалистам». Идеализм этого физиолога состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывал например, что ощущение света получается при различного рода воздействиях на глаз,—он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения есть образы объективной реальности. Эту тенденцию одной школы естествоиспытателей к «физиологическому идеализму», т. е. к идеалистическому толкованию известных результатов физиологии, Л. Фейербах схватил чрезвычайно метко» (Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 248).

Мы здесь не можем дать характеристику «Указателя» по всем именам. Отметим лишь, что так же беззубо и аполитично «характеризованы», без указания на марксистско-ленинскую оценку, следующие авторы: Бернар, Бюхнер, Галилей, Гельмгольц, Геккель, Гете, Гумбольдт А., Крукс, Кювье, Лейбниц, Ляйель, Максвелл, Мошотт, Ньютон, Окен, Пастер, Уоллес, Фогт К. и некоторые другие.

Этим мы закончим характеристику хрестоматии со стороны ее недостатков. Подчеркивая эти недостатки, мы отнюдь не намерены отрицать наличия несомненных достоинств хрестоматии. Самый факт выпуска хрестоматии, удовлетворительное распределение и систематизация материала, наличие примечаний справочного и принципиального характера являются достоинствами книги. В целях улучшения книги в новом издании, которое потребует несмотря на большой тираж 1-го издания, мы считали бы целесообразным сделать следующие предложения:

1. Полностью переработать вступление и все примечания принципиального характера в соответствии с сделанными выше критическими замечаниями.

2. Дополнить хрестоматию новой главой под названием «Биология и социалистическое строительство», включив в нее наиболее важные места из партийных и правительственных постановлений, касающихся сельского хозяйства, пищевой промышленности и т. д., поскольку они относятся к биологическим наукам.

3. Для составления примечаний принципиального, теоретического характера привлечь работников Института философии Комкадемии.

4. Каждую главу или раздел хрестоматии снабдить краткими вступительными комментариями, выясняющими и оценивающими основные идеи классиков диалектического материализма с принципиальной стороны и в связи с новейшими завоеваниями биологии.

5. Снабдить каждую главу или каждый раздел библиографическим указателем литературы.

6. В главе «Материалистическая диалектика» и в новой предлагаемой нами главе «Биология и социальность» широко использовать произведения т. Сталина.

7. Переработать именной словарь-указатель в соответствии с сделанными выше замечаниями и указаниями.

8. Снабдить книгу предметным указателем.

9. Дополнить хрестоматию рядом мест из классиков, не учтенных при 1-м издании.

Г. В. Сазыкин, В. А. Климовицкий, П. С. Камашенок

В. М. Браун: „Коммунизм и христианство“

(W. M. Brown «Communism and Christianity», Calion, Ohio, 1932)

«Изгоняйте богов с неба, а капиталистов с земли...». Под таким лозунгом на обложке с эмблемой серпа и молота вышла впервые в 1920 г., вышеназванная книга епископа Брауна (издание 1932 г., о котором здесь идет речь, является четырнадцатым).

Если вспомнить часто перефразировавшиеся слова Гете: «Кто желает знать врага, тот должен побывать в стане врагов», то они больше всего относятся именно к автору этой книги.

До войны В. М. Браун был епископом протестантской церкви; его ораторский талант и активность в религиозной пропаганде выдвинули его на руководящий пост в своей церкви, который он занимал в течение ряда лет, являясь членом консалиума пяти епископов (самая высшая власть протестантской церкви в Америке). На этом посту он долгое время работал по соединению всех христианских церквей. «Я был уверен, — пишет он, — что объединение церквей принесет миру благословение, а на самом деле оно принесло бы ему проклятие, ибо церковная лига сотрудничала бы с Лигой наций в деле ограбления и подавления тех же наций при помощи лжи и обмана».

Во время мировой войны под впечатлением той гнусной роли, которую сыграли христианские церкви на службе капитализму, вера епископа Брауна поколебалась, его начали раздирать сомнения, которые привели к тяжелому внутреннему кризису.

Об этом периоде своей жизни он пишет следующее:

«Приблизительно три года назад, в 1917 г., мне стало ясно, что я затратил большую часть своей жизни, проповедуя ложь, не жалея ни здоровья, ни денег; я тогда увидел, что моя жизнь была большею частью затрачена впустую.

Что делать?

Мои друзья старались меня убедить, что, потеряв веру в истины традиционного христианства, я с этим потерял величайшее благо.

Я, напротив, был уверен, что никогда не имел такого блага, но могу его еще найти, если использую последние годы своей жизни, последние свои силы, чтобы его искать не в области религии, а в области человеческого разума.

Я потерял веру, но, к счастью, не потерял храбрости. И на старости лет, находясь уже на границе жизни и смерти, я ставил себе величайшую задачу моей жизни: разбить цепи тех унижительных предрассудков, с которыми меня связывали мои внутренние, искусственно развиваемые склонности, а также и моя слабость¹⁾.

Итак, 1917 год был переломным годом в жизни нашего автора. Вряд ли можно считать случайным это совпадение с годом пролетарской революции в России.

С тех пор епископ Браун начал уже открыто высказывать свои взгляды: вначале в кругу друзей и знакомых, а потом публично.

Церковь, где он когда-то проповедывал христианство, он превращает сейчас к великому ужасу попов в трибуну антирелигиозной и коммунистической пропаганды.

Попы вначале распространяли слухи, что епископ Браун сошел с ума, но, когда они увидели, что антирелигиозные проповеди «сумасшедшего» епископа гораздо больше привлекают массы чем их «умные» проповеди, они начали против него дикую травлю и исключили его из церкви.

С тех пор и до сегодняшнего дня В. Браун неутомимо работает несмотря на глубокую старость (ему 77 лет!) в начатом им направлении.

Его перу принадлежит двенадцать книг, вышедших в период 1920 — 1932 гг., в которых он разоблачает реакционную роль религии, в частности христианской, проповедуя материализм и коммунизм, хотя не всегда последовательно и не всегда с марксистских позиций. Ему принадлежит немалая заслуга в разоблачении так называемого «крестового похода» и всех прочих походов лжи и клеветы против СССР.

Разоблачению крестового похода Браун посвятил отдельную книгу «Крестовый поход папы против СССР». Среди остальных его книг особо надо отметить следующие: «Наука Москвы и суеверие Рима», «Божии епископы и безбожные большевики», «Вампиры войны и церкви», «Церковь и мировой кризис», «Современная наука и материализм», «Почему я коммунист?» и др.

Однако самой известной, выдержавшей наибольшее число изданий является первая его антирелигиозная работа «Коммунизм и христианство».

На первой странице своей книги автор разъясняет смысл слов Маркса: «Религия есть опиум для народа».

«Борьба против религии, — пишет он, — не только умственно полезна, но и неизбежна, ибо господствующие классы каждой страны используют религию в борьбе против социализма».

Но отменить религию — это еще не значит отменить эксплуатацию, это значит уничтожить лишь одну вражескую батарею. Первая задача рабочих — свергнуть капиталистов, а религиозный вопрос, как и все остальные, является по отношению к ней второстепенным²⁾.

«Свержение капитализма в России — это величайшее событие во всей мировой истории, которое превратило интернациональный социализм (марксистского, революционного типа) в действительность».

С этих пор революционный социализм будет работать постоянно во всем мире вплоть до выполнения трех гигантских задач:

1) свержения капитализма вместе с его конкуренцией и империализмом;

2) свержения демократического кооперативного индустриализма;

3) осуществления индустриальной бесклассовой демократии. Однако земля не может освободиться от паразитов до тех пор, пока не освободится небо от тех классовых богов, которые капиталисты создали по облику и подобию своему, и пока не освободится земля от классовых государств, законов, церквей и еван-

¹⁾ W. M. Brown «Communism and Christianity», P. 77.

²⁾ Там же, стр. 5.

гелий, которые навязаны ей королями и президентами, попами и прочими проповедниками религий в своих, классовых интересах для прикрытия их грабежей и завоеваний.

И капитализм и христианство являются (не чем иным, как разновидностями паразитизма...»¹⁾.

Особенно интересно то место, где В. М. Браун разоблачает сущность христианского социализма. На письмо епископа Джонса, который его приглашает бороться за «христианизацию марксизма», В. М. Браун отвечает следующим образом:

«У меня совадлось непреодолимое убеждение, что всякая попытка связать правоверное христианство с марксистским социализмом, как то делает Кингсли и вы, епископ Джонс, может только подтвердить правильность пословицы: никто не может служить двум хозяевам. Более того, я уверен, что если бы христианский социализм стал той же целью, через которую христианство пролезло бы в марксизм, это означало бы гибель революционных стремлений угнетенных классов, а средневековье спустилось бы на землю так же, как и тогда, когда Константин стал христианином, а христиане превратились в верноподданных и храбрых солдат империи.

Это было в тот период, когда рабство уже отжило свой век; и если бы оно тогда не было консервировано с помощью военного деспотизма, чего я боюсь и сегодня, тогда миру, конечно, пришлось бы пережить определенную долю феодализма, но отнюдь не такого средневековья. Средние века — это проклятый плод христианства. Христианство было той силой, которая задерживала историю в ее развитии, вместо того чтобы двигать ее к цивилизации.

Христианизация марксистского коммунизма, которую проповедают Кингсли и наша церковная социалистическая лига, привели бы нас к новому военному деспотизму с целью сохранить капиталистическое рабство, которое уже отжило свой век и находится накануне своего свержения; однако если революция будет поражена и растоптана железной пятой, тогда нам грозит новое средневековье со всеми его ужасами.

И если я не сочувствую тому движению внутри нашей церкви, которое старается создать такой христианский социализм, который был бы более радикален и более революционен, то это только потому, что я чувствую, что христианский социализм, которому вы посвятили лучшие дни вашей молодости, и марксистский социализм, которому я посвятил остаток своей жизни, настолько расходятся, что всякое сожителство и сотрудничество между ними исключено. Несовместимость христианского и марксистского социализма вытекает уже из того факта, что христианство является по своему характеру империалистичным, а марксизм демократичным. Корни этого глубокого и непреодолимого расхождения кроются в том, что всякая вера, была ли она христианской или еврейской, мусульманской или буддистской, может быть только потусторонней и консервативной, а марксизм так же как и дарвинизм может быть только посюсторонним и научным».

В дальнейшем автор целым рядом фактов и сопоставлений доказывает непримиримость социализма и религии, а также науки и религии.

«Лавуазье и Мейер доказали, что бог создал мир из ничего и что материя и сила существовали вечно. Кант и Лаплас показали, что земля и небесные тела не богом созданы, а развились из газообразной туманности. Дарвин и Иоллес показали, что виды животных и растений не были созданы богом, а развились из общей протоплазмы.

Маркс и Энгельс показали, что человеческая история определяется не богом, а способом производства и распределения материальной жизни»²⁾.

¹⁾ W. M. Brown «Communism and Christianity», P. 31.

²⁾ Там же, стр. 62.

В общем и целом надо отметить, что пропаганда атеизма в понятной, живой и общедоступной форме является основным достоинством книги. Та смелость и откровенность, с которыми бывший епископ разоблачает религию, призывает к защите Советского союза и «тех наших товарищей, которые томятся в тюрьмах и ведут забастовки» (стр. 288 и др.), и видит единственное спасение в революции (стр. 226), является самой положительной стороной книги.

Кроме того не надо забывать, что книга появилась в Америке, стране обезьяньих процессов, классической стране ханжества и религиозного лицемерия, где даже проповедь самого плоского эволюционизма спенсерианского типа вызывает обвинение в большевизме, так что многие буржуазные профессора, сторонники эволюционизма, должны делать оговорки, что эволюционизм не противоречит непорочному зачатию богоматери и пр.

В теоретическом отношении книга стоит на невысоком уровне и страдает крупнейшими недостатками, эклектикой, непоследовательностями, отступлениями от позиций самого автора (например, когда он утверждает, что царковь должна быть революционизирована на базе тех истин, которые раскрывает нам природа, стр. 65). Многие из этих недостатков, конечно, объясняются и цензурными условиями, существующими в Америке, но основным недостатком автора является то, что, вопреки всем стараниям усвоить марксизм, его понимание марксизма носит слишком просветительский характер, а его экскурсы в область исторического материализма слишком общи, отвлечены.

Однако несмотря на эти недостатки книга, отчасти благодаря своему живому и популярному стилю, принадлежит к числу той литературы, которая в условиях капитализма играет положительную роль, содействуя пробуждению широчайших масс от религиозной спячки. Ибо не надо забывать слов Ленина, что это пробуждение не идет всегда по прямой, марксистской линии.

Книга Брауна показывает непреодолимую силу марксистских идей, а также крайнюю реакционность буржуазной идеологии, разложение христианской церкви. К коммунизму обращаются сейчас и такие люди, которые когда-то искренно верили в «спасительную роль церкви», как В. М. Браун.

И. Белинский

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

„Без самокритики“

Выступление А. Тимирязева на страницах журнала «Под знаменем марксизма» с программной статьей «Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас» встретило вполне заслуженный, острый, правильный отпор со стороны редакции журнала.

Исчерпывающая, всесторонняя критика этой статьи т. А. Максимовым и примечания редакции ясно свидетельствуют о том, что руководство журналом «П. З. М.», ни в какой мере не поддавшись паническому выкрикам о надвигающейся волне идеализма, о необходимости прекратить борьбу на два фронта.

Никакой новой дискуссии т. А. Тимирязеву возбудить не удалось. Никакой новой дискуссии по основным вопросам марксистско-ленинского мировоззрения и не может быть. Дискуссионные элементы полностью выключены из редакционной статьи т. А. Максимова.

Если я пишу эти строки, то только с одним намерением: отметить, что автор статьи «Волна идеализма» выявил вопреки собственному желанию необходимость поднять самокритику на еще большую высоту, разоблачить собственные ошибки, как бы давно они ни были сделаны.

Характерная особенность лагеря механистов: он существует только в процессе своего собственного распада, разложения, саморазоблачения, внутреннего хаоса...

А. Тимирязев плетется в хвосте своей разбитой армии, разоруженной идеологически, усеявшей путь отступления обломками ошибок и трупами обскурантских, недоношенных идей.

А. Тимирязев маскирует бегство армии своих сторонников, ее полный разгром ссылками на появившегося на горизонте третьего врага. Этот маневр рассчитан на то, чтобы отвлечь внимание от борьбы с механистами, сосредоточить удары на «третьей опасности» и собрать жалкие остатки разбитых вульгаризаторов марксистско-ленинской философии.

Я не буду останавливаться в отдельности на своих многочисленных ошибках в области философии, потому что дело идет не об отдельных ошибках, а о механистическом мировоззрении.

В книжке «Новая наука и марксизм», вышедшей в Харькове в 1922 г., было написано: «О том, что этот материализм (Гольбаха и Гельвеция, Фейербаха, его учеников, Геккеля и Ле-Дантека) недостаточен и превзойден научными исследованиями, спора быть не может. Его значение исключительно историческое... Менялась наука,—менялся материализм. Менялся, но не разрушался... Дело в том, что за общими философскими построениями материализма скрывается нечто в высшей степени живучее, некоторое научное содержание, повидимому, неистребимое в росте научных знаний. Это неистребимое и постоянное — атомизм и механицизм. До тех пор материализм имеет тенденцию возрождаться, несмотря на опровержения, пока сохраняет свою силу механическое миросозерцание в точных науках» («Новая наука и марксизм», стр. 6).

Лобовая атака против диалектического материализма была решительно отбита партией в тот же момент, когда сторонники механицизма попытались противопоставить свои взгляды философии вообще, в особенности марксистско-ленинской философии.

Автор статьи «Волна идеализма» делает вид, что ничего не случилось за десять лет, что вся борьба на философском фронте была впустую, основывалась на недоразумении. С опозданием на десятилетие он повторяет «сенатское разъяснение» о двух видах механицизма, повторяет ту же самую ошибку. Он говорит: «В устах заграничных философов механицизм есть только вежливая форма для обозначения материализма. Это вовсе не механицизм в том смысле, как это понимаем мы, следуя указаниям Маркса, Энгельса и Ленина» («П. З. М.» № 5, 1933 г., стр. 95).

Вывод: есть механицизм хороший и есть механицизм плохой. Опираясь на хороших механистов в союзе с буржуазными материалистами—против идеалистов «вообще». Это не лозунг. Это маневрирование в самом плохом смысле слова. Это уступка предрассудкам и философскому нигилизму известной части советских беспартийных естественников.

Статья А. Тимирязева представляет интерес не сама по себе, а именно потому, что в ней сконцентрирована вся сумма предрассудков, антифилософских предубеждений, скрытой борьбы против материалистической диалектики, попыток отгородиться от нее, замкнуть от философского натиска область специальных исследований, нейтрализовать физические науки, поставить их вне борьбы двух основных лагерей в философии.

В этой статье важны настроения, проявившиеся в весьма замаскированной форме.

Беспартийный естествоиспытатель, пытающийся отгородиться от философии, говорит: «Я, конечно, против механицизма в том смысле, в каком вели против него борьбу Маркс, Энгельс и Ленин. Я, конечно, ничего общего не имею с этими вульгарными, устарелыми взглядами. Но, видите ли, механицизм в хорошем смысле слова — это стихийный материализм, которого из науки устранить нельзя, это механицизм в смысле вежливого признания материализма в самом широком и общем смысле слова».

Мои механистические выступления помогали буржуазным механистам и скрытым идеалистам притвориться материалистами, отгораживаясь от философии материализма. Тов. А. Тимирязев не находит мужества признать, что он продолжает через десять лет ту же самую работу: он вооружает буржуазных специалистов доводами против марксистско-ленинской философии, он помогает им бороться против партийного философского руководства на фронте естественных наук.

Нет лучшей помощи буржуазным идеологам, чем разоружение пролетариата от его философии под предлогом борьбы против философии вообще. В книжке «Новая наука и марксизм» ликвидаторское отношение к философии выражено в таких словах: «Разделение знания о мире на две отрасли: на философию и науку — приняло одиозный характер возвращения к средневековью. Нет двух систем знаний. Есть только один мир и только одно научное знание. Философия сводится к реакционной метафизической науке о духовной сущности мира, стоящего позади явлений» (стр. 28).

Через десять лет А. Тимирязев твердит механистические зады, прикрываясь авторитетами. Он с негодованием цитирует взгляд проф. Тамма, что «вдохновителем физиков, установивших учение о сохранении энергии, был идеалист Шеллинг» (стр. 99).

Об идеализме Шеллинга упомянуто лишь потому, что А. Тимирязев, как и все механисты, делает логическую подстановку: он отождествляет философию и идеализм. «А вот, — говорит он, — как смотрел на это дело Гельмгольц».

Гельмгольц привлечен как авторитет в вопросе об отношении между наукой и философией. «Специально по вопросу об установлении закона сохранения энергии Гельмгольц рассказывает в письме к Дюбуа, каких трудов стоила ему книга «Сохранение силы» (сохранение энергии), сколько раз он ее переделывал до тех пор пока, говорит он, «я не взял себя в руки и не выбросил за борт все, что хоть сколько-нибудь пахло философией».

Итак, великий Гельмгольц сказал: «Философию за борт». И после этого А. Тимирязев с великолепной невозмутимостью продолжает: «Мы, конечно, не будем защищать философские взгляды Гельмгольца, колебавшегося между стихийным материализмом... и кантианством...»

А разоблачать отрицание философии «не будем»? «Не будем» возражать против авторитетного заявления Гельмгольца: «Философию за борт»?

Дело идет о чем-то более серьезном, чем отдельные проблемы физики, как бы они ни были важны и значительны сами по себе, дело идет о коренных вопросах философии, о коренном противопоставлении материализма и идеализма. В статье «Волна идеализма» вопрос ставится о новых формах борьбы материализма против идеализма, о наступлении идеализма на материалистическую философию.

По А. Тимирязеву, не материализм наступает на идеализм, а, наоборот, он отбивает атаки идеалистов, занимает оборонительную позицию и оказался в известной мере безоружным перед этим нападением, так как до появления статьи «Волна идеализма» никто будто бы не знал, никто не сигнализировал новую опасность.

Допустим на момент, что положение так страшно, как оно нарисовано. Что же делать? Прежде всего, конечно, отказаться от всякой помощи идеалистам, разоблачить их агентов в своем собственном лагере, подвергнуть критике свои собственные ошибки.

Разоблачение идеалистической агентуры в статье «Волна идеализма» приняло буквально панический характер: все под подозрением. Но что касается самокритики, — ни слова.

И здесь чувствуется отражение предрассудков беспартийных специалистов, которые отводят внимание от своих идеалистических позиций «ссылками на «современных объединенных идеалистов-теоретиков», на «всех, которые хором вопят»,

на «философов из деборинской школы всех фракций», на «младодеборинцев», на «наших высокопреподобных», на представителей «единого идеалистически-поповского мировоззрения».

Спору нет, борьба против деборинцев необходима. В особенности, если она ведется открыто, а не в форме глухих ссылок без указания имен, путем огульного зачисления в деборинцев всех, кроме механистов, без клеветнических заявлений, будто «идеалистическая литература имела и сейчас имеет монополию на нашем фронте в области физики» (стр. 122).

Если позволительно высказать по этому поводу мнение мне как человеку, осознававшему свои вреднейшие механистические воззрения, те самые, за которые до сих пор цепляется т. А. Тимирязев, то деборинцев в первую очередь надо беспощадно критиковать за то, что они не в состоянии были довести борьбу с механистами до конца, до полного их разоблачения.

В 1930 г. в своей книжке «Марксистское введение в науку» я сделал попытку разделиться со своим механистическим прошлым. Эта попытка оказалась неудачной по двум причинам. Во-первых, потому, что это была борьба против механицизма вообще, а не против собственных ошибок. Иначе говоря, борьба не велась на основе самокритики. Во-вторых, потому, что я не сумел подняться выше того уровня критики, на котором стояла деборинская школа, без всякого критического отношения к меньшевистскому идеализму, без ясного понимания задач борьбы на два фронта. Это не могло не привести к тому, что на старые, недостаточно раскрытые ошибки, лег новый слобй извращений, идущих по линии игнорирования диалектики как теории познания.

Неверные философские позиции обрекают исследователя на научное бесплодие.

Тов. А. Максимов делает ряд совершенно правильных замечаний о научном бесплодии А. Тимирязева в той области знания, которую он так бережно охраняет от вторжения идеализма. Это не только обвинение в личном недостатке. Это глубоко принципиальная постановка вопроса о том, что марксист, не пришедший ни к чему путному в философии, не может дать ничего путного и в той области, где он является или считает себя специалистом.

Как бы ни старался т. Тимирязев ограничить поставленные им вопросы специальными проблемами физики, он не может не возвращаться на каждом шагу к коренной противоположности материализма и идеализма, и в этих коренных вопросах позиции его вредны. Он и здесь находится во власти предрассудков вульгарных или вульгарно философствующих естествоиспытателей.

Он разоблачает скрытые мысли идеалистов: «Не отрицайте существования материи... но лишайте исподтишка эту самую материю ее атрибутов, и тогда, хотя вы сами ее на словах признали, ее все равно не будет» (стр. 119).

Неясно, что подразумевается под словом «атрибут». То ли он отождествляется со свойствами материи, то ли с формами ее существования. Во всяком случае термин употреблен неряшливо, неточно.

Мысль конкретизирована дальше в такой форме: «Как и в кантианстве, здесь плохо то, что положение и скорость, как и вещь в себе, непостижимы, а признание того, что вещь в себе существует, — это уже не так плохо. Все-таки это уже точка зрения людей, сделавших полдороги к материализму... А вот куда пойдут люди, которых лишили материю всех ее атрибутов?»

Удивительно логичный вывод! Агностицизм плох, а вещь в себе хороша... Механицизм плох, а механистический материализм хорош. К сожалению, именно на такого рода логике построены ведущие идеи статьи «Волна идеализма».

По вопросу об атрибутах материи автор этой статьи допускает весьма своеобразную, если можно так выразиться, незаконченность мыслей.

Вся статья пронизана выпадами против эфира. Можно подумать, что главный враг, главное воплощение идеализма и поповщины — эфир.

«Эфир всегда в этом безвыходном положении»; «материя заменяется энергией... разнообразностью этого течения является признание эфира как носителя электромагнитной энергии на словах»; «горбуновская зыбь поднебесная лучше эфира, созданного Эйнштейном»; «эта «знаменитая» теория эфира»; по мнению деборинцев и вообще идеалистов, «эфир, правда, существует, но не состоит из частей и не движется».

И здесь отражение предрассудков буржуазных естествоиспытателей, считающих, что механицизм плох, а механистический материализм хорош. Многочисленные иронические и даже издевательские замечания по поводу разных теорий эфира резюмируются в молчаливом признании верности взгляда, лежащего вне всех этих теорий, а именно, что или возможна механистическая теория эфира или эфир вообще невозможен, а так как механистическая теория эфира немыслима, то эфир не существует, эфир выдуман Эйнштейном.

Ленин по этому вопросу держался иного мнения: «Итак, тысячи лет догадка насчет эфира существует, оставаясь до сих пор догадкой. Но уже теперь

готово в 1000 раз больше подкопов, подводящих к решению вопроса, научному определению эфира» (Лен. сб. XII, стр. 179). В другом месте и прямо по вопросам, затронутым в статье «Волна идеализма», Ленин говорит: «Электромагнитная теория света доказала, что свет и электричество суть формы движения одного и того же вещества (эфира)» (Собр. соч. Т. XIII, стр. 247).

Замалчивать эти указания Ленина нельзя. Замалчивание перерастает в прямое несогласие.

Ленин говорит, что «физические идеалисты» «воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, закосновенность многих понятий у писателей, держащихся этого понимания. И такой недостаток старого материализма несомненен. ...Энгельс сумел.. выбросить гегелевский идеализм и понять гениально-истинное зерно гегелевской диалектики. Энгельс отказался от старого, метафизического материализма в пользу диалектического материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм» (Собр. соч. Т. XIII, стр. 253).

Нельзя брать под свою защиту против идеалистов несомненные недостатки старого «викторианского» материализма и переименовывать его в «стихийный материализм», а его представителей в своих союзников.

Отказ от самокритики прямо ведет к антипартийным выводам, так как означает союз с идеологами враждебного класса.

Ленин отмечал, что признание политической ошибки само по себе является крупным политическим актом.

То же с правом можно сказать о признании философских ошибок. Защита ошибок есть не мужество, хотя часто имеет видимость мужества, особенно в глазах классового врага, а трусость.

Печальная последовательность в защите всей совокупности старых ошибок привела к тому, что статья «Волна идеализма» пропитана худшим видом трусости — и философской трусостью.

Работа на философском и научном фронте тоже знает героизм. Этот героизм в частности может выражаться в том, чтобы открыто и прямо сказать: да, мои книги, написанные под влиянием механицизма, мои книги, написанные против механицизма, но под влиянием меньшевистствующего идеализма, представляют собою по сути антипартийный акт. И нет иной формы открытой и честной борьбы за партийные позиции, за свое место в рядах партии кроме беспощадного разоблачения своих ошибок.

Статья А. Тимирязева убедила меня только в одном: что все мои усилия, направленные к завоеванию правильных партийных позиций в области философии, совершенно недостаточны. Мало самому вылезть из болота механицизма. Надо помочь другим вылезть, надо бить тех, кто сам сидит в болоте и всех приглашает туда же, подобно автору статьи «Волна идеализма». Эта статья несомненно будет иметь тот положительный эффект, что она многим поможет рассеять последние сомнения, подтвердит правильность указаний партии о том, что механицизм остается главной опасностью в философии на данном этапе и что нельзя преодолеть эту опасность, не ведя действительной борьбы с меньшевистствующим идеализмом, но формально прикрываясь этой борьбой для маскирования собственных ошибок.

Есть люди, которые пытались затормозить борьбу партии в философии на два фронта. На самом деле они так затормозили самих себя, что партия ушла далеко вперед, а они сами крохотными фигурками еле виднеются на горизонте далеко позади современного уровня науки, в обществе «викторианцев». Век королевы Виктории окончился лет сорок—пятьдесят тому назад, а проф. Тимирязев только сейчас докатился до этого века. Есть основания опасаться, что к тому времени, когда партия приведет страну к полному коммунизму, остатки разгромленных механистов заговорят языком людей каменного века.

Редакционная коллегия
журнала „П.З.М.“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман,
П. Ф. Юдин, А. А. Шахматов, А. М. Деборин,
А. К. Тимирязев

Уполномоченный Главлита № Ц—82354. Сдано в набор 10/II—84 г., подписано к печати 26 III—34 г. Зак. №465. Изд. № 289 Тираж 45.000.

Набрано в типографии газеты „Правда“. Москва, ул. им. Горького, 48.

Отпечатано в 16-й тип. треста «Полиграфкнига», Трехпрудный, 9.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1934** г.

на журнал ЦК ВКП(б)

КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

Выходит под редакцией: А. С. Бубнова (отв. редактор), А. Гусева (зам. редактора), Х. Кантора (зам. отв. ред.). Члены редколлегии: М. О. Ольшвец (отв. секретарь), В. Егоршин, С. Динамов, Л. Перчик, Б. Таль, И. Бурдянский, Р. Эйдеман.

Борется за идеологическое качество книжно-журнальной продукции, за соответствие ее требованиям развернутого социалистического наступления и современному уровню научнотехнической мысли.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» имеет следующие отделы: социально-экономический, партийно-массовый, естественных наук, техники, военный, литературно-художественный, охватывая всю основную литературу во всех отраслях знаний, выходящую во всех издательствах СССР.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает также статьи по общим вопросам теории и практики марксистской критики и библиографии, по вопросам культуры, философии, науки, литературно-художественной жизни и т. д.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает обзоры, рецензии, библиографию, хронику о работе всех издательств, книжные новинки по всем отраслям знаний.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» рассчитана на широкий партийный и советский актив: партийцев, рабочих-ударников, а также на работников библиотек и библиографических учреждений и т. п.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выходит ежемесячно объемом в 8—10 печатных листов.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА СНИЖЕНА:

на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р., на 1 мес.—2 р.

Цена отдельного номера 2 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и письмомосцами.

К членам о-ва старых большевиков.

Дорогие товарищи!

В середине мая исполняется 25 лет со дня выхода в свет книги Ленина «Материализм и Эмпириокритицизм». Вряд ли есть необходимость говорить здесь о значении для международного рабочего движения и классовой борьбы пролетариата этой гениальной книги Вл. Ил., составившей целую эпоху в дальнейшем развитии философии марксизма. В рядах О-ва старых большевиков не мало товарищей,—живых свидетелей и участников борьбы за философию марксизма, а вместе с тем и за большевистскую линию, которую проводила наша партия под руководством Ленина в эпоху реакции против богостроительства, богоискательства, против махизма и богдановщины, которыми как знаменем воспользовались все дезертиры пролетарской революции, враги партии, ликвидаторы «слева». Не мало также товарищей, которые в своей работе соприкасались с Владимиром Ильичом тогда, когда он писал свою философскую работу. Мы обращаемся ко всем товарищам, живым свидетелям, участникам философской борьбы периода 1908—1910 гг., поделиться своими воспоминаниями, материалами, теоретическими статьями об этом периоде. Это даст возможность в наибольшей степени восстановить во всех подробностях и деталях обстоятельства возникновения, создания и значения этой гениальной работы В. И. Ленина и всей той эпохи реакции, разброда и шатаний.

По этим вопросам просим связаться с т. Люрвиской по тел.: 5-28-36; 3-55-72; адрес: Пер. Стопани (б. Фокин), д. № 6, О-во старых большевиков.

ПРЕЗИДИУМ О. С. Б.,
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ К. А. и РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПЗМ».

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА НА **1934** ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

13-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. Н.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевистским идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфактов, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1934 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на $\frac{1}{2}$ года — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, кооперативными Союзпечатью, всеми письменными, книжными магазинами «КОГИЗ»а, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.